

Федеральное агентство
научных организаций

Российская
академия наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(ИТОГИ 20-ЛЕТНИХ ИЗМЕРЕНИЙ)**

Вологда
2015

УДК 316.3
ББК 60.52
Р76

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Р76 **Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений)** [Текст] : монография / колл. авт.; под науч. рук. акад. РАН, д.ф.н. М.К. Горшкова, д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 446 с.

ISBN 978-5-93299-325-5

**Под научным руководством
академика РАН, доктора философских наук М.К. Горшкова,
доктора экономических наук, профессора В.А. Ильина**

Коллектив авторов:

д.э.н., проф. В.А. Ильин (введение, 1.1, 1.2, 2.4, 4.3, 5.3), д.с.н., проф. В.В. Маркин (2.1), д.филос.н., проф. З.Т. Голенкова (3.1), д.соц.н., проф. В.В. Воронов (4.1), м.н.с. М.В. Воронова (4.1), к.филос.н. А.В. Кинсбургский (5.1), с.н.с. М.Н. Топалов (5.1); д.э.н. А.А. Шабунова (координатор; 1.2, 1.3, 2.3, 3.2, 3.3, 3.4, 4.2, 4.3, 5.2, 5.3); д.э.н. Т.В. Ускова (5.4), к.э.н. М.В. Морев (1.1, 1.2, 1.3, 5.2, 5.3, заключение), к.э.н. Г.В. Леонидова (2.4, 3.2, 4.2, 4.3), к.э.н. О.Н. Калачикова (2.3), к.э.н. М.А. Ласточкина (2.2, 3.3), к.э.н. Е.А. Чекмарева (2.4), к.ф.н. Т.А. Гужавина (2.2), м.н.с. Г.В. Белехова (4.2, 4.3), м.н.с. А.В. Короленко (2.3), м.н.с. И.Н. Дементьева (5.2, 5.3), м.н.с. Т.С. Соловьева (3.3, 3.4), м.н.с. А.И. Россошанский (3.2, 4.2), м.н.с. М.А. Груздева (2.2), м.н.с. Н.В. Ворошилов (5.4), м.н.с. Н.А. Кондакова (2.3), м.н.с. Т.П. Кожина (5.3).

Монография приурочена к 25-летию Института социально-экономического развития территории РАН. В основу книги положены результаты социологических исследований Института, представленные в динамике за период с 1990 по 2014 г. и в сравнении с другими подобными исследованиями общественного мнения (ИС РАН, ВЦИОМ, Левада-Центр и другие).

В книге показан ракурс современного состояния российского общества. Рассматривается трансформация внутренних характеристик общества и внешних условий социальной реальности. Многолетние наблюдения Института социологии РАН и Института социально-экономического развития территорий РАН, о которых пойдет речь в данной книге, позволяют пролить свет на то, что представляет собой современный российский социум, к чему он стремится, что не приемлет, с чем связывает свое будущее.

В книге приведен анализ специфических характеристик Вологодской области как социально-географического пространства и объекта социологического познания. Показаны результаты анализа основных результатов ключевых тематических направлений научно-исследовательских работ ИСЭРТ РАН, дающих представление о современном состоянии регионального сообщества, динамике его изменения и перспективах дальнейшего развития. Сделан акцент на анализе социологического направления деятельности Института как одного из примеров научного подхода к изучению тенденций общественно-географического развития и оценке эффективности государственного управления.

Книга предназначена научным работникам, социологам, специалистам федеральных, региональных и муниципальных органов управления, преподавателям высших учебных заведений, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами территориального развития.

**УДК 316.3
ББК 60.52**

Рецензент

член-корреспондент РАН, советник РАН,
руководитель Центра изучения социокультурных изменений
Института философии РАН доктор философских наук
Николай Иванович Лапин

ISBN 978-5-93299-325-5

© ИСЭРТ РАН, кол. авт., 2015
© ИС РАН, кол. авт., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>К читателю</i>	4
<i>Введение</i>	8
ГЛАВА 1. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ	
1.1. Российское общество на современном этапе развития	16
1.2. Социология региона: опыт прикладных измерений	45
1.3. Мониторинг социального восприятия и социального самочувствия: опыт ИСЭРТ РАН	74
ГЛАВА 2. РЕГИОН В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	
2.1. Региональная идентификация в дискурсе социального пространства России: социологическое измерение и моделирование	93
2.2. Вологодская область в социальном ландшафте Русского Севера: исторический аспект	121
2.3. Векторы социально-демографической трансформации регионального сообщества	137
2.4. Трудовой потенциал: тенденции и характер изменений	156
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	
3.1. Социально-структурная динамика трансформационных процессов в России ...	177
3.2. Социальная стратификация: растущее неравенство	190
3.3. Социальная мобильность: тренды и барьеры	207
3.4. Средний класс как ключевой ресурс развития общества: особенности, проблемы, перспективы	236
ГЛАВА 4. УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В АСПЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	
4.1. Дифференциация социальных групп в современном обществе по доходам: региональный аспект	252
4.2. Уровень жизни: итоги 20-летней динамики	266
4.3. Влияние уровня и качества жизни на общественное сознание и поведение	279
ГЛАВА 5. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА	
5.1. Социальное недовольство и протестный потенциал в социетальном и региональном измерениях	303
5.2. Протестный потенциал в контексте тенденций общественного развития	322
5.3. Современное состояние и динамика трансформации гражданского общества в постсоветской России	338
5.4. Институт местного самоуправления: итоги реформ	360
<i>Заключение</i>	393
<i>Литература</i>	398
<i>Приложения</i>	423

К ЧИТАТЕЛЮ

Многовековая российская история насчитывает множество различных эпох, каждая из которых характеризуется своими особенностями в народном хозяйстве, в обществе, в науке, власти. Правильно понять и оценить их можно лишь комплексно, одновременно рассматривая трансформацию ценностных ориентиров, социальной структуры, развития экономической и демографической ситуации, системы управления, и всё это – сквозь историческую призму российской ментальности.

Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, – особенная. Она представляет собой размышления над итогами почти четвертьвековой эпохи постсоветского периода. Эта, своего рода, летопись подготовлена авторами из двух научных институтов, которые на протяжении многих лет изучают различные аспекты трансформации российского общества – от концептуальных вопросов, связанных с общенациональной идеей и системой морально-нравственных ценностей, до нюансов, отражающих насущные проблемы различных социальных и демографических групп российского общества, их отношение к конкретным событиям, происходящим в регионах, в стране и за ее пределами.

Замысел подготовки коллективной монографии ИСЭРТ РАН и ИС РАН, ведущих свои исследования на федеральном и региональном уровнях, возник благодаря тому, что сегодня российское общество очевидно входит в новую фазу своего развития. Уроки прошлого в этот переломный момент становятся фундаментом будущего.

Как и любой другой период российской истории, эта новая фаза обладает своими специфическими характеристиками. Они во многом связаны с необходимостью новой модели партнерских отношений в международной политике и с нерешенными внутренними проблемами страны, всё больше напоминающими ситуацию «затягивания узлов»... Существует множество специфических особенностей, позволяющих говорить о начале нового этапа российской истории.

В большей или меньшей мере они отражены на страницах данной монографии, однако очевидно, что ключевой среди них является стремительный рост влияния на общественное сознание и поведение факторов нематериального характера. С развитием всей мировой цивилизации и усложнением социальных отношений всё большую роль играют коммуникации, первостепенное значение приобретают вопросы, связанные с повышением качества жизни, здоровья, культуры, управления; в российском социуме как никогда ранее актуализируется потребность в социальной справедливости и социальной защите.

Не остается в стороне и научное сообщество. Именно с актуализацией нематериальных факторов развития связан рост интереса общества и власти к социологическому знанию и к социальным наукам в целом, которым в наступившем тысячелетии пророчат роль создателя качественно новых принципов и подходов к организации мирового сообщества, к управлению каждым отдельным государством и обществом.

Объединение федеральных и региональных социологических исследований в единое концептуальное, методологическое и организационное целое является важнейшей задачей, от решения которой зависит сегодня практический эффект социологического знания, а следовательно, и его востребованность властью. Именно эта идея послужила основой для подготовки настоящей монографии, в которой изложен опыт 20-летних социологических измерений, проводимых Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) в Вологодской области с учетом тенденций и особенностей общественного развития, фиксируемых многолетними исследованиями Института социологии РАН в целом по Российской Федерации.

ИСЭРТ РАН является одним из немногих субъектов, выполняющих социологические исследования именно в мониторинговом режиме и именно на региональном уровне. У истоков этой системы стоят ведущие российские ученые: Г.В. Осипов, Д.С. Львов, Г.П. Лузин, Н.М. Римашевская и многие другие.

За 25 лет своего существования, при непосредственной поддержке ключевых представителей российской науки и региональных органов власти, ИСЭРТ

РАН удалось создать органичную систему получения объективной и оперативной социологической информации о тенденциях общественного развития на территории Вологодской области. Своего рода признанием ее эффективности в научном мире стал тот факт, что в 2014 г. ИСЭРТ РАН выступил организатором Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной юбилейной, XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. Впервые на Вологодской земле был проведен форум, на котором присутствовали ведущие отечественные ученые (М.К. Горшков, Г.В. Осипов, Ж.Т. Тощенко, В.В. Локосов, И.И. Елисеева и др.), изучающие общество и трансформацию социальных отношений; были затронуты самые острые вопросы, касающиеся прошлого и будущего России и российской науки, и другие. Присутствовали ученые из регионов России и ближнего зарубежья – Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Курска, Тюмени, Воронежа, Башкортостана, Ямало-Ненецкого округа, Республики Беларусь.

Сегодня о востребованности опыта социологических исследований ИСЭРТ РАН свидетельствует его тесное сотрудничество с различными подразделениями Российской академии наук. Одним из них выступает Институт социологии РАН, проявивший искренний интерес к исследованиям ИСЭРТ и к подготовке настоящей монографии, в которой приведены размышления о современном состоянии российского общества, о его особенностях в региональном плане, к которым привели трансформационные изменения социальной реальности последних двадцати лет.

Изложение и обобщение опыта социологических измерений, отражающих результаты совместной работы двух научных учреждений, ведущих свои изыскания на федеральном и региональном уровнях, может быть использовано как нашими коллегами, так и специалистами, принимающими управленческие решения.

Ильин Владимир Александрович
директор ИСЭРТ РАН, д.э.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ

* * *

Авторский коллектив монографии:

Институт социологии РАН (ИС РАН): академик РАН, д.филол.н. М.К. Горшков (научный руководитель авторского коллектива), д.с.н., проф. В.В. Маркин (2.1), д.филол.н., проф. З.Т. Голенкова (3.1), д.соц.н., проф. В.В. Воронов (4.1), м.н.с. М.В. Воронова (4.1), к.филол.н. А.В. Кинбургский (5.1), с.н.с. М.Н. Топалов (5.1).

Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН): д.э.н., проф. В.А. Ильин (научный руководитель авторского коллектива; введение, 1.1, 1.2, 2.4, 4.3, 5.3), д.э.н. А.А. Шабунова (координатор; 1.2, 1.3, 2.3, 3.2, 3.3, 3.4, 4.2, 4.3, 5.2, 5.3), д.э.н. Т.В. Ускова (5.4), к.э.н. М.В. Морев (1.1, 1.2, 1.3, 5.2, 5.3, заключение), к.э.н. Г.В. Леонидова (2.4, 3.2, 4.2, 4.3), к.э.н. О.Н. Калачикова (2.3), к.э.н. М.А. Ласточкина (2.2, 3.3), к.э.н. Е.А. Чекмарева (2.4), к.филол.н. Т.А. Гужавина (2.2), м.н.с. Г.В. Белехова (4.2, 4.3), м.н.с. А.В. Короленко (2.3), м.н.с. И.Н. Дементьева (5.2, 5.3), м.н.с. Т.С. Соловьева (3.3, 3.4), м.н.с. А.И. Россошанский (3.2, 4.2), м.н.с. М.А. Груздева (2.2), м.н.с. Н.В. Ворошилов (5.4), м.н.с. Н.А. Кондакова (2.3), м.н.с. Т.П. Кожина (5.3).

ВВЕДЕНИЕ

Последние два десятилетия ознаменовались глубокими переменами в политической жизни и социально-экономических отношениях. За это время в стране сложились первичные основы для формирования рыночной экономики и гражданского общества, были задекларированы и утверждены фундаментальные права и свободы человека и гражданина, возникли и получили свое развитие социальные практики, фактически отсутствовавшие в советском обществе.

Российское общество за последние 20–25 лет заметно изменилось. Эти изменения коснулись прежде всего мировосприятия россиян, которые в настоящее время сталкиваются с совершенно иными проблемами и вызовами, чем ранее. Совершенно очевидны два фактора, определяющие общий вектор развития российского общества.

Во-первых, за это время в нем накопился мощный социально-психологический ресурс, который выступает сегодня основой осуществления модернизационного прорыва¹. Именно «субъективный» фактор «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране»². Ключевую роль этих факторов наглядно продемонстрировали события 2013–2014 гг., актуализировавшие в российском обществе интенсивность консолидационных процессов и вопросы гражданского участия в политической и общественной жизни.

Во-вторых, после почти 10-летнего периода духовно-нравственного кризиса 1990-х годов и социально-психологической адаптации к постсоветским условиям жизни 2000-х гг. российское общество стоит на пороге нового этапа развития. Это понимает и научное сообщество, и власть, и население.

Таким образом, интерес к исследованию общественного мнения о ключевых событиях, происходящих в стране, о деятельности власти и к изучению

¹ Горшков М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия // Россия реформирующаяся: Ежегодник. – 2010. – Вып. 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 6.

² Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики // Социс. – 1998. – №1. – С. 32.

общего фона социальных настроений россиян продиктован двумя во многом связанными друг с другом условиями:

1. Ментальными особенностями российского общества, в которых всегда ключевую роль играл духовно-нравственный элемент. Это то, что принципиальным образом отличает русскую философскую мысль, идеологию от западных аналогов.

2. Спецификой исторического пути развития постсоветской России, а именно самим фактом существования Советского Союза, который дал современному российскому обществу воспоминания (именно воспоминания, а не представления) о реально действующих механизмах социальной защиты государства, о выдающихся достижениях в науке, спорте, искусстве; наличием почти 10-летнего периода «лихих» девяностых, который был «контрастным» предыдущему периоду и показал, что образец западной демократии не в полной мере приемлем для русского человека (это касается и ценностей Западного мира, и государственного устройства); и наконец, наличием периода относительной стабилизации (с 2000-го г.), когда российское общество имело возможность восстановиться после коренной ломки идеологического вектора развития и осуществления социально-экономических преобразований.

На современном этапе своей истории Россия сталкивается с новыми вызовами, находящимися в двух плоскостях.

Во-первых, это *международные отношения*, в которых Российская Федерация играет всё более важную роль и которые становятся всё более напряженными вследствие регулярно вспыхивающих вооруженных конфликтов.

Во-вторых, это сложившаяся на сегодняшний день *система государственного управления*, которая, по мнению некоторых экспертов, «несовместима с жизненными интересами производственной сферы и населения»³ и становится непреодолимым препятствием в построении эффективного взаимодействия государства и общества.

³ Глазьев С.Ю. Запредельное неравенство. Политика государства противоречит интересам населения // Газета «Завтра». – 2015. – № 29 (1130). – 23 июля [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/>

Сегодня наблюдается критическое отставание внутренней политики от достижений на мировой политической арене. Россияне осознают тяжесть экономической ситуации в стране, однако поддерживают внешнюю политику власти, которая вернула державе величие⁴. Тем не менее очевидно, что, если не избавиться от ключевых проблем «внутри страны, в своём собственном доме»⁵, результаты, достигнутые на международной политической арене, не могут иметь прочного фундамента. Одна из важнейших задач современной социологической науки и нашего издания – способствовать повышению эффективности государственного управления за счет создания системы обратной связи между государством и обществом; не только осмыслить происходящие в обществе трансформационные процессы, но и вынести из этого осмысления конкретные практические результаты, которые могут быть полезны органам, принимающим управленческие решения.

Актуализация востребованности социологического знания, безусловно, связана с тем, что «накопилось» в сердцах людей: потребность в достижении социальной справедливости, в испытывании ощущения гордости за свою страну, в выборе собственного уникального пути развития, основанного на ценностях и духовно-нравственных ориентирах, которые соответствуют так много вытерпевшему за последние десятилетия русскому менталитету.

Выступления В.В. Путина на заседаниях Валдайского форума в 2013–2015 гг., а также международные события последних лет, важнейшим из которых, конечно, является возвращение Крыма и Севастополя в состав России, определяют современный вектор общественного развития, и в нём заметно усиление консолидационных процессов между властью и обществом. В реализации этого вектора существует много проблем, по-прежнему актуальны вопросы форм взаимодействия власти и общества, оценки деятельности органов управ-

⁴ Граждан не волнует рост бедности. Внутренние проблемы страны выведены из политической повестки // Газета «Ведомости». – 2015. – 14 июня [Эл. рес]. – Режим доступа:

<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/15/596296-grazhdan-ne-volnuet-rost-smernosti-i-bednosti>

⁵ В ходе «прямой линии» в апреле 2015 г. Президент РФ отметил также: «Санкции санкциями, они, конечно, вносят свой вклад в наши сложности, но это всё-таки не главное». (Источник: Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 16 апреля 2015 г. [Официальный сайт Президента РФ]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>)

ления с учетом новых реалий, развития и поддержки гражданских инициатив и др. Не менее очевидна и роль, которую в данных условиях приобретает наука, изучающая общество, – социология.

Сегодня роль социологического знания как инструмента прогнозирования социально-экономических изменений и их отражения на широких слоях населения возрастает многократно. Неоднократные заявления Президента РФ В.В. Путина о необходимости укрепления властной вертикали, призывы к социальной консолидации, поиск национальной идеи, стремление сделать более весомой роль общества в принятии управленческих решений – всё это свидетельствует о том, что власть понимает, что в настоящее время консолидация общества, а также преодоление психологического «разрыва» между населением и государством является единственной возможностью поддержания порядка в стране и сохранения доверия к действующему политическому курсу развития в целом (что особенно актуально в условиях и нестабильной обстановки на международной политической арене и затянувшихся внутренних экономических проблем, с которыми сталкивается Россия в 2010-х гг.).

Социологические исследования отражают восприятие населением политических и экономических процессов, происходящих в стране и за ее пределами, дают возможность объяснять и прогнозировать реакцию различных социальных слоев и групп на действия государственных органов власти. Поэтому к данным, получаемым в ходе социологических исследований, всё чаще проявляют интерес органы управления, использующие их для разработки управленческих решений.

С другой стороны, стремительное развитие гражданских основ современного российского общества привело к переосмыслению взаимодействия населения и власти. Повышение прозрачности деятельности государственных институтов является одним из первоочередных требований общества, и в этом смысле мониторинговые социологические исследования имеют особое значение, выступая инструментом сбора и систематизации соответствующей информации.

Нельзя также обойти вниманием тот факт, что официальная статистика не дает полного представления о развитии общества. Эта проблема актуальна сегодня, и совершенно очевидно, что по мере эволюции, усложнения общественных отношений её острота будет только возрастать. Макроэкономические показатели не всегда полно отражают реальную картину развития государства, высокий уровень дохода не всегда гарантирует удовлетворенность жизнью, а рост богатства не всегда сопровождается признаками возрастающего счастья⁶. Неслучайно уже сегодня многими странами мира обсуждается (а в некоторых государствах и практикуется) идея об измерении «уровня счастья» как одного из основных индикаторов развития наряду с такими макроэкономическими показателями, как ВВП. Только социологическое знание может дать углубленную информацию о том, какие настроения преобладают в обществе, какие проблемы волнуют людей и с чем они связывают будущее как для себя лично, так и для страны в целом. И только с его использованием можно говорить о комплексном подходе к рассматриваемым проблемам, что является естественным условием для их правильной научной оценки и принятия управленческих решений.

Таким образом, актуальность социологических исследований очевидна. При этом отечественная социологическая наука накопила значительный багаж фундаментальных знаний, опыта организации социологического образования, проведения прикладных исследований. Сегодня российская социология демонстрирует мощный рост по многим показателям:

- формируются новые научные школы;
- открываются факультеты и кафедры;
- ежегодно защищается большое количество диссертаций по социологии;
- растет публикационная активность по социологической проблематике;
- увеличивается количество социологических исследований на региональном уровне;

⁶ Шабунова А.А., Морев М.В. Представления вологжан о счастье // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 137–150.

– продолжает набирать темпы развития фундаментальная социологическая наука.

В то же время большинство социологов обеспокоены рядом проблем, препятствующих эффективной реализации потенциала, накопленного социологической наукой⁷:

1. Сохраняется недооценка роли социологии в формировании динамики общественного развития. На низком уровне остается востребованность социологов-профессионалов в органах власти и бизнес-структурах.

2. В самой социологической науке всё еще велик разрыв между фундаментальным теоретическим знанием и технологиями его практического применения.

3. Количественное приращение научных работ по социологической проблематике значительно опережает их качественный уровень. Требуется совершенствование методологической и методической составляющих научных исследований, оптимизация структуры социологической теории, уточнение категориального аппарата.

4. По-прежнему актуальны проблемы встраивания социологического знания в систему государственного управления на всех уровнях власти, на всех этапах разработки и принятия управленческих решений, включая изучение общественного мнения о востребованности того или иного законопроекта, его научную экспертизу, оценку последствий его реализации для населения.

5. Нуждается в едином системном подходе развитие социологических исследований на региональном уровне. Широкий массив региональных социологических исследований не объединен общей теорией социологии регионов, поэтому часто носит одномоментный характер. Несмотря на бурный рост числа социологических исследований, выполняемых в различных субъектах Россий-

⁷ Проблемы современной социологической науки в России и за рубежом подробно рассматривались в докладах М.К. Горшкова, Г.В. Осипова, В.А. Ильина, Ж.Т. Тощенко и др. на Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России» (г. Вологда, 13.11.2014 г.) // Общество и социология в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, 13–15 ноября 2014 г. – Т. 1. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 228 с.

ской Федерации, многие из них делают «моментальное фото» отдельных аспектов общественного развития, которые не отражают ситуацию во всем комплексе ее проявлений. Между тем только комплексные и системные исследования могут дать достоверные и значимые результаты, которые будут иметь действительно эффективные, прорывные последствия.

Повышение качества социологического знания и максимально эффективное его использование в системе управления – главная задача социологической науки, которую невозможно решить без комплексного и правильного понимания социальной трансформации, произошедшей с российским обществом за 25-летний период постсоветской истории. Многолетние наблюдения Института социологии РАН и Института социально-экономического развития территорий РАН, о которых пойдет речь в данной книге, позволяют пролить свет на то, что представляет собой современный российский социум, к чему он стремится, что не приемлет, с чем связывает свое будущее.

Поскольку многие из рассматриваемых вопросов тесно переплетены и взаимосвязаны друг с другом, считаем не лишним вкратце представить логику наших рассуждений. В первой главе дается краткое описание социологических исследований ИСЭРТ РАН, а также исследуется современное состояние российского общества. Дальнейшее повествование посвящено тому, в каком состоянии общество подошло к этому этапу. Рассматривается трансформация его внутренних (ценностно-культурных, демографических) характеристик (глава 2) и внешних условий социальной реальности (социальная стратификация, социальная мобильность – глава 3; уровень жизни и социально-экономическая дифференциация – глава 4).

В заключительной, пятой, главе монографии мы представим некоторые результаты наших исследований по кругу проблем, которые, пожалуй, можно расценивать как концентрированное отражение всего того, что произошло с российским социумом за 20-летний период измерений, и всего того, что мы считаем важным отметить в тенденциях развития регионального сообщества. Условно объединив их под термином «гражданское общество», мы рассмотрим

такие вопросы, как восприятие и эффективность реформы местного самоуправления, оказавшей немалое влияние на жизнь регионов; тенденции и факторы социальной напряженности и протестных настроений, которые являются индикатором социальной стабильности и которые, на наш взгляд, играют доминирующую роль в обеспечении национальной безопасности любого государства, ориентирующегося прежде всего на потребности и интересы своего народа и уважающего положение дел на мировой арене, но стремящегося к максимально эффективной адаптивности и развитию в любой геополитической обстановке.

ГЛАВА 1. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

1.1. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Каждая новая эпоха в истории любого государства наступает тогда, когда предыдущая система (управления, экономики или любая другая) перестает соответствовать требованиям времени, перестает удовлетворять потребностям общества. Это очевидный факт. В свое время на смену царскому режиму в России, с ее социальным устройством и крепостным правом, под лозунгами «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!» пришел коммунистический режим. На смену этому режиму, с его «закрытой» идеологией и административной системой управления, пришел период тотальной вседозволенности, официально объявленной в благозвучную форму демократии и рыночных отношений. Другими словами, каждая новая эпоха возникает не вопреки, а во многом благодаря предшествующей; как альтернативное решение проблем уходящего времени, что и составляет в конечном итоге процесс общественного развития.

Казалось бы, это вполне очевидные вещи, давно изученные и не требующие каких-либо дополнительных разъяснений. Но, как нам видится, рассуждения о том, каким является российское общество на современном этапе развития, следует начать именно с этой мысли. Ничто новое не приходит «с нуля». О чём бы ни шла речь, будь то духовно-нравственное состояние общества, уровень развития экономики, форма политического устройства или положение дел в любой другой системе, – их единственным неизменным и поэтому главным фактором является несоответствие веяниям времени, отсутствие адекватных ответов на накопившиеся запросы и потребности.

Мы бы не хотели ставить всем известные события, произошедшие с Россией в 2014 году, в один ряд с такими событиями, как падение царского режима или распад Советского Союза. Вместе с тем сложно вспомнить такой период постсоветской истории, когда перемены были бы настолько тесно связаны с

государственной идеологией и общественным сознанием. И разве не это делает характер перемен в обществе действительно глобальным, а не сиюминутным, преходящим (в историческом смысле) явлением?

Сегодня переход российского общества к новому этапу развития ощущается и властью, и наукой, и, самое главное, широкими слоями населения. Об этом говорят многие ученые, политики, общественные деятели. После долгого, почти 15-летнего, периода ожидания «новая, возрождающаяся» Россия наконец-то вступила в свой новый век – «светлый и жизнеутверждающий»⁸.

В чем качественные отличия этой новой эпохи от предыдущих периодов постсоветской истории? Что является ее фундаментальными признаками? В конце концов, можем ли мы все-таки говорить о «новом этапе» в жизни России или те общественные тренды, которые наметились в последние годы, есть не более чем временная трансформация, вынужденно продиктованная перипетиями геополитических событий?

Эти и многие другие вопросы представляют, разумеется, не только научный, но и сугубо практический интерес, поскольку ведущими учеными, в том числе российскими (Г.В. Осипов, А.В. Юревич, М.К. Горшков, Ж.Т. Тощенко и др.), неоднократно обращалось внимание на то, что экономический рост и процветание любого государства сегодня во многом зависят от нематериальных факторов, лежащих в плоскости общественного сознания, отношения и поведения. Именно субъективный фактор «играет существенную и всё возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране»⁹. После мировых событий, которые начали происходить в 2014 г. и в которых Россия выступает одним из ключевых «игроков», это особенно актуально.

По мере развития всей мировой цивилизации и научно-технического прогресса неэкономические факторы играют все более значимую роль, и совершенно очевидно, что этот процесс будет продолжаться и в будущем. Это в пол-

⁸ Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М. : ИСПИ РАН, 2013. – С. 17.

⁹ Тощенко Ж.Т. Указ соч. – С. 32.

ной мере касается и развития мировой экономики: «Со второй половины XX столетия, на волне характерного для того времени подъема мировой экономики, утверждается понимание того, что основными детерминантами экономического роста являются не только валовое накопление и научно-технический прогресс, но и человеческий капитал»¹⁰.

Практически исчерпав возможности прежней модели роста экономики, реформенная Россия столкнулась с необходимостью более интенсивного использования всех ресурсов и всех резервов производительности труда. Для истинного, всестороннего и углубленного познания экономики, происходящих в ней процессов и определения ее перспектив необходимо приложить не только собственно экономических, но и социологических, социально-философских, этических, эстетических категорий¹¹.

Итак, когда же начался новый этап российской истории? Какие события повлекли за собой саму возможность рассуждать о новой эпохе постсоветского периода? Сразу же оговоримся, что какой-либо четкой даты, точного временного отрезка «нового этапа» российской истории нет и быть не может. Имеются в виду тенденции общественного сознания, а они не формируются одномоментно. Те или иные обстоятельства, речь о которых пойдет дальше, различные события, происходящие в жизни страны, формируют новый этап исключительно в своей совокупности, оказывая комплексное воздействие на трансформацию общественного сознания и поведения. На это уходят годы, а порой и десятилетия.

Как отмечает Г.В. Осипов, «Российская Федерация вплоть до весны 2014-го лишь формально, все по тому же календарю, вступила в XXI век. Реально, в геополитическом плане мы все еще оставались в веке XX»¹². Действительно, 2014 год стал для России одним из самых богатых на события и, возможно, самым судьбоносным за всю 20-летнюю историю постсоветской эпохи. События

¹⁰ Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – №3 (33). – С. 46.

¹¹ Там же. – С. 47.

¹² Осипов Г.В. Указ. соч. – С. 17.

2014 г., важнейшим из которых, без сомнения, является вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, показали, что «идентичность с россиянами, предполагающая отождествление себя со страной и её народом и лежащая в основе русского цивилизационного проекта, глубоко укоренилась и получила широкое распространение в сознании населения, хотя и находилась как бы в “спящем”, латентном состоянии¹³».

Одним из первых событий, ставших судьбоносными для нового этапа в жизни российского общества, заложивших его фундамент, было выступление Президента РФ в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Речь В. Путина стала «прологом к проведению Россией самостоятельной внешней политики, итогом чего стал сирийский триумф, когда Россия впервые в новейшей истории сумела остановить агрессию мирового гегемона США против суверенного государства»¹⁴.

Выступление главы российского государства в Мюнхене можно без преувеличения назвать историческим. «Никогда до этого за последние десятилетия лидер России не высказывал столь ясной и категоричной позиции относительно образа будущего в международной политике. Все высказывания на этот счёт были очень двусмысленны. В этот раз Президент Владимир Путин высказал не просто комментарий к текущим событиям или мнение России по какому-то конкретному вопросу, но продемонстрировал принципиальную волю России как планетарной геополитической силы участвовать в формировании будущего мироустройства»¹⁵.

Мюнхенская речь В. Путина заложила фундамент национальной идеи, являющейся, пожалуй, главной характеристикой нового, современного этапа в жизни страны. Однако в тот период концептуальный характер выступления Президента РФ не был до конца прочувствован и воспринят россиянами, о чем наглядно свидетельствует отсутствие каких-либо значимых изменений в дина-

¹³ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 10.

¹⁴ Степанов А. Россия и мир вступают в новую эпоху, в которой от нашей страны будет зависеть многое [Эл. рес.] // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina

¹⁵ Дугин А. Эхо «мюнхенской речи». Президент Путин вступил на путь геополитической революции [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikrus/230532-aleksandr-dugin-eho-myunhenskoy-rechi-prezident-putin-vstupil-na-put-geopoliticheskoy-revolyuicii.html>

мике общественного мнения о деятельности главы государства. Отчасти это произошло из-за того, что с мая 2008 г. пост Президента РФ занял Д.А. Медведев; отчасти потому, что для широких слоев населения суть мюнхенской речи В. Путина осталась «за кадром» проблем, которые принес с собой мировой финансовый кризис. Так или иначе, устойчивого, резкого роста поддержки В. Путина после февраля 2007 г. не наблюдалось ни на федеральном, ни на региональном уровнях (рис. 1.1.1).

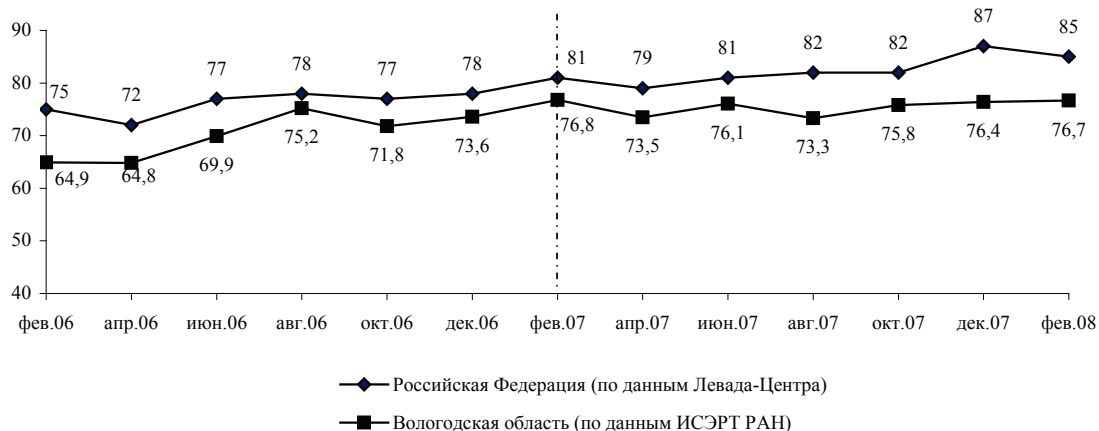

Рис. 1.1.1. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ

жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)*

* На графике представлены данные за периоды: февраль 2006 – февраль 2007 г. и февраль 2007 – февраль 2008 г., то есть за 6 опросов до и после мюнхенской речи В. Путина.

Точкой отсчета «нового этапа» нельзя назвать и начало третьего президентского срока В.В. Путина, ознаменовавшееся серией майских указов, сама идея которых была, безусловно, воспринята населением с оптимизмом, поскольку касалась самых острых социальных и экономических проблем. После избрания Президентом РФ В.В. Путина Россия все еще ждала нового века и сосредотачивалась, чтобы ускорить этот процесс¹⁶.

Люди ждали начала третьего президентского срока В. Путина. Пожалуй, многие ждали еще с момента окончания его второго президентского срока, и чем ближе подходил этот момент, тем сильнее были надежды общества на существенное, реально ощутимое улучшение материального положения и функционирования социальной сферы. Но, как оказалось, реализация майских ука-

¹⁶ Осипов Г.В. Указ. соч. – С. 17.

зов Президента не принесла должного эффекта. При их выполнении возникли проблемы, которые окончательно не решены до сих пор. По различным причинам (они всем известны и в настоящем контексте не требуют разъяснений) надежды россиян на качественный скачок вперед вновь свелись к вопросу о том, насколько эффективно или неэффективно решаются существующие в стране проблемы. В результате ни на федеральном, ни на региональном уровне, ни после выборов главы государства (4 марта 2012 г.), ни после инаугурации Президента РФ (7 мая 2012 г.) ни о какой волне эмоционального подъема и об устойчиво высоких темпах роста поддержки главы государства среди населения говорить не приходилось (рис. 1.1.2).

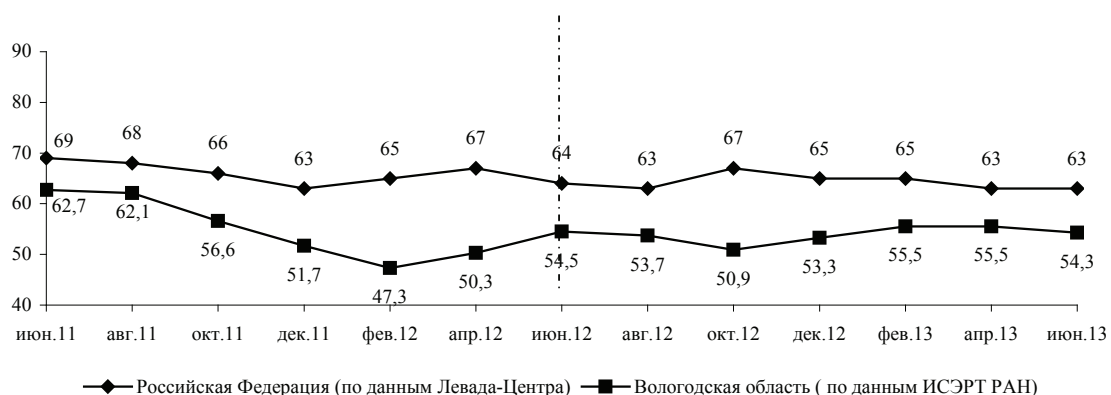

Рис. 1.1.2. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)
* На графике представлены данные за периоды: июнь 2011 – июнь 2012 г. и июнь 2012 – июнь 2013 г.

Пожалуй, ключевым событием для «нового этапа» в жизни страны стало выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г., являвшееся логическим продолжением его мюнхенской речи. Именно в этом выступлении Президентом РФ была сформулирована идеологическая парадигма развития, которой планирует придерживаться государство: «Наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции»¹⁷.

¹⁷ Выступление Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

Как валдайская речь В. Путина была воспринята в обществе? Как «первая масштабная попытка властей РФ сформулировать новую политическую идеологию для России после распада Советского Союза, а также рассмотреть в критическом ключе вопрос о ценностях, которые должны лечь в основание новой российской идентичности, Евразийского мира и международных отношений»¹⁸. Сам же Президент показал себя как «наследник русской консервативной политической традиции»¹⁹ и «критик всей современной модели развития западной цивилизации»²⁰. Причем концептуальный характер валдайского выступления Президента РФ был отмечен не только в России, но и за рубежом («Речь Путина произнесена не на заседании парламента Российской Федерации, не перед лицом политиков и не с экрана телевизора, а на заседании Валдайского клуба, где ставится задача улучшить имидж России на международной арене»²¹).

Однако какой бы концептуальностью ни обладали тезисы, высказанные главой государства, они никогда не станут поворотным моментом для страны до тех пор, пока не найдут отклик в сердцах и умах представителей самого общества или, по крайней мере, наиболее представительных социально-демографических групп. Возможно, так могло случиться в советский период²², но в настоящее время население является активным субъектом во взаимодействии власти и общества (одно из немногих положительных «наследий» постсоветского периода). Мюнхенская речь В. Путина – яркое доказательство того, что если общество волнуют экономические проблемы, то идеология для него отходит на второй план.

¹⁸ Махмудов Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ [Информационный портал]. – Режим доступа: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина-кри/>

¹⁹ Степанов А.Д. Россия и мир вступают в новую эпоху, в которой от нашей страны будет зависеть многое... [Эл. рес.] // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina

²⁰ Акопов П.Э. Валдай после Мюнхена [Эл. рес.] // Взгляд. – 2013. – 20 сент. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>

²¹ Авторы «Перелома» комментируют валдайскую речь Путина [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/society-131007122213>

²² В частности, комментируя валдайскую речь В. Путина, В. Третьяков, один из авторов сборника «Перелом», отметил: «Выступление президента все-таки не доклад генсека КПСС. В советское время каждый такой доклад рассматривался как жизнеобразующий документ, под него «подверстывалась» и работа партии, и жизнь страны. Но ведь у нас демократия, которая, правда, больше похожа на анархию» [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/society-131007122213>

В научном и политическом сообществе концептуальный характер выступления В. Путина на Валдае был отмечен сразу же. Широким слоям российского общества для этого потребовалось некоторое время и «катализатор», в роли которого выступил ряд последовательно идущих друг за другом событий 2014 г. (Олимпийские игры, украинский кризис). Это видно по динамике отношения населения к деятельности Президента РФ (рис. 1.1.3)²³. Тем не менее суть «нового этапа» российской истории, ее фундамент были заложены именно в сентябре 2013 года.

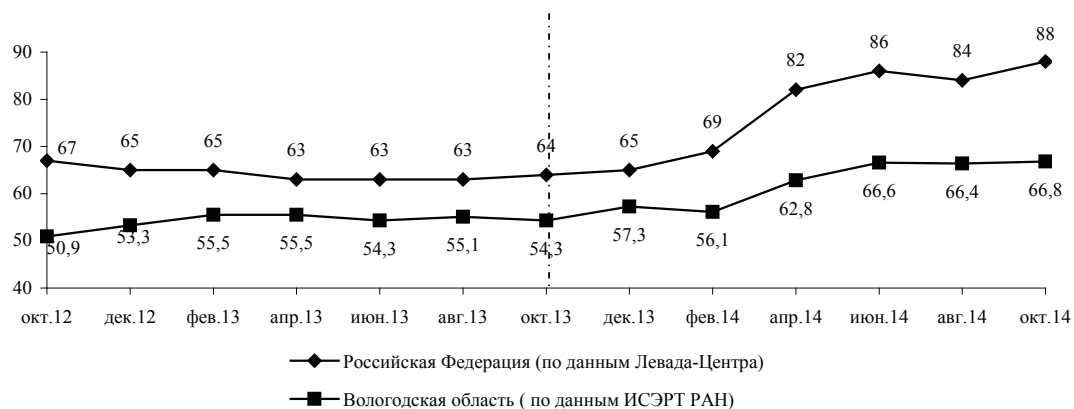

Рис. 1.1.3. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ

жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

* На графике представлены данные за периоды: октябрь 2012 – октябрь 2013 г. и октябрь 2013 – октябрь 2014 г., то есть за 6 опросов до и после валдайской речи В. Путина.

Примечательно, что темпы роста позитивных тенденций в динамике уровня поддержки главы государства существенно увеличились во всех социально-демографических категориях населения после сентября 2013 года.

За период с октября 2012 по октябрь 2013 г., то есть за 12 месяцев до валдайской речи В. Путина, максимальный рост уровня одобрения деятельности Президента РФ составил 10 процентных пунктов (только среди 20% наименее обеспеченных жителей области). Положительные изменения отмечались в 7 из 14 категорий населения²⁴, при этом в семи категориях положительная динамика вообще отсутствовала.

²³ Методология исследования будет детальнее представлена в следующем параграфе главы 1, в которой мы более подробно остановимся на социологических измерениях, проводимых ИСЭРТ РАН.

²⁴ В соответствии с методологией исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому изменения менее чем на 3 п.п. не учитывались.

За период с октября 2013 по октябрь 2014 г. максимальный рост поддержки В. Путина после его выступления на заседании дискуссионного клуба «Валдай» составил 18 п.п. (среди людей со средним специальным образованием и жителей г. Череповца). Очевидные положительные изменения были отмечены во всех социально-демографических группах населения. В 10 из 14 групп поддержка главы государства увеличилась более чем на 10 п.п. (табл. 1.1.1).

Таблица 1.1.1. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в различных социально-демографических категориях населения Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Категории населения	Окт. 12	Дек. 12	Фев. 13	Апр. 13	Июн. 13	Авг. 13	Окт. 13	Дек. 13	Фев. 14	Апр. 14	Июн. 14	Авг. 14	Окт. 14	Изменение (+ / -)	
														к окт. 12	к окт. 13
<i>Пол</i>															
Мужской	47,7	49,2	53,1	54,3	53,5	53,1	48,1	52,5	55,4	58,7	65,5	63,4	62,9	0	+15
Женский	53,4	56,6	57,5	56,5	54,9	56,8	59,3	61,1	56,6	66,1	67,5	68,8	69,9	+6	+11
<i>Возраст</i>															
До 30 лет	50,8	50,1	55,6	56,6	48,1	50,9	53,4	52,7	53,0	61,1	63,4	68,8	67,9	+3	+15
30-55 лет	48,2	54,3	53,0	53,5	57,7	57,3	54,1	56,5	54,9	62,4	67,3	61,8	67,3	+6	+13
Старше 55 лет	55,1	54,5	59,5	57,9	53,6	55,1	55,1	61,6	59,8	64,7	67,7	71,4	65,5	0	+10
<i>Образование</i>															
Н/среднее и среднее	47,1	44,2	52,0	50,1	51,6	51,1	47,5	55,8	51,9	58,1	60,0	60,0	56,2	0	+9
Среднее специальное	51,8	54,8	55,9	57,1	55,2	54,2	54,3	58,1	58,0	62,1	68,6	68,7	72,4	+3	+18
Н/высшее и высшее	53,5	59,9	58,6	59,7	56,3	60,1	61,4	58,2	58,8	69,2	72,0	70,6	73,1	+8	+12
<i>Доходные группы</i>															
20% наименее обеспеченных	40,7	36,6	40,9	43,4	52,8	47,0	50,7	62,7	46,1	48,9	54,6	59,7	57,3	+10	+7
60% средне-обеспеченных	53,0	55,1	59,2	58,2	53,9	54,3	54,4	56,4	57,9	64,4	69,4	67,0	69,0	+1	+15
20% наиболее обеспеченных	59,3	66,0	63,9	64,9	60,8	66,7	60,8	64,6	69,4	72,6	77,7	78,0	76,8	+2	+16
<i>Территории</i>															
Вологда	54,0	53,4	51,5	54,7	51,1	54,1	52,7	55,2	53,1	61,0	66,6	65,3	65,2	-1	+13
Череповец	61,5	63,2	64,1	61,4	65,3	62,8	63,8	65,0	66,8	73,2	74,4	77,8	81,3	+2	+18
Районы	44,3	48,3	53,1	52,8	49,9	51,5	49,8	54,1	51,8	58,1	62,3	60,7	59,8	+6	+10
<i>Среднее по области</i>	50,9	53,3	55,5	55,5	54,3	55,1	54,3	57,3	56,1	62,8	66,6	66,4	66,8	+3	+13

Важно отметить объективные обстоятельства, которые предопределили, что валдайская речь Путина станет если не началом нового этапа российской истории, то как минимум одним из самых главных событий в его формировании. В первый раз сработал фактор времени, который, как оказалось, решает если не всё, то, по крайней мере, очень многое: если за выступлением Президента РФ в Мюнхене в 2007 г. последовал мировой финансовый кризис, то после его валдайской речи внимание общественности было приковано к Олимпийским играм, к присоединению Крыма и Севастополя, к притеснению русскоязычного населения на территории Украины, и даже политика США и дру-

жественных им стран органично вписывалась в то видение мироустройства, которое было обозначено В. Путиным в сентябре 2013 года.

Идея возрождения «русского мира» и восстановления статуса России как одного из главных центров многополярного мироустройства нашла широкую поддержку в российском обществе не только потому, что вслед за валдайским выступлением Президента последовали события, сплотившие самые разные слои населения, объединившие вокруг фигуры главы государства представителей самых разных точек зрения. В неменьшей степени на это повлияло прошлое российской истории, а именно:

- а) факт существования Советского Союза;
- б) факт его распада, за которым последовал период «лихих 90-х»;
- в) факт 10-летнего отрезка (с 2000 по 2010 г.), когда общество восстанавливалось после коренной ломки идеологического вектора развития и социально-экономических преобразований.

Советский Союз дал современному российскому обществу воспоминания о реально действовавших в то время механизмах социальной защиты государства, о выдающихся достижениях в науке, спорте, искусстве. Ведь и по сей день главными фильмами для среднестатистического россиянина не случайно были и остаются те, которые принадлежат именно советскому, а не российскому кинематографу; без них не обходится ни один национальный праздник.

Советский Союз дал современному российскому обществу возможность сравнивать два совершенно разных периода, и всё чаще выбор россиян происходит не в пользу постсоветской России²⁵.

1990-е годы показали, что образец западной демократии чужд и неприемлем для русского человека. Это касается и ценностей Западного мира, и государственного устройства.

²⁵ Хотя здесь есть и свой «минус»: если бы преобразования 1990-х гг. дали российскому обществу лучшие образчики западного опыта решения социальных проблем, а не то, что в конечном итоге получилось, то, возможно, сегодня россияне имели бы более широкий взгляд на происходящие события – оценивая существующее положение дел в стране, свою жизнь, они проводили бы сравнение не только оглядываясь назад, но и оглядываясь вокруг, то есть не только по линии «СССР – Россия», но и по линии «Россия – Европа». Виноваты ли в этом реформаторы 1990-х? Или развал СССР был одной из целей США? Или и то и другое? В контексте данной работы это не имеет значения. Мы бы хотели акцентировать внимание на том, что сегодня, оценивая свою жизнь, среднестатистический россиянин обязательно добавит: «Раньше было не так» – и под этим «раньше» будет иметь в виду исключительно советский период (примеч. М.В. Морева).

Хотя период 2000–2010 гг., казалось бы, не внес в российскую историю столь масштабных преобразований, как предшествующие эпохи, он на самом деле был тоже очень важен. Он позволил российскому обществу адаптироваться к изменившимся условиям, осознать их, понять то, что оно на самом деле хочет, и, наконец, накопить критическую массу в ожидании перемен, в готовности к пересмотру сложившейся (а точнее, так и не сложившейся) системы ценностей.

Стабилизация политической и экономической ситуации в стране, рост уровня жизни, прекращение катастрофических тенденций в демографической ситуации – всё это блокировало самые острые проблемы, угрожающие национальной безопасности (мы употребляем не слово «решить», а именно «блокировать остроту»). За удовлетворением витальных потребностей последовал рост потребностей более высокого уровня: в повышении качества жизни, в социальной справедливости, в национальной идентичности, уверенности в будущем.

Таким образом, в совокупности три вышеперечисленных обстоятельства, три эпохи в истории постсоветской России привели к тому, что в жизни российского общества к концу 2000-х гг. созрели потребности:

- а) в сильной государственной власти;
- б) ощущении гордости за свою страну;
- в) нематериальных, духовных ценностях.

Механизм реализации именно этих трех потребностей и был заложен в валдайской речи В. Путина.

Следовательно, говорить о новом этапе в российской истории, конечно, можно и нужно. Он обладает своими специфическими особенностями, отличающими его от других этапов постсоветского периода, среди которых наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие.

1. Сильная государственная власть.

Исследуя особенности «русской мечты», специалисты Института социологии РАН пришли к выводу, что идеальная модель государственного устройства, по мнению россиян, базируется на таких трех «китах», как социальная

справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся о своих гражданах²⁶.

Ряд ученых (Ю.В. Косов, А.Л. Андреев и др.) полагают, что склонность к авторитарному стилю руководства является особенностью русского менталитета. Отчасти мы с этим согласны. Исторически Россия всегда тяготела к самодержавию, в связи с чем в самом институте президентства есть элемент традиционный, некоторая схожесть с монархической формой власти. Эта особенность российской системы власти не похожа ни на восточную деспотию, ни на западную демократию²⁷. Более того, в политическом сознании народа доминирующее значение имеет не то обстоятельство, как управляется страна, а то, кем она управляется. То есть не лидер встраивается в систему, а система подстраивается под лидера. Это русская система демократии, не похожая на то, что происходит в Вашингтоне или Берлине, но, как это ни парадоксально, она оказывается единственным действующим и реальным институтом для современной России²⁸.

Мы можем сколь угодно долго дискутировать о разделении властей, обсуждая нюансы их взаимного сдерживания и балансирования, но при этом всегда будем иметь в виду, что в нашей стране есть конституционный институт, стоящий над этими демократическими «играми» и, по существу, определяющий вектор развития современной России²⁹.

Социологические опросы ИСЭРТ РАН наглядно доказывают, что ментальные особенности российского общества, выражающиеся в высоком доверии «традиционным» для русского менталитета институтам – власти и церкви (в первую очередь – главе государства), за последние 15 лет никуда не исчезли: «Наши сограждане больше доверяют институтам, чья деятельность восприни-

²⁶ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения... – С. 7.

²⁷ Зуйков А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития // Конституционный вестник. – 2008. – № 1 (19). – С. 171.

²⁸ Третьяков В.Т. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>

²⁹ Сильвестров С.Н. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>

мается ими как забота об общем, коллективном благе»³⁰ При этом личность В. Путина, конечно, играет важную роль в отношении населения к главе государства (это видно по снижению доверия Президенту в период, когда данный пост занимал Д.А. Медведев, – с мая 2008 по май 2012 г.; табл. 1.1.2), однако даже в это время доверие главе государства среди населения было выше, чем всем остальным государственным и общественным институтам.

Таблица 1.1.2. **Уровень доверия государственным и общественным институтам**
(в % от числа опрошенных)*

Институты	2000	2003	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Среднее за 2000–2014 гг.
Президент РФ	57,1	64,3	57,7	62,0	60,3	65,2	51,6	56,8	50,5	45,7	47,0	57,0	56,3
Правительство РФ	42,7	42,7	38,0	42,1	41,9	60,2	46,7	52,4	47,4	39,6	40,4	48,3	45,2
Совет Федерации	28,3	34,9	30,4	34,3	34,9	47,6	35,9	38,1	35,5	32,3	34,6	40,2	35,6
Государственная дума	23,0	27,9	27,1	27,9	29,5	42,0	33,5	33,5	32,0	30,5	31,6	35,2	31,1
Общественная палата РФ**	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	27,3	27,3	28,1	29,9	32,8	29,1
Руководство области	31,3	31,9	32,8	37,7	40,6	48,6	34,9	41,0	36,6	34,6	37,8	37,4	37,1
Органы местного самоуправления**	н.д.	н.д.	н.д.	26,6	32,3	40,9	33,1	35,6	33,9	29,3	32,7	35,1	33,3
Общественная палата области**	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	24,8	25,7	25,4	29,2	29,4	26,9
Полиция	27,2	25,7	27,1	29,0	28,3	36,5	33,1	32,7	32,1	29,3	33,7	35,4	30,8
ФСБ	34,2	34,9	35,6	35,3	34,2	43,8	34,3	36,0	35,8	33,2	37,5	36,4	35,9
Суд	31,6	31,3	36,9	35,5	32,1	41,3	35,1	37,4	35,8	36,1	39,3	36,9	35,8
Прокуратура	30,9	28,8	34,3	33,3	31,1	40,9	34,8	36,1	35,4	33,9	40,1	38,5	34,8
Армия	37,0	30,9	25,9	29,6	28,7	37,8	33,5	34,5	34,1	31,3	37,5	37,8	33,2
Профсоюзы	28,4	24,7	27,9	27,4	28,6	35,9	28,1	29,9	30,0	25,6	27,8	26,6	28,4
Церковь	42,3	45,9	46,5	42,9	44,8	51,9	44,9	47,0	47,5	41,4	43,9	44,7	45,3
Общественные организации**	н.д.	н.д.	н.д.	20,0	24,4	32,6	23,8	26,7	26,7	26,5	26,8	25,5	25,9
Политические партии, движения	20,4	10,6	17,4	16,0	17,8	17,6	26,8	20,0	22,8	22,8	20,9	20,2	19,4
СМИ	30,2	21,6	27,3	30,4	31,0	27,5	35,2	28,7	29,2	28,7	29,5	28,0	28,9
Директора, руководители предприятий	19,6	24,1	23,6	26,5	23,6	30,5	22,5	22,8	22,3	25,1	27,5	21,9	24,2
Банковские, предпринимательские круги	12,4	19,5	20,6	22,6	21,3	26,6	20,3	21,5	20,4	21,3	23,4	18,8	20,7

* Ранжировано по среднему за 2000–2014 гг.
** Варианты ответов «Общественная палата РФ» и «Общественная палата области» включены в структуру опроса с 2010 г. Варианты ответов «Органы местного самоуправления» и «Общественные организации» – с 2006 г.

Менталитет – одна, но не единственная причина востребованности сильной государственной власти в российском обществе. Именно как атрибут ново-

³⁰ Российское общество и вызовы времени : в 2 кн. Кн. 2. / М.К. Горшков [и др.] – М. : Весь Мир, 2015. – С. 132.

го этапа российской истории она возникла благодаря, мягко скажем, неудачным действиям российских реформаторов 1990-х гг.

По мнению некоторых ученых, тезис о ментальной причинности провала либеральных реформ 1990-х гг. является абсолютно несостоятельным, что доказывается опытом Японии, Южной Кореи, КНР, Тайваня, Малайзии и других азиатских, а также южноамериканских и некоторых африканских стран³¹. Народы несхожих культур и менталитетов демонстрируют выдающиеся достижения в экономике. Поэтому принципиально важно, что особенности национального менталитета не являются препятствием к достижению социально-экономического прогресса³².

Дискредитация демократии и создание реальных предпосылок к авторитаризму – главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов³³. Процесс демократизации, развернувшийся на неподготовленной почве, вызвал, как этого и следовало ожидать исходя из опыта ряда стран в прошлом, резкие диспропорции во всех сферах общества. В сложившихся условиях принцип «разрешено все, что не запрещено законом» сыграл ту же роль, какую он сыграл в годы Великой французской революции. В руках государства не оказалось достаточной правовой базы, чтобы поставить препятствие на пути активизации коррупции и бытовой преступности³⁴.

О дискредитации либеральных сил в общественном мнении наглядно свидетельствуют и результаты социологических опросов (исследования электоральных предпочтений населения) и данные официальной статистики (итоги выборов после 2000 года). По данным ВЦИОМ, доля россиян, поддерживающих правые партии («Яблоко», «Союз правых сил»), с 2000 г. не превышает 7 и 9% соответственно, а с 2005 г. – 2%. По данным ИСЭРТ РАН, доля жителей области, чьи интересы выражает партия «Яблоко», за этот же период не превышала 5%. По данным ЦИК РФ, на выборах в Государственную думу 2003, 2007 и

³¹ Симонян Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемиические заметки) // Социс. – 2013. – № 7. – С. 139.

³² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : курс лекций для студентов магистратуры по социологии. – 2-е изд., испр. и доп. [Эл. pec.]. – СПб. : Интерсоцис, 2009. – 138 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1330&id=1393¶m=http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sovremennaya_teoret_sociol_2009_Yadov.pdf

³³ Симонян Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? – С. 143.

³⁴ Калина Ф.В., Курскова Г.Ю. Социология законодательства и правотворческий процесс [Эл. pec.] // Юриспруденция. – 2003. – № 1. – Режим доступа: http://pravorggu.ru/2004_2/15kalina-kurskova-sotsiologiya_zakonodatelstva_13.shtml

2011 гг. правые партии набрали не более 4% голосов, их кандидаты на выборах Президента в 2000, 2004, 2008 и 2012 гг. – не более 8% голосов³⁵. «Сам институт выборов, так же как и представительная демократия в целом, воспринимается многими россиянами как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Поскольку власть сегодня сконцентрирована в одних руках, вполне достаточным представляется раз в шесть лет избирать главу государства»³⁶.

Таким образом, востребованность сильной власти в российском обществе является логичным следствием «усталости» населения от экономической нестабильности и недоверия государству. Сильная власть была востребована в начале 2000-х гг., и это остается актуальным и в настоящее время. Так, деятельность Президента РФ В. Путина по наведению порядка в стране и укреплению международных позиций России всегда оценивалась выше, чем защита демократии и укрепление свобод граждан (табл. 1.1.3). И не случайно треть россиян с уважением относятся к И. Сталину, хотя три года назад о таком отношении говорил лишь 21% опрошенных; 45% россиян считают, что жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, были оправданы великими целями и результатами, достигнутыми в кратчайший срок (в 2012 г. – 25%); идею установки памятника Сталину в 2010 г. одобряли 24% россиян, в 2015 г. – 37%³⁷.

Таблица 1.1.3. **Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000	2003	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение 2014 г. +/- к	
												2000 г.	2013 г.
<i>Укрепление международных позиций России</i>													
Успешно	42,3	44,9	47,9	58,4	55,1	49,5	49,9	46,2	43,1	45,6	50,4	+8	+5
Неуспешно	30,9	30,1	33,8	24,9	23,7	30,4	29,3	33,7	37,9	36,2	32,4	+2	-4
<i>Наведение порядка в стране</i>													
Успешно	31,4	37,5	41,9	53,2	48,2	39,1	41,1	36,6	35,4	39,4	48,0	+17	+9
Неуспешно	49,2	45,1	45,1	34,0	34,2	43,5	42,5	50,0	50,7	47,5	39,1	-10	-8
<i>Защита демократии, укрепление свобод граждан</i>													
Успешно	23,5	29,9	33,6	44,4	39,9	36,7	36,3	32,4	28,8	31,8	37,5	+14	+6
Неуспешно	43,8	42,4	47,0	37,0	35,9	41,5	42,6	48,3	52,3	51,0	45,4	+2	-6
<i>Подъем экономики, рост благополучия граждан</i>													
Успешно	25,6	29,6	35,1	47,2	36,7	31,6	33,5	30,7	28,5	31,3	34,8	+9	+4
Неуспешно	52,9	51,4	50,8	39,1	46,0	52,4	51,6	56,1	57,9	56,8	53,4	+1	-3

³⁵ Данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

³⁶ Российское общество и вызовы времени. – С. 126.

³⁷ Все больше россиян положительно относятся к Сталину [Эл. рес.] // Ведомости. – 2015. – 30 марта. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/31/vse-bolshe-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-stalinu-levada-tsentr>

В чём же главный признак сильной власти сегодня? Почему мы считаем ее заметным атрибутом нового этапа? Ведь всем известно, что и сильная власть, и яркий лидер, и авторитарный (и даже иногда тоталитарный) режим управления регулярно имели место в российской истории?

Причина в том, что сильная власть – это не только единая идеологическая концепция на всех уровнях государственного управления, не только единая четкая стратегия действий, это еще и единство с мнением населения. Другими словами, сильная власть не может не обращать внимания на потребности общества, сделавшего ее легитимной. Население начинает играть все более заметную роль в общественно-политической жизни. Сила власти в настоящее время имеет качественно иную основу по сравнению, например, с советским периодом или царской Россией, и это специфический признак нового этапа постсоветской истории, с которым тесно связаны второй и третий его атрибуты – эффективность государственного управления и актуальность нематериальных факторов развития.

2. Эффективность государственного управления.

На совещании о ходе исполнения указов от 7 мая 2012 года Президентом РФ В.В. Путиным были обозначены стратегия преобразований и целевые ориентиры государственной политики, которых необходимо достигнуть к 2018 году. «Цель этой работы, – как заявил Президент РФ, – обеспечить новый, более высокий уровень жизни граждан Российской Федерации, прежде всего за счёт кардинального повышения эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора»³⁸. В последующих своих выступлениях глава государства показал твердое намерение осуществлять намеченную стратегию, несмотря на негативные процессы в мировой экономике и нестабильную политическую ситуацию на международной арене.

Ориентация на повышение эффективности государственного управления – атрибут нового времени, являющийся прямым следствием востребованности

³⁸ Путин В.В. Речь на совещании о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/18039>

сильной государственной власти. Его истоки исходят не только из реформ 1990-х гг., но и из периода «стабилизации» 2000-х – это нерешенность ключевых проблем страны, которые приняли затяжной характер: зависимость российской экономики от сырьевых ресурсов, крайне невысокая конкурентоспособность производимой в стране продукции, неокрепшая демократия и слабость гражданского общества, негативные демографические тенденции и проблемы развития социальной сферы, наличие коррупции, порождающей произвол, не-свобода и несправедливость³⁹.

Выстроенная в 2000-х гг. олигархически-коррупционная властная «вертикаль» стала главным тормозом успешного сближения России с высокоразвитыми странами Запада. Результатом ее функционирования является перераспределение важнейших ресурсов от групп, ориентированных на модернизацию общества, к верхушке, стремящейся к безграничному личному обогащению. В этих условиях модернизация российского общества предполагает не только и не столько освоение новых технологий, сколько формирование сильной, компетентной правовой и легитимной власти, способной к радикальной демократизации и укреплению основных общественных институтов⁴⁰.

Однако было бы неправильно говорить о том, что во все другие периоды российской истории государство не заботилось о повышении эффективности управления. В разные эпохи эта забота принимала разные формы. Специфика современного этапа заключается в том, что теперь это делать значительно труднее, поскольку в оценку этой работы в качестве одного из активных и, пожалуй, главных субъектов включается само общество. 2014 год показал, что государство и общество в России не антиподы, а партнёры в деле развития своей страны⁴¹.

³⁹ Горшков М.К. Российская социология и вызовы современного общества... – С. 3–18.

⁴⁰ Материалы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» // Официальный сайт Российского общества социологов. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part3.pdf>

⁴¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/documents/1151/>

Удовлетворенность населения становится главным маркером эффективности деятельности государственной власти. Как сказал В.В. Путин в ходе «прямой линии» с населением в апреле 2013 г., «надо, чтобы все руководители любого ранга: и в президентских структурах, и в Правительстве, чувствовали и понимали, что рядовые граждане внимательно следят за результатами нашей работы и дают свои оценки. Ориентироваться нужно именно на мнение граждан... От того, насколько общество доверяет действиям власти, конечно, зависит наша общая эффективность и конкурентоспособность»⁴².

Усиление роли общественного мнения в оценке эффективности деятельности власти во многом связано с третьим атрибутом нового времени – актуальностью нематериальных факторов развития.

3. Актуальность нематериальных факторов развития.

После 20-летнего периода существования постсоветской России и всех переипетий, произошедших с российским обществом за это время, уже невозможно говорить о каком-то тоталитарном режиме государственного устройства, а о Президенте РФ – как о первом лице государства, обладающем безраздельной властью и не считающемся с мнением населения (что иногда пытаются сделать западные СМИ). Невозможно даже повторение жесткой вертикали власти советского периода, поскольку «мы ушли от советской идеологии, вернуть её невозможно»⁴³, «постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан»⁴⁴.

Регулярные упоминания В. Путина о том, что общественное мнение сегодня является главным индикатором эффективности государственного управления; «прямые линии» с Президентом; его встречи с представителями науки, свидетельствующие о заинтересованности в их мнении; востребованность социологического знания и, соответственно, «воспрянувшая духом» отечествен-

⁴² Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 [Эл. рес.] // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>

⁴³ Стенограмма выступления В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 [Эл. рес.] // Российская газета. – 2013. – 19 сент. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

⁴⁴ Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Эл. рес.] // Известия. – 2012. – 16 янв. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/511884>

ная социология, которая «за короткое время получила развитие во всех регионах нашей страны»⁴⁵; активизация различных форм взаимодействия представителей региональной и муниципальной власти с населением; возросший статус общественных организаций (Общественная палата, Общероссийский народный фронт и др.) – всё это признаки нового времени и доказательства того, что общество сегодня – один из главных субъектов, делающих российскую историю.

Стремление Президента РФ «качественно изменить Россию, чувствовать народное настроение и поддержку народа, быть на одной волне с этими настроениями, объединить их и осуществить прорывы, которые от него ожидают в обществе»⁴⁶, являлось одним из мотивов и предпосылок институционального оформления Общероссийского народного фронта.

«В пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум»⁴⁷, – писал в 2010 г. М.К. Горшков в статье «Российская социология и вызовы современного общества». Определенно, это так, при этом истоки актуальности нематериальных факторов развития как атрибута нового этапа постсоветской России заключаются не только в последствиях распада Советского Союза и проникновения в существующую систему духовно-нравственных ценностей россиян идей западной демократии. Глубинная причина повышения роли общественного сознания и поведения в вопросах, связанных с экономикой и государственным устройством, кроется в том, что это естественный ход эволюции. По мере усложнения социальных отношений и научно-технического прогресса меняется и общественное сознание людей, растет количество и качество вопросов населения к власти, и это не специфическая черта российского общества, а

⁴⁵ Осипов Г.В. Выступление на IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» 2 февраля 2012 г. [Эл. рес.] // Пресс-релиз IV Всероссийского социологического конгресса. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1665

⁴⁶ Миграян А.М. Народ и лидер нашли друг друга [Эл. рес.] // Известия. – 2013. – 12 июня. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/551898>

⁴⁷ Горшков М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. – Вып. 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 6.

естественный ход эволюции. Тоталитарный по своей сути режим (под каким бы названием он не был «спрятан») не может справиться со сложным, высокоразвитым обществом, если, конечно, не имеют место отдельные форс-мажорные обстоятельства, которые чаще всего носят временный характер (например, война). В социальной системе под названием «общество» экономика, как ее подсистема, неотделима от государственного устройства, политики, духовного развития, а идейное и нравственное состояние людей не может не влиять на их экономическое поведение⁴⁸.

4. Национальная идентичность.

В контексте анализа ключевых атрибутов нового этапа российской истории мы бы хотели акцентировать внимание на том, что, благодаря возросшей потребности в чувстве гордости за страну, в национальной идентичности, стали преодолеваются проблемы низкого уровня развития гражданского общества и социального атомизма – то, что было характерным признаком постсоветского периода вплоть до 2014 года.

Интересно, что многочисленные элементы гражданского общества в России, как это ни казалось бы странным, существовали в позднюю советскую эпоху: у нас были созданы огромные запасы социального капитала, иначе бы миллионы людей не вышли на улицы. У нас были многочисленные элементы гражданского общества в позднюю авторитарную эпоху: от КСП до московских кухонь, экономико-математической школы в МГУ с 1968 года и так далее. Вот там производился социальный капитал⁴⁹.

О проблемах гражданского общества и низкого уровня развития социального капитала после распада Советского Союза сказано уже довольно много (Е.Г. Ясин, В.К. Левашов, А.А. Аузан, Р.Ш. Меняшев и др.), проведено большое количество исследований (ИС РАН, ИСПИ РАН, НИУ ВШЭ и др.). Немало сказано и о таком явлении, как социальный атомизм (С.Г. Кара-Мурза,

⁴⁸ Горшков М.К. Нематериальные факторы // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – №3(33). – С. 48.

⁴⁹ Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>

М.К. Горшков, В.И. Жуков и др.), который может привести к самым масштабным последствиям – «от утраты готовности переносить без жестких протестов личные проблемы в ходе новых вероятных экономических кризисов до отказа “отдать долг стране” службой в армии»⁵⁰. Понижение уровня самоидентификации людей до элитных групп, корпораций, круга друзей, семьи, ограничивающих свои интересы эгоистическими целями мелких общностей, ослабляет целостность социума. Они перестают быть ячейками единого государственного механизма. В общественном мнении сами понятия «государство», «отечество» как высшие гаранты устойчивого развития и удовлетворения потребностей обесцениваются, а граждане перестают себя чувствовать ответственными за их судьбу⁵¹.

Мы не будем акцентировать внимание на анализе этих тяжелейших для развития страны последствий распада СССР, однако считаем важным отметить, что в 2014 г. появились очевидные предпосылки их преодоления. Как показывают результаты социологических исследований ИСЭРТ РАН, в 2014 г. почти в 2 раза увеличилась доля людей, считающих, что сегодня в стране «больше согласия и сплоченности, чем несогласия и разобщенности»; значительно увеличилась доля людей, готовых объединяться по идейным соображениям (*табл. 1.1.4*).

Тенденции преодоления социального атомизма и рост гражданского самосознания – очевидное доказательство укрепления национальной идентичности вследствие консолидации российского общества вокруг идей, выдвинутых В. Путиным на Валдайском форуме в 2013 г., «спровоцированного» развитием геополитической ситуации в 2014 г. От продолжения этих позитивных трендов, наметившихся только в 2014 г., во многом зависит дальнейший успех продвижения страны в сторону «духотворного и экономического подъема»⁵².

⁵⁰ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения. – С. 3.

⁵¹ Чугуенко В.М., Бобкова Е.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 23.

⁵² Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! – С. 12.

Таблица 1.1.4. Данные социологических опросов, свидетельствующие о преодолении социального атомизма и развитии гражданского общества (в % от числа опрошенных)*

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013 г.	к 2011 г.
Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?*					
<i>В нашей стране</i>					
Больше согласия, сплоченности	14,2	14,1	28,9	+15	+15
Больше несогласия, разобщенности	61,1	59,5	44,1	-15	-17
Затрудняюсь ответить	24,7	26,4	27,0	+1	+2
<i>В нашей области</i>					
Больше согласия, сплоченности	19,3	15,9	26,9	+11	+8
Больше несогласия, разобщенности	55,6	54,4	44,7	-10	-11
Затрудняюсь ответить	25,1	29,7	28,4	-1	+3
<i>В месте Вашего проживания</i>					
Больше согласия, сплоченности	24,1	28,4	39,1	+11	+15
Больше несогласия, разобщенности	51,5	44,3	34,3	-10	-17
Затрудняюсь ответить	24,4	27,3	26,6	-1	+2
<i>В Вашем окружении</i>					
Больше согласия, сплоченности	46,9	52,1	61,4	+9	+15
Больше несогласия, разобщенности	29,3	23,2	18,3	-5	-11
Затрудняюсь ответить	23,9	24,7	20,3	-4	-4
Доля жителей области, готовых и неготовых объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают*					
Готовы объединиться	47,1	43,0	54,6	+12	+8
Не готовы объединяться	25,2	19,9	15,1	-5	-10

* Вопрос задаётся с 2011 г.

Таким образом, сильная государственная власть, руководящаяся своей деятельностью не только собственными интересами, но и мнением населения; актуальность не материальных факторов развития, а факторов, связанных с общественным сознанием и поведением; преодоление ключевых проблем 1990-х и 2000-х гг., причем не только в материальном (рост уровня жизни), но и в нематериальном (преодоление социального атомизма, рост гражданской активности) плане – это, на наш взгляд, главные признаки современной России. Признаки, позволяющие говорить о периоде 2010-х как о новом этапе ее развития.

Они не объясняются одной лишь активизацией патриотических настроений на фоне «украинских событий». Они не объясняются даже тем, что в течение последних 20-ти лет «созревали» в российском обществе (или, как отмечает М.К. Горшков, «находились в спящем режиме») под гнетом совершенно иных проблем, завязанных на удовлетворении элементарной потребности в национальной (и личной) безопасности, экономической (и материальной) стабильности. Глубинные истоки современного периода во многом кроются в ментальных особенностях российского народа, а все прочие факторы выступают лишь в роли катализатора, оказавшись, во многом благодаря элементарному стечению обстоятельств, в одном месте и в одно время.

К чему может привести этот новый этап? По мнению С.С. Сулакшина, у современной России есть два пути развития: либо переход от социального государства к государству нравственному, который является «неизбежным неслучайным эволюционным этапом современных типов государств»⁵³, либо – «растворение, уничтожение национального государства и главного его атрибута с точки зрения международного права, а именно – суверенитета»⁵⁴.

Последствия событий 2014 г. (в первую очередь – присоединение Крыма), по мнению Г.В. Осипова, «могут стать судьбоносными для нашей страны и ознаменоваться как новым духотворным и экономическим подъемом, так и унынием разочарования и глубочайшим упадком всего и вся»⁵⁵.

Как показывают результаты социологических опросов, фундамент нового этапа, в роли которого выступает объединение государства и общества на основе общего «идеологического» вектора, не является прочным. Российское общество достаточно долго шло к готовности к переменам, это был эволюционный процесс. Поэтому в целом сама готовность к переходу на новый этап в своем развитии у российского общества есть и является достаточно прочной.

Однако, на наш взгляд, события 2014 г. (украинский конфликт, присоединение Крыма и др.) придали этому процессу не эволюционный, а революционный характер. Последние 15 лет общество как бы «изголодалось» по возможности испытать чувство гордости за свою страну, причем именно на международной арене, и, когда такие успехи появились, возникло состояние определенной «эйфории».

Проблема заключается в том, что все эти успехи не являются управляемыми исключительно внутри страны. Все они основываются на таких вещах, которые не зависят только от России, то есть делают российское общество зависимым от внешних факторов. По сути, все нынешние разговоры о «новом эта-

⁵³ Сулакшин С.С. На пороге нравственного государства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – №4. – Т. 4. – С. 100.

⁵⁴ Сулакшин С.С. Государство: на пороге грядущего // Футурологическая модель государства (мысленный эксперимент) : материалы круглого стола. – М. : Научный эксперт, 2013. – С. 23.

⁵⁵ Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! – С. 12.

пе» связаны с чувством патриотизма, национальной идентичности, идеологического противостояния российских ценностей ценностям западной цивилизации.

Но главные вопросы, волнующие российское общество, являются внутренними. Ими были и остаются уровень и качество жизни, преодоление социального неравенства, достижение социальной справедливости, борьба с коррупцией, повышение эффективности функционирования учреждений социальной сферы, возможность рядовых граждан пользоваться их услугами, решение самых насущных бытовых проблем.

Нерешенность перечисленных вопросов имеет устойчивый, многолетний характер, что во многом стало причиной «эйфории» после событий 2013–2014 гг. Однако без решения внутренних проблем позитивные тенденции общественного мнения являются, мягко говоря, «неустойчивыми».

Как только люди реально ощутили на себе последствия ухудшения экономической ситуации во второй половине 2014 – начале 2015 г. (что было вызвано отчасти экономическими санкциями, отчасти последствиями затянувшегося бюджетного кризиса регионов), повестка дня в общественном мнении сразу же изменилась. В российской прессе стали появляться сообщения о возросшем уровне тревожности людей⁵⁶, о том, что в общественном сознании тема украинского конфликта, которая по-прежнему вызывает у жителей России чувство патриотизма, все чаще уступает место проблемам экономического характера и поведению россиян в условиях кризиса⁵⁷.

Как мы уже отмечали, оценивая направления социальных перемен в стране за последний год, россияне разделились на две сопоставимые по численности группы, отмечающие перемены к лучшему (45%) или к худшему (43%). Что касается ожиданий населения относительно будущего страны, они могут быть охарактеризованы как сдержанно тревожные: почти половина респондентов сходятся во мнении, что страну ожидают трудные времена; четверть россиян

⁵⁶ Большинство россиян готово не есть западные продукты ради величия России [Эл. рес.] // Московский комсомолец. – 2015. – 28 янв. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2015/01/28/bolshinstvo-rossiyan-gotovo-nest-zapadnye-produkty-radi-velichiya-rossii.html>

⁵⁷ От редакции. В сознании россиян Крым отступает под натиском кризиса [Эл. рес.] // Ведомости. – 2015. – 30 янв. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizis-protiv-kryma>

считают, что страна будет развиваться успешно, и аналогичная доля не ожидает никаких принципиальных изменений в развитии страны⁵⁸.

По данным ИСЭРТ РАН, во второй половине 2014 г. положительный тренд общественного мнения по таким важным индикаторам, как социальное настроение и поддержка деятельности Президента РФ, прервался, а в начале 2015 г. было отмечено заметное ухудшение самооценок материального положения (рост доли людей, считающих себя «бедными и нищими»), социального настроения, запаса терпения. В апреле 2015 г. ситуация улучшилась, но насколько устойчивыми будут эти изменения, пока неизвестно (табл. 1.1.5).

Таблица 1.1.5. Динамика ключевых показателей общественного мнения с февраля 2014 по апрель 2015 г. (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Изменение (+/-), авг. 2015 к...		
											фев. 2014	июнь 2014	фев. 2015
Уровень одобрения деятельности Президента РФ													
Одобряю	56,1	62,8	66,6	66,4	66,8	66,0	66,3	67,5	69,5	72,0	+16	+5	+6
Не одобряю	29,3	25,4	21,8	19,3	18,5	19,7	20,5	16,2	16,1	17,8	-12	-4	-3
Социальное настроение													
Нормальное состояние, прекрасное настроение	65,1	69,3	71,1	70,5	69,3	70,9	61,8	67,6	69,5	73,1	+8	+2	+11
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,1	24,9	23,7	25,1	24,6	24,1	31,3	26,6	24,4	23,5	-4	0	-8
Запас терпения													
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	79,8	81,3	81,0	82,5	80,3	80,0	74,3	78,9	79,0	82,2	+2	+1	+8
Терпеть наше бедственное положение невозможно	12,3	11,1	13,4	12,8	12,1	13,6	17,3	14,9	14,7	13,3	+1	0	-4
Социальная самоидентификация													
Доля считающих себя людьми среднего достатка	44,2	43,1	42,0	44,1	43,5	42,3	38,3	36,7	39,3	39,9	-4	-2	+2
Доля считающих себя бедными и нищими	46,9	49,1	48,4	49,6	49,3	51,0	53,3	51,6	48,0	50,5	+4	+2	-3
Индекс потребительских настроений													
Значение индекса, в пунктах	91,5	90,3	90,5	87,1	84,0	82,3	75,7	73,4	80,1	77,9	-14	-13	+2
Потенциал протеста													
Значение индекса, в пунктах	15,9	17,7	18,4	22,4	19,7	18,9	20,7	20,0	20,7	21,0	+5	+3	0

* В таблице представлены данные за период с начала 2014 по август 2015 г. Приводится оценка изменений данных последнего опроса (август 2015 г.) по отношению к начальному периоду (февраль 2014 г.), в период (вторая половина 2014 г.), когда прервался положительный тренд поддержки деятельности Президента и улучшения социального настроения (июнь 2014 г.), и к началу 2015 г.

В современный век высоких технологий и виртуальных сетей люди имеют возможность сравнивать уровень и качество жизни в разных странах. Часть

⁵⁸ Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном) : информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – М., 2015. – С. 3.

людей (и эта часть со временем будет только увеличиваться) делает это самостоятельно, не ориентируясь на средства массовой информации, выступающие иногда неким фильтром. Другая часть людей приходит к тому же самому выводу, но чуть позже, когда отсутствие правильных управленческих решений в правильном направлении становится причиной реального падения уровня жизни и невозможности удовлетворить самые элементарные социальные потребности.

Результаты опросов с июня 2014 г. показывают, что общественное мнение по всем ключевым аспектам не будет и не должно держаться исключительно на идеологии, победах в информационной войне с США и оптимистических взглядах на будущее России как центра многополярного мира. Образно говоря, на этом можно выиграть войну, но нельзя построить мир.

Нерешенность наиболее актуальных проблем свела на «нет» консолидацию российского общества после выступления Президента РФ в Мюнхене в 2007 г. По той же причине точкой отсчета нового этапа в жизни страны не стало начало третьего президентского срока В. Путина. В аналогичную «ловушку» Россия может попасть и сегодня, если внимание властей не будет сосредоточено на удовлетворении ключевых общественных запросов, лежащих в плоскости внутренних, прежде всего социально-экономических, проблем страны.

Многое в этом вопросе зависит от того, какая роль в процессе принятия управленческих решений будет отведена социологическому знанию. Если основное содержание деятельности власти – это удовлетворение общественных запросов⁵⁹ (что было отражено и в майских указах Президента 2012 г.⁶⁰), если общественное мнение становится одним из главных критериев эффективности государственного управления и, наконец, если национальная безопасность в первую очередь зависит от уровня социальной напряженности внутри страны, то социологическая наука, аккумулирующая в себе знание об обществе, о его

⁵⁹ Барциц И.Н. Конституционная демократия – это свободные выборы плюс интернетизация всей страны // Социс. – 2013. – № 9. – С. 116.

⁶⁰ Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : Указ Президента РФ // Информационно-правовой портал «Гарант» от 7 мая 2012 г. № 601 [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170942/#ixzz3YDD9ERG3>

ментальных особенностях и «текущих» тенденциях общественного сознания, восприятия, поведения, становится главным инструментом, обеспечивающим связь между населением и властью.

«Научное понимание индивидуального и коллективного социального поведения, ведущее к их контролю, вероятнее всего, является наиболее насущной задачей, стоящей сегодня перед человечеством, – пишет Г.В. Осипов, ссылаясь на мнение лауреата Нобелевской премии голландского экономиста Я. Тимбергена. – Из этого следует, что в сложившейся ситуации только социальные и гуманитарные науки, объектом исследований которых является человек, его социальные действия и создаваемая им социальная реальность, могут внести научную рациональность в разнонаправленные, стихийные и безответственные действия самого человека, привести их к общему знаменателю, устранив и нейтрализовав глобальные угрозы, подобно дамоклову мечу, нависшие над человечеством»⁶¹.

Соответственно положение дел в стране во многом зависит от качества социологического знания – его достоверности, глубины и своевременности. А качество социологического знания зависит уже от решения ключевых проблем, которые существуют на сегодняшний день в отечественной социологии и неоднократно были озвучены на общероссийских социологических форумах⁶² и в научных статьях⁶³.

⁶¹ Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! – С. 11.

⁶² Напр.: Резолюции I–IV Всероссийского социологического конгресса (источник: официальный сайт Российского общества социологов. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/>); Жуков В.И. Социология в современной России: доклад на Учредительном съезде Союза социологов России (источник: Социс. – 2007. – № 12. – С. 8-13);

Осипов Г.В. Возрождение социологии в России: доклад на Юбилейной научной сессии РАН 26 марта 2008 г. (источник: Официальный сайт Института социологии Российской академии наук. – Режим доступа: http://www.isgas.ru/?page_id=699); Горшков М.К. Российская социология в постсоветской России: состояние и проблемы развития: доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России» (г. Вологда, 13–15 ноября 2014 г.) (источник: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. – Т. 1. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – С. 10-17).

⁶³ Напр.: Осипов Г.В. О роли научного знания в управлении современной социальной реальностью // Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. – Т. 1. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – С. 6-11; Тощенко Ж.Т. Время Акме – социологическим исследованиям 40 лет // Социс. – 2014. – № 7 (363). – С. 3-7; Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – № 2 (32). – С. 18-35.

Таким образом, выделенные особенности современной России позволяют говорить о периоде 2013–2014 гг. как о начале нового этапа в жизни российского общества.

К современному пониманию государственного управления в России можно применить теорию экономиста Йозефа Шумпетера о творческом (созидательном) разрушении (*creating destruction*), суть которой заключается в том, что нечто принципиально новое появляется крайне редко, обычно в развитии происходит некоторая перегруппировка, рекомбинация факторов в рамках уже имеющейся парадигмы⁶⁴. Рекомбинированными факторами нового этапа российской истории стали исторически сложившиеся ментальные особенности, наследие советской эпохи, трансформационные процессы постсоветского периода, события 2013–2014 гг.

Каждый из происшедших в России кризисов не просто имел свою специфику, но и существенно менял «правила игры», принятые в российском обществе, создавая новую социальную реальность⁶⁵.

Возвращаясь к той мысли, с которой мы начинали свои размышления о факторах общественного развития, о будущем России, хотелось бы обратить внимание на следующее: если неизменной и главной движущей силой перемен является то, что система перестает соответствовать требованиям времени, то что будет дальше, если сегодня не будут решаться накапливающиеся в обществе проблемы? Суть посткризисного момента, который приходится на 2015 год, состоит в том, чтобы актуализировать внутренние факторы развития, а не ждать новых воздействий «внешних раздражителей». И есть все основания предполагать, что эта задача будет решена успешно.

Украинский кризис еще не остался в прошлом, но общественное сознание уже движется дальше. Сегодня общество и государство сосредоточены на решении внутренних экономических проблем, на улучшении качества жизни независимо от ситуации на международной арене. Об этом наглядно свидетель-

⁶⁴ Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М. : Прогресс, 1982.

⁶⁵ Российское общество и вызовы времени. – С. 13.

ствуется тематика «прямых линий» с Президентом РФ В.В. Путиным в 2013–2015 гг.: после обсуждения вопросов, связанных с международной политикой и национальным самоопределением (что было главными темами «прямой линии» 2014 г.), в 2015 г. «повестка дня» вновь сосредоточена на внутренних социально-экономических проблемах, только теперь они рассматриваются не в контексте исполнения «майских указов» (как это было в 2013 г.), а в контексте функционирования российской экономики в условиях санкций.

Общество разделяет точку зрения главы государства о необходимости «самим внутри страны, в своём собственном доме, в экономике выходить на более совершенные способы управления этими (социально-экономическими) процессами»⁶⁶, и это позволяет с уверенным оптимизмом смотреть в будущее.

Итак, краткий анализ хода развития событий в постсоветской России говорит о том, что сегодня, после долгого «созревания», объект наших исследования находится на стадии внутренней готовности к переменам. Однако им препятствуют объективные обстоятельства сложившейся социальной реальности, и здесь мы имеем в виду не столько напряжённую геополитическую обстановку, сколько внутренние, глубоко укоренившиеся проблемы страны. Насколько современный социум готов идти дальше? Все ли категории российского общества с успехом преодолели период 20-летних трансформаций? Готовы ли многочисленные и разнообразные по своим характеристикам территории России не только к общественному, но и к социально-экономическому развитию, к модернизации, так долго вынашиваемой в планах власти? Позволяет ли объективно сложившаяся на сегодняшний день демографическая, культурная и экономическая ситуация говорить о том, что общество готово к переменам?

Ответам на эти вопросы посвящены наши исследования, исследования российских социологов. Ответам на них и будут посвящены дальнейшие рассуждения на страницах этой монографии. Но прежде необходимо внести неко-

⁶⁶ В ходе «прямой линии» в апреле 2015 г. Президент РФ отметил также: «Санкции санкциями, они, конечно, вносят свой вклад в наши сложности, но это всё-таки не главное» (источник: Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 16 апреля 2015 г. [Официальный сайт Президента РФ]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>)

торую ясность в то, каким образом социологическое знание накапливает в себе информацию о тенденциях социальной трансформации. Как, изучая общество с социологических позиций, можно получить глубокие и крайне важные сведения о социальном развитии, недоступные никаким другим методам измерения? Об этом порассуждаем в следующих параграфах главы 1, где мы представим 20-летний опыт Института социально-экономического развития территорий РАН в проведении социологических исследований на территории одного из самых традиционных регионов России (Вологодской области), а также в субъектах Северо-Западного федерального округа.

1.2. СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА: ОПЫТ ПРИКЛАДНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

Влияние мировых тенденций и внутренние системные трансформации в стране обусловили изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе актуализировали проблему различий между регионами и вытекающую из нее проблему неоднородности России. Социально-экономические процессы и опыт реформирования общественной жизни за последние 20 лет показали, что учет территориальных аспектов развития социальных процессов служит ключевым условием реализации управленческой и законотворческой деятельности.

Особенности социальных процессов в регионе, во многом зависящие от свойств географической среды, проявляются в «обжитости» территории, отраслевой структуре экономики, специализации региона (его экономического профиля), развитии транспортной сети и производственной инфраструктуры в целом, обеспеченности трудовыми и прочими ресурсами.

Следует отметить, что регионализация произошла не только в социальном развитии, но и в общественных науках. С одной стороны, слабая осведомленность относительно конкретных процессов в регионах (особенно географически удаленных) не позволяет специалистам «центра» в достаточной мере отражать и анализировать в своих исследованиях всю палитру региональных вопросов. С другой стороны, исследователи регионов замкнуты в кругу знаний о «своей» территории и нередко ограничиваются попыткой исследовать

проблемы развития одного региона (группы регионов), лишь применяя устоявшиеся теоретические подходы⁶⁷.

Таким образом, в Российской Федерации изучение территориальных аспектов социальных процессов является актуальным и востребованным как со стороны научного сообщества, так и со стороны органов управления.

Крупнейшие социологические центры страны (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и другие) имеют многолетний опыт проведения социологических опросов и уже отработанную методологическую основу. Существует целая сеть региональных исследований – социологических, социокультурных, социоэкономических, осуществляемых как учреждениями отделений РАН, так и социологическими кафедрами в университетах регионов РФ. Ведут работу исследовательские секции более 50 региональных отделений Российского общества социологов, Сообщества профессиональных социологов, Российской социологической ассоциации, Общества им. М. Ковалевского и др. В рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», активно поддержанной РГНФ, свыше 10 лет осуществляется координация соответствующих исследований, выполняемых кафедрами ведущих университетов и подразделениями некоторых НИИ в трети регионов – субъектов Российской Федерации.

Особо отметим междисциплинарный характер ряда региональных исследований, и это прежде всего активное участие специалистов в области экономической географии: региональная программа Независимого института социальной политики, создание «Социального атласа регионов» (НИСП, Н.В. Зубаревич), а также исследования правовых аспектов регионального развития Институтом сравнительного правоведения при Правительстве РФ, труды, подготовленные под руководством академика Т.Я. Хабриевой и председателя Госдумы С.Е. Нарышкина. Значимые исследования проведены В.Н. Лексиным⁶⁸ и

⁶⁷ Жулдызбаев Н.Е. Региональные особенности управления социальными процессами в современных условиях Республики Казахстан [Эл. рес.] // Вестник КазГУ. Серия экономическая. – Алматы, 1999. – №1. – Режим доступа: <http://lib.kazsu.kz/libr/vestnik/ECONOM%5CYEAR99%5CN1%5C12.HTM>

⁶⁸ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. – М. : Либроком. 2012.

А.Н. Швецовым⁶⁹ (Институт системного анализа РАН) в работах, в которых соединены воедино проблемно-аналитическое исследование, учебно-методическое пособие по проблемам ситуационного анализа социально-экономического развития российских городов и районов, организации местного самоуправления, местных бюджетов, муниципального права и муниципальной реформы»⁷⁰.

Для получения объективной и глубокой информации об обществе важно то, чтобы социологические исследования осуществлялись в мониторинговом режиме. Только так можно обеспечить системный характер получения сведений, которые будут отражать динамику общественного мнения в различные исторические периоды и показывать реакцию различных групп общества на изменения, происходящие в стране. И, разумеется, только такой характер информации будет иметь реальную практическую пользу как для науки, так и для управленческой деятельности.

Актуальность именно мониторингового характера исследований подчеркивала Т.И. Заславская еще в начале 1990-х гг., рассуждая о периоде становления системы социологических исследований ВЦИОМ, который на сегодняшний день является одним из главных социологических центров страны: «Мы поняли, что необходимо повторять одни и те же вопросы, чтобы отслеживать динамику. В итоге возникло много частичных «авторских» мониторингов. Есть мониторинги уровня жизни, рынка труда, целый ряд других. Вот на этой базе у нас возникла идея сделать единый, целостный социологический мониторинг экономической реформы. Конечно, он потребует больших затрат, но зато позволит решить ряд новых задач. Прежде всего, мы сможем устранить (или хотя бы смягчить) имеющиеся сегодня важные недостатки в информационно-социологическом обеспечении экономической реформы – уйти от случайности во времени, в предмете, в пространстве. Очень важно придать исследованиям регулярный характер. Но главное – комплексно подойти к этому вопросу не «снизу», а «сверху», не «от заказчика», а «от ученого», сознательно построить исследовательскую структуру предмета «Экономическая реформа, общество и

⁶⁹ Швецов А.Н., Лексин В.Н. Реформы и регионы. – М. : ЛЕНАНД. 2012.

⁷⁰ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Муниципальная Россия: Социально-экономическая ситуация, право, статистика : в 5 т., 12 кн. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 648 с.

человек», т. е. определить, как, какими сторонами экономическая реформа сильнее всего задевает людей»⁷¹.

Мониторинговый характер социологических исследований и сегодня остается в числе главных условий получения объективных результатов. Научные публикации, основанные на так называемых «моментальных фото» общества, социальной группы или какой-либо отдельно взятой проблемы, не устраивают редакцию авторитетных журналов, на что особое внимание обращает Ж.Т. Тощенко – главный редактор журнала «Социс», пожалуй, одного из самых авторитетных российских изданий по социологической проблематике⁷².

Институт социально-экономического развития территорий РАН входит в круг тех научных организаций, которые имеют практический опыт социологических измерений общественного мнения на региональном уровне, причем именно в мониторинговом режиме. У истоков ИСЭРТ РАН стояли ведущие российские ученые (*Г.В. Осипов, Д.С. Львов, Н.М. Римашевская и др.*). И, конечно, сами его сотрудники, которые, под непосредственным руководством директора ИСЭРТ РАН *В.А. Ильина*, приложили немало усилий для того, чтобы в Вологодской области появилась организованная система получения объективных и оперативных сведений о динамике общественного развития.

Директор ИСЭРТ РАН
д.э.н., проф. В.А. Ильин

Социологические исследования ИСЭРТ с самого начала имели не только регулярный, но и комплексный характер, важность которого подчеркивала Т.И. Заславская. Не ограничиваясь проблематикой политических и социально-экономических отношений, они раскрывают также проблематику здоровья населения, территориальных особенностей условий жизни, возможностей и механизмов реализации трудового потенциала, перспектив развития гражданского общества, психологического самочувствия населения и многие другие проблемы (*табл. 1.2.1*).

⁷¹ Заславская Т.И. Вперегонки со временем // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 12.

⁷² Тощенко Ж.Т. Время Акме. Социологическим исследованиям – 40 лет. – С. 6.

Таблица 1.2.1. Краткая характеристика социологических исследований, проводимых ИСЭРТ РАН

Тематика исследований и основные исследовательские проекты	Год начала исследования	Наличие авторского патента
<i>Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения</i>		
Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области	1995	База данных мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2013620087. База данных мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа, свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012621290.
Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа	2005	
<i>Воспроизводство населения территории: тенденции и резервы</i>		
Условия формирования здорового поколения	1995	База данных мониторинга изучения условий формирования здорового поколения Вологодской области, 2012 г., свидетельство о государственной регистрации № 2012620788.
Мониторинг состояния здоровья населения	1999	
Мониторинг социально-психологического климата и психического здоровья населения	2000	
Репродуктивное здоровье и репродуктивный потенциал населения	2004	
Суицидальное поведение населения	2004	
Социальное здоровье населения	2010	
Качественные демографические изменения в населении как важнейшая характеристика демографического кризиса	2013	
<i>Управление человеческим капиталом и инновационное развитие территории</i>		
Мониторинг качества трудового потенциала	1996	База данных мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, 2012 г., свидетельство о государственной регистрации базы данных №2012620757, №2011614700.
Трудовое поведение как форма реализации индивидуального трудового потенциала	2011	
Формирование научно-образовательного пространства	2009	База данных мониторинга изучения условий формирования здоровья новорожденных Вологодской области, свидетельство о государственной регистрации №2015620146.
Формирование человеческого капитала территорий	2010	
Институциональный анализ регионального рынка труда	2010	
Человеческий потенциал сельских территорий	2013	
<i>Социокультурная модернизация в России, ее состояние в регионах страны</i>		
Экономическое поведение населения (сберегательное, финансовое, инвестиционное и т.д.)	2001	Информационно-аналитическая система мониторинга уровней модернизации регионов России, свидетельство о государственной регистрации №2012661285.
Социально-экономическое неравенство населения региона	2006	
Социокультурный портрет Вологодской области	2008	
<i>Мониторинг условий проживания населения г. Вологды</i>	2003	—
<i>Мониторинг формирования малого и среднего бизнеса в современных условиях</i>	2002	База данных опросов малого и среднего бизнеса Вологодской области, свидетельство о государственной регистрации №2012620336 (04.01.2012).

Для того чтобы представить результаты всех исследований, которые проводит ИСЭРТ РАН, потребовалась бы не одна и не две монографии, поэтому, к сожалению (а может быть, и к счастью), в данной книге мы остановимся только на тех из них, которые считаем наиболее интересными и актуальными с точки

зрения характеристики общественного развития, отражения основных тенденций и признаков, свойственных современному российскому обществу спустя 20 лет трансформационных изменений, произошедших после распада Советского Союза. Выбранные для представления темы, на наш взгляд, не только демонстрируют качество и всю серьезность научного подхода, с которым ИСЭРТ РАН занимается изучением социума, но и в полной мере соотносятся с исследованиями, проводимыми нашим партнером и «старшим товарищем» – Институтом социологии РАН, который с большим энтузиазмом поддержал идею подготовки коллективной монографии совместно с региональным центром изучения общественного мнения.

Итак, не акцентируя внимание на конкретных результатах вышеперечисленных исследований, которые будут более полно представлены в дальнейших главах монографии, в данном параграфе вкратце опишем их суть и особенности методологии. Таким образом, мы постараемся дать общую картину научной социологической деятельности ИСЭРТ РАН, которая покажет, что многолетняя поддержка со стороны ведущих российских ученых и представителей региональных органов государственной власти не прошла даром. За 25 лет ИСЭРТ РАН превратился в крупную ячейку российской науки на региональном уровне. Созданный на территории Вологодской области механизм получения сведений о российском обществе обладает не только системной основой, но и комплексным, многоаспектным характером, затрагивающим самые разные стороны социальной реальности, самые актуальные проблемы, волнующие население и представителей конкретных социально-демографических групп. Поэтому такие проблемы, как «разрыв социологической мысли с реальной жизнью», недостаточность «эффективного сочетания теоретической мысли с эмпирическими данными, с прикладной стороной вопроса» (еще одна проблема современных социологических исследований, на которую обращает внимание Ж.Т. Гоценко), в Вологодской области с успехом решаются, о чем, в частности, свидетельствует регулярное обращение к результатам социологических измерений ИСЭРТ лиц, принимающих управленческие решения, и представителей общественных организаций.

Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения

Исследование общественного мнения по ключевым вопросам социально-экономической политики и основным проблемам, волнующим население, ИСЭРТ РАН проводит с 1995 года. Большую роль в становлении мониторинга общественного мнения сыграла поддержка Института социально-политических исследований РАН и лично его директора академика *Г.В. Осипова*.

Академик РАН
Г.В. Осипов

Сегодня многолетний опыт проведения мониторинга позволяет оценить стабильность политической и экономической ситуации в стране, уровень поддержки населением действующих органов власти и их решений, понять характер настроений, существующих в обществе.

Эта информация, разумеется, представляет собой не только сугубо научный интерес, но и выступает информационной базой для принятий управленческих решений, предметом широких дискуссий на заседаниях Общественной палаты, Гражданского форума, в СМИ и т.д. Сегодня много говорят о необходимости включения социологического знания в практику принятия управленческих решений. На наш взгляд, это не просто важный и необходимый, а естественный ход событий в рамках того курса, который был задан Президентом РФ в конце 2000-х гг.: развитие экономики и других отраслей невозможно без эффективного государственного управления, его основой является взаимодействие власти и социума, его критерием – общественное мнение.

Итак, с осени 1995 г. ИСЭРТ РАН (который в то время именовался ВНКЦ ЦЭМИ РАН) стал проводить социологические опросы в двух крупных городах (Вологда, Череповец), а также в семи районах области (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский и Тарногский; с августа 2000 г. в областную выборку был включён Шекснинский район).

С тех пор каждые два месяца ИСЭРТ РАН проводит опрос 1500 жителей региона в возрасте 18 лет и старше (ошибка выборки не превышает 3%). В качестве основного метода мониторинга мы выбрали метод анкетирования по ме-

сту жительства, позволяющий получать достоверные результаты исследования, прежде всего, за счет создания удобных условий для анкетеров и респондентов, осуществляющих непосредственное взаимодействие⁷³. Немаловажным фактором при выборе метода стал значительный объем выборочной совокупности исследования (в год опрашивается около 9 тысяч жителей региона), частота проведения опросов (6 раз в год), а также широкий спектр тематических блоков, которые мы стараемся охватить в каждом конкретном случае (анкета включает в себя более 100 вопросов, объединенных более чем в 10 тем⁷⁴).

Многоуровневая структура исследования по сбору, обработке и анализу информации включает в себя сотрудников головного центра (непосредственно ИСЭРТ РАН), в функции которого входит общая координация работ, организация опросов в областном центре, обработка и анализ информации, организаторов опросов в районах области, координирующих деятельность анкетеров и проводящих обучение на местах, и непосредственно анкетеров в каждой точке опроса (рис. 1.2.1).

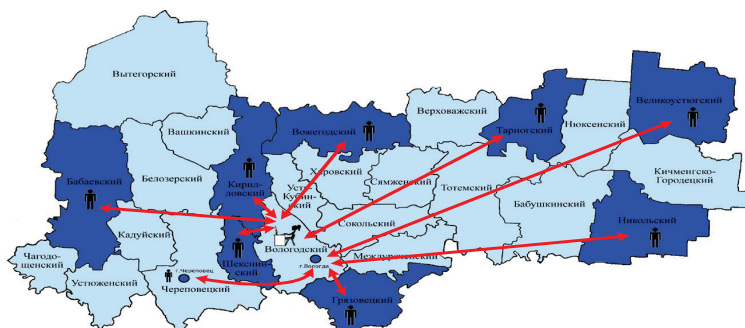

Рис. 1.2.1. Организационная схема мониторинга ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области

В круг вопросов, рассматриваемых в мониторинге, входят:

1. Оценка населением политической и экономической ситуации в стране, регионе.

⁷³ Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий:

- пропорций между городским и сельским населением;
- пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);
- половозрастной структуры взрослого населения области.

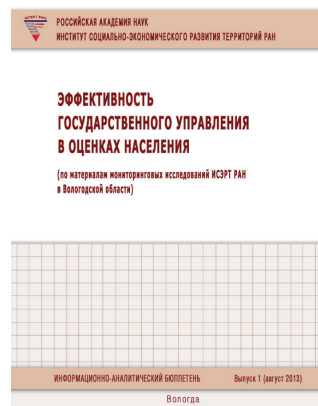
Ошибка выборки не превышает 3%.

⁷⁴ При проведении каждой новой «волны» опроса структура анкеты несколько меняется за счет того, что мы стараемся держать руку «на пульсе» событий, происходящих в жизни страны и региона. Поэтому точные цифры о количестве вопросов и тем привести достаточно сложно.

2. Восприятие людьми актуальных проблем современной жизни.
3. Материальное положение населения, социально-экономическая стратификация.
4. Уровень потребления и измерение индекса потребительских настроений (ИПН).
5. Социальное настроение и удовлетворенность жизнью.
6. Отношение людей к политике властных структур, оценка их деятельности.
7. Уровень социального доверия политическим и общественным институтам.
8. Уровень социальной напряженности и потенциал социального протеста.
9. Социальный капитал и потенциал развития гражданского общества.
10. Оценка личной безопасности и правопорядка.
11. Отношение населения к деятельности средств массовой информации.

Важно подчеркнуть, что срез социологической информации, получаемый в результате исследования, анализируется в разрезе 14 социально-демографических категорий населения, что дает богатую пищу для научных размышлений, но самое главное – важную информацию для органов, принимающих управленческие решения. Возможность изучения социального самочувствия и социального восприятия отдельных социальных слоёв населения позволяет ИСЭРТ РАН представлять в концентрированном виде информацию органам власти о наиболее актуальных проблемах, волнующих представителей той или иной категории, об их реакции на различные события, происходящие в жизни страны и региона.

Одной из форм такого представления является Информационно-аналитический бюллетень, выпускаемый ИСЭРТ РАН с 2013 года. Каждый новый выпуск бюллетеня подготавливается после каждой очередной вол-

ны опроса и содержит иллюстративный материал с результатами проведенного этапа мониторинга, а также анализ динамики общественного мнения, проведенный сотрудниками Института.

Опыт социологических исследований на территории Вологодской области получил положительную оценку со стороны академических и государственных структур. В связи с этим, по решению Бюро Секции экономики ООН РАН, начиная с 2005 г. ИСЭРТ РАН распространяет его на территорию Северо-Западного федерального округа.

В ходе мониторинга опрашивается более 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Республика Карелия, Республика Коми, г. Санкт-Петербург; *рис. 1.2.2*)⁷⁵. Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов.

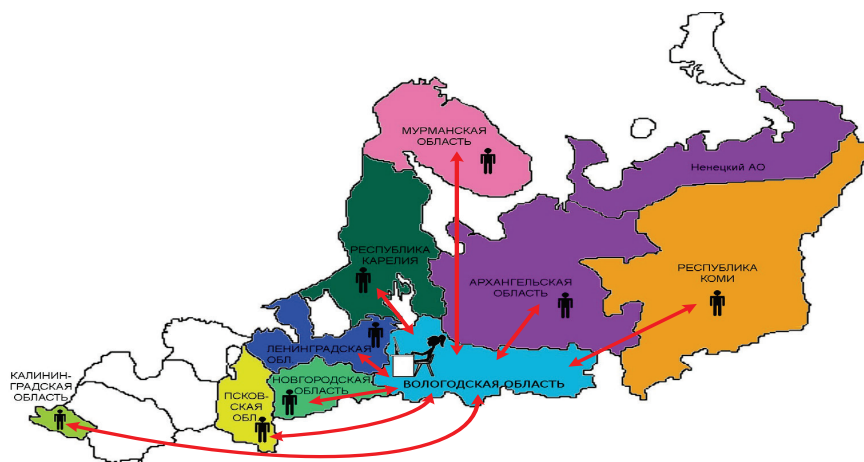

Рис. 1.2.2. Организационная схема мониторинга ИСЭРТ РАН на территории Северо-Западного федерального округа

Увеличение территории исследования потребовало существенных организационных изменений. Так, при проведении опросов по СЗФО используется

⁷⁵ Объем выборки по каждому региону не менее 400 респондентов позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом субъекте СЗФО и осуществлять межрегиональные сопоставления. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. При определении точек опросов учитывается их равнопредставленность в федеральных избирательных округах; при проведении опросов в населенных пунктах – их равнопредставленность в избирательных округах (участках). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения региона.

сеть опросных центров, состоящая из головного центра (ИСЭРТ РАН) и представительств в отдельных областях и республиках региона. При этом опросы проходят по единой методике; обеспечивается репрезентативность данных как обобщенных (в целом по округу), так и по отдельным областям и республикам федерального округа.

Территориальный охват накладывает отпечаток и на тематику опросов. Например, в рамках федерального округа изучаются такие проблемы российского общества, как социальная мобильность населения, социальная и социокультурная стратификация, ценностные основы общества и т.д.

Однако проведение исследований на весьма обширной территории СЗФО требует значительных финансовых и организационных затрат, что влечет за собой и соответствующие проблемы (например, не всегда удается соблюдать принятую за норматив регулярность опросов – 1 раз в год). Мы смотрим на это с практической точки зрения: сегодня отсутствие объективных возможностей для проведения социологических замеров с такой регулярностью и с таким тематическим охватом, как это делает ИСЭРТ РАН, – проблема не столько Института, сколько всей региональной социологии в стране. При всей важности подобного опыта для науки и власти возможности региональных центров изучения общественного мнения пока остаются, мягко говоря, крайне ограниченными. Это не вина, а беда российской социологии. Что касается непосредственно ИСЭРТ РАН, то задача на перспективу – прежде всего стать центром социологических исследований не только в регионе, но и в федеральном округе.

Таким образом, система обратной связи между обществом и государством, формой которой является мониторинг общественного мнения, дает широкий срез информации о социальном самочувствии и экономическом положении, политических настроениях населения. Она позволяет более адекватно оценивать эффективность государственной экономической и социальной политики, полнее учитывать права и интересы различных групп населения при разработке и реализации социально значимых управленческих решений.

Результаты социологических исследований ИСЭРТ РАН на регулярной основе представляются в виде выпусков информационно-аналитического бюллетеня, публикуются в монографиях и научных статьях (в том числе в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях), освещаются на международных и российских конференциях, становятся предметом дискуссий в СМИ, выступают основным информационным источником для участников заседаний Общественной палаты области, а также при проведении Гражданского форума, рассматриваются как индикаторы эффективности и в этом смысле обсуждаются на совещаниях Правительства Вологодской области, предоставляются лично первым руководителям региона и муниципальных образований.

Высокий уровень востребованности результатов мониторинга со стороны органов власти, представителей науки и общественности, их информационная, организационная, методическая и просто психологическая поддержка является для нас предметом особой гордости и, пожалуй, главным показателем проделанной за 25 лет работы.

Исследование условий формирования здорового поколения

Здоровье населения – одна из центральных проблем, к которой обращено внимание Института. Причина не только в том, что на рубеже XIX – XX столетий Российская Федерация оказалась на грани демографической катастрофы и, несмотря на некоторые позитивные тенденции последних лет, мы по-прежнему отстаем от зарубежных стандартов по многим демографическим показателям. Причина даже не в том, что здоровье населения – краеугольный камень национальной безопасности, что зафиксировано во всех стратегических документах федерального уровня. Изучая здоровье населения (в самых разных его аспектах и проявлениях), мы задаемся в первую очередь целью обеспечения научного вклада в дело развития будущего поколения, иначе говоря – в совершенствование количественных и качественных показателей демографической ситуации, являющейся фундаментом человеческого и трудового капитала.

И в этом смысле (с точки зрения ориентации именно на будущее поколение) одним из наиболее важных исследований, осуществляемых Институтом, является изучение условий формирования здорового поколения. Пробразом мониторинга, выполняемого в рамках изучения условий формирования здорового поколения, стало исследование здоровья и развития детей (NCDS), проводившееся в Великобритании с 1958 г. Национальным учреждением детства (NCB) и продолженное в 1985 г.

Член-корр. РАН
Н.М. Римашевская

Центром многолетних исследований (CLS). В отечественной науке идея о необходимости всестороннего изучения здоровья и развития детей появилась несколько позже, в 80-х гг. XX века, и была связана с именем одного из самых выдающихся отечественных ученых – *д.э.н., проф., чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской*. При ее непосредственной поддержке и руководстве реализацию данной идеи на региональном уровне взял на себя ИСЭРТ РАН. С середины 1990-х гг. она нашла свое отражение в масштабном и долгосрочном мониторинге «Изучение условий формирования здорового поколения», который продолжается до сих пор.

Суть исследования заключается в том, чтобы на протяжении многолетнего периода проследить изменения, происходящие в здоровье детской популяции на территории Вологодской области. Наблюдение методом мониторинга когорт позволило в течение длительного периода (с 1995 г. по настоящее время) получать в режиме реального времени объективную и достоверную информацию о здоровье и развитии детей, об определяющих факторах.

Участниками мониторинга являются не только сами дети и их родители, но и врачи, медсестры, ученые, представители органов власти различного уровня. Выборку исследования составляют семьи, в которых за определенный период родились дети в крупных городах области (Вологда, Череповец), городах – районных центрах (Великий Устюг, Кириллов) и поселке городского типа Вожега (*табл. 1.2.2*).

Таблица 1.2.2. Этапы проведения мониторинга

Год начала исследования	Период начала исследования	Количество обследуемых семей
1995	15 мая – 30 мая	100
1998	1 марта – 25 марта	200
2001	1 марта – 25 марта	200
2004	1 марта – 25 марта	200
2014	1 марта – 21 марта	370

К настоящему времени в мониторинге задействованы пять когорт семей (дети 1995, 1998, 2001, 2004 и 2014 годов рождения), что расширяет возможности для выявления и анализа тенденций в здоровье и развитии детей, а также факторов, обуславливающих данные процессы.

О комплексном характере осуществляемого мониторинга говорит его инструментарий – специально разработанные анкеты, включающие в себя:

- анкеты, характеризующие особенности семьи и домохозяйства новорожденного (заполняются родителями), здоровье родителей и особенно подробно – матери, специфику родов, основные параметры здоровья новорожденного или причины его смерти (заполняются врачами акушерами-гинекологами на основе медицинской документации);

- анкеты, характеризующие состояние здоровья и развитие ребенка, условия его жизни в возрасте 1 месяца, 6 месяцев, 1, 2, 3 лет и так далее (анкеты имеют две части: первая, касающаяся оценки условий жизни и развития детей, заполняется родителями; вторая, касающаяся характеристики и оценки здоровья ребенка, – участковыми врачами-педиатрами);

- анкеты, характеризующие состояние здоровья и развитие детей, их увлечения и интересы (заполняются самими детьми, начиная с десятилетнего возраста);

- пакет прикладных программ (SPSS, Statistica) для первичной обработки информации, а также статистического и эконометрического анализа.

В течение первого года жизни ребенка информация снимается четыре раза (на периоды рождения, достижения возраста одного месяца, шести месяцев и одного года), далее – ежегодно.

Масштабность и практическая значимость тех результатов, которых удалось достичь за долгие годы изучения данной проблемы, оказались бы невозможными без тесного взаимодействия на протяжении всего периода исследования с областным департаментом здравоохранения (*А.А. Колинко, А.И. Попугаев, Н.А. Короленко, Е.Л. Володина*), а также без методологического руководства со стороны ведущих российских ученых (*Н.М. Римашевская, Е.Б. Бреева, И.П. Каткова, Е.В. Андрияшина и др.*). Сегодня результаты исследования играют важную роль при подготовке законодательных актов и целевых программ, привлекают внимание ученых по всей стране.

Исследование качества трудового потенциала региона

В 1996 году, с использованием оригинальной методики, ИСЭРТ РАН начал мониторинговое исследование динамики *качества трудового потенциала региона*. Усиление роли человеческого фактора во всех областях развития экономики и общества является одним из главных долговременных системных вызовов, отражающих как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития России и ее регионов. Этот неоспоримый факт стал причиной того, что мы взяли за изучение данного вопроса. Не случайно в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» первоочередным приоритетным направлением перехода к инновационной социально ориентированной экономике названо развитие человеческого потенциала России, которое включает системные преобразования, «направленные на повышение конкурентоспособности кадрового потенциала, рабочей силы», т.е. трудового потенциала.

В основе исследования, проводимого ИСЭРТ РАН, лежат идеи члена-корреспондента РАН, д.э.н., профессора *Н.М. Римашевской* о качественных компонентах трудового потенциала, характеризующих энергетические возможности работника (здоровье, интеллект) и социально-коммуникативные свойства (культурный и нравственный уровень, предпринимательские и коммуникативные способности), которые свидетельствуют о человеке как о субъекте общественных отношений. Основным инструментарием исследования качества тру-

дового потенциала являются социологические опросы, которые сегодня проводятся один раз в два года (до 2009 г. – ежегодно) в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области.

В рамках данного исследования отслеживается динамика развития базовых качественных характеристик, оцениваются индексы качества трудового потенциала и индексы требований рабочих мест. Изучаются вопросы условий и результативности трудовой деятельности и их взаимосвязи с качеством трудового потенциала, проводится анализ управления трудовым потенциалом на региональном уровне. В 2009 г. на основе исследования была разработана авторская методика измерения степени использования населением своего трудового потенциала в трудовой деятельности. С 2011 г. осуществляется оценка трудовой мотивации.

В структуру анкеты мониторинга качества трудового потенциала включены блоки вопросов, дающие представление:

1. Об особенностях формирования человеческого капитала на региональном уровне (основные направления инвестирования в образование населением, величина данных инвестиций, участие населения в курсах переподготовки и повышения квалификации, определение результативности этих мероприятий, влияние общих и поведенческих навыков на качество трудового потенциала и результативность трудовой деятельности).

2. О внутренних резервах, способных мотивировать работников к высокому качеству работы, эффективному и творческому труду, полной реализации трудового потенциала (стратегии поведения населения на рынке труда, вторичная занятость работников и ее влияние на повседневную жизнь) (2012 г.).

На протяжении 1997 – 2015 гг. исследование непрерывно развивалось, дополнялось, вносились коррективы в его методику. Сегодня в рамках изучения качества трудового потенциала региона разрабатываются несколько научно-исследовательских проектов:

– «Управление человеческим капиталом и инновационное развитие территорий»;

- «Трудовое поведение как способ реализации индивидуального трудового потенциала»;
- «Институциональный анализ регионального рынка труда»;
- «Человеческий потенциал сельских территорий»;
- «Факторы и социально-экономические последствия межпоселенческой миграции населения».

Научно-исследовательская работа «Воспроизводство населения: тенденции и резервы»

Трудовой, репродуктивный, человеческий потенциал, а также социокультурный и экономический облик территории во многом определяет демографическая структура населения – баланс рождаемости и смертности, миграция, половозрастной, этнический, конфессиональный состав, брачное состояние и т.д.

Одним из ключевых аспектов здоровья населения и формирования трудового потенциала являются репродуктивные установки, от которых зависит в первую очередь качество будущих поколений. Поэтому мы не могли обойти вниманием этот вопрос и с 2004 г. приступили к реализации научно-исследовательского проекта «Воспроизводство населения: тенденции и резервы». Важно отметить, что данная работа была инициирована Департаментом здравоохранения Вологодской области и на всех этапах проводилась при его непосредственной поддержке. Сам этот факт свидетельствовал об актуальности такого исследования и заинтересованности органов власти в его результатах.

Научное консультирование на первом этапе исследования осуществлялось д.м.н. *И.П. Катковой* – одним из ведущих специалистов в области репродуктивного здоровья населения. Был организован опрос женщин с разными исходами беременности, направленный на выявление таких аспектов, как медико-гигиеническая грамотность, мотивы и факторы abortивного выбора и практики контрацептивного поведения. В 2005 г. проведен массовый опрос населения с целью дополнения полученных данных и начато изучение репродуктивного поведения населения в гендерном разрезе.

В 2006 и 2009 гг. в рамках российско-американского проекта «Мать и Дитя» выполнялось исследование медико-гигиенической грамотности женщин и эффективности разработанных превентивных мер abortивного поведения, что позволило разработать научное обоснование необходимости межведомственного взаимодействия по формированию грамотного ответственного отношения к половой жизни и родительству не только у женщин, но и у населения в целом.

Первоначально вопросы, связанные с репродуктивными установками и поведением, представляли собой отдельный блок в рамках мониторинга физического здоровья, который проводился еще с 1999 г. Сегодня для этой цели разработана своя анкета, объединяющая в себе вопросы по четырем ключевым направлениям:

- анализ собственно репродуктивного поведения: установки детности, представления об оптимальной длительности прото- и интергенетических интервалов, предпочтения пола детей;

- анализ abortивного поведения: наличие и кратность abortа, представления о его допустимости;

- анализ контрацептивного поведения: регулярность и мотивы использования контрацепции, неудовлетворенная потребность в планировании семьи, ее причины;

- анализ факторов репродуктивного поведения: репродуктивные установки, репродуктивное здоровье, медико-гигиеническая грамотность, материальное и жилищное положение, социально-демографические характеристики.

Регулярный опрос жителей региона по этим темам (ведется с 2007 г.) позволил нам выявить факторы репродуктивного выбора и предложить организационный механизм регулирования репродуктивного поведения для формирования «новых» социальных норм детности и условий более полной реализации репродуктивных планов населения.

В настоящее время в рамках НИР «Воспроизводство населения: тенденции и резервы» осуществляются 4 исследовательских проекта: «Изучение физического здоровья населения и пути его улучшения», «Мониторинг условий фор-

мирования здорового поколения», «Воспроизводство населения как фактор демографической безопасности территории» и «Демографическое старение населения региона: социально-экономические факторы и последствия» (последнее направление с 2014 г. выполняется при поддержке Российского научного фонда).

Изучение условий, тенденций, закономерностей функционирования и развития региональной системы здравоохранения

Практически десятилетний опыт исследований здоровья населения в тесном сотрудничестве с Департаментом здравоохранения Вологодской области и ведущими российскими учеными, накопленный ИСЭРТ РАН к середине 2000-х гг., не мог не повлиять на то, что в 2006 г. перед Институтом встала новая задача – изучение организационных и экономических факторов управления региональной системой здравоохранения.

Важную роль в становлении данного научного направления сыграли органы государственной власти (Департамент здравоохранения и лично *М.Д. Дуганов*) и областной Медицинский информационно-аналитический центр, которые и по сей день оказывают существенную информационную поддержку научных изысканий Института.

В рамках научно-исследовательских работ изучаются такие вопросы, как обеспечение рациональности освоения финансовых ресурсов и совершенствование структуры медицинской помощи, организация системы оценки эффективности затрат и использования более эффективных методов управления финансами, реализация межотраслевого взаимодействия в решении вопросов общественного здоровья и здравоохранения территории.

В исследовании сделан акцент на практическом применении оригинального инструментария оценки эффективности затрат на здравоохранение в Вологодской области. Проводится оценка масштабов ущерба, наносимого обществу и экономике региона преждевременной смертностью населения. Осуществляется качественный анализ структуры смертности.

Полученные результаты позволили построить профили эффективности затрат на здравоохранение и выделить проблемные территории, где в условиях высокой смертности населения имеют место низкие затраты на здравоохранение.

Социологические опросы, проводимые в рамках НИР, направлены на изучение факторов повышения качества медицинской помощи и её доступности для жителей региона. Они дают возможность выявлять мотивы, движущие людьми в процессе обращения в медицинские учреждения, и соотносить уровень их ожиданий с реальными условиями оказания медицинских услуг.

В 2015 г. было положено начало новому направлению исследований – оценке эффективности управления учреждениями социальной сферы. Социологический опрос руководителей учреждений здравоохранения и культуры позволил проанализировать распространённость в их практике основных методических приёмов, способствующих повышению эффективности работы организации.

Социальное здоровье населения

В число «молодых» тем, разрабатываемых Институтом, входит изучение социального здоровья населения. Данное направление исследований ведётся с 2010 г., однако своими корнями уходит ещё в начало 2000-х, когда ИСЭРТ РАН (будучи тогда ВНКЦ ЦЭМИ РАН) совместно с Департаментом здравоохранения Вологодской области и лично с его представителем *О.И. Фалалеевой* начал работу над темой «Мониторинг психологического климата и психического здоровья населения Вологодской области и пути их улучшения».

Конкретным стимулом к началу данного исследования в 2000 г. послужила совместная работа ИСЭРТ РАН и Правительства Вологодской области над концепцией «Вологодская область – Здоровье-21: долгосрочная политика охраны и укрепления здоровья населения Вологодской области». Вместе с тем концептуальной причиной его реализации стало понимание того, что невозможно изучать здоровье населения, ограничиваясь исследованием только его физических характеристик, поскольку психический аспект здоровья не менее, а порой и более важен в плане улучшения качества нынешнего и будущих поколений.

В рамках мониторинга общественного психического здоровья, который проводится и в настоящее время с периодичностью 1 раз в два года, рассматривается множество вопросов: оценка населением своего психологического самочувствия; уровень распространения симптомов таких патологических состояний, как тревога, депрессия и невроз; востребованность специализированных услуг квалифицированных специалистов по охране психического здоровья; изучаются вопросы стигматизации людей, обращающихся за помощью к психологам, психиатрам, психотерапевтам, и многое другое. С 2003 г. отдельным направлением в рамках НИР стало исследование суицидального поведения – его факторов, последствий и возможностей управления им.

Кроме мониторинга общественного психического здоровья, за годы работы над проектом было выполнено множество социологических исследований, раскрывающих отдельные аспекты изучаемой проблемы. Например, в 2002–2003 гг. проводились опросы пациентов лечебно-профилактических учреждений (целью исследования было изучение возможностей ранней диагностики таких пограничных психосоматизированных психических расстройств, как тревожность и депрессивность); в 2007 г. на базе Вологодской областной психиатрической больницы (ВОПБ) проведено исследование, направленное на выявление факторов суицидального риска, а также определение специфических социальных, экономических, психологических, демографических характеристик представителей группы суицидального риска (для этого были изучены истории болезни 98 пациентов ВОПБ, госпитализированных по поводу суицидальной попытки в период с 2006 по 1 квартал 2007 г.).

Однако со временем мы поняли, что, изучая вопросы психического здоровья, мы все чаще соприкасаемся со смежными проблемами – с другими формами девиантного поведения и с другими причинами смертности. Возникла необходимость более широкого взгляда на характер рассматриваемых вопросов – не только как на демографическую проблему, но и как на характеристику степени психологической дезадаптации населения.

Так, к 2010 г. изучение психических расстройств и суицидального поведения трансформировалось в научно-исследовательскую работу под названием «Социальное здоровье населения», в рамках которой в настоящее время рассматриваются не только проблемы психического здоровья и самоубийств, но и других социальных патологий, форм девиантного поведения, а также проблемы восприятия населением условий жизни, оценки своего материального положения, социального самочувствия, политических решений и т.д.

«Гочечные» социологические исследования, наряду с мониторингом общественного психического здоровья и восприятия населением Вологодской области условий жизни, были в дальнейшем продолжены.

1. В 2010 г. на территории г. Вологды проведен опрос учащихся образовательных учреждений по проблеме распространения субкультур и субкультурных практик. Это позволило выявить неформальные объединения, содержащие наибольшее число участников, полностью разделяющих субкультурные традиции, правила поведения, ценности и т.д., или, другими словами, субкультуры, которые имеют наибольшее влияние на участвующих в них представителей молодежи. Выборочную совокупность данного исследования составили 498 человек в возрасте от 15 до 21 года. Были охвачены учебные заведения всех уровней образования (высшие, средние специальные, начальные профессиональные, общеобразовательные – всего 22).

2. В 2011 г. на базе Вологодского областного наркологического диспансера (ВОНД) было проведено исследование социальных характеристик людей, страдающих от злоупотребления алкоголем или наркотиками. Методом исследования стал анализ текущей статистической информации наркологического диспансера, больничных карт (всего в ходе исследования рассмотрено 1284 больничные карты), а также непосредственное наблюдение за работой специалистов ВОНД.

3. В 2013 г. на основе данных мониторингов психического здоровья и блока вопросов мониторинга экономического положения и социального самочувствия, касающихся отношения жителей области к деятельности полиции и их

оценки в отношении уровня преступности в регионе, были рассмотрены психологические черты лиц, склонных к проявлению виктимного поведения.

Развитию исследования социального здоровья во многом способствовали объективные обстоятельства, складывавшиеся в российском обществе на протяжении всего постсоветского периода. На фоне относительных успехов в тенденциях рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации (особенно среди молодёжи) остаются крайне актуальными проблемы преждевременной смертности от внешних причин, алкоголизма, наркомании и т.д. Немаловажно и то, что динамика психологической адаптации людей в период после распада СССР и «лихих 90-х» сегодня приводит к тому, что накопившаяся критическая масса в ожидании перемен становится главным фактором всего общественного развития, и это один из центральных вопросов, рассматриваемых в рамках НИР «Социальное здоровье населения» (более подробно об этом будет рассказано в последующих главах монографии).

Социально-экономическая дифференциация населения, ее влияние на состояние и перспективы развития региона

Социологические исследования ИСЭРТ РАН, разумеется, не ограничиваются изучением различных аспектов здоровья общества. Львиная доля опросов посвящена актуальным проблемам социально-экономического развития. Ярким примером может послужить НИР «Социально-экономическая дифференциация населения, ее влияние на состояние и перспективы развития региона», которая проводится с 2007 г.

За последние 25 лет Россия сделала существенный шаг в направлении роста уровня жизни и благосостояния населения, однако многие проблемы не только остались, но и продолжают нарастать и влекут за собой массу нерешенных вопросов, которые ставят под угрозу национальную безопасность государства.

Пожалуй, главной из этих проблем можно назвать существенную дифференциацию российского общества по социально-имущественным характери-

стикам, которая является фундаментом многолетней и так обострившейся в последние годы потребности россиян в чувстве социальной справедливости.

Изучение вопросов социально-экономической дифференциации проводится ИСЭРТ РАН с 2007 года. Основная цель данного исследования заключается в изучении процессов, обуславливающих неравенство населения, и их взаимосвязи с социально-экономическими процессами, происходящими в Вологодской области и России в целом. Специальный социологический опрос по проблемам уровня жизни, бедности и неравенства проводится с периодичностью 1 раз в год.

В процессе выполнения исследования было достигнуто следующее:

- оценены масштабы социально-экономического неравенства населения Вологодской области на основе данных не только официальной статистики, но и результатов специально организованных социологических опросов;

- выделены нормальная и избыточная составляющие неравенства населения региона и оценено влияние каждой из них на показатели его социально-экономического развития;

- дана характеристика масштабов дифференциации населения России в послереформенный период (в межгрупповом, межрегиональном и поселенческом аспектах); выявлены особенности неравенства населения России в условиях транзитивной экономики;

- изучен комплекс объективных (экономических, социальных и др.) и субъективных (личностных) факторов, влияющих на характер дифференциации населения по доходам и располагаемому имуществу;

- проведена комплексная оценка параметров и степени влияния неравенства в распределении доходов на экономическое (развитие потребительского рынка, строительства, отраслей социальной инфраструктуры, уровень экономической активности населения и т.д.) и социальное (уровень социальной напряженности, степень распространенности социальных деструкций и т.д.) развитие территорий;

– рассмотрена социальная политика государства с позиции возможности снижения дифференциации и бедности; изучена современная отечественная и зарубежная практика регулирования доходов населения посредством налогового механизма;

– определены основные направления уменьшения масштабов социально-экономического неравенства и бедности населения.

Сегодня вопросы социально-экономической дифференциации рассматриваются в контексте перехода страны от рыночной трансформации к модернизации экономики. Это обуславливает новые направления исследований: анализ модернизации регионов РФ, изучение факторов и индикаторов уровня и качества жизни населения регионов РФ, анализ взаимосвязи между отдельными аспектами неравенства в уровне и качестве жизни населения и процессами модернизации экономики.

Участие ИСЭРТ в общероссийской программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»

С 2008 г. ИСЭРТ РАН участвует в общероссийской Программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»⁷⁶, которая была инициирована в 2005 г. Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН. Руководителем программы является член-корреспондент РАН *Н.И. Лапин*. Реализация данной Программы в субъектах РФ впервые позволила корректно, по сопоставимым инструментариям, сочетать федеральный и региональный уровни социологических исследований сходного круга проблем, а также осуществлять координацию социокультурных исследований в трети регионов страны (участниками Программы издано более 1000 публикаций, включая 110 монографий и сборников). Создано новое научное направление «Социокультурная компаративистика регионов России», воз-

Член-корр. РАН
Н.И. Лапин

⁷⁶ Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2010). – М. : ИФ РАН, 2010. – 111 с.

никала одноименная межрегиональная научная школа (Н.И. Лапин). Результаты Программы получили широкое признание в социологическом сообществе, в том числе в Институте социологии РАН.

Общая цель данного проекта – представить регионы как социокультурные территориальные сообщества в их целостности, своеобразии и в контексте социокультурного пространства России как дифференцированного целого. Ежегодно проходят тематические конференции, которые вот уже более 10 лет поддерживает Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). В 2013 г. на базе ИСЭРТ РАН была организована IX Всероссийская научно-практическая конференция «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации» по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (при поддержке РГНФ). По оценке участников конференции, она была весьма удачной и заметно способствовала повышению статуса ИСЭРТ РАН в российском научном сообществе. Сотрудники ИСЭРТ РАН активно участвуют в подготовке публикаций о социокультурной модернизации федеральных округов РФ, прежде всего – Северо-Западного.

В 2012 г. по инициативе Центра исследования социокультурных изменений Института философии РАН и на основе его методологических положений в ИСЭРТ РАН была создана информационно-аналитическая система «Модернизация» (<http://mod.vscs.ac.ru/>). Исследование модернизации опиралось на инструментарий коллег из Центра исследования модернизации академии наук Китая. Таким образом, появилась возможность соотнесения результатов многолетних социологических мониторингов с данными об изучении процессов модернизации в субъектах Российской Федерации. Эта система активно используется участниками Программы⁷⁷.

Социологические опросы населения Вологодской области, проведенные ИСЭРТ РАН в рамках данного проекта в 2008, 2010 и 2012 годах, позволили составить социокультурный портрет региона, отражающий его социально-

⁷⁷ Проблемы социокультурной модернизации регионов России / ИФ РАН : сост., общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М. : Academia, 2013. – 416 с.

экономические преимущества, основные проблемы и тенденции развития. С помощью методов социологических исследований показана социальная биография Вологодской области, востребованная в работе тех, кто интересуется вопросами социального развития, – управленцев, политиков, научных работников, преподавателей и др.

Сегодня в рамках данного исследования стоит достаточно амбициозная задача – не только критически представить состояние модернизации, включая его оценки населением, но и разработать подходы к формированию стратегии модернизации на кратко- и среднесрочную перспективу.

Условия формирования территориального научно-образовательного пространства

Возможности модернизации и конкурентные преимущества экономики любой территории напрямую определяются накопленным и задействованным интеллектуальным потенциалом. Поэтому с 2010 г. ИСЭРТ РАН занимается исследованием условий формирования территориального научно-образовательного пространства как главной предпосылки его воспроизводства.

В рамках данного исследования был проведен анализ школьной подсистемы научно-образовательного пространства региона, а также подсистемы высшего профессионального образования. Мониторятся проблемы кадрового обеспечения региональной системы образования; изучается экономическое положение и социальное самочувствие педагогов школ Вологодской области; произведена группировка муниципальных образований Вологодской области и субъектов Российской Федерации по показателям развития образования; рассматриваются вопросы соответствия подсистемы высшего образования потребностям региональной экономики; систематизирован опыт развития систем высшего профессионального образования в субъектах РФ; проводится оценка уровня развития научно-образовательного пространства в субъектах РФ.

Методы социологических исследований, которые широко применяются в ходе решения этих и многих других задач, позволяют более глубоко взглянуть

на характер рассматриваемых проблем, понять их внутренние факторы и механизмы формирования. Например, в 2010–2011 гг. был проведен опрос обучающихся школ и студентов организаций профессионального образования по оценке условий формирования творческого потенциала (в опросе приняли участие 550 чел. в 2010 г. и 1213 чел. в 2011 г.). В 2011 г. проведен опрос среди преподавателей общеобразовательных школ Вологодской области, направленный на изучение самооценки их материального положения и социального самочувствия (в опросе приняли участие 394 учителя из школ городов Вологды и Череповца и 8 районов области). Также в 2011 г. проведен опрос руководителей муниципальных органов управления образованием Вологодской области, который позволил изучить их точку зрения на ключевые возможности и препятствия для развития образования в муниципальных территориях (в опросе приняли участие 28 руководителей). В 2012 г. проведен экспертный опрос среди преподавателей и административных работников (директоров, ректоров, деканов и их заместителей) организаций профессионального образования области (в опросе участвовали 147 чел.), который был направлен на выявление уровня подготовленности студентов к условиям современной экономики и определение специфики взаимодействия образовательных организаций с социальными партнерами.

С 2014 г. состояние и развитие российского образования рассматривается в свете модернизации экономики и возможностей использования проектов социальных инноваций как инструмента решения образовательных проблем. Это существенно расширило круг задач, стоящих перед авторами исследования:

- изучить социокультурные факторы, оказывающих влияние на мировосприятие молодежи, самоидентификацию в социальном пространстве;
- провести анализ факторов, обеспечивающих оптимальные условия реализации проектов социальных инноваций в образовании и обучении на протяжении всей жизни;
- оценить экономический эффект от реализации проектов социальных инноваций в образовании и обучении на протяжении всей жизни, обеспечиваю-

щий конкурентоспособный уровень экономического развития и модернизации регионов;

– разработать концептуальную модель оптимального внедрения социальных инноваций в сферу образования и обучения на протяжении всей жизни.

Таким образом, изучение здоровья занимает центральное, но далеко не единственное место в рамках социологических исследований Института. Да и само здоровье общества рассматривается с настолько широких позиций, что практически каждый конкретный исследовательский проект разрабатывается в тесном взаимодействии со многими другими темами. Научные работники ежедневно обмениваются опытом при непосредственном взаимодействии, в рамках регулярно проходящих внутри Института научно-практических семинаров и в других формах, с целью обмена опытом, для того чтобы максимально объективно рассматривать те проблемы, которые они разрабатывают. Стоит подчеркнуть, что, наряду с актуальностью исследовательских тем, это является одним из главных факторов востребованности получаемых результатов за пределами ИСЭРТ РАН.

За свою четвертьвековую историю социологические исследования Института приобрели комплексный и системный характер. Сегодня это единый отлаженный механизм, имеющий отработанную научно обоснованную методологию. Исследования проводятся регулярно и рассматривают широкий спектр вопросов, включающий в себя не только различные аспекты собственно физического и психического здоровья, но и множество других сопутствующих проблем российского общества, далеко выходящих за рамки того, что ставилось целью на первоначальных этапах работы. От психологического самочувствия до отношения к положению дел в ключевых сферах общественной жизни, от репродуктивных установок населения до самооценок материального и статусного положения, от характеристики собственного здоровья до отношения к деятельности власти – всё это измеряется на регулярной основе, что позволяет ИСЭРТ РАН следить за тенденциями общественного развития на протяжении уже почти 25 лет.

В заключение нашего краткого (и далеко не полного) представления тематических вопросов, изучаемых ИСЭРТ РАН, хотелось бы более подробно остановиться на еще одном методологическом аспекте социологических исследований – системе индикаторов, которые используются для измерения общественного сознания и поведения в ходе мониторинга субъективных оценок жителей Вологодской области по ключевым вопросам, связанным с восприятием социально-экономической и политической ситуации, деятельности органов власти, характеристики собственного самочувствия и динамики благосостояния. Регулярные замеры оценок социального восприятия и социального самочувствия, представляющие собой важнейшее направление взаимодействия ИСЭРТ РАН с представителями региональных органов государственного управления, являются настолько масштабными, что для их описания требуется отдельная глава монографии.

1.3. МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ И СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ: ОПЫТ ИСЭРТ РАН

Что такое социальное самочувствие и что такое социальное восприятие? С этих вопросов следует начать наше описание того, каким образом ИСЭРТ РАН измеряет данные феномены общества.

Под термином «социальное восприятие» мы понимаем то, как люди оценивают условия своей жизни, начиная с условий проживания и заканчивая отношением к ситуации в стране и за ее пределами. «Социальное самочувствие» для нас – это психологические установки и эмоциональный фон, складывающийся у людей под воздействием этих самых «внешних» условий; своеобразный результат социального восприятия, выражаемый в повседневном настроении, поведении, общественно-политической активности, замкнутости или, наоборот, открытости к взаимодействию с другими людьми.

Социальное восприятие и социальное самочувствие – понятия, очень тесно взаимосвязанные друг с другом, а также с тем, как к людям относятся и какие решения принимают органы управления. Это было всегда, и это особенно актуально сегодня, после того как Президентом РФ В.В. Путиным (в 2013 году) был

задан курс на сближение власти и общества. Взаимодействие власти и общества выступает одним из главных факторов социального восприятия и социального самочувствия. Это ключевой признак и особенность современного этапа общественного развития. Но об этом мы поговорим в следующей главе, а пока что вернемся к индикаторам, которые использует ИСЭРТ РАН для того, чтобы анализировать динамику социального восприятия и социального самочувствия регионального сообщества на протяжении уже 25 лет.

Как было сказано выше, в мониторинге используются десятки различных индикаторов, отражающих самые разные аспекты общественной жизни. Их полное представление заняло бы как минимум половину всей книги, поэтому мы решили остановиться только на тех показателях, которые считаем ключевыми, интегральными, наиболее репрезентативно отражающими тенденции социального восприятия и социального самочувствия. За каждым из конкретных индикаторов, о которых пойдет речь далее, стоит целый блок вопросов, более глубоко раскрывающих конкретные аспекты отношения людей к этим феноменам социальной реальности. Например, оценивая деятельность главы государства, мы спрашиваем у людей о том, насколько успешно он справляется с ключевыми проблемами страны (такими, как укрепление международных позиций, защита демократии и укрепление свобод граждан, рост материального благосостояния); насколько приоритетными, на их взгляд, являются для Президента эти направления деятельности; как люди относятся к экономической политике, проводимой органами государственной власти и т.д. Исследуя отношение жителей области к деятельности региональной власти, мы фиксируем не только уровень ее поддержки, но и мнение об инициативных проектах губернатора, о его представлении в средствах массовой информации, о том, насколько успешно глава региона справляется с конкретными проблемами, беспокоящими население и т.д. Ключевые (и большинство) индикаторов мониторинга общественного мнения остаются неизменными на протяжении всего периода проведения исследований (с 1996 г.), некоторые из «второстепенных» меняются в зависимости от конкретной ситуации, складывающейся в стране и регионе на момент проведения опроса.

Итак, для оценки динамических изменений, происходящих в социальном самочувствии и социальном восприятии жителей Вологодской области, ИСЭРТ РАН использует два типа индикаторов: комплексные и, условно, прямые. Разделены они по самому простому методическому признаку: комплексные индикаторы вбирают в себя сведения, получаемые из комплекса различных вопросов, прямые – это ответы респондентов на конкретные вопросы, которые, хотя и не являются комплексными, играют не меньшую роль в плане отражения динамики общественного мнения. Для того чтобы доказать это на конкретных примерах, с них мы и начнем представление ключевых индикаторов мониторинга.

Оценка деятельности власти. В мониторинговых исследованиях ИСЭРТ РАН измеряется отношение жителей области ко всем федеральным, региональным и муниципальным органам государственного управления. Однако внимание мы акцентируем на уровне поддержки деятельности Президента РФ и губернатора Вологодской области. Почему именно оценка власти и поддержка первых лиц государства и региона представляется нам индикаторами, наиболее репрезентативно отражающими социальное восприятие жителями региона окружающей действительности? Потому что оценка деятельности власти – это не просто отношение к одному из социальных институтов, коими являются также общественные организации, СМИ, церковь и т.д., а отношение ко всему выбранному курсу общественного развития, в котором глава государства является главным инициатором тенденций, а губернатор – главным «проводником» заданного в регионе направления.

В менталитете российского общества глава государства (как бы эта должность ни называлась) всегда имел особый авторитет. Именно с этой личностью во все исторические эпохи всегда связывались надежды и ожидания россиян. И именно личность всегда брала на себя основную ответственность за курс общественного развития. Что уж говорить об отношении россиян к личности действующего Президента РФ В. Путина! Та планка общественного доверия, которую он задал своими действиями еще в начале 2000-х гг. и которую он смог поднять еще выше благодаря своим успешным действиям в 2013–2014 гг., была

и остается до сих пор недосягаемой ни для одного из политических деятелей страны.

Результаты наших исследований наглядно показывают, насколько резким был скачок поддержки главы государства в 2000 г., когда В.В. Путин сменил на этом посту Б.Н. Ельцина; насколько значительным было снижение уровня одобрения Президента, когда эту должность занимал Д.А. Медведев; какие надежды возлагало общество на возвращение В.В. Путина в преддверии его третьего президентского срока и насколько велика оказалась его поддержка в непростых геополитических условиях, связанных с событиями на Украине (рис. 1.3.1).

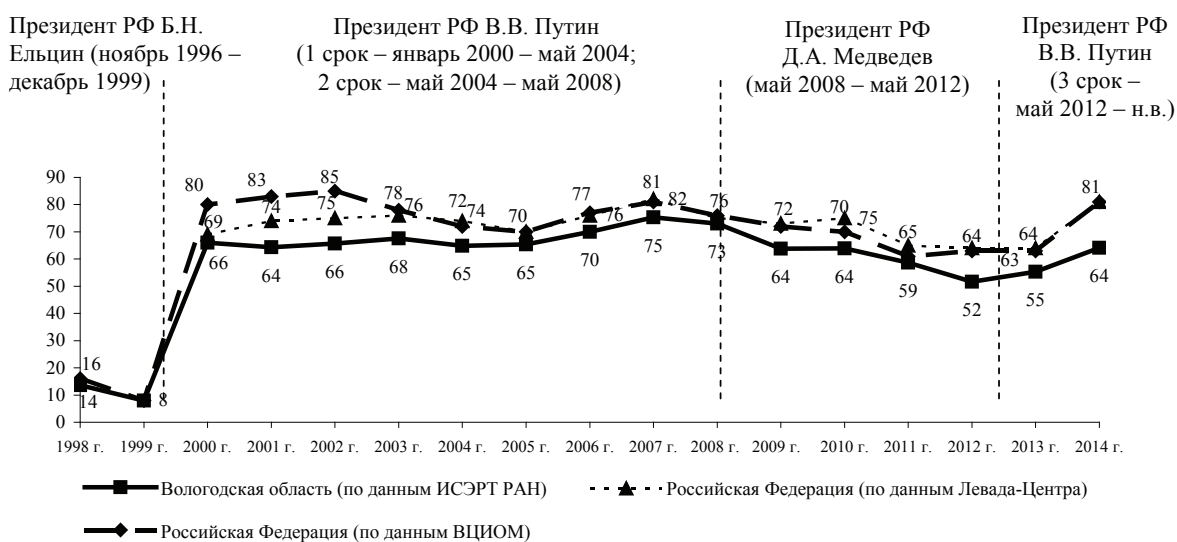

Рис. 1.3.1. Уровень одобрения деятельности Президента РФ по данным ВЦИОМ, Левада-Центра и ИСЭРТ РАН (в % от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, ВЦИОМ, Левада-Центра.

Сегодня действующий Президент РФ обладает непоколебимым авторитетом, и это можно расценивать двояко: с одной стороны, концентрация надежд общества на личности одного человека, на наш взгляд, делает всю политическую систему страны несколько уязвимой; однако, с другой стороны, это несет в себе существенный потенциал для оживления консолидационных процессов, практически уничтоженных деятельностью власти в 1990-е годы.

Что касается губернатора Вологодской области, то отношение жителей региона к его деятельности не столь однозначно (рис. 1.3.2). Косвенно на оценку деятельности руководителей местного уровня, как и на отношение к любым

другим политическим деятелям, влияет высокий уровень доверия Президенту (та самая планка отношения, о которой мы говорили выше). Концентрируя свои надежды на личности главы государства, что во многом связано и с ментальными особенностями российского общества, люди проецируют негативные аспекты своего восприятия на другие ветви власти: Правительство РФ, Государственную Думу, Совет Федерации, глав регионов и муниципалитетов – ни у одного из этих институтов нет такого стабильного уровня поддержки, каким обладает глава государства (*приложение 1*). И чем «ниже» уровень власти, чем ближе ее представители к проблемам, волнующим население, тем более требовательным становится к ним общество. Это касается вопросов и благосостояния, и функционирования учреждений социальной сферы, с которыми население имеет дело практически ежедневно.

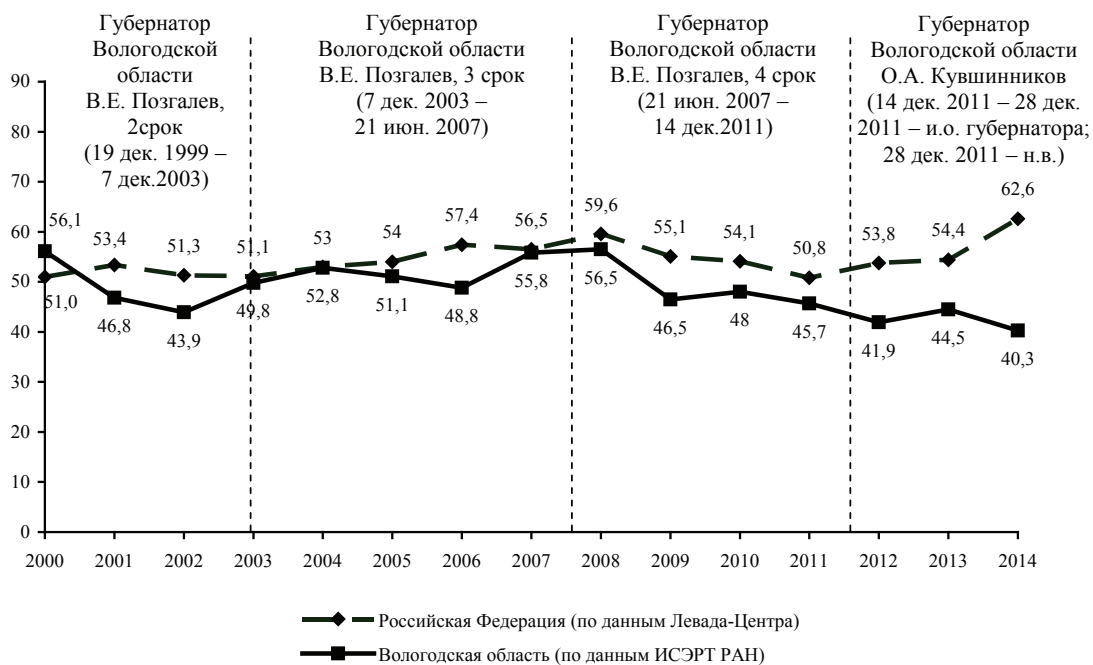

Рис. 1.3.2. Уровень одобрения деятельности губернатора Вологодской области и работы глав субъектов РФ в среднем по стране по данным Левада-Центра и ИСЭРТ РАН (в % от числа опрошенных)

Нельзя также забывать о том, что Вологодская область, вследствие своей сильной зависимости от положения дел в «Северстали», является одним из первых субъектов Российской Федерации, ощутивших на себе влияние мирового

финансового кризиса 2008 г. Пожалуй, это стало одной из главных причин того, что последовавший вслед за мировым финансовым кризисом бюджетный кризис регионов отразился на экономической ситуации области более сильно, чем в других субъектах РФ. Вологодская область уже несколько лет пребывает в крайне затруднительном положении, и это не может не сказываться на отношении людей к деятельности команды губернатора.

Уровень одобрения деятельности власти отражает ее поддержку населением на текущий момент времени, с учетом тех или иных управленческих решений, принимаемых ею. Более «глубокое» отношение к деятельности властных структур отражает уровень доверия, который мы, именно по этой причине, измеряем не 1 раз в два месяца, а реже – с периодичностью 1 раз в год. На наш взгляд, можно по-разному относиться к тем или иным реформам или отдельным высказываниям представителей органов государственного управления, однако при этом доверяя им в принципе. «Пошатнуть» уровень доверия может лишь последовательный ряд непопулярных в обществе решений.

Не вдаваясь в подробности динамических изменений данного показателя (в целом он соотносится с тенденциями уровня одобрения), отметим лишь, что в российском обществе крайне выраженным остается влияние ментального фактора, который, казалось бы, должен был существенно трансформироваться после 1990-х гг. вместе с преобразованиями, произошедшими в системе ценностных установок россиян. Власть (прежде всего глава государства) и церковь – два традиционных для российского общества института, которым люди доверяют больше всего. И если доверие Президенту РФ во многом можно объяснить ролью личности в истории (отношением к В. Путину), то доверительное отношение к церкви однозначно выдает сохранность ментальных установок, пребывавших последние 20–25 лет «в спящем режиме»⁷⁸.

Таким образом, оценку деятельности власти мы рассматриваем как наиболее репрезентативный индикатор, отражающий восприятие людьми условий социальной реальности и тенденций общественного развития. Остается только

⁷⁸ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения. – С. 10.

добавить, что это не единственный показатель, на который мы ориентируемся, анализируя социальное восприятие. Оценка экономической и политической ситуации, отношение к условиям проживания на конкретной территории муниципального образования, партийно-политические предпочтения населения и т.д. – все это также учитывается при анализе результатов мониторинга общественного мнения, в котором, помимо отношения людей к условиям жизни, немаловажное значение придается и тому, как они характеризуют свое материальное положение.

Индекс потребительских настроений (ИПН). Ключевым индикатором самооценки материального положения для нас является индекс потребительских настроений, который отражает не столько восприятие людьми текущей экономической ситуации в стране, в регионе и даже не столько оценку личного благосостояния, сколько ожидания населения относительно перспектив их развития в ближайшем будущем. Динамика ИПН дает представление о субъективном ощущении не только того, что есть сегодня, но и того, что будет завтра, а от этого ощущения уже и складывается реальное поведение людей. Именно данный психологический аспект делает ИПН уникальным макроэкономическим индикатором, к которому обращаются ученые и исследователи по всему миру. И именно это привело нас к тому, чтобы рассматривать ИПН как ключевой индикатор, отражающий восприятие населением общих, с акцентом на материальных, условий жизни.

ИСЭРТ РАН следит за динамикой ИПН с самого начала проведения мониторинга – с 1996 года. В отличие от оценки деятельности власти, это комплексный индикатор, для расчета которого мы используем методику, разработанную Мичиганским университетом США в 1950-х гг. (сегодня эту методику применяет Левада-Центр).

Методика расчёта ИПН строится на основе данных опросов общественного мнения по пяти вопросам, которые отражают субъективные оценки:

- текущего личного материального положения;
- ситуации на потребительском рынке;

– ожиданий изменения личного материального положения и общей экономической ситуации (табл. 1.3.1).

Таблица 1.3.1. Вопросы, используемые для расчета ИПН

№ п/п	Название индекса	Формулировка вопроса
1.	Индекс текущего личного материального положения	Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад?
2.	Индекс перспектив личного материального положения	Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже или примерно такое же, как сейчас?
3.	Индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны	Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим или каким-либо еще?
4.	Индекс долгосрочных перспектив развития экономики страны	Если говорить о следующих пяти годах, то, как Вы считаете, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем?
5.	Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	Если говорить о крупных покупках для дома, то, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров?

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы⁷⁹. Среднее арифметическое частных индексов даёт совокупную величину – индекс потребительских настроений.

Специфика построения ИПН заключается в том, что на основе микроэкономической информации создаётся обобщённый индикатор изменений, происходящих в экономике в целом. Это позволяет выявлять такие зависимости социально-экономических изменений, которые сложно зафиксировать посредством обычных макроэкономических связей. Благодаря этому индекс не только чутко фиксирует тенденции экономической и социальной ситуации, но и реагирует на её возможные изменения, что представляет возможности для прогнозирования дальнейшего развития страны и региона.

Приведем пример (рис. 1.3.3): снижение ИПН предшествовало дефолту в августе 1998 года и продолжалось в первые месяцы кризиса. Аналогичные изменения индекса имели место в августе 2008 г., когда население столкнулось с последствиями мирового финансового кризиса. С июня 2014 г. мы вновь отмечаем менее выраженную, но все-таки негативную динамику снижения ИПН: он снизился с 91 до 84 пунктов как раз тогда, когда на российской экономике ста-

⁷⁹ Для расчёта частных индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

ли сказываться последствия введения двусторонних санкций, когда достигли своей критической точки затянувшиеся проблемы региональных бюджетов, когда начались беспрецедентные колебания курса национальной валюты, когда опасения очередного экономического кризиса стали «вытеснять» патриотические настроения из общественного сознания. «Крым наш!» уступает место ценникам в магазинах» – примерно с такими заголовками выходят российские газеты в начале 2015 года⁸⁰.

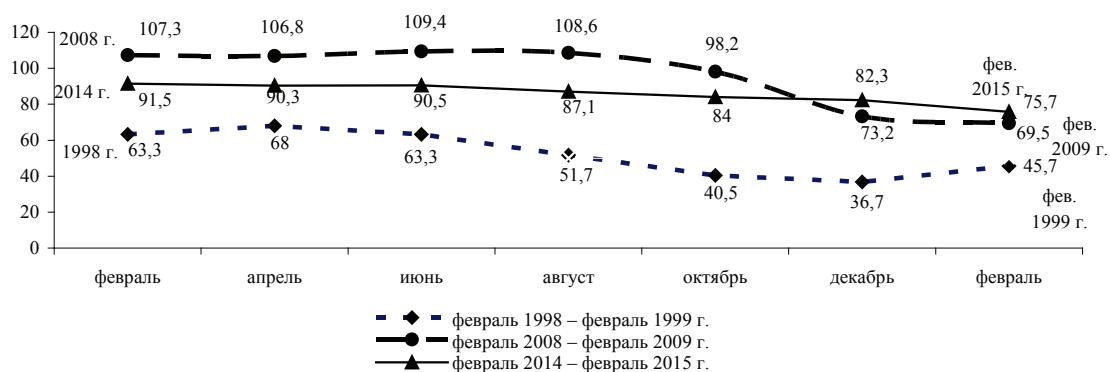

Рис. 1.3.3. Динамика индекса потребительских настроений (ИПН) в 1999, 2009 и 2015 гг., пунктов

Динамика конкретных показателей, входящих в структуру индекса потребительских настроений, представлена в *приложении 2*. Мы не будем акцентировать внимание на каждом из них, но отметим одну крайне важную особенность: в российском обществе, пережившем в рамках одного поколения не один и даже не два крупномасштабных кризиса, затронувшие не только сферу материального положения, но и более глубокие пласты общественной жизни, психологическое ощущение кризиса крайне обострено и влияет на социальное восприятие и социальное самочувствие не меньше, чем реальное положение дел в экономике. Надо сказать, что к этому выводу мы еще неоднократно будем возвращаться по ходу дальнейшего повествования и более подробного представления результатов наших исследований.

⁸⁰ В сознании россиян Крым отступает под натиском кризиса [Эл. рес.] // Ведомости. – 2015. – 30 янв. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizis-protiv-kryma>

Итак, оценка деятельности власти и индекс потребительских настроений – два ключевых индикатора, которые мы считаем приоритетными, анализируя тенденции социального восприятия, динамику общественного мнения о жизни в стране, регионе, в конкретном населенном пункте. Так же как и в отношении оценки работы органов государственного управления, за индексом потребительских настроений стоит немало других индикаторов, не ускользающих из поля нашего зрения: социальная самоидентификация (доля жителей региона, субъективно относящих себя к категориям «бедные», «нищие», «люди среднего достатка» и «богатые»); субъективная оценка фактического и желаемого уровня доходов; оценка материального положения семьи, а также экономической ситуации в стране и регионе. Эти и многие другие индикаторы измеряются на регулярной основе, анализируются в долгосрочной и краткосрочной динамике и предоставляются органам власти для принятия во внимание при подготовке управленческих решений.

Социальное настроение. Если оценку деятельности власти мы рассматриваем как главный индикатор социального восприятия, то социальное настроение является для нас важнейшим показателем социального самочувствия.

Социальное настроение, этот ключевой элемент общественного сознания, возникает как реакция на воздействие внешних социальных объектов, как результирующее или доминантное чувство, порождённое этими объектами, осознаваемое или неосознаваемое⁸¹. Подчеркивая важность социального настроения, Ж.Т. Тощенко отметил, что оно «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неустроенности, степени устойчивости... Его специфика состоит в том, что оно отражает действительность, реальность, исходя из содержания коренных интересов субъекта, его конечных целей и идеалов. Действительность, отраженная через социальное настроение, детерминирует целеполагающую деятельность субъекта, постановку им важнейших целей социальной и духовной

⁸¹ Яценко И.Н. Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города [Эл. рес.] : дис. ... канд. соц. наук. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/191625.html>

жизни. Именно поэтому социальное настроение как важнейшая характеристика общественного сознания участвует в регулировании как отдельных поступков, действий людей, социальных групп, общественных институтов, так и демонстрирует их умонастроения и мироощущения, ценностные ориентации и установки⁸².

Существует множество федеральных и региональных подходов к пониманию и измерению социального настроения. ВЦИОМ, например, строит интегральный индекс социального настроения на основе двух комплексных индексов – индекса социального самочувствия и индекса оценок положения дел в стране, каждый из которых состоит, в свою очередь, из ответов респондентов на три вопроса, более глубоко раскрывающих их суть⁸³.

На территории Вологодской области социальное настроение изучается с 1996 года путём опросов населения. Для этого респондентам предлагается выбрать один из четырёх вариантов ответа на вопрос «Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни?»: «прекрасное настроение», «нормальное, ровное состояние», «испытываю напряжение, раздражение», «испытываю страх, тоску». Не столько преимуществами, сколько объективной необходимостью обусловлено использование именно данного подхода к измерению социального настроения. Однако экономичность и оперативность, простота подсчёта полученных результатов, наряду с корреляцией с общероссийскими тенденциями общественного мнения (рис. 1.3.4), обеспечивают правомерность использования методики ИСЭРТ РАН в качестве репрезентативного экспресс-метода исследования социального самочувствия.

Результаты и наших, и федеральных исследований наглядно демонстрируют тот факт, что социальное настроение отражает общий характер тенденций

⁸² Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики. – С. 30.

⁸³ Вопросы, используемые ВЦИОМ для вычисления индекса социального самочувствия: «В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы ведёте?», «Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить хуже или лучше, чем сейчас?», «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?» Вопросы, используемые ВЦИОМ для вычисления индекса оценок положения дел в стране: «Как бы Вы оценили нынешнее экономическое положение России в целом?», «Как бы Вы оценили в целом нынешнюю политическую обстановку в России?», «Насколько Вы согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении?» Интегральный индекс социального настроения является средним значением всех шести частных индексов.

общественного развития. Подъемы и спады социального самочувствия россиян практически совпадают (с небольшим временным лагом) с периодами стабилизации и дестабилизации ситуации в стране и мире⁸⁴. Это свидетельствует о том, что российское общество медленно, но верно адаптируется к изменившимся после распада СССР и после длительного стрессогенного периода 1990-х гг. новым условиям социальной реальности, при этом чутко реагируя на крупные события, происходящие в жизни страны и региона. Не случайно положительная динамика социального настроения была прервана лишь в 2009 г., когда Вологодская область столкнулась с последствиями мирового финансового кризиса (причем это столкновение оказалось для региона более существенным, чем для многих других субъектов Российской Федерации). Тем не менее мировой финансовый кризис оказался не сравнимым с тем, что обществу удалось пережить в 1991 и 1998 гг. Осознание этого привело к тому, что ухудшение социального настроения было кратковременным явлением и уже с 2010 г. доля людей, позитивно характеризующих свое настроение, продолжила увеличиваться (рис. 1.3.4).

Рис. 1.3.4. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение, в Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

На социальное настроение всех категорий населения влияют отдельные события в жизни страны, хотя в различных социально-демографических группах это проявляется по-разному. Рассмотрим период истории России с февраля 2014 по август 2015 г., в котором можно выделить два этапа. Первый этап связан с победой российской сборной на Олимпийских играх, с рекордными пока-

⁸⁴ Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном) : информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – М., 2015. – С. 3.

зателями поддержки Президента РФ на фоне украинских событий, с вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Вторым этапом характеризуется ухудшением экономической ситуации и материального положения людей, действием двусторонних санкций, колебаниями курса национальной валюты, обострением затянувшегося бюджетного кризиса регионов.

Как ни странно, но за этот период настроение «бедных» людей улучшилось, а относительно «богатых» – ухудшилось (табл. 1.3.2). Доля тех, кто испытывает положительные эмоции, среди 20% наименее обеспеченных увеличилась на 13 п.п. (с 43 до 56 %), а среди 20% наиболее обеспеченных снизилась на 2 п.п. (с 87 до 85 %). Очевидно существенное влияние нематериальных факторов: роста интенсивности консолидационных процессов, чувства патриотизма и гордости за страну и ее лидера, понимания того, что главным индикатором эффективности государственного управления, как сказал Президент РФ, является мнение самих людей.

Таблица 1.3.2. **Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни?**
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»; в % от числа опрошенных)

Категория	Фев. 14	Апр. 14	Июнь 14	Авг. 14	Окт. 14	Дек. 14	Фев. 15	Апр. 15	Июнь 15	Авг. 15	Изменение (+/-)	
											авг.15 к фев.15	авг.15 к фев.14
Пол												
Мужской	65,8	68,5	71,3	69,5	68,8	69,7	61,7	67,4	72,7	75,2	+14	+9
Женский	64,4	70,0	71,0	71,4	69,8	72,0	61,9	67,8	66,8	71,3	+9	+7
Возраст												
До 30 лет	71,8	70,8	76,1	79,1	76,6	76,4	71,3	73,5	79,4	78,9	+8	+7
30-55 лет	66,4	70,0	71,8	70,3	68,3	69,8	58,3	67,9	67,6	72,1	+14	+6
Старше 55 лет	58,6	67,2	66,7	64,9	66,1	69,1	60,7	63,7	65,9	70,8	+10	+12
Образование												
Среднее и н/среднее	55,6	61,3	61,7	63,3	65,4	67,8	54,8	62,1	64,0	70,2	+15	+15
Среднее специальное	66,0	70,7	72,2	71,3	70,2	71,8	65,2	68,2	73,6	75,3	+10	+9
Высшее и н/высшее	74,1	78,1	80,4	77,7	73,3	73,5	65,8	73,1	70,6	74,1	+8	0
Доходные группы												
20% наименее обеспеченных	43,2	47,4	54,9	54,1	50,2	55,1	38,3	55,6	57,1	55,7	+17	+13
60% среднеобеспеченных	68,6	72,6	72,7	71,5	73,5	75,0	65,2	69,2	71,3	77,7	+13	+9
20% наиболее обеспеченных	87,1	82,7	89,0	89,6	79,0	81,6	80,3	78,1	82,5	85,1	+5	-2
Территории												
Вологда	72,3	75,6	78,6	80,7	75,5	75,6	66,4	72,5	75,6	77,9	+12	+6
Череповец	76,0	79,0	79,9	76,5	72,8	73,2	63,1	69,8	71,2	74,9	+12	-1
Районы	55,2	60,7	62,3	61,5	64,0	67,1	58,6	63,7	65,1	69,4	+11	+14
Область	65,1	69,3	71,1	70,5	69,3	70,9	61,8	67,6	69,5	73,1	+11	+8

Каким является социальное самочувствие россиян сегодня? На этот вопрос достаточно полно и точно ответили ученые Института социологии в недавнем вышедшем докладе о состоянии российского общества. Мы, со своей стороны, с позиции региональных исследователей, можем лишь подтвердить данную характеристику: «Противоречивые оценки, которые россияне дают происходящим сегодня социальным переменам, свидетельствуют о сложившейся в массовом сознании неопределенности видения тенденций и перспектив развития страны... Социальный контекст происходящих в стране трансформаций отражается в противоречивом социально-психологическом состоянии населения. Немногим более половины наших сограждан позитивно оценивают своё психоэмоциональное состояние, и почти половина россиян к концу 2014 года отличалась негативным социально-психологическим самочувствием (четверть ощущала чувство тревоги, каждый пятый испытывал апатию, раздраженность, реже – озлобленность)... Что касается ожиданий населения относительно будущего страны, они могут быть охарактеризованы как сдержанно тревожные: почти половина респондентов сходится во мнении, что страну ожидают трудные времена, четверть россиян считают, что страна будет развиваться успешно, и аналогичная доля не ожидает никаких принципиальных изменений в развитии страны. Причем подобная тревожность свойственна россиянам в отношении не только ситуации в России, но и в мире»⁸⁵.

Итак, представив социальное настроение как один из ключевых индикаторов мониторинга общественного мнения, следует добавить, что, кроме данного показателя, при анализе динамических изменений социального самочувствия мы используем и другие индикаторы. Это запас терпения, потенциал протеста (о которых мы поговорим более подробно в главе 4), а также результаты специального исследования, посвященного характеристике общественного психического здоровья (об этом будет детально рассказано в главе 2). Чтобы «не отте-

⁸⁵ Там же.

нять» значимость, которую мы придаем индикатору социального настроения, в данном контексте мы не будем останавливаться на анализе динамики других индикаторов. Отметим только, что в целом они подтверждают тенденции социального самочувствия, о которых мы говорили выше и которые отмечаются не только на региональном, но и на российском уровне.

Индекс общественного настроения региона (ИОНР). В 2008 г. мы предприняли попытку объединить индикаторы, используемые нами в мониторинге общественного мнения, и на их основе разработать комплексный показатель, по смыслу «вбирающий» в себя элементы и социального восприятия, и социального самочувствия. Он получил название индекса общественных настроений региона (ИОНР). Полный алгоритм вычисления ИОНР, а также используемые при этом конкретные вопросы представлены в *приложении 3*. Здесь же остановимся на результатах, которые были получены с помощью данного индекса.

В целом индекс общественных настроений региона состоит из двух субиндексов – индекса отношения к властям и индекса социального самочувствия, отражающих, как следует из их названий, специфику вопросов, используемых для расчета ИОНР (всего для расчета используется 12 вопросов).

Измерение индекса общественных настроений было апробировано на данных мониторинга общественного мнения, проведенного ИСЭРТ РАН в 10 регионах Северо-Западного федерального округа в период с 2005 по 2010 г.

Расчёты показали, что в среднем по СЗФО показатель интегрального индекса в 2010 г. составил 108,2 пункта, что свидетельствует о перевесе позитивных оценок социального настроения над негативными (*табл. 1.3.3*). Выше среднего значения по СЗФО показатели у Псковской (117,9 пункта), Архангельской (113,9) областей, Санкт-Петербурга (112,1), Республики Карелия (110,2 пункта). Близки к средней оценке Ленинградская (109,3 пункта), Воло-

годская (107,5) области, Республика Коми (107 пунктов). Заметно ниже средних по Северо-Западу индексы общественного настроения в Новгородской (102,4 пункта), Мурманской (102,2) и Калининградской областях (99 пунктов).

Таблица 1.3.3. **Индекс общественного настроения региона (ИОНР)**

		2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010 к 2005, +/-
<i>Индекс социального самочувствия</i>	Архангельская обл.	87,0	107,1	104,8	102,2	113,8	118,1	+31
	Псковская обл.	–	108,1	114,1	107,6	97,8	117,4	–
	г. Санкт-Петербург	99,0	121,2	123,8	110,1	102,6	117,1	+18
	Ленинградская обл.	96,5	111,8	109,8	114,4	102,0	114,9	+18
	Республика Карелия	100,0	107,1	111,8	107,0	105,4	113,0	+13
	Новгородская обл.	–	105,6	100,4	100,9	93,4	107,6	–
	Вологодская обл.	89,5	106,7	111,9	110,7	99,2	104,7	+15
	Мурманская обл.	96,3	111,1	114,4	108,8	112,1	104,5	+8
	Республика Коми	89,1	102,8	108,4	105,8	95,8	103,7	+15
	Калининградская обл.	90,0	108,0	105,8	110,0	86,2	101,8	+12
	Среднее по СЗФО	93,4	108,9	110,5	107,8	100,8	99,8	+6
<i>Индекс отношения к властям</i>	Псковская обл.	–	83,6	102,7	122,8	98,6	118,4	–
	Республика Коми	84,0	95,5	102,3	118,2	97,4	110,4	+26
	Вологодская обл.	105,6	111,9	125,3	136,1	94,0	110,2	+5
	Архангельская обл.	93,2	95,6	97,4	107,7	99,2	109,7	+17
	Республика Карелия	97,3	94,7	99,7	121,4	92,3	107,4	+10
	г. Санкт-Петербург	97,0	111,7	109,6	130,4	109,3	107,0	+10
	Ленинградская обл.	92,5	103,4	101,4	132,9	110,6	103,7	+11
	Мурманская обл.	97,6	107,9	114,9	128,4	98,5	99,9	+2
	Новгородская обл.	–	97,2	94,6	114,7	93,5	97,2	–
	Калининградская обл.	93,6	110,1	111,8	129,7	100,3	96,1	+3
	Среднее по СЗФО	95,1	101,2	105,9	124,2	99,4	106,0	+11
<i>Интегральный индекс общественного настроения региона</i>	Псковская обл.	–	95,9	108,4	115,3	98,2	117,9	–
	Архангельская обл.	90,1	101,4	101,2	104,7	106,5	113,9	+24
	г. Санкт-Петербург	97,7	116,5	116,7	120,3	106,0	112,1	+14
	Республика Карелия	98,5	100,9	105,8	114,2	98,9	110,2	+12
	Ленинградская обл.	94,5	107,7	105,6	123,7	106,3	109,3	+15
	Вологодская обл.	97,6	109,3	118,6	123,5	96,6	107,5	+10
	Республика Коми	86,6	99,2	105,4	111,0	96,6	107,0	+20
	Новгородская обл.	–	101,5	97,6	108,0	93,5	102,4	–
	Мурманская обл.	96,9	109,5	114,7	118,6	105,3	102,2	+5
	Калининградская обл.	91,6	109,1	108,8	119,9	93,3	99,0	+7
	Среднее по СЗФО	94,2	105,1	108,3	115,9	100,1	108,2	+14

По сравнению с уровнем 2005 г. в среднем по Северо-Западу и всем территориям округа наблюдалась положительная динамика интегрального индекса. Его самое существенное увеличение произошло в Архангельской области (на

24 п.п.), Республике Коми (на 20 п.п.), Ленинградской области (на 15 п.п.), Санкт-Петербурге (на 14 п.п.). При этом в Архангельской, Ленинградской областях, Санкт-Петербурге индекс общественного настроения региона увеличился в основном благодаря улучшению суждений жителей о личном и семейном благополучии, материальном положении и душевном самочувствии, о чём свидетельствует рост индекса социального самочувствия: в Архангельской области – на 31 п.п., в Ленинградской области и Санкт-Петербурге – на 18 п.п. В Республике Коми рост интегрального индекса был связан в первую очередь с улучшением оценок качества работы органов государственной власти всех уровней: индекс отношения к властям в данном регионе возрос на 26 п.п.

В 2013 г. методика расчёта интегрального индекса общественного настроения была использована для изучения мнения жителей муниципальных образований Вологодской области.

В 2014 г. в среднем по районам Вологодской области данный индикатор установился на отметке 100,7 пункта, что несколько ниже общеобластного показателя (109,2 п.; *табл. 1.3.4*). Выше среднего значения показатели у Бабаевского (123,5 пункта), Шекснинского (118,6), Кирилловского (111,8), Великоустюгского (111,3), Тарногского (105,4) районов. Заметно ниже средних индексы общественного настроения в Грязовецком (84,6 пункта), Никольском (81,0) и Вожегодском (72,9 пункта) районах.

По сравнению с 2005 г. позитивная динамика интегрального индекса характерна для Кирилловского (рост на 40 пунктов) и Бабаевского (на 28 пунктов) районов. На остальных территориях фиксируется негативная динамика. Наиболее существенное снижение индекса произошло в Вожегодском (на 37 пунктов), Никольском (на 27 пунктов), Грязовецком (на 28 пунктов) районах. Основными факторами снижения ИОНР на данных территориях было ухудшение отношения жителей к деятельности федеральных и региональных властей: соответствующий индекс уменьшился в Никольском районе на 64 п., в Вожегодском – на 41 п., в Грязовецком – на 47 п.

Таблица 1.3.4. **Индекс общественного настроения региона (ИОНР)**

		2005	2008	2010	2012	2013	2014	2014 к	
								2005, +/-	2008, +/-
<i>Индекс социального самочувствия</i>	Тарногский	68,6	132,1	136,3	137,7	138,8	135,8	+67	+4
	Бабаевский	111,9	126,9	124,0	134,4	131,8	130,2	+18	+3
	В. Устюгский	114,3	120,8	115,5	124,7	117,3	127,1	+13	+6
	Шекснинский	103,8	130,1	102,1	117,5	121,8	121,4	+18	-9
	Кирилловский	94,1	110,0	98,9	102,4	96,8	104,9	+11	-5
	Никольский	96,9	110,6	90,5	89,0	92,0	102,3	+5	-8
	Грязовецкий	105,4	119,9	119,4	106,6	107,7	97,4	-8	-23
	Вожегодский	111,1	109,1	94,0	91,2	85,9	81,3	-30	-28
	Среднее по районам	100,8	119,9	110,1	112,9	111,5	112,2	+11	-8
	Область	104,0	120,2	111,4	117,4	117,7	118,7	+15	-2
<i>Индекс отношения к властям</i>	Кирилловский	96,3	117,0	95,7	78,8	84,3	118,6	+22	+2
	Бабаевский	124,1	140,9	120,2	115,6	115,9	116,8	-7	-24
	Шекснинский	117,2	152,6	107,2	93,5	108,9	115,8	-1	-37
	В. Устюгский	139,9	134,9	121,6	133,4	131,2	95,4	-45	-40
	Тарногский	74,2	121,0	123,4	121,8	120,0	75,0	+1	-46
	Грязовецкий	119,1	119,5	112,4	77,1	69,2	71,9	-47	-48
	Вожегодский	105,6	115,8	103,3	90,0	72,6	64,5	-41	-51
	Никольский	123,2	112,9	65,9	61,4	61,1	59,7	-64	-53
	Среднее по районам	112,5	127,4	106,2	96,5	95,4	89,2	-23	-38
	Область	110,8	127,7	108,8	101,7	101,6	99,7	-11	-28
<i>Интегральный индекс общественного настроения региона</i>	Бабаевский	95,2	113,5	97,3	90,6	90,5	123,5	+28	+10
	Шекснинский	127,1	127,9	118,5	129,0	124,2	118,6	-9	-9
	Кирилловский	71,4	126,6	129,9	129,8	129,4	111,8	+40	-15
	В. Устюгский	110,5	141,3	104,6	105,5	115,3	111,3	+1	-30
	Тарногский	118,0	133,9	122,1	125,0	123,8	105,4	-13	-29
	Грязовецкий	112,3	119,7	115,9	91,9	88,4	84,6	-28	-35
	Никольский	108,3	112,5	98,6	90,6	79,2	81,0	-27	-32
	Вожегодский	110,1	141,3	78,2	75,2	76,6	72,9	-37	-68
	Среднее по районам	106,6	123,6	108,1	104,7	103,4	100,7	-6	-23
Область	107,4	124,0	110,1	109,5	109,6	109,2	+2	-15	

В целом можно сказать, что измерение индекса общественного настроения как на территории СЗФО, так и в разрезе районов Вологодской области позволило нам дать комплексную оценку эффективности государственного управления, одновременно отражая динамику общественного мнения о деятельности органов власти и конечную результативность этой деятельности в виде самооценки материального положения и социального настроения.

Таким образом, система индикаторов, которая используется в мониторинговых исследованиях ИСЭРТ РАН, вот уже почти 25 лет даёт возможность исследовать тенденции социального восприятия и социального самочувствия различных социально-демографических групп населения Вологодской области.

Получаемая информация становится не только ощутимым подспорьем для органов власти, которые используют ее для принятия управленческих решений, но и поводом для дискуссий в средствах массовой информации, на заседаниях Общественной палаты, в научных мероприятиях, которые организуют и в которых принимают участие сотрудники ИСЭРТ РАН.

Представив в общих чертах социологическое направление научной деятельности ИСЭРТ РАН, логично приступить к ознакомлению читателей с результатами проводимых нами исследований, с теми тенденциями общественно-го сознания и поведения, которые имели место в российском социуме в период трансформационных процессов последние 20 лет. Для этого остановимся прежде всего на региональной специфике российских территорий, на том, какие трансформации происходят в субъектах РФ, и подробнее порассуждаем о тенденциях общественного развития на примере отдельно взятого региона – Вологодской области.

ГЛАВА 2. РЕГИОН В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

2.1. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ*

Для исследования трансформации российского общества в региональном плане исключительно важное значение имеет социально-пространственный дискурс. В теории социального пространства, разработанной П. Бурдьё в 80–90-х годах XX века дается новый подход к исследованию социальной действительности (реальности)⁸⁶. Согласно этой теории именно действительность (реальность) и есть социальное пространство, в котором размещены социальные акторы – агенты и предметы, ими присвоенные. Агенты занимают определенные позиции (реальное положение) на отдельных полях и имеют диспозиции – представления о своем положении, стратегию его использования и т.д. Данный подход вполне применим к региональной идентификации, поскольку регион выступает не только как социально-территориальное, привязанное к географическому пространству, но и как социально-пространственное образование.

В духе этой методологии социально-пространственная идентификация может быть определена как выявление, измерение и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп, выступающих в качестве акторов (агентов) – носителей практик тех или иных видов деятельности, осуществляемых на различных социальных полях как структурированных пространствах позиций.

В этом определении выделяются: объектная сторона – поля, где социальное пространство структурируется в институциональном порядке областей экономики, политики и т.п., образуются соответствующие социально-экономические, социально-политические и другие отношения акторов (аген-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093.

⁸⁶ См.: Бурдьё П. Начала. *Cheses dites* / пер. с фр. А.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994; Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр., отв. ред. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т социологии; СПб.: Алетей, 2007.

тов), строятся их действия; субъектная – реальные позиции, занимаемые акторами на данном поле; субъективная – представления акторов о своих позициях, в том числе об отношении к ним с возможной привязкой по месту и времени.

Выявляемые социально-пространственные идентичности (которые можно концентрированно представить в качестве социальных моделей) дают некий образ – аналог индивидуального или группового актора-агента в его гражданской принадлежности (государство), институциональном маркере (власть, бизнес, гражданское общество, возраст, гендер, этничность, конфессиональность и т.п.), действующего в определенном векторе-азимуте (Север, Юг, Восток, Запад с промежуточными медианами), имеющего свое отрефлексированное положение в данном поле центр/ядро – периферия/полупериферия, цивилизационно-ценностные ориентации и проекции взаимоотношений с другими акторами.

Для социально-пространственной идентичности актора также важна рефлексия по позициям: «город – село» (внутри «большой – малый город»); «столица – провинция» (близкая к идентификации «центр – периферия», но не совпадающая с ней) и некоторые другие, переходящие в социально-территориальную идентификацию в региональном плане.

Идентификационные модели можно построить по любому избранному полю социального пространства для каждого институционального актора и матрицы их взаимодействий. При использовании квалиметрических инструментов и процедур эти качественные модели можно представить в более или менее развернутой количественной форме по показателям и индикаторам, отражающим вышеуказанные критерии.

В отличие от социально-пространственной, социально-территориальная идентификация предполагает выявление и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп как носителей различных практик жизнедеятельности в качестве жителей (групп жителей) конкретного территориального образования, населенного пункта и (или) его части, их социально-

территориальные общности (сообщества), а также органы власти, бизнес-структуры, институты гражданского общества, представленные в данных территориальных образованиях, позиции и диспозиции которых складываются по поводу использования территории, ее природного, социально-экономического и социокультурного потенциала. Это тоже может быть представлено в качественных и количественных моделях.

При этом, в отличие от социально-пространственной идентичности, где достаточно много условностей по поводу позиций и диспозиций (как верифицируются и маркируются институты, векторы-азимуты, место актора, ценностные ориентации и т.д.), в социально-территориальной идентичности однозначно определяются принадлежность к общности жителей конкретного поселения (города, села, поселка, при необходимости – его части), поселенческо-расселенческого образования (района, агломерации и т.п.), региона (области, края и т.п.) и оценки удовлетворенности своей жизнью на этой территории, то есть происходит территориальная локализация социально-пространственной идентичности по месту (топосу). Причём идентификационная характеристика акторов территориальных социальных полей также может содержать необходимые гендерные, поколенческо-возрастные, профессионально-отраслевые, этнические, конфессиональные и другие признаки, используемые при определении социально-пространственной идентичности.

Термин «регион», являющийся многозначным в зарубежной (европейской) литературе, чаще трактуется как собирательный образ управляемой территории (от латинского *regere* – управлять), некоего гомогенного пространства, имеющего физико-географическую, культурную и языковую близость, общность хозяйственных структур и исторической судьбы («Европейская хартия регионализма»). В российской же науке и политико-управленческой практике сложилась достаточно однозначная трактовка этого понятия, привязанного к субъекту Российской Федерации. В этой привязке регион имеет конституционный статус с определенными предметами ведения (в том числе – совместно-го ведения с Российской Федерацией в целом (статья 72 Конституции Россий-

ской Федерации) и исключительными на своей территории), административные границы, состав населенных пунктов, законодательные и исполнительные органы власти. В основаниях региона: географическое положение, учет специфики исторических, экономических, национально-этнических (особенно в отношении республик и автономных округов), социокультурных и других факторов. Таким образом, регион представляет собой достаточно обособленную составную часть социального пространства России, в которой на очерченной в государственно-правовом порядке территории, в условиях имеющихся природно-климатических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей действуют и взаимодействуют институциональные акторы практически всех основных социальных полей и масштабов (от глобальных, международных до местнолокальных). Этот узел взаимодействия служит своеобразным трансформатором социально-пространственного регулирования на определенной территории всех цепей социальных процессов от глобальных и общенационально-государственных до местных (поселенческих) с более или менее выраженной обратной связью. Поэтому социологическое изучение этого узла должно учитывать как то особенное, что имеет тот или иной регион в своей социальной конфигурации (конкретные условия, факторы и механизмы организации жизнедеятельности данного территориального сообщества, институциональных акторов социальных полей территории), то есть социально-пространственную дифференциацию по территориальному основанию (признаку), так и включенность данного регионального узла в общесоциетальные связи (общегосударственную организацию), то есть социально-пространственную интеграцию, главным вектором которой является консолидация региональных и местных сообществ, институциональных акторов территориальных полей в общем пространстве России.

Социально-пространственная и социально-территориальная идентификация в России имеет свои особенности и предполагает специфические приемы изучения. Основной задачей при этом выступает выявление критериев и пара-

метров сочетания общероссийской и региональной идентичности посредством социального моделирования.

В качестве основных критериев выделяются:

– генезис и основания образования и развития региона (исторические, политико-управленческие, социально-экономические, национально-этнические, физико-географические и др.);

– особенности социальной структуры и качества жизни основных групп населения;

– социокультурные особенности, в том числе ментальность регионального социума;

– особенности взаимодействия институциональных акторов на территории региона;

– включенность регионального сообщества в общероссийское социальное пространство.

При этом в исследовании региональной идентификации социологическими методами важно видеть разницу в назначении и применении экспертных оценок и массовых опросов:

– мнение специалистов, представителей институциональных акторов, имеющих достаточно глубокое и полное представление о предмете исследования (экспертные оценки);

– мнение основных групп населения (массовый опрос), суждения и оценки которых должны быть учтены как факты массового сознания.

В качестве непосредственных методологических оснований в наших проектах были приняты концепции: М.К. Горшкова о социальной идентификации российского общества на основе социологической диагностики реальных состояний общественных процессов⁸⁷; Л.М. Дробижевой о сочетании российской,

⁸⁷ См.: Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. – М. : Наука, 2005; Социальные факторы консолидации российского общества. Социологическое измерение. – М. : Новый Хронограф, 2010; Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). – М. : Новый Хронограф, 2011 и др.

гражданской, этнической и региональной идентичностей⁸⁸; Н.И. Лапина о социокультурных факторах консолидации региональных сообществ в условиях модернизации России⁸⁹; Т.И. Заславской о многомерном социетальном пространстве России⁹⁰; В.В. Маркина о социальном моделировании регионов на основе многомерной идентификации⁹¹.

В оценку экспертной оценки многомерной идентификации регионов (субъектов РФ) была положена идея Т.И. Заславской о трех основных осях социального (в рамках социального) пространства России в условиях трансформации: об эффективности социальных институтов, качестве социально-групповой структуры и уровне человеческого потенциала⁹². К этим трем осям была добавлена четвертая – степень сочетания (расхождения) многомерной самоидентификации групп населения по критерию «Мы – идентификаций» по ощущению связей, близости индивидов по отношению к тем или иным общностям (сообществам): «Мы – граждане России», «Мы – региональное сообщество N области» и т.д., предложенному в свое время В.А. Ядовым и Е.Н. Даниловой, выявляемому на основе массовых опросов⁹³.

Анализ эффективности социальных институтов в социетальном пространстве России в региональном измерении предполагал прежде всего выявление обоснованности самой современной региональной структуры России, насколько эта структура в целом институционализована не только в статусно-

⁸⁸ См.: Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М. : ИС РАН, 2003; Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М. : ИС РАН, 2006; Российская идентичность в Москве и регионах. – М. : ИС РАН, 2009 и др.

⁸⁹ См.: Пути России: социокультурные трансформации. – М. : Ин-т философии РАН, 2000; Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М. : Academia, 2009 и др.

⁹⁰ См.: Современное российское общество. Социальные механизмы трансформации. – М. : Дело, 2004; Социальные трансформации России в эпоху глобальных изменений (в соавт. с В.А. Ядовым) // Социология и общество: пути взаимодействия / под ред. Г.В. Осипова, М.К. Горшкова. – М. : Вече, 2010 и др.

⁹¹ См.: Региональная идентификация и социальное моделирование российских регионов: проблема социологической интерпретации // Региональная социология в России: сб. материалов социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин; Институт социологии РАН. – М. : Экслибрис-Пресс, 2007; Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 7. – М.: Ин-т социологии РАН, 2008; Региональная социология: диалог науки и практики // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. – СПб.: Алетей, 2010 и др.

⁹² См.: Заславская Т.И. Указ. соч.

⁹³ См.: Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся: ежегодник 2004 / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: ИС РАН, 2005.

правовом (конституционном) порядке (регион как субъект РФ), но и по другим существенным основаниям, дающим возможность (при определенных, в том числе субсидиарных, условиях) организации полноценной жизни регионально-го сообщества с учетом особенностей его жизнедеятельности на данной территории.

Из ответов экспертов видно, что как наиболее значимые были отмечены географические факторы (табл. 2.1.1). Им даны самые высокие оценки: в баллах и процентах (8–10 баллов по 33,3% в каждом значении).

Таблица 2.1.1. Оценка наиболее значимых факторов (оснований) в образовании регионов, по которым проводилось исследование (в баллах по 10-балльной шкале, при этом 1 – самое низкое, 10 – самое высокое значение баллов; с группировкой экспертного мнения по интервалам: 1–3 – низкое, 4–6 – среднее, 7–10 – высокое значение; в % от числа опрошенных экспертов)

Факторы	1–3	4–6	7–10
Экономические	3,4	16,0	80,5
Политико-управленческие	2,6	12,1	85,1
Национально-этнические	36,0	31,5	32,4
Культурно-духовные	16,0	40,6	43,4
Исторические	9,2	23,1	67,6
Географические	0,0	0,0	100,0
При всем значении вышеуказанных оснований регион сложился достаточно спонтанно	61,6	25,1	13,4

На втором месте – политико-управленческие факторы: в 8 баллов оценили данный фактор 25,9% экспертов, в 9 и 10 баллов – 23,3%.

На третье место эксперты определили экономические факторы регионообразования: 25,4% опрошенных дали 8 баллов этому фактору, а 19,5% – 9 и 10 баллов.

На четвертом месте по значимости в оценках экспертов находятся исторические факторы образования региона: 8 баллов дали 13,8%, 9 – 16,9%, а 10 баллов – 23,1% экспертов.

Наибольшее количество опрошенных (23,6%) оценили значимость культурно-духовных факторов регионообразования в 5 баллов. Из общего числа экспертов 16% дали 7 баллов этому фактору, 17% – 8 баллов.

Следует отметить, что национально-этнические факторы не имели в оценках экспертов (по общей совокупности мнений) преобладающего значения для

регионообразования: оценки расположились без явных преимуществ, достаточно ровно и представительно по всей балльной шкале, высшее значение они получали, как и следовало ожидать, в республиках и автономных округах.

Таким образом, можно утверждать, что в России сложилась институциональная структура регионов, практически абсолютное большинство их имеет достаточные основания для своего дальнейшего развития – наличие экономических и особенно духовно-культурных резервов.

Оценка общего уровня социально-экономического развития регионов в экспертном мнении сложилась следующим образом: к регионам с высоким уровнем развития свои регионы отнесли 28,1% экспертов, со средним – 52,9%, с низким – 19,0% экспертов. Это, в общем, сходится с данными статистики и показывает обоснованность нашей выборки модельных регионов.

По мнению ряда исследователей (Н.В. Зубаревич и др.), уровень социально-экономического развития и эффективность соответствующих социальных институтов региона обуславливается наличием внутренних природно-сырьевых ресурсов и социальной освоенностью (обустроенностью) территории⁹⁴. Исходя из данной основы типологии регионов в экспертную оценку были включены два основания: ресурсность (в данном случае природно-сырьевая) и социальная освоенность (обустроенность) территории. В *таблице 2.1.2* данная типология представлена в экспертных оценках более дифференцированно по сравнению с оценкой уровня развития.

Таблица 2.1.2. К какому типу из нижеперечисленных эксперты относят свои регионы? (в % от числа опрошенных экспертов)

Тип региона	%
Высокоресурсный и освоенный (обустроенный)	10,8
Высокоресурсный, но слабо обустроенный	16,7
Среднересурсный и освоенный (обустроенный)	21,7
Среднересурсный, но слабо обустроенный	19,2
Низкоресурсный и освоенный (обустроенный)	27,5
Низкоресурсный и слабоосвоенный (обустроенный)	2,5
Затруднились ответить	1,7

⁹⁴ См.: Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: что показывают индикаторы Программы развития ООН // Региональная социология в России : сб. мат. социол. исслед. / отв. ред. В.В. Маркин; Институт социологии РАН. – М. : Экслибрис-Пресс, 2007. – С. 49-60.

Из данных таблицы видно, что основная масса экспертов отнесли свои регионы к среднересурсным, почти в равной мере разделившись в оценке обустроенности (слабая обустроенность особенно связывается с низкой оценкой развития региона), и низкоресурсным, но достаточно освоенным (обустроенным), в которых и общий уровень развития оценивается достаточно высоко или средне. Это прямо выходит на вопросы развитости институтов социальной сферы, от которых зависит социальное развитие и качество жизни в регионах, что представлено в данных таблицы 2.1.3.

Таблица 2.1.3. Оценка экспертами уровня развития социальной сферы регионов (N=432)

Основные институты социальной сферы регионов	Уровень развития, количество экспертов, в %				
	очень высокий	достаточно высокий	средний	низкий	очень низкий
Общее и профессиональное образование	3,4	59	37,6	0,0	0,0
Здравоохранение	1,7	25	63,8	8,6	0,9
Обеспечение жильем	0,0	12,4	63,7	22,1	1,8
Жилищно-коммунальное хозяйство	0,0	5,4	58,9	31,1	4,5
Занятость	0,0	28,4	60,3	10,3	0,9
Социальная защита	0,9	33	56,5	9,6	0,0
Экология	0,9	9,7	60,2	27,4	1,8
Культура	6,3	45,5	41,1	7,1	0,0

Оценивая различные составляющие социальной сферы своих регионов, их уровень развития эксперты практически не характеризуют как «очень высокий». Оценка «достаточно высокий» дана значительной долей экспертов таким отраслям, как образование (59%), культура (45,5%), социальная защита (33%), занятость (28,4%). Большинство экспертов (56–64%) оценивают уровень развития отраслей (кроме образования и культуры) как «средний». Значительная доля оценок «низкий» (22–32%) приходится на сферы жилищного обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства и экологии.

Анализируя распределение оценок в отношении отдельных институтов социальной сферы в зависимости от типа региона, необходимо отметить следующие особенности.

Оценки уровня развития институтов общего и профессионального образования, здравоохранения и других, кроме жилищно-коммунального хозяйства и

экологии, как достаточно высокого сосредоточены преимущественно среди оценок регионов как социально освоенных (обустроенных) (21–45%). В значительно меньшей мере они даются экспертами в отношении регионов, признанных ими как слабо освоенные (4–18%). Эти оценки даны регионам в основном независимо от уровня их обеспечения ресурсами – примерно в равной мере как высоко- и средне-, так и низкоресурсным.

Средние оценки в больших количествах (19–32%) получают регионы, оцениваемые как освоенные, – в 14 случаях из 24 возможных, а регионы, оцениваемые как слабо освоенные, – в 9 случаях из 24. Низкие оценки в больших долях (16–50%) получают регионы, оцениваемые как слабо освоенные, – в 10 случаях из 24, а регионы с такой же долей, оцениваемые как освоенные, – в 7 случаях.

Таким образом, в повышении эффективности институтов социальной сферы решающую роль играет общая социальная освоенность региона, в которую они также вносят свой вклад; роль природно-ресурсного потенциала становится все более второстепенной: региональные сообщества получают от него лишь то, что им дают корпорации, использующие эти ресурсы, и федеральный центр как главный регулятор регионального развития

Особый блок вопросов региональной идентификации в социетальном пространстве составляет оценка роли основных институциональных акторов в развитии регионов. Прежде всего это касается роли федерального центра. Почти половина всех экспертов в своих оценках выбрали позицию: «Центр оказывает существенное содействие в развитии региона» (табл. 2.1.4).

Таблица 2.1.4. Оценка роли федерального центра в развитии регионов, в которых проводилось исследование (в % от числа опрошенных экспертов)

Варианты ответов	%
Центр делает все возможное для развития региона	7,4
Центр оказывает существенное содействие в развитии региона	49,6
Центр оказывает помощь и содействие лишь при возникновении особых проблем	29,8
Помощь Центра практически не ощущается	5,8
В помощи Центра регион практически не нуждается	0,8
Затруднились ответить	6,6

Причем удельный вес данной позиции вырос по сравнению с оценкой 2009 г. почти на 10%. Значительная часть экспертов (примерно 30%) склонилась к оценке «Центр оказывает помощь лишь при возникновении особых проблем». Выделились сравнительно небольшие группы экспертов, занявшие противоположные позиции: «Центр делает все возможное для развития региона» (7,4%) и «Помощь Центра практически не ощущается» (5,8%).

Однако при оценке общегосударственной стратегии регионального развития, учитывающей особенности регионов, лишь немногим более 1/5 числа экспертов (22,3%) считает, что такая стратегия есть, она достаточно конкретная и реализуется. В то же время почти 20% не видят такой стратегии. Большинство (56,2%) заняло промежуточную позицию: «Такая стратегия есть в самом общем виде и реализуется весьма избирательно».

В развитии регионов наряду с федеральным центром участвуют высокоресурсные региональные группы, получившие название «элиты» (власть и бизнес), преследующие при этом и свои собственные интересы. Степень совпадения их интересов с интересами регионального развития в политической, экономической и духовной сфере, оцененная экспертами, весьма различна (табл. 2.1.5).

Таблица 2.1.5. Оценка роли «элит» в региональном развитии. Насколько интересы этих «элит» совпадают с интересами регионального развития?
(в % от числа опрошенных экспертов)

Вариант ответа	В политической сфере	В экономической сфере	В духовно-культурной сфере
1. Совпадают в основном, и элиты играют ведущую роль в выражении и реализации общерегиональных интересов.	42,1	29,0	37,3
2. Совпадают частично, элиты являются достаточно замкнутыми в основном на свои интересы.	43,9	44,9	50,0
3. Интересы прямо противоположны, элиты используют возможности региона в корпоративных целях.	14,0	26,2	12,7

Большинство экспертов (около 45%) указали на частичное совпадение интересов элиты в экономической сфере с региональными интересами и ее замкнутость в основном на своих интересах. Однако значительная часть экспертов (29%) считает, что элиты играют ведущую роль в выражении и реализации общерегиональных интересов, другая значительная часть экспертов (26,2%)

указала на прямую противоположность этих интересов, на использование возможностей региона элитой в корпоративных целях.

Примерно такова же степень совпадения интересов региона и элит, по оценкам экспертов, в политической жизни: частичное совпадение отмечает около 45%, незначительно меньшая часть (42,1%) указывает на ведущую роль элиты и совпадение интересов в основном и существенно меньшая (14%) – на противоположность общих и корпоративных интересов.

Ведущее значение роли элит в духовной жизни региона признаёт весьма значительная доля экспертов – 37,3%, но на частичное совпадение интересов элиты и региона в духовной области указывает больше экспертов, чем в политической и экономической областях, – около 50%, а на прямую противоположность – также значительная часть, хотя и относительно небольшая – 12,7%.

В комментариях многие эксперты из числа отметивших роль элит в культурной жизни региона выделяли спонсорство, меценатство, то есть по сути деловые акции, проводимые для улучшения своего имиджа.

Таким образом, как показывает анализ экспертного мнения, интересы элит региона совпадают с интересами регионального развития лишь частично и неоднородно в различных сферах.

Эта тенденция подтверждается и в ответах на вопрос «Насколько крупные бизнес-структуры, имеющие предприятия, расположенные в регионе, ориентированы на региональное развитие?». По мнению большинства экспертов, бизнес лишь частично ориентируется на региональное развитие – лишь постольку, поскольку он использует региональные ресурсы (табл. 2.1.6).

Таблица 2.1.6. Насколько крупные бизнес-структуры ориентированы на региональное развитие? (в % от числа опрошенных экспертов)

Варианты ответов	%
Полностью ориентированы	21,5
Ориентированы частично, поскольку используют региональные ресурсы	61,2
Слабо ориентированы	9,9
Такой ориентации не вижу, более того, их интересы прямо противоположны региональным интересам	4,1
Нет ответа	3,3

Бизнес-акторы, реализуя свои проекты в регионе и используя его ресурсы, в то же время выходят на более широкие экономические поля в социальном пространстве, тем самым в большей или меньшей мере включая регионы в интеграционные связи. В экспертном мнении степень такой включенности получила следующие оценки: большинство экспертов достаточно высоко оценивают степень экономической интеграции своих регионов в межрегиональном и общероссийском масштабах, гораздо ниже – в международном (табл. 2.1.7).

Таблица 2.1.7. **Оценка степени экономической интеграции регионов в международное, общероссийское и межрегиональное экономическое пространство**
(в баллах по 10-балльной шкале, при этом 1 – самое низкое, 10 – самое высокое значение баллов, с группировкой экспертного мнения по интервалам: 1-3 – низкое, 4-6 – среднее, 7-10 – высокое (в % от числа опрошенных экспертов))

Экономическое пространство интеграции	1-3	4-6	7-10
Международное	26,3	35,1	38,6
Общероссийское	8,7	36,6	54,7
Межрегиональное	13,9	27,8	58,3

Такие оценки остро актуализируют вопрос о повышении конкурентоспособности регионов, в т.ч. за счет социальных факторов и человеческого потенциала.

В условиях информационного общества одним из важнейших акторов социального пространства стали средства массовой информации, в т.ч. региональные, которые существенно влияют на имидж региона, формируют региональную идентичность. Оценка роли этого актора в формировании чувства консолидированной принадлежности к российскому обществу и региональному сообществу представляется неоднозначной. Более половины экспертов (53,7%) указали на такое влияние в значительной степени, около трети (32,2%) отметили лишь ситуативное влияние, а каждый десятый (9,9%) вообще не видит такого влияния (4,1% затруднились ответить).

В современных условиях все более значимыми становятся деятельность институтов гражданского общества и их влияние на уровень доверия и солидарности в региональном социуме, соблюдение прав и свобод граждан (табл. 2.1.8).

Таблица 2.1.8. Оценка процесса формирования институтов гражданского общества в регионе и их влияния в региональном социуме (в % от числа опрошенных экспертов)

Оценка деятельности	%
Деятельность институтов достаточно влиятельна	33,9
Деятельность институтов имеет слабое влияние в региональном социуме	38,8
Деятельность институтов сдерживает избыточный контроль со стороны государства	5,8
Процесс их формирования носит затяжной характер	16,5
Затруднились ответить	5,0

Отметим, что деятельность этих институтов в региональном социуме оценивается экспертами невысоко. Лишь немногим более трети (33,9%) экспертов считают, что в их регионах деятельность институтов гражданского общества заметна. Подавляющее большинство (более 60%) отмечает либо слабое влияние этих институтов на уровень социального доверия и солидарности (38,8%), либо слабое развитие в регионах самих институтов (22,3%).

Проблемы консолидации социального пространства России стоят не только в плане оптимизации социально-институциональных отношений по линиям: «центр–регион» и «регион–регион», но и внутри каждого региона. Судя по оценке внутрирегиональных отношений, представленной в блоке вопросов, касающихся взаимосвязей региональных центров и остальных территориальных образований, «вторых» центров, оказывающих заметное влияние на жизнь региона, роли административного центра как интегратора различных полей социального пространства в регионе, в большинстве регионов сложились прочные взаимосвязи центров и периферии (*табл. 2.1.9*).

Таблица 2.1.9. Оценка сложившихся взаимосвязей региональных центров и остальных территориальных образований (в % от числа опрошенных экспертов)

Оценка взаимосвязей	%
Взаимосвязи прочные, особых противоречий не вижу	65,3
Имеются достаточно существенные противоречия между рег. центром и другими территориальными образованиями	16,5
Отдельные терр. образования вступают в в конфронтацию с рег. центром	4,1
Затруднились ответить	14,0

65,3% экспертов прямо указывают на этот важный узел консолидации, в то время как 16,5% – на существенные противоречия, а 4,1% – даже усматривают конфронтацию. Отметим, что, в отличие от других вопросов, ответить на дан-

ный вопрос затруднились 14% экспертов, которых логично присоединить к тем, кто дал критические оценки.

Во многих регионах актуальна и, по меньшей мере, заметна роль «вторых» центров (табл. 2.1.10).

Таблица 2.1.10. **Имеются ли, кроме центрального города, другие города («вторые» центры), оказывающие заметное влияние на жизнь региона?**
(в % от числа опрошенных экспертов)

Варианты ответов	%
Такой город (города) есть, и он (они) оказывает заметное влияние на ряд других территориальных образований и социальные группы населения	52,1
Такой город (города) есть, но он (они) не оказывает заметного влияния на другие территории	24,0
Таких городов в регионе нет	21,5
Затруднились ответить	2,5

Более половины экспертов указало на наличие таких центров в своих регионах. Сложилась большая группа «полицентрических» регионов, административным центрам которых (региональные «столицы») необходимо укрепить и повысить свой авторитет как интеграторов социально-экономической и духовно-культурной жизни (табл. 2.1.11).

Таблица 2.1.11. **Насколько город, являющийся административным центром региона, выполняет роль интегратора в социально-экономическом и духовно-культурном отношении?** (в % от числа опрошенных экспертов)

Отношения	Вполне	В основном	Минимально	Его роль незаметна
Социально-экономические	49,1	42,0	6,3	2,7
Духовно-культурные	47,3	40,2	10,7	1,8

Если в моноцентрических регионах в стратегическом плане важно конвертировать социальное пространство прежде всего за счет выравнивания уровней развития периферийных муниципальных образований, то в полицентрических необходимо учитывать специфику интересов «вторых» центров, паритетно решать имеющиеся в них вопросы, использовать «точки роста» в общерегиональном и общероссийском развитии.

Существенное значение для выявления региональной идентичности приобрели оценки особенностей жизни населения, его основных групп, что прямо связано с качеством социально-групповой структуры.

Поскольку качественным характеристикам социально-групповой структуры посвящена специальная глава настоящей монографии, остановимся на анализе экспертной оценки таких основных групп, как: дети и молодежь; работающее население; пенсионеры и нетрудоспособное население.

Эксперты дают достаточно близкие оценки качества жизни этих групп в своих регионах. Дети и молодежь, работающее население, согласно этим оценкам, имеют преимущественно среднее качество жизни (71–83%), причем значительная часть оценок (11–22%) смещается в сторону низкого качества. Качество жизни пенсионеров и нетрудоспособного населения большинством экспертов в основном оценивается как низкое (64,2%), при этом среднюю оценку выбирает значительная, хотя и вдвое меньшая часть опрошенных (32,5%). Оценку «высокое» во всех трех случаях дает незначительное меньшинство (2,5–6,6%) (табл. 2.1.12).

Таблица 2.1.12. Оценка экспертами качества жизни основных групп населения региона (N=432)

Группы населения	Качество жизни (количество экспертов, в %)		
	высокое	среднее	низкое
Дети и молодежь	6,6	71,1	21,5
Работающее население	5,8	82,6	11,6
Пенсионеры и нетрудоспособное население	2,5	32,5	64,2

На оценки качества жизни различных групп населения влияют оценки уровня социально-экономического развития региона (табл. 2.1.13).

Таблица 2.1.13. Оценка экспертами зависимости качества жизни различных групп населения от уровня социально-экономического развития регионов (N=432)

Группы населения	Качество жизни	Оценка общего уровня социально-экономического развития региона (количество экспертов, в %)		
		высокий	средний	низкий
Дети и молодежь	Высокое	17,6	3,1	0,0
	Среднее	76,5	73,4	59,1
	Низкое	5,9	23,4	40,9
Работающее население	Высокое	17,6	0,0	4,3
	Среднее	79,4	90,6	65,2
	Низкое	2,9	9,4	30,4
Пенсионеры и нетрудоспособное население	Высокое	2,9	0,0	9,1
	Среднее	41,2	33,3	18,2
	Низкое	55,9	66,7	72,7

Так, между оценками уровня развития региона и качества жизни работающего населения можно наблюдать почти прямую зависимость: чем выше уровень, тем больше доля соответствующих оценок качества жизни работающего населения.

Между уровнями оценок региона и качества жизни детей и молодежи наблюдается такая же зависимость, отличающаяся лишь тем, что при средних оценках развитости региона доля низких оценок качества жизни детей и молодежи немного больше, чем средних.

Оценки же качества жизни пенсионеров и нетрудоспособного населения при доминировании низких оценок несколько иначе зависят от оценок уровня развития регионов: при снижении оценки уровня развитости региона от высокого к низкому увеличивается доля низких и снижается доля средних оценок качества жизни.

В исследовании регионов значительное место заняли вопросы оценки человеческого потенциала (табл. 2.1.14).

Таблица 2.1.14. Оценка человеческого потенциала в зависимости от социально-экономического развития региона (по интервальной шкале)

Вид человеческого потенциала	Баллы	От оценки общего уровня развития региона		
		высокий	средний	низкий
Трудовой	1–4	0,0	9,4	17,3
	5–7	45,2	45,3	65,2
	8–10	54,8	45,4	17,4
Профессионально-квалификационный	1–4	0,0	6,4	17,4
	5–7	35,5	42,8	52,1
	8–10	64,5	50,8	30,4
Демографический	1–4	12,9	32,3	52,1
	5–7	61,3	58,1	47,8
	8–10	25,9	9,7	0,0
Инновационный, в т.ч. способность к разработке и освоению технологических инноваций	1–4	9,7	15,7	56,5
	5–7	22,6	51,6	30,4
	8–10	67,8	51,6	13
Способность к научным исследованиям и разработкам	1–4	3,2	9,4	21,7
	5–7	22,5	49,9	47,8
	8–10	74,2	40,6	30,4
Человеческий потенциал в целом	1–4	0,0	8	13
	5–7	38,8	45,2	78,3
	8–10	61,3	46,7	8,7

В целом человеческий потенциал оценивается экспертами следующим образом: 9 баллов по 10-балльной шкале дали 18,1% экспертов, 8 баллов – 19,8%, однако столько же экспертов оценили этот фактор только на 5 баллов. При этом самые высокие оценки (8 баллов) получили такие виды человеческого потенциала, как трудовой (27,1% экспертов), профессионально-квалификационный (27,4%).

Инновационному потенциалу, в том числе способности к разработке и освоению технологических инноваций, 9 баллов поставили 16,1% экспертов, а способность к научным исследованиям и разработкам оценили в 10 баллов 16,9% опрошенных.

В приведённых в *таблице 2.1.14* данных обращает на себя внимание тенденция прямой зависимости оценки человеческого потенциала от уровня развития региона: чем ниже уровень развития, тем ниже оценка потенциала.

В результате получается замкнутый круг негатива: для повышения уровня развития нужен соответствующий человеческий потенциал, а он весьма низок.

Поэтому для этой группы регионов необходим прорыв. Первостепенным вопросом должно стать наращивание человеческого потенциала территории, что представляет особую важность в реализации инновационного направления (вектора) развития российских регионов, их системной комплексной модернизации.

При этом даже в среднересурсных (среди изучаемых регионов их более двух третей), но достаточно социально освоенных регионах акценты смещаются в сторону эффективного использования имеющегося человеческого потенциала.

Социологическая верификация принадлежности (самоотнесения, отождествления) к национально-государственному, в наших исследованиях – российскому, обществу показывает высокую степень общероссийской идентичности, ее положительную динамику в 2000-х годах. По данным исследований Института социологии РАН, в 2011 году свою связь с российским обществом от-

метили 95% опрошенных (72% – указало на ощущение этой связи как одной из наиболее сильных и значимых). 90% населения так же идентифицируют себя по месту жительства, а 60% – отмечают сильную связь с местным сообществом – «с земляками»⁹⁵.

В дальнейших исследованиях сочетания этих идентичностей, при уточнении методики и соответствующей шкалы в новой интерпретации вопроса «Как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком Вы могли бы сказать: «это – мы»?» в опросе, проведенном Институтом социологии по проекту № 14-28-00218 Российского научного фонда (рук. проекта – академик М.К. Горшков) в 2014 году, ответы по вышеуказанному критерию распределились следующим образом: «граждане России» – 73,3% опрошенных; «жители их города/села» – 78,3%; «земляки» – 79,6%; «люди той же национальности» – 75,9.

На графике (рис. 2.1.1) представлены соотношения общероссийской, региональной и местной идентификаций на примере весьма типичной, «средней» по уровню социально-экономического развития среди субъектов РФ – Вологодской области⁹⁶.

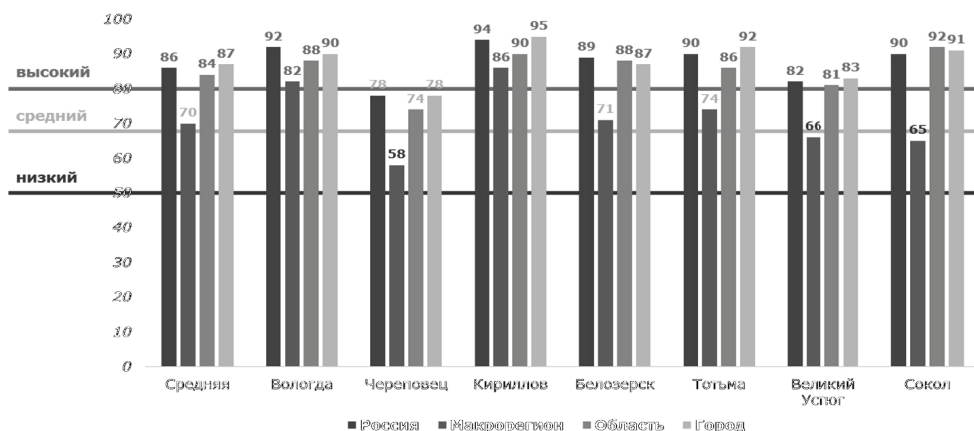

Рис. 2.1.1. Соотношение общероссийской, макрорегиональной, региональной и местной (городской) идентификации жителей Вологодской области (массовый опрос N=1300, в т.ч. г. Вологда – N=400 и г. Череповец – N=400)

⁹⁵ См.: Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. – М.: Новый Хронограф, 2011. – С. 275.

⁹⁶ Данные получены на основе результатов массового опроса населения по репрезентативной для городского населения области выборке (1300 респондентов) и подвыборке для городов Вологды и Череповца (по 400 респондентов) в октябре 2013 г. (руководитель исследования – В.В. Маркин, ответственный исполнитель – А.Ю. Цепелев)

Из приведенных данных видно, что наиболее сильная идентичность проявляется по принадлежности к России (86% опрошенных), области (84%), городам области (87%). Особенно сильная связь и высокая степень сочетания этих идентичностей выражена жителями областного центра (соответственно: 92, 88, 90%). Несколько слабее эта связь и ниже степень сочетания названных идентичностей у жителей второго крупного города области – Череповца (78, 74, 78%), что имеет свои объяснения, поскольку, хотя Череповец и выступает «экономической столицей» региона, он ориентирован не столько на собственно социальное пространство Вологодской области, сколько на межрегиональные и международные связи. Город является территориальным центром крупнейшей металлургической корпорации («Северсталь») и химического холдинга («ФосАгро»). В то же время у жителей области в целом и отдельных городов слабее всего выразилась макрорегиональная идентичность (к Северо-Западу России), так как, входя в этот макрорегион (федеральный округ), значительная часть бизнес-акторов и населения ориентируется на связи с Ярославской областью и Москвой, т.е. на Центр России.

Приведенный пример показывает, насколько важен в анализе сочетания или расхождения социально-пространственной и социально-территориальной идентификации (соответственно – в сочетании или расхождении общероссийской, региональной и местной идентичности) учет самоидентификации жителей.

Вместе с тем, как бы ни были научно-методически обоснованы социологические измерения регионального развития в социальном пространстве России, для полноценного практического выхода они требуют определенного согласования с данными статистики, а самое главное – механизма использования в политико-управленческой деятельности на всех ее уровнях, начиная с федерального и заканчивая муниципальным. В этом отношении важным событием стал Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 года «Об оценке эф-

фективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», во исполнение которого был налажен ежегодный мониторинг этой оценки, включающий в себя не только статистические показатели экономического и социального развития, но и степень удовлетворенности населения деятельностью органов регионального управления в социальной сфере и непосредственно главы субъекта РФ.

За прошедшее время методика данного мониторинга постоянно совершенствовалась, в том числе с учетом предложений Института социологии РАН как по линии научно-экспертного Совета при Председателе Совета Федерации⁹⁷, так и по линии Министерства регионального развития РФ, под эгидой которого осуществлялся сбор и анализ данных до 2015 г. Причём ряд предложений был внесен членом коллегии академиком М.К. Горшковым и членом Общественного Совета д.соц.н. В.В. Маркиным⁹⁸.

Анализ правоприменительной практики и методического совершенствования, новые проблемы и задачи регионального развития сделали необходимым издание новой редакции Указа Президента Российской Федерации (под тем же вышеприведенным названием) от 21 августа 2012 года № 1199 с соответствующей корректировкой методики, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2012 г. № 1142.

В соответствии с этой методикой оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти рассчитывается на основе 11 показателей, которые условно сведены в 3 блока: развитие экономики, развитие социальной сферы, опросы населения (*табл. 2.1.15*).

⁹⁷ См.: Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России : сб. материалов Совета Федерации / под ред. В.В. Маркина, С.Л. Краснорядцева. – М., 2008; Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: сб. материалов Совета Федерации; под. ред. С.Л. Краснорядцева. – М., 2009 и др.

⁹⁸ См.: Маркин В.В. Социологический мониторинг оценки эффективности деятельности органов регионального управления // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. и XII–XIII Дридзевских чтений, 21–22 ноября 2013 г. / отв. ред. А.В. Тихонов. – М. : Ин-т социологии РАН, 2014. – С. 48-55 и др.

Таблица 2.1.15. Методика расчета оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации

	№ п/п	Показатель	Удельный вес, %		Государственный орган, предоставляющий информацию
			показателя в оценке эффективности	динамики в сводном индексе показателя	
Развитие экономики	1	Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств), тыс. руб.	10	80	Росстат
	2	Оборот продукции (услуг), производимой малыми предприятиями, соотнесенный с показателем численности населения, тыс. руб.	10	80	Росстат
	3	Объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации, соотнесенный с показателем численности населения, тыс. руб.	10	80	Федеральное казначейство
	4	Реальные располагаемые денежные доходы населения, %	10	80	Росстат
	5	Удельный вес введенной общей площади жилых домов по отношению к общей площади жилищного фонда, %	10	40	Росстат
Развитие социальной сферы	6	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	6	60	Росстат
	7	Уровень безработицы в среднем за год, %	6	60	Росстат
	8	Доля обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях, занимающихся в одну смену, в общей численности обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях, %	6	50	Минобрнауки России
	9	Смертность населения (без показателя смертности от внешних причин), количество умерших на 100 тыс. чел.	6	60	Росстат
	10	Доля детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе переданных не родственникам: в приемные семьи, на усыновление (удочерение), под опеку (попечительство), в семейные детские дома и патронатные семьи, а также находящихся в государственных (муниципальных) учреждениях всех типов, %	6	60	Минобрнауки России
Опросы	11	Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, %	20	0	ФСО России

В блоке развития экономики приводятся показатели, характеризующие объем частных инвестиций в основной капитал, налоговые и неналоговые доходы консолидированного бюджета региона, реальные располагаемые денежные доходы граждан, оборот малого бизнеса, значения которых определяются в расчете на одного жителя, а также объём ввода жилья.

К блоку социального развития отнесены показатели, характеризующие ожидаемую продолжительность жизни, естественную смертность, уровень реальной безработицы, долю обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях, занимающихся в одну смену, и долю детей-сирот, не охваченных различными формами семейного устройства.

По каждому показателю рассчитывается сводный индекс, который является весовой комбинацией среднегодовых значений (уровня) и среднегодового темпа роста показателя (динамики).

По показателям, характеризующим развитие экономики, в большей степени учитывается их динамика – вес среднегодовых темпов роста равен 80% (исключением является только показатель жилищного строительства, поскольку имеет особую природу и используется для объективного учета деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по развитию жилищного строительства, в том числе регионов со стабильно высокими объемами ввода жилья, вес среднегодового темпа роста по данному показателю составляет 40%).

В соответствии с методикой на показатели, характеризующие развитие экономики, приходится 50% оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Опросы общественного мнения позволяют выявить оценку граждан в отношении уровня их удовлетворенности различными аспектами жизни, за состояние которых отвечают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, и оценку деятельности глав субъектов. В оценке эффективности учитывается только среднегодовой уровень оценки населением деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а его вес в оценке эффективности составляет 20%⁹⁹.

На основе мониторинга составляется рейтинг регионов по критерию эффективности управления, который вместе с аналитической частью входит в

⁹⁹ В настоящее время эта методика применяется Министерством экономического развития РФ, к которому после ликвидации Министерства регионального развития перешли координационные функции по этому направлению.

ежегодный доклад Президенту Российской Федерации для непосредственного использования в политико-управленческих целях. Вместе с тем данные мониторинга, полученные по вышеуказанной методике, позволяют предложить новый подход к моделированию (группировке) российских регионов. Так, можно условно выделить четыре основные модели (группы):

1. Регионы-«лидеры» сбалансированного развития, у которых все пять индексируемых показателей (по два входят в их экономический и социальный блоки и оценка удовлетворенности) имеют высокие значения в сочетании с относительно стабильным уровнем и существенным приростом по динамике экономического и социального развития, подкрепляемые весьма высоким уровнем удовлетворенности жителей.

2. Регионы «ближнего к лидерам круга», у которых имеются отдельные рассогласования достаточно высоких значений индексируемых показателей в целом.

3. Регионы «среднего круга» (между «лидерами с ближним кругом» и «аутсайдерами»), у которых весьма существенные рассогласования в комплексе индексов.

4. Регионы-«аутсайдеры», которые имеют весьма низкие значения индексов или их резкое рассогласование (дисбаланс).

По расчетам, произведенным на основе данных государственной статистики и других источников, предусмотренных методикой, за 2014 год, когда проявились первые признаки кризисного развития России в условиях так называемых санкций, вышеуказанные модели были представлены следующими группами регионов с распределением в условных 20-местных интервалах (последний интервал: 61–83 место, без Крыма и Севастополя, которые еще адаптируются к социетальному пространству России).

В первую группу вошли: Республика Татарстан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Воронежская область, Липецкая область, г. Санкт-Петербург, Тюменская область, Тамбовская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ, Республика Марий Эл, Республика

Мордовия, Московская область, Республика Башкортостан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Новосибирская область, Краснодарский край, Астраханская область, Магаданская область, Сахалинская область. В этой группе регионов-«лидеров» практически все действительно отличаются высоким удельным весом показателей уровня и динамики экономического и социального развития, без разрывов между ними. При этом они имеют и достаточно высокий уровень удовлетворенности жителей. По абсолютному большинству регионов этой группы он превышает 10%, т.е. более 50% от нормативного. Исключение составляют лишь Республика Марий Эл (9,9%) и Краснодарский край (7,8%).

Пространственное распределение группы лидеров происходит по всем макрорегионам (в политико-управленческом разрезе – по нынешним федеральным округам), однако концентрируется в большей мере в Центральной России (Центральный ФО – 4 региона, Приволжский – 4), а также в Уральском ФО – 3 (хотя все эти три субъекта РФ: Тюменская область, ХМАО и ЯНАО – традиционно являются западно-сибирскими регионами). В лидеры выдвинулись два субъекта РФ из Северо-Кавказского ФО (Чеченская Республика и Республика Ингушетия), что свидетельствует об определенных результатах согласованной федеральной и региональной политики, хотя пока так избирательно проявляющейся.

Нельзя не отметить и другие «новые лица» в группе лидеров – республики Мордовия и Марий Эл, Астраханскую, Магаданскую и Тамбовскую области, вошедшие в эту группу именно по критерию согласованности (гармоничности) основных показателей, в том числе за счет динамики экономического и социального развития, относительной удовлетворенности жизнью и властью в региональных сообществах.

В группе «ближнего круга» сложилась следующая группа регионов: Курская область, Ростовская область, Пензенская область, Ивановская область, Белгородская область, Омская область, Калужская область, Чувашская Республика, Республика Саха (Якутия), Рязанская область, Тульская область, Ярослав-

ская область, Нижегородская область, Республика Хакасия, Оренбургская область, Ульяновская область, Пермский край, Удмуртская Республика. Здесь еще более заметна концентрация регионов Центра России и Поволжья – 14 (по семь в Центральном и Поволжском ФО). Из других: 2 региона СЗФО (Калининградская и Вологодская области), 2 – Сибирского ФО (Омская область и Республика Хакасия), по одному из Южного ФО (Ростовская область) и Дальневосточного ФО (Республика Саха (Якутия)). Особенностью этой группы является то, что практически половина входящих в нее регионов – это потенциальные лидеры: чтобы стать лидерами, им не хватает чуть-чуть динамики социального развития, как, например, Белгородской области (6,4%), хотя уже нынешний уровень социального развития (21,2%) превышает нормативный. Подобные рассогласования характерны и для других регионов.

В то же время 8 регионов этой группы демонстрируют невысокую удовлетворенность жителей (менее 10% от нормативных 20%). В Калининградской области данный показатель составляет 1,8%.

Существенные рассогласования показателей – черта, характерная для группы регионов «среднего круга», таких как: Республика Дагестан, Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Самарская область, Владимирская область, Республика Северная Осетия-Алания, г. Москва, Псковская область, Новгородская область, Томская область, Республика Адыгея, Кировская область, Республика Калмыкия, Приморский край, Смоленская область, Кемеровская область, Республика Бурятия, Костромская область, Хабаровский край, Республика Алтай. Эта группа разнообразна и в пространственном отношении, без особой концентрации: 4 региона из Центрального ФО, 4 – из Северокавказского, по 2 – из Северо-Западного, Приволжского, Южного, Дальневосточного. Исключение составил лишь Уральский ФО.

На разрывы показателей в данной группе особое влияние оказали низкие оценки удовлетворенности жителей деятельностью институтов социальной сферы, а в конечном итоге – региональной властью. В 12 регионах этой группы

удовлетворенность составляет менее половины от нормативной, причём в пяти регионах она менее 5%.

В числе других в этой группе оказалась Москва – город федерального значения, поводом для этого послужил низкий показатель динамики социального развития (5,3%), хотя, так же как и в примере с Белгородской областью, уровень социального развития в Москве «зашкаливает» (27,2%). Очевидно, что регионы с подобным уровнем (таких очень малая группа в целом) должны иметь для оценки динамики какие-то специальные поправочные коэффициенты, поскольку каждое последующее продвижение от «сверхбольших» объемов достигнутого должно адекватно учитываться.

Наибольшие рассогласования, значительные разрывы между блоками оценки в группе «аутсайдеров» в макрорегиональном плане концентрированно представлены дальневосточными (5) и сибирскими (4) регионами. В нее также вошли 5 регионов Северо-Западного ФО, по 3 – из Центрального и Уральского ФО, по одному – из других округов: Карачаево-Черкесская Республика, Саратовская область, Орловская область, Алтайский край, Волгоградская область, Красноярский край, Ленинградская область, Чукотский автономный округ, Брянская область, Амурская область, Архангельская область, Республика Коми, Мурманская область, Тверская область, Свердловская область, Челябинская область, Еврейская автономная область, Республика Тыва, Иркутская область, Камчатский край, Забайкальский край, Курганская область, Республика Карелия.

Именно в этой группе оказались самые большие разрывы между статистическими показателями экономического и социального блоков (в т.ч. внутри их) и оценками опрошенных жителей. В их оценках преобладает неудовлетворенность различными сторонами жизни и региональной властью (в 15 регионах – менее 10% от нормативных 20%, в том числе в 10-ти – менее 5%). Именно такое состояние недовольства жителей «опустило» большинство регионов из этой группы на уровень «аутсайдеров», хотя практически каждый из них имеет значительный экономический потенциал.

Конечно, представленная группировка может нарушить сложившиеся стереотипы в отношении отдельных регионов и вызвать множество вопросов. Действительно, требует дальнейшего совершенствования методическое сопровождение некоторых отмеченных моментов оценки. Однако главное достижение мониторинга в том, что органы власти и институты гражданского общества получили механизм и инструментарий оценки своей деятельности в социальном пространстве России – страны регионов – по повышению эффективности социальных институтов, качества социально-групповой структуры, уровня человеческого потенциала, удовлетворенности региональных сообществ и российского общества в целом своей жизнью и властью в их согласованном формате.

Далее остановимся подробнее на динамических изменениях различных аспектов развития территориального сообщества на примере одного из конкретных регионов – Вологодской области, которая, если исходить из предложенной методики, относится к «ближнему кругу» лидеров российских территорий по уровню и динамике социально-экономического развития.

2.2. ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ РУССКОГО СЕВЕРА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вологодская область является частью обширного Североевропейского региона России. В силу исторических и экономических условий Европейский (Русский) Север сформировался как единая историко-культурная зона. История земли Вологодской началась более 25 тысяч лет назад, что подтверждает найденная в 1983 г. стоянка эпохи верхнего палеолита близ с. Нюксеница. В первые века нашей эры местным населением были языческие финно-угорские племена, славянское население стало осваивать край в V–VII веках н.э. Позднее отмечалось две волны колонизации земель, занятых прежде финно-угорскими народами: новгородская и ростово-суздальская. На основе двух этносов – финно-угорских племен и славянских – возникла этнически сложная общность людей.

Большая часть городов современной Вологодской области была создана в период правления Екатерины II. К ним относятся Вытегра (1773 г.), Кириллов (1776 г.), Череповец (1777 г.), Грязовец (1780 г.), Кадников (1780 г.), Никольск (1780 г.). 25 января 1789 г. указом Екатерины II было образовано Вологодское наместничество в составе трех провинций – Архангелогородской, Вологодской и Великоустюгской. Сама Вологодская губерния была образована в 1796 г.

Население края издревле занималось земледелием, охотой на пушного зверя и рыболовством. В Леденгском Городке, в Тотемских и Сольвычегодских местах добывали соль из соляных ключей и глубоких колодцев. Вплоть до начала XX века славились тотемские соляные промыслы. Благоприятные почвенно-климатические условия Вологодской губернии способствовали выращиванию льна, культивировавшегося на Севере еще с XII века. Добывали смолу, деготь и торговали ими с соседями. В XVI веке широкое развитие получил железный промысел на территории нынешних Устюженского, Череповецкого и других районов. Здесь отливались орудия, ядра и иные железные изделия, необходимые для нужд страны. По берегам Сухоны, на Белоозере, в Устюжне и

особенно в Вологде строились речные суда. Леса покрывали более половины территории края, поэтому не случайно распространены были занятия, связанные с заготовкой и переработкой древесины. Лес сплавлялся по основным рекам, продавался на лесных ярмарках, оттуда попадал потребителям: крупным лесоторговцам и лесопромышленникам Вологды, Архангельска, Петербурга, южных губерний России, а также за границу¹⁰⁰.

Во времена Ивана Грозного Москва во многом контролировала не только ключевые города и районы Русского Севера, но и далекие лесные дали, что диктовалось экономическими интересами страны. Изначально положение местных жителей, обремененных налогами, податями и службой на «государевых людей», было тяжелым. Однако ряд некоторых событий истории сыграл ключевую роль в развитии крепостного права на Вологодской земле. После серии бунтов, поднятых восставшими крестьянами, местное население получило поэтапно статус государственных крестьян и впоследствии обладало свободой, о которой не могли и мечтать их соотечественники в губерниях центральной России. Одной из причин такого положения дел, возможно, послужило то, что после получения страной выхода в Атлантику через Балтийское море снизилась ценность северных торговых путей и в целом территорий Русского Севера. Таким образом, в современных центральной и восточной частях Вологодской области, как и на юге Архангельской области, крепостного права не было. Между тем в соседней Костромской области, которую обычно не принято считать частью Русского Севера, но которая в культурном плане была наиболее близка к северным районам Европейской России, крепостное право процветало¹⁰¹.

Культурное развитие Вологодского края заметно ускорилось во второй половине XIX в. После отмены крепостного права под воздействием социально-экономических трансформаций произошли заметные сдвиги в народном образовании, здравоохранении, науке.

¹⁰⁰ Чупров И.М. По родным просторам. – М. : Физкультура и спорт, 1974. – 175 с.

¹⁰¹ Кривенюк А. Вологодская область остается последним бастионом исчезающей культуры Русского Севера // Совершенно секретно: газета. – 2014. – №28 (323).

14 января 1929 г. был образован Северный край с центром в г. Архангельске, просуществовавший до 1937 г., когда появилось постановление ЦИК, согласно которому из Северного края была выделена и образована Вологодская область в ее современных границах. Таким образом, о Вологодской области, как сформировавшей свои границы и состав населения, можно говорить лишь со второй половины XX века, так как в разное время некоторые районы области были отнесены к другим регионам, что сказывалось на идентификации местного населения. Так Вытегорье ранее входило в состав Ленинградской области, а восток области представляет собой уже другой край – Великоустюгский. Большая территория области и географическое расположение, определяющее граничащее положение с восьмью областями, зачастую вызывают ситуацию, в которой население окраинных поселений и районов не проявляет активной региональной идентификации. Родственные связи, лучшее социально-экономическое положение населения соседних регионов вырабатывают мотивы идентификации с ними населения окраинных (пограничных) территорий Вологодской области.

После Великой Отечественной войны на территории области развернулось промышленное строительство. Появились заводы по производству машин для заготовки древесины, бумагоделательного оборудования, судов. Был создан Череповецкий металлургический завод. Мощная индустрия, построенная в Череповце после войны, помогла Вологодской области, даже в условиях кризиса начала 90-х гг. XX века, оставаться одной из наиболее благополучных территорий России.

В настоящее время в области сохраняются два полюса развития: Вологда – административная и культурная столица области, Череповец – промышленный центр региона. Различия в развитии этих территорий сказываются не только в социально-экономической сфере, но и с точки зрения характера бытности и ментальности населения, общественных интересов, что формирует методологические преимущества и делает социологические исследования на территории региона уникальными. Анализируя тенденции общественного мнения жителей г. Вологды и г. Череповца, мы в некотором смысле рассматриваем два харак-

терных и для населения всей страны образа жизни и подхода к восприятию окружающей действительности: с одной стороны, относительно консервативной, традиционной, с другой стороны, более новаторской, продиктованной тенденциями экономического развития и научно-технического прогресса.

В целом отношение жителей Вологодской области к своему региону можно охарактеризовать как позитивное. И в городах, и в районах более 65% людей отмечают, что рады и довольны жить здесь (табл. 2.2.1).

Таблица 2.2.1. **Распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете к своему региону?»** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Вологда			Череповец			Районы			Область		
	2008	2010	2012	2008	2010	2012	2008	2010	2012	2008	2010	2012
Я рад, что живу здесь	31,2	39,3	26,1	31,8	29,5	26,9	27,9	23,4	31,4	29,7	28,7	29,2
В целом я доволен, но многое не устраивает	42,8	38,7	41,9	49,2	38,8	40,5	44,5	48,7	39,5	45,3	43,9	40,2
Не испытываю особых чувств по этому поводу	13,9	9,9	14,8	11,3	16,0	14,1	15,0	12,2	10,1	13,8	12,6	12,0
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	0,3	3,1	6,9	0,0	4,8	6,8	0,0	4,8	3,0	0,1	4,4	4,8
Хотел бы уехать в другой регион России	2,5	2,3	3,0	1,3	5,9	4,3	4,6	1,4	2,2	3,3	2,7	2,9
Хотел бы вообще уехать из России	2,3	1,7	2,5	2,4	1,9	2,5	2,0	1,3	1,4	2,1	1,5	1,9
Затрудняюсь ответить	6,8	5,1	4,9	3,9	3,2	5,0	6,1	8,1	12,4	5,7	6,1	9,1

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2008, 2010, 2012 гг.

Несмотря на общее положительное отношения к жизни на Вологодской земле, население Вологды, районов и Череповца вкладывают в это чувство несколько разное содержание. По мнению жителей районов и г. Вологды, самой привлекательной чертой Вологодской области является ее красивая природа (это отметил каждый второй житель), доброта и душевность людей (каждый четвертый). Для череповчан доминирующими факторами являются перспективность для жизни и наличие возможностей для инициативных людей (каждый третий). Так сегодня сказывается влияние на общественное мнение исторического фактора, особенностей возникновения и развития г. Череповца как индустриального центра области.

Жители Вологодской области, отвечая на вопрос «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое» – «чужое») с жителями различных типов мест?», отметили, что чувство наибольшей близости они испыты-

тывают по отношению к жителям своего поселения (в 2010 г. – 62%), что в принципе не удивительно, если учесть, что поселение – это первичная или локальная территориальная общность, место, с которым человек непосредственно связан не только территориальными, но и родственными, дружескими и прочими узами¹⁰².

Региональная сплоченность выражена слабее поселенческой, но, как показали результаты исследования, и в этом случае чувство близости с другими людьми преобладает над чувством отдаленности, разобщенности (37 и 21 % соответственно). Отметим при этом и некоторый негативный момент: насколько высока региональная идентификация, настолько же сильна и отчужденность по отношению к жителям всей страны (этот показатель в период с 2008 по 2010 г. составлял 37%).

В целом в Вологодской области можно выделить три уровня идентичности. Первый уровень, наиболее высокий, включает поселенческую идентичность (интенсивность – выше среднего, см. подробнее в источнике¹⁰³). Второй – региональную, где интенсивность идентичности населения остается ниже среднего. Третий уровень, объединяющий в себе общероссийскую и общечеловеческую идентичность, а также идентичность с жителями бывших союзных республик, является низким, при этом интенсивность отдаленности считается выше среднего. Около четверти населения региона проявляет безразличие как к жителям всей области, так и к жителям России, бывших союзных республик и всей Земли. Отметим, что вопрос российской идентичности стал весьма актуален с начала 1990-х годов. При этом фокусы ее изучения постоянно меняются, и сама идентичность имеет разное значение в понимании исследователей, индивида, общества¹⁰⁴.

¹⁰² Маркин В.В. Региональная идентификация и социальное моделирование российских регионов: проблема социологической интерпретации // Региональная социология в России: сб. материалов социологических исследований. – М., 2007. С. 9.

¹⁰³ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – С. 36–43.

¹⁰⁴ Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М. : Новый Хронограф, 2010. – С. 118–120.

Изучение региона с позиции социокультурности подразумевает паритетность культуры и социальности, их несводимость и невыводимость друг из друга¹⁰⁵. Специфические черты культурного пространства Вологодской области обусловлены исторически сложившимся своеобразием природно-географических условий, культурой, бытом и укладом жизни населения. Как одна из древнейших территорий Русского Севера, регион играет особую роль в развитии северной художественной и материальной культуры, являясь носителем богатого историко-культурного наследия, народных традиций.

На данный момент являются узнаваемыми не только на территории России, но и за рубежом следующие бренды Вологодчины: «Настоящий Вологодский продукт», «Вологодское масло», «Вологодское кружево», «Вологодский лён», «Дед Мороз». Перспективны для развития проекты «Мастера Вологодчины», «Вологда – культурная столица Русского Севера», «Вологда – Душа Русского Севера». Помимо того, в «столице» региона – Вологде – активно работают над формированием положительного образа города и его истории с помощью различных визуальных инструментов (информация в СМИ, изображения, стелы, арт-объекты). Данные направления не только привлекают внешних туристов¹⁰⁶, но и влияют на аспекты социального самочувствия населения области, что подтверждает их эффективность и необходимость дальнейшего развития.

Русский Север воспринимался интеллектуальной элитой и как историческая провинция России, и как регион, сыгравший важную роль в формировании и поддержании этнической идентичности русских людей, как сугубо «русский» регион¹⁰⁷. Безусловно, русские являются крупнейшей этнической группой во всех регионах Европейского Севера: в Вологодской области их доля, согласно данным переписи населения 2010 г., превышает 97% (от числа людей, указавших свою национальную принадлежность); данные опросов населения региона

¹⁰⁵ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Изд-во полит. лит., 1992. – С. 219.

¹⁰⁶ Ковынева Л.В. Формирование территориального бренда в регионах России // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – №5. – С. 61–67.

¹⁰⁷ Шабает П.Ю. Культурное пространство Русского Севера // Антропология социальных перемен / отв. ред. Э.Б. Гучинова, Г.А. Комарова // Полит. энцикл. – М., 2011. – С. 36-42.

показывают схожие результаты – более 96% респондентов считают себя русскими. По ответам на вопрос «Давно ли Вы живете в этом городе (поселке, селе, деревне)?» выяснилось, что в регионе велика доля приезжих или поменявших место жительства в его пределах: так, 5% респондентов живут в Вологодской области менее 5 лет, почти 9% – 6–15 лет. Остальные (87%, включая и коренных жителей) проживают здесь уже достаточно долго: 21% – от 16 до 25 лет, 65% – более 25 лет.

В российском культурном пространстве Вологодская область выделяется прежде всего уникальным по богатству и разнообразию историко-культурным наследием, включающим памятники истории и культуры, фонды музеев и библиотек, художественные ремесла и промыслы. Особый интерес представляют памятники культовой архитектуры. Традиционность художественной культуры наиболее ярко проявляется в народных художественных промыслах, многие из которых сохранились до настоящего времени: вологодское кружево, роспись и резьба по бересте и чернение по серебру, живописные эмали, ручное узорное ткачество, вышивка, гончарное дело, резьба и роспись по дереву. В тесной взаимосвязи с природным и материальным культурным наследием сохраняется и восстанавливается нематериальное культурное наследие: традиции, обычаи, обряды, исполнительское искусство и народные праздники¹⁰⁸.

Значимость социокультурного потенциала области и возможности его развития выражаются в высоком образовательном уровне жителей: около 75,6% занятого населения имеет профессиональное образование, в том числе 23,8% – высшее, 26,7% – среднее и 25,1% – начальное. Кроме того, в период с 2000 по 2013 г. отмечается неуклонный рост числа студентов вузов. За это время выпуск в них увеличился в 2,5 раза. Сохранению существующих и созданию новых возможностей для накопления и развития социокультурного потенциала способствует не только уровень образованности жителей, но и среда, в которой

¹⁰⁸ Стратегия развития отрасли культуры в Вологодской области до 2020 года // СПС КонсультантПлюс.

живет индивид и формируются его интересы¹⁰⁹. В регионе созданы все условия для накопления социокультурного потенциала населения. Он располагает множеством базовых элементов культурной инфраструктуры: театрами, библиотеками (616 массовых библиотек), музеями, учреждениями культурно-досугового типа, кинотеатрами (табл. 2.2.2). Образовательная инфраструктура включает 6 высших учебных заведений, пять из которых являются государственными.

Табл. 2.2.2. Основные показатели развития сферы культуры Вологодской области

Показатели	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
Число массовых библиотек	889	764	733	711	653	616
в них книг и журналов, тыс. экз.	12935	11062	10323	9538	8767	8415
Число учреждений культурно-досугового типа, ед.	1122	900	802	751	324	317
в них мест, тыс.	136,5	136,4	124,3	112,1	88,7	76,9
Число киноустановок с платным показом, ед.	1150	521	510	229	78	41
Число посещений киносеансов в среднем на одного жителя, тыс.	12	1,1	0,6	0,8	0,8	0,5
Число профессиональных театров, ед.	3	5	6	6	5	5
Число посещений театров в среднем на 1000 человек населения	319	141	146	127	155	171
Число музеев, ед.	21	26	26	28	37	40
Число посещений музеев в среднем на 1000 человек населения	1107	534	654	840	895	988

Уровень обеспеченности учреждениями культуры и досуга в Вологодской области выше, чем в регионах Северо-Запада, за исключением Псковской и Новгородской областей (0,812 учреждения культуры на 1000 чел. населения). В целом на каждого жителя Вологодской области приходится порядка 1,16 посещения учреждений культуры. Хотя следует отметить, что данное значение во многом сформировано не столько за счет местного населения, сколько за счет туристов. Въездной туристский поток в область растет. Жителей других регионов и стран привлекают достопримечательности Вологодчины, тогда как местное население проявляет больший интерес к посещениям кинотеатров, а театры и музеи со временем теряют свою популярность.

¹⁰⁹ Ласточкина М.А. Мониторинг социокультурного развития региона как компонента повышения эффективности социального управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 99–112.; Груздева М.А. Региональные особенности социокультурного развития // Проблемы региональной экономики. – 2014. – №28. – С. 3-14.

В результате перехода к рыночным отношениям отдельные бесплатные услуги в сфере культуры перешли в разряд платных. Это повлияло на то, что готовность населения области пользоваться ими стала постепенно снижаться, однако остается намного выше среднероссийских показателей: в 2013 году доля участвующих в платных мероприятиях составляла 165% (следовательно, на каждого человека, проживающего в регионе, приходилось 1,65 посещения платных мероприятий), в среднем по России данный показатель составляет примерно 80%. Расходы на потребление услуг культуры занимают незначительную долю в расходной части бюджета домохозяйств – 11% от суммы расходов на услуги, 3% от суммы потребительских расходов на каждого члена домохозяйства (в 2013 году каждым членом семьи тратилось на потребление услуг культуры порядка 350 рублей в месяц).

Таким образом, мы видим, что Вологодская область во многом является типичным российским регионом с точки зрения социокультурного подхода¹¹⁰, причем сохраняющим очаги народных традиций, которые, возможно, в ближайшем будущем будут играть заметную роль в контексте концепции «русского мира», занимающей важное место в общественном сознании современного российского общества. Однако характеристика населения Вологодской области в социокультурном измерении была бы, разумеется, неполной без представления, пожалуй, самого главного элемента общественного сознания – системы ценностей и во многом зависящего от нее образа повседневной жизни.

Согласно данным Европейского социального исследования типичный россиянин высоко ценит личную безопасность и чувствует потребность в защите со стороны сильного государства, но не слишком самостоятелен в принятии решений, не готов рисковать¹¹¹. Для сравнения: немцы самостоятельны в принятии решений, творчески подходят к решению проблем, но, в свою очередь, не склонны к риску, мало привержены традициям. Французы больше других евро-

¹¹⁰ Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. – 3–12.

¹¹¹ Данные международного проекта «Европейское социальное исследование» 2008 г. [Эл. рес.]. – Режим доступа: www.europeansocialsurvey.org.

пейцев ценят занятия, приносящие удовольствие. Однако статус, престиж, богатство и власть для них являются менее значимыми¹¹².

Структура ценностей¹¹³ жителей Вологодской области вполне типична для всего российского общества. В сфере главных интересов вологжан преобладают ценности семьи и дома, причем за два года доля респондентов, ответивших таким образом, выросла на 19 п.п. (рис. 2.2.1).

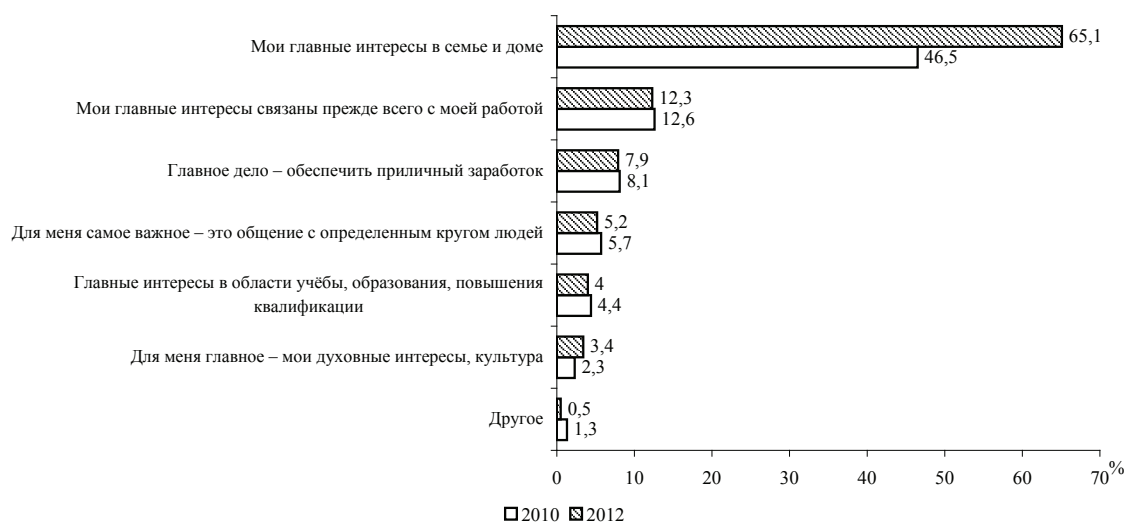

Рис. 2.2.1. Распределение ответов на вопрос: «В какой области находятся Ваши главные интересы?» (Вологодская область, в % от числа ответивших)

Источник: Данные социологического опроса «Социокультурный портрет Вологодской области» / ИСЭРТ РАН. – Вологда, 2010, 2012.

Значимость ценности свободы снизилась с 4,2 балла в 2008 г. до 4,03 в 2013 г. (табл. 2.2.3). За тот же период снизился и рейтинг ценности инициативности – с 4,28 до 3,73 балла¹¹⁴. В целом терминальные ценности, т.е. ценности-цели, более значимы для населения региона, чем инструментальные (ценности-средства).

¹¹² Там же.

¹¹³ Подр. см.: Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России – М. : Эдиториал УРСС, 2003.

¹¹⁴ Методология выполненного нами исследования полностью описана в прил. 4. Здесь же ограничимся кратким приведением терминологии для того, чтобы разъяснить понятия, которыми мы оперируем при характеристике ценностной структуры регионального сообщества. Ценностная структура населения региона согласно методике Н.И. Лапина представлена в виде 4-х слоев: интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал, конфликтогенная периферия. Интегрирующее ядро включает в себя основополагающие ценности людей. К слою интегрирующего резерва относятся ценности второго порядка (запаса). В оппонирующем дифференциале находятся ценности, в которых многие люди отказываются признавать собственные ориентиры. Конфликтогенная периферия включает ценности, которые отрицаются большинством. Базовые ценности по-разному делятся на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства); и те и другие классифицируются на три культурных типа: традиционный, общечеловеческий, современный.

Среди терминальных ценностей наиболее важны жизнь человека и порядок, среди инструментальных – общительность.

Таблица 2.2.3. **Ценностные предпочтения населения Вологодской области в 2008, 2010 и 2013 гг.** (взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)

Ценности	Традиционные			Общечеловеческие			Современные					
		2008	2010	2013		2008	2010	2013		2008	2010	2013
Терминальные	Традиция	4,01	4,19	4,22	Поряд.	4,36	4,49	4,58	Жизнь	4,53	4,64	4,71
	Семья	4,47	4,53	4,67	Благоп.	4,28	4,38	4,45	Свобода	4,20	4,08	4,03
					Работа	4,24	4,11	4,16				
Инструментальные	Жертвенность	3,64	3,66	3,57	Общит.	4,42	4,48	4,57	Независимость	4,28	4,29	4,29
					Нравст.	3,87	3,80	3,98	Инициативность	3,96	3,74	3,73
	Своевольность	2,72	2,42	2,30	Властн.	2,86	2,49	2,77				

Ценностное пространство региона более «узкое», чем по России в целом (1,81 и 2,63 балла соответственно), однако имеется тенденция к его расширению, что говорит о проявлении населением большей осмысленности в расстановке жизненных приоритетов в период мирового финансового кризиса¹¹⁵. Возможно, что в переломный момент свершился очередной пересмотр ценностных ориентиров. Т.е. число тех, кто поддерживал первоочередные ценности (ценности интегрирующего ядра), увеличилось, в связи с этим возросла значимость человеческой жизни, семьи. В свою очередь, ценность таких категорий, как властность, своевольность (отрицаемые большинством), еще более снизилась (табл. 2.2.4).

Структура ценностей жителей Вологодской области достаточно стабильна. Однако стоит сказать, что ценность порядка для жителей региона становится значимее общения. Возрастает значимость ценности благополучия и традиции. Снижается ценность работы, свободы, инициативности и, к сожалению, ценность нравственности. Таким образом, можно констатировать, что жители региона, имея желание сохранить порядок и благополучие, не готовы к активным действиям. При этом нельзя не отметить, что, скорее всего, на тенденции общественного мнения во многом повлиял мировой финансовый кризис.

¹¹⁵ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты : моногр. / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.

Таблица 2.2.4. **Ценностные предпочтения населения Вологодской области в 2008 и 2010 гг.** (взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)

Структура ценностей Вологодской области 2010 г.	Ценности	Вологодская область		РФ		Рейтинг 2010 г.*	
		2008 г.	2010 г.	2006 г.	2010 г.	Вологодская область	РФ
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)	Жизнь человека	4,53	4,64	4,37	4,80	1	1/2
	Семья	4,47	4,53	4,69	4,80	2	1/2
	Порядок	4,36	4,49	4,69	4,72	3	4
	Общительность	4,42	4,48	4,51	4,73	4	3
Интегрирующий резерв (3,91–4,39)	Благополучие	4,28	4,38	3,68	4,59	5	5
	Независимость	4,28	4,29	4,14	4,47	6	6
	Традиция	4,01	4,19	4,34	4,40	7	8
	Работа	4,24	4,11	4,08	4,29	8	9
	Свобода	4,20	4,08	4,25	4,44	9	7
Оппонирующий дифференциал (3,0–3,9)	Нравственность	3,87	3,80	3,66	4,10	10	11
	Инициативность	3,96	3,74	4,0	4,13	11	10
	Жертвенность	3,64	3,66	3,99	4,07	12	12
Конфликтотенная периферия (2,99 и меньше)	Властность	2,86	2,49	2,24	2,76	13	13
	Своевольность	2,72	2,42	2,06	2,49	14	14
Плотность ценностного пространства		1,81	2,22	2,63	2,31	-	-

* Ранжировано по Вологодской области, 2010 г.

При сохранении общей структуры ценностей более значимыми для женщин являются такие ценности, как семья, общение, для мужчин – порядок и благополучие. В то же время мужчины чаще поддерживают значимость независимости, работы и свободы, женщины – ценность традиции.

У молодых людей до 24 лет проявляется меньшая поддержка ценностей порядка, общительности, благополучия, неготовность перенимать традиционные и общечеловеческие ориентиры общества. Несамостоятельность, нежелание брать ответственность на себя, своеобразие являются характерными качествами молодых людей настоящего времени. Вместе с тем, при общей сниженной планке ценностных мотиваций, юные представители региона обладают деятельным потенциалом. Они чаще поддерживают инициативность, нежели взрослое население. Такие ценности, как властность и своевольность, отрицаемые многими людьми, находят наибольшую поддержку в молодежной среде.

При сохранении общей иерархии ценностной структуры, в которой основополагающими остаются жизнь человека, семья, порядок и общительность, молодежная среда обнаруживает несколько иную, более суженную структуру, что обусловлено поздним взрослением юного поколения. В то же время боль-

шая направленность молодых на содержательную и интересную работу, ориентация на инициативность, нравственные идеалы характеризуют их как предприимчивых людей, стремящихся к самовыражению и улучшению сферы своей жизнедеятельности.

Ценностное пространство населения региона различается также по месту проживания. Ценностные пространства жителей крупных городов и поселков городского типа во многом соответствуют друг другу. Возможно, этому способствует характер трудовой деятельности населения, общая направленность этих территорий на достижение производственных результатов. Жизнь в малых городах отличается от жизни в других типах территорий, где преобладает значимость независимости, которая ценится выше семьи. В сельской местности наиболее значимы человеческая жизнь и традиции.

При этом можно констатировать, что основная масса жителей Вологодской области несклонна к переменам и остается инертной, поддерживая ценности порядка, благополучия, традиции, отрицая ценности свободы и инициативности. Как показывают результаты исследований, подавляющему большинству населения наиболее понятна и близка патерналистская форма общественно-политического устройства, когда государство берет на себя всестороннюю заботу о благополучии граждан. Приверженность либеральным гуманистическим ценностям проявляется прежде всего в разделении обществом точки зрения о том, что человеческая личность представляет собой наивысшую ценность для государства.

Повышению своего культурного уровня вологжане все чаще предпочитают удовлетворение жизненно необходимых интересов, и в этом смысле, на наш взгляд, они не далеки от всего российского общества: последствия событий последних 20 лет оказали комплексное влияние и «проникли» во все регионы страны.

Ранжирование ценностей жителями региона объясняется и расстановкой приоритетов при проведении свободного времени. В большинстве случаев в свободное время вологжане заняты просмотром телепередач и DVD, ведением домашнего хозяйства, а также общением с друзьями. Более половины жителей

региона имеют хобби, которое помогает разнообразить времяпрепровождение. В период 2010–2012 гг. сформировалась положительная тенденция в части увеличения интереса к посещению общественных мест¹¹⁶: 16% респондентов в 2012 г. выбрали данный вариант ответа среди приоритетов занятий в свободное время, что в 2,5 раза больше, чем в 2010 году.

Несмотря на значительную занятость домашним хозяйством, просмотром телепередач, население области за исследуемый период стало проявлять больший интерес к пользованию сетью Интернет, чтению книг и прессы, занятиям спортом и, что немаловажно, к посещению общественных мест. Самыми распространенными причинами низкой культурной активности более трети населения называют отсутствие свободного времени – 37% респондентов, финансовые трудности – 24%, в то же время часть ответов приходится на неудовлетворенность качеством и ассортиментом предоставляемых услуг (26%), неэффективность рекламы (7%). Четверть жителей региона оценивают обеспеченность своего населенного пункта услугами культуры и досуга как хорошую, и лишь 3% – как отличную; неудовлетворительные оценки имеют тенденцию к росту (16% в 2010 г. против 21% в 2012 г.).

Среди учреждений культуры самыми посещаемыми являются кинотеатры и библиотеки (табл. 2.2.5).

Таблица 2.2.5. Степень пользования услугами учреждений (участие в мероприятиях) в 2012 г. (Вологодская область; в % от числа ответивших)

Степень посещаемости	Учреждения / мероприятия	Доля посещающих		
		регулярно (более 10 раз в год)	часто (3-10 раз в год)	никогда
С высокой посещаемостью	Городские праздники	9,6	23,9	21,3
	Парки	16,1	20,1	29,1
Со средней посещаемостью	Кинотеатры	9,5	12,4	43,2
	Библиотеки	6,8	9,1	54,2
С низкой посещаемостью	Музеи	1,9	6,4	55,3
	Театры	1,7	6,0	62,6

Источник: Данные социологического опроса «Социокультурный портрет Вологодской области» / ИСЭРТ РАН. – Вологда, 2012.

¹¹⁶ В контексте исследования под общественными местами понимаются учреждения культуры и досуга и мероприятия, проводимые ими, городские праздники, предприятия общественного питания.

Следует также выделить значительную долю респондентов, никогда не посещавших культурные учреждения. Наиболее негативная ситуация складывается с театрами – более 60% вологжан не интересуются театральными постановками. Хотя кинотеатр имеет статус самого посещаемого учреждения культуры на территории области, совсем не посещают его около 40% населения.

Таким образом, возвращаясь к началу нашего повествования об уникальности территории Вологодской области для проведения социологических исследований, уточним, что мы имели в виду ряд её специфических особенностей. Например, следующих.

✓ За свою долгую историю Вологодская область стала одним из крупных культурных центров страны, имеющих повсеместно узнаваемые бренды и главное – сохранивших очаги традиционной русской культуры, что очень важно в свете набирающей в последние годы силу концепции «русского мира».

✓ Население Вологодской области на 97% состоит из представителей русской национальности, здесь никогда не было крепостного права, и это тоже имеет важное значение, когда мы говорим об особенностях общественного сознания и поведения.

✓ Существование и попадание в выборку исследования таких территорий (причём соседствующих), как Вологда и Череповец, позволяет нам изучать общественное мнение не просто двух городов, а двух разных стилей жизни, разных приоритетов ценностей. Исторически сложившиеся особенности Вологды и Череповца делают их своеобразным отражателем в рамках локальной территории двух во многом полярных и характерных для всего российского общества идеологических концепций – консервативного образа жизни и промышленного уклада.

✓ Повседневный образ жизни вологжан и во многом связанная с ним система духовно-ценностных установок также во многом походит на то, что мы видим в целом по стране: это приверженность традиционным ценностям, приоритет порядка и стабильности над переменами и инициативностью, достаточно низкая активность в плане посещения объектов культурно-

досуговой инфраструктуры, стремление проводить время дома, в кругу семьи, за любимым занятием.

В заключение хотелось бы отметить, что Вологодская область во многом является типичным среднестатистическим российским регионом не только по своим социально-культурным характеристикам. Актуальные для всего российского общества социально-экономические проблемы, о которых мы расскажем в следующих главах монографии, не менее остро проявляют себя и на Вологодской земле, причем некоторые из них – с удвоенной силой, что позволяет нам более глубоко изучать их, анализировать проявления в различных социально-демографических категориях, разрабатывать соответствующие рекомендации органам власти в рамках локальной территории.

Мы видим, что 20-летний период существования постсоветской России, кардинальный поворот идеологической парадигмы развития в начале 1990-х гг., череда сменяющих друг друга кризисов и т.д. не прошел (и не мог пройти) бесследно для ценностно-мировоззренческих установок российского общества, не мог не отразиться на образе жизни современных россиян, в том числе и жителей конкретных регионов. Но трансформационные процессы затронули не только духовный мир людей. Пожалуй, не меньше оснований утверждать, что за последние 20 лет произошли существенные изменения в демографической структуре населения, в самом характере демографических проблем. После того периода, когда страна находилась на грани демографической катастрофы, а смертность населения усиленными темпами «обгоняла» рождаемость, сегодня демографическая картина имеет свои специфические особенности – менее очевидные, менее «видимые» для статистики, но, на самом деле, гораздо более сложные, глубокие, несущие в себе огромный потенциал, который может проявиться как в позитивном, так и в негативном смысле. О них мы поговорим в следующей главе.

2.3. ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА*

На рубеже XX – XXI веков Россия оказалась на пороге не только серьезных социально-экономических и политических перемен, но и перед лицом неминуемой демографической катастрофы. Негативные процессы в демографической ситуации наметились ещё в конце 80-х годов XX века: так, с 1988 года уровень рождаемости в стране начал стремительно сокращаться при одновременном увеличении общего уровня смертности, в результате к 1992 году данные показатели пересеклись и, впервые за несколько десятков лет, естественный прирост сменился убылью населения, которая не покрывалась даже положительным сальдо миграции. Вследствие того, что смертность превысила рождаемость, установился депопуляционный режим воспроизводства, позже получивший название «Русский крест»¹¹⁷.

Не только глубокие, во многом революционные изменения 1991 и 1998 гг., но и весь период с момента распада СССР до прихода к власти В.В. Путина самым негативным образом отразились на всех сферах общественной жизни. Не избежали своей участи и демографические процессы. Сегодня можно спорить о том, что все-таки сыграло ключевую роль в том, что произошло с Россией за десятилетний период «лихих 90-х»: было ли это результатом катастрофического падения уровня жизни или первопричиной стала ломка идеологической парадигмы развития, к которой население оказалось, мягко говоря, неготовым. В конечном итоге имело место и то и другое, и это, без сомнения, стало трагедией постсоветского общества, которая еще долго будет давать свои плоды в самых разных сферах общественной жизни. Однако, так или иначе, за период с 1992 по 2000 год численность населения Российской Федерации сократилась на 1,4 млн. человек. Страна находилась в состоянии депопуляции, демографического кризиса.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03120, «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

¹¹⁷Римашевская Н.М. «Русский крест» [Эл. рес.] // Природа. – 1999. – №6. – Режим доступа : http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/06_99/RUSSDEMO.HTM

С приходом к власти В.В. Путина началось десятилетие кропотливой работы над наведением порядка в стране. Первые изменения затронули сферу экономики и уровня жизни. Стабилизационные процессы, поддержанные вступлением в активный репродуктивный возраст многочисленных когорт 1980-х годов рождения, отразились на демографической ситуации. С начала 2000-х годов она стала постепенно улучшаться, уровень смертности сократился с 16,0 до 13,3‰, рождаемость возросла с 8,7 до 13,3‰, ожидаемая продолжительность жизни – с 65 до 71 года. Снизились такие показатели, как младенческая смертность (с 15 до 8 случаев на 1000 живорождений), смертность от внешних причин (с 219 до 135 случаев на 100 тыс. населения), соотношение браков и разводов (с 700 до 545 разводов на 1000 браков), доля внебрачных рождений (с 28 до 24%).

Однако, несмотря на положительные изменения в количественных показателях (снижение смертности, рост рождаемости, увеличение ожидаемой продолжительности жизни), наблюдающиеся на протяжении последних десяти лет, о переломе негативных тенденций в демографическом развитии говорить пока преждевременно¹¹⁸.

Демографический кризис по-прежнему продолжается, но сегодня это не только проблема России, а общемировая тенденция, которая проявляется в двух основных формах. В развивающихся странах мира идет процесс увеличения численности населения в условиях нехватки жизненно важных ресурсов: территорий, продовольствия, питьевой воды, средств на медицинскую помощь и социальную защиту, на культуру и образование. Противоположной тенденцией является депопуляция, старение нации, сокращение репродуктивных возможностей¹¹⁹ и изменение других качественных характеристик населения в экономически развитых государствах. Так, по данным Всемирного банка, за период с 1960 по 2012 год в ведущих экономически развитых странах значительно сократились показатели рождаемости и смертности населения, а темпы его ежегодного прироста существенно снизились. Кроме того, в этих государствах, ха-

¹¹⁸ Короленко А.В. Основные черты современного демографического кризиса в России и пути его преодоления // Проблемы развития территории. – 2014. – №2 (70). – С. 79-94.

¹¹⁹ Ченцов А.В. Сбережение народа – важнейшая функция Российского государства // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – №2 (06). – С. 176-177.

рактирующихся высоким уровнем ожидаемой продолжительности жизни населения, заметно увеличилась доля лиц в возрасте 65 лет и старше, в результате чего произошло значительное постарение населения и, как следствие, увеличение демографической нагрузки пожилыми на граждан трудоспособного возраста (табл. 2.3.1). Современная Россия, как и ведущие развитые страны мира, находится во втором состоянии демографического кризиса, выражающемся в стремительной убыли населения и в его постарении¹²⁰.

Таблица 2.3.1. **Основные демографические показатели России и ведущих развитых стран мира в 1960 и 2012 гг.**

Страна	Коэффициент рождаемости, ‰ (промилле)		Коэффициент смертности, ‰ (промилле)		Ежегодный прирост населения, ‰		Доля населения старше 65 лет, ‰ от общей численности		Коэффициент демографической нагрузки*		ОПЖ при рождении, лет	
	1960	2012	1960	2012	1960	2012	1960	2012	1960	2012	1960	2012
Весь мир	31,8	19,4	17,8	8,0	н.д.	1,13	5,06	7,8	8,75	11,90	52,48	70,78
Россия	23,7	13,3	8,3	13,3	1,47	0,15	6,08	12,96	9,57	18,10	66,06	70,46
Ведущие развитые страны мира												
США	23,7	12,6	9,5	8,1	1,70	0,73	9,15	13,63	15,23	20,42	69,77	78,74
Япония	17,3	8,2	7,6	10	0,89	-0,20	5,73	24,4	8,93	39,04	67,67	83,10
Германия	17,3	8,4	12,0	10,8	0,78	-1,69	11,45	21,1	16,97	32,10	69,31	80,89
Франция	18,7	12,6	11,4	8,7	1,25	0,51	11,64	17,5	18,75	27,17	69,87	82,56
Великобритания	17,5	12,8	11,5	8,9	0,35	0,69	11,72	17,16	18,05	26,28	71,13	81,5
Италия	18,1	9	9,6	10,3	1,99	0,27	9,51	20,8	14,53	31,97	69,12	82,94
Канада	26,7	11	7,8	7,2	2,30	1,19	7,67	14,8	13,09	21,54	71,13	81,24
Австралия	22,4	13,6	8,6	6,5	2,27	1,70	8,60	13,99	14,05	20,86	70,82	82,09
Испания	21,7	9,7	8,6	8,6	1,12	0,04	8,20	17,51	12,74	26,02	69,11	82,38
Южная Корея	43,9	9,6	14,3	5,3	2,91	0,45	3,74	11,81	6,76	16,19	53,0	81,37
Нидерланды	20,8	10,5	7,6	8,4	1,95	0,37	8,93	16,44	14,62	24,79	73,39	81,10
Швейцария	17,6	10,3	9,7	9	2,17	1,06	10,18	17,44	15,51	25,74	71,31	82,70
Швеция	13,7	11,9	10,0	9,7	0,67	0,74	11,75	18,91	17,85	29,38	73,01	81,70
Норвегия	17,3	12	9,1	8,4	0,84	1,31	11,05	15,50	17,53	23,54	73,55	81,45
Австрия	17,9	9,4	12,7	9,4	0,51	0,28	12,17	18,2	18,42	27,14	68,58	80,94

*Количество лиц в возрасте 65 лет и старше, приходящееся на 100 человек трудоспособного возраста (15–64 лет).
 Источник: The World Bank. World DataBank [El. res.]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

Прогнозы специалистов по-прежнему пессимистичны: в ближайшие годы естественная убыль российского населения будет нарастать и в начале следующего десятилетия превысит 500 тыс. человек в год и в дальнейшем продолжит увеличиваться¹²¹. По прогнозу ФСГС численность населения Российской Федера-

¹²⁰ Короленко А.В. Об исследовании современного демографического кризиса в России [Эл. рес.] // Вопросы территориального развития. – 2014. – №10 (20). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1453/full>

¹²¹ Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – №2 (70). – С. 10.

ции при сохранении нынешних уровней рождаемости и смертности к 2030 году может сократиться с сегодняшних 143,3 до 131,9 млн. человек¹²². Таким образом, демографический кризис в стране сохраняется, а прогнозируемая убыль населения является прямой угрозой для целостности и национальной безопасности государства, его положения на мировой арене.

В 2000-х годах Правительству РФ удалось решить главную задачу – снизить остроту кризиса, предотвратить практически полное разрушение государства. Однако ликвидация всех последствий 1990-х гг. (в том числе и демографических) рассчитана, пожалуй, на десятилетия, на многие поколения вперед, а может быть, даже и невозможна в принципе. Управление демографическими процессами, в отличие от динамики экономических показателей, следует рассматривать в значительно более долгосрочной перспективе.

Сегодня перед Россией стоит другая проблема. Она имеет демографический характер, выражается в демографических показателях, но, по сути, отражает само состояние российского общества, являясь его сущностной характеристикой. Демографический кризис сохраняется, но теперь он проявляет себя в сфере не количественных, а качественных характеристик.

Качественные проявления кризиса, в отличие от количественных, носят менее очевидный характер, подобные преобразования идут на более глубоком структурном уровне, затрагивая не только важнейшие демографические, но и социальные, духовные проблемы общества. Последствия качественных трансформаций структуры населения проявляются не сразу, а имеют аккумулирующий характер.

Этот факт отмечают многие исследователи. Так, Л.Л. Рыбаковский утверждает, что наблюдаемый в настоящее время демографический спад представляет прямое следствие демографической волны, впадина которой приходится на современный этап. И, что самое главное, по мнению ученого, негативные последствия этой волны будут наблюдаться по трём основным направлениям: изменение численности репродуктивных контингентов (сокращение численности

¹²² Демографический ежегодник России за 2012 г. [Эл. рес.]: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

женщин репродуктивного возраста, «постарение» возрастной модели рождаемости); систематическое сокращение численности лиц трудоспособного возраста; старение населения, увеличение в нём доли лиц старше трудоспособного возраста¹²³. Другой отечественный учёный-демограф А.Г. Вишневский среди наиболее очевидных характеристик современного демографического кризиса отмечает такие, как крайне низкая рождаемость, высокая смертность, отрицательный естественный прирост и вытекающее из него долговременное сокращение численности населения страны (т.е. депопуляция), демографическое старение, отток населения из восточных районов России¹²⁴. К аналогичным выводам приходят и другие исследователи (например, С.В. Захаров, С.В. Рязанцев, В.Н. Архангельский¹²⁵).

Одним из значимых качественных изменений является *процесс старения населения*, то есть увеличение его среднего возраста и рост доли престарелых в общей численности населения. По последним данным Всемирного банка, за 2012 год доля лиц в возрасте 65 лет и старше в России составляет 13%. Для сравнения: во многих развитых странах мира этот показатель значительно выше российского (в среднем по странам ЕС – 18%, в Японии – 24%, в Италии и Германии – 21%, в Швеции – 19%, в Австрии – 18%¹²⁶ и т.д.).

С 2000 года в России доля людей старше трудоспособного возраста (т.е. мужчин 60 лет и старше, женщин 55 лет и старше) выросла с 20,4 до 23,6% (в Вологодской области – с 21,4 до 23,7% *табл. 2.3.2*). Вследствие процесса старения происходит рост демографической нагрузки на трудоспособное население. Так, за период 2000–2013 гг. в России коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население пожилыми вырос на 17% (с 339 до 397 на 1 тыс. человек трудоспособного возраста), в Вологодской области – на 11% (с 360 до 401 соответственно).

¹²³ Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 55.

¹²⁴ Вишневский А.Г. Демографический кризис в России // *Russie.Nei.Visions IFRI*. – 2009. – №40. – С. 5.

¹²⁵ Захаров С.В. Демографические проблемы в контексте модернизации российского общества: доклад на «круглом столе Экспертиза, 2013 г. [Эл. рес.]. – Режим доступа http://www.hse.ru/data/2013/11/05/1281471083/Zaharov_GorbachevFond_Paper.pdf; Атлас демографического развития России / под ред. Г.В. Осипова и С.В. Рязанцева. – М. : Экономическое образование, 2009. – 220 с.

¹²⁶ The World Bank. World DataBank [El. res.]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

Таблица 2.3.2. **Распределение населения по возрасту и коэффициент демографической нагрузки (% от общей численности населения)**

Группы населения	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 к 2000 +/-
<i>Российская Федерация</i>										
Моложе трудосп. возраста	19,4	16,5	16,0	16,0	16,2	16,2	16,5	16,8	17,0	-2,4
Трудосп. возраста	60,2	63,0	62,9	62,6	62,0	61,5	60,9	60,1	59,4	-0,8
Старше трудосп. возраста	20,4	20,5	21,1	21,4	21,8	22,3	22,6	23,1	23,6	+3,2
Коэффициент демографической нагрузки*	339	326	330	336	342	362	372	384	397	+58
<i>Вологодская область</i>										
Моложе трудосп. возраста	19,3	16,1	15,7	15,8	16,1	16,3	16,7	17,2	17,2	-2,1
Трудосп. возраста	59,3	63,0	62,9	62,6	61,7	61,0	60,1	59,1	59,2	-0,1
Старше трудосп. возраста	21,4	20,9	21,4	21,6	22,2	22,7	23,2	23,7	23,7	+2,3
Коэффициент демографической нагрузки*	360	332	331	335	340	372	386	401	401	+41
*В расчёте на 1 тыс. человек трудоспособного возраста приходится людей старше трудоспособного возраста.										
Источники: Демографический ежегодник России. 2013: стат. сб. / Росстат, 2013; Демографический ежегодник Вологодской области. 2013: стат. сб. / Вологдастат, 2013.										

Наблюдается и **диспропорция в гендерной структуре** населения. По данным ФСГС, в 2013 году на 1000 мужчин в Российской Федерации приходится 1160 женщин, в Вологодской области – 1171. Для сравнения: в 1990 году – соответственно 1141 и 1133. По среднему варианту прогноза ФСГС, значение данного показателя начнёт снижаться с 2015 года (1159 женщин на 1000 мужчин) и к 2037 году составит в среднем 1177 женщин на 1000 мужчин по стране. Диспропорция полов в первой четверти XXI века окажется одной из самых высоких в мире, поскольку Россия отличается значительными различиями в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин¹²⁷, что в большей степени связано с высокой преждевременной смертностью мужчин.

Изменения в гендерной структуре влекут за собой определённые **преобразования в семейно-брачной организации населения**¹²⁸. В целом отмечается благоприятная тенденция заключения браков среди населения. Так, с 2000 по 2013 г. коэффициент брачности вырос с 6,2 до 8,5 на 1 тыс. человек по России и с 5,4 до 8,5 на 1 тыс. человек в Вологодской области, тем самым приблизившись к уровню 1989 года. Однако, как считают некоторые специалисты, число браков приблизилось к своей пиковой величине, за которой неминуемо дли-

¹²⁷ Римащевская Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. – М., 2001. – Вып. 3. – С. 36.

¹²⁸ Исследование брачно-семейных отношений и репродуктивных установок населения выполнялось за счет гранта Российского научного фонда (проект «Качество детского населения в контексте модернизации России» №14-18-03120).

тельное и резкое падение, вызванное ожидаемыми негативными сдвигами в возрастной структуре населения¹²⁹. Так, по сравнению с 2011 годом в 2013 году число браков в среднем по России снизилось почти на 8% (с 9,2 до 8,5 на 1 тыс. человек). Что касается количества разводов, то в последние годы этот показатель постепенно снижается и уже достиг уровня 2006 года (4,7 на 1000 человек по России и 4,5 на 1000 человек по Вологодской области).

В последние десятилетия обозначилась тенденция трансформации российской возрастной модели брачности, проявляющаяся в увеличении среднего возраста вступления в брак как среди мужчин, так и среди женщин¹³⁰. По данным на 2013 год наиболее часто в брак вступают мужчины и женщины в возрасте 25 лет и старше (рис. 2.3.1). Мужчин, вступающих в брак в возрасте старше 25 лет, – 75,4% (в Вологодской области – 76%), женщин – 61,2% (в Вологодской области – 64%). Для сравнения: в 2000 году большинство браков приходилось на возрастную категорию младше 25 лет, доля женихов среди мужчин старше 25 лет в 2000 году составляла 54,5%, а доля невест среди женщин старше 25 лет – 39,6%. Помимо этого в российском обществе наблюдается устойчивая тенденция увеличения количества незарегистрированных браков. Их число за период между переписями населения 2002 и 2010 гг. выросло с 9,8 до 13,3 % в России и с 10,3 до 16,7 % в Вологодской области.

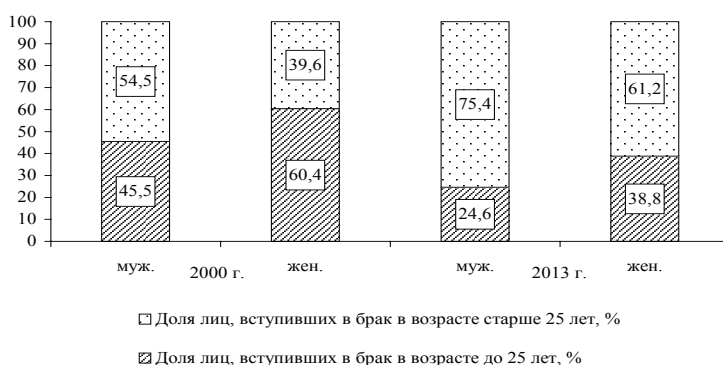

Рис. 2.3.1. Возрастная структура брачности в России в 2000 и 2012 гг.

Источник: Демографический ежегодник России за 2012 г.: стат. сб. / Росстат, 2013.

¹²⁹ Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ВШЭ, 2011. – С. 59.

¹³⁰ Короленко А.В. Основные черты современного демографического кризиса в России и пути его преодоления // Проблемы развития территории. – 2014. – №2 (70). – С. 79-94.

Круг вопросов, связанных с семейно-брачными отношениями, заслуживает особого внимания, поскольку, на наш взгляд, является важной характеристикой, отражающей не столько демографическую ситуацию в стране, сколько психологические установки, существующие в обществе. Во второй половине XX в. институт брака, ранее выполнявший широкий спектр функций, оказался на передовой столкновения личностных и государственных интересов. Утратив монополию на удовлетворение сексуальных потребностей, рождение и воспитание детей, а также перестав быть гарантом экономической стабильности, институт брака существенно ослабил свои позиции на «социальном поле».

Исследования матримониального поведения населения последних десятилетий свидетельствуют о существенных трансформациях в сфере организации партнерских отношений, сексуальности и деторождения как в ряде европейских стран, так и в России¹³¹. Результатом этих изменений является девальвация института брака, утрата его традиционных ценностей: высокая разводимость, распространение сожительства, гостевых браков, откладывание родительства, увеличение числа людей, сознательно выбирающих бездетность, одиночество, а также приемлемость данных практик для общества.

Российские демографы обозначают данный процесс как «тихую революцию» середины 1990-х гг., подразумевая целый ряд явлений в области репродукции: повышение возраста вступления в брак и сокращение числа ранних браков, сокращение числа незапланированных беременностей, распространение совместного прожи-

¹³¹ Захаров С.В. Расширяющиеся границы брака [Эл. рес.] // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения: 25.09.2014 г.); Шаповалов В.Ф. Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 2. – С. 163-172; Голод С.И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние // *Социологические исследования*. – 2008. – № 12. – С. 82-90; Кузьмина К.А. Трансформация моделей семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен // *Журнал исследований социальной политики*. – 2008. – Т. 6. – № 2. – С. 201-216; Данилова С.С. Одинокое материнство в общественном мнении // *Социологические исследования*. – 2009. – № 5. – С. 138-141; Синельников А.Б. Семья и брак на европейском фоне [Эл. рес.] // *Мониторинг общественного мнения*. – 2010. – №4. – С. 53-76. – Режим доступа: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4\(98\)_5_Sinelnikov.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4(98)_5_Sinelnikov.pdf) (дата обращения: 28.09.2014 г.); Папа О.М. Сожительства как альтернатива браку [Эл. рес.] // *Современные исследования социальных проблем [Эл. науч. журнал]*. – 2012. – №2 (10). – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/papa.pdf> (дата обращения: 5.10.2014 г.)

вания без регистрации отношений, увеличение доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака¹³².

Научное сообщество двояко оценивает происходящие перемены. Одна часть исследователей явно или косвенно относится к этим изменениям негативно, поскольку «разложение» института семьи влечет за собой ряд демографических, социальных, экономических проблем как на макро-, так и на микроуровне (от депопуляции и вырождения нации до социальной и гендерной дезориентации, асоциализации детей).

Другая часть исследователей придерживается мнения, что сдвиги в репродуктивном и брачном поведении являются свидетельством существенных социальных изменений в направлении индивидуализации и демократизации данной сферы. С их точки зрения институт семьи трансформируется, приобретая те формы, которые соответствуют меняющимся условиям жизни, потребностям современного человека. В научной литературе выделяются несколько этапов эволюции семейных союзов по типу сожительства: инновации, популяризации (распространения отношений, предшествующих браку), признания или легитимации и опривычивания, рутинизации (становление социальной нормой) или хабитуализации¹³³.

«Лакмусовой бумажкой» современного общества можно считать сожительство как форму организации семейных отношений. Показателем общественного признания сожительств является то, что в 2002 г. вопрос о статусе брачного союза граждан («Является ли Ваш брак зарегистрированным?») был включен в анкету переписи населения. Перепись показала, что 9,7% всех заявленных партнерских союзов были незарегистрированными (всего в браке состояли 57%

¹³² Шпаковская Л.Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса [Эл. рес]. – Режим доступа: http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/11/2012_1_shpakovskaya.pdf (дата обращения 5.10.2014 г.); Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: <http://demoscope.hse.ru/zaharov> (дата обращения: 25.09.2014 г.)

¹³³ Шпаковская Л.Л. Гражданский брак в России: свобода и отношения [Эл. рес.] // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit02.php> (дата обращения: 20.09.2014 г.); Matysiak A. Is Poland really 'immune' to spread of cohabitation? // Demographic research. – 2009. – Vol. 21. – № 8. – P. 215-234.

россиян)¹³⁴. По данным всероссийской переписи населения 2010 г., в браке состояло 63% мужчин и 54% женщин бракоспособного возраста (указавших брачное состояние), из них 87% официально зарегистрировали свои отношения, а 13% – сожительствовали¹³⁵.

По данным мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области¹³⁶, порядка 80% населения отдают предпочтение официальному браку, 36% считают для себя вполне приемлемым и сожительство, рассматривая его как «репетицию» семейной жизни¹³⁷.

Результаты Всероссийского исследования репродуктивных планов населения¹³⁸, проведенного Росстатом в 2012 г. в 30 субъектах Российской Федерации, свидетельствуют о «молодой» возрастной структуре сожительствующих в первом союзе. В старшей возрастной группе выше доля состоящих в повторном браке, регистрация которых осуществляется реже, чем по первым бракам. Это завышает долю состоящих в нерегистрируемом союзе в старших возрастах, если ее рассматривать без разделения на первые и повторные браки. На наш взгляд, это весьма красноречиво характеризует качество российского общества: отказ от регистрации повторных сожительств в старшей возрастной группе, скорее всего, обусловлен наличием негативного брачного опыта, отсутствием совместных детей, экономическими мотивами.

Увеличивается доля браков, регистрация которых откладывается на какое-то время после фактического начала супружеских отношений. Заметно снизи-

¹³⁴ Всероссийская перепись населения 2002 [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12>; Всероссийская перепись населения 2010 [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

¹³⁵ Всероссийская перепись населения 2010 [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

¹³⁶ Социологический мониторинг репродуктивного поведения на территории Вологодской области осуществлен на базе Института социально-экономического развития территории Российской академии наук. Форма опроса – раздаточное анкетирование. Сбор эмпирических данных производится методом поквартирного опроса с шагом 5–8 квартир. Объем выборки – 1500 респондентов в репродуктивном возрасте. Выборка целенаправленная, квотная. Величина случайной ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

¹³⁷ Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак // Социологический альманах. – 2015. – Вып. 6. – С. 151–165; Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Незарегистрированные союзы – привычное новое // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – Н.Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1 (37). – С. 183–191.

¹³⁸ Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 году [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 10.10.2014 г.)

лась доля браков, начавшихся с регистрации. Так, до 1990 г. более 70% союзов регистрировались в органах ЗАГС (табл. 2.3.3). К 2005 г. их доля снизилась до 49%. Удлиняется и временной интервал между началом фактических брачных отношений и регистрацией брака (по результатам обследования об этом можно говорить только в отношении первых браков). Если у тех, кто вступил в первый брак до 1990 г., он в среднем составлял меньше года, то у тех, чей первый брак начался позже, уже превышал двухлетний период. Этот факт, а также «молодость» сожительств объяснимы откладыванием брака до социально-экономической зрелости, которая с учетом длительности периода обучения наступает значительно позже физиологической, в частности половой.

Таблица 2.3.3. Доля браков, начавшихся с регистрации, и средний интервал времени между вступлением в брак и его регистрацией

Год вступления в данный брак	Доля браков, начавшихся с регистрации, %				Средний интервал времени между вступлением в брак и его регистрацией по тем бракам, регистрация которых откладывалась, месяцев			
	Первый брак		Повторный брак		Первый брак		Повторный брак	
	Жены	Мужья	Жены	Мужья	Жены	Мужья	Жены	Мужья
До 1990	71,6	77,6	...1)	...1)	11,3	8,6	...1)	...1)
1990–1994	68,0	69,3	...1)	...1)	26,0	25,6	...1)	...1)
1995–1999	66,7	64,1	20,0	33,3	27,0	26,0	...1)	...1)
2000–2004	57,1	56,9	6,7	11,1	30,0	27,9	31,2	40,6
2005–2009	49,5	49,0	25,0	52,9	11,4	11,3	10,1	...1)

1) Показатель не приводится из-за того, что он рассчитан для совокупности менее 10 респондентов.
 Источник: Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 году / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html

Примерно треть всех рождений на протяжении 10–15 лет происходили вне брака¹³⁹, из них почти половина регистрируется по совместному заявлению родителей¹⁴⁰, т.е. отцовство признается добровольно. Следует отметить, что нормативно права детей, рожденных в браке и вне его, были уравнены в 1968 г. Законом СССР «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и Союзных Республик о браке и семье», чего нельзя сказать о правах «гражданской» супруги. Вероятно, поэтому 20% сожительствующих женщин собираются обязательно зарегистрировать брак даже при отсутствии беременности. В случае беременности на ре-

¹³⁹ Демографический ежегодник России 2013 [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

¹⁴⁰ Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 году [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 10.10.2014 г.)

гистрацию отношений ориентируется существенно большая доля женщин – 36,4%, при рождении ребенка обязательной регистрацию брака считают уже 45,1%. Среди состоящих в нелегитимном союзе мужчин несколько меньше по сравнению с женщинами тех, кто обязательно намеревается зарегистрировать свой брак, и, соответственно, больше тех, кто не собирается этого делать.

Институт сожительства как характеристику современного российского общества мы рассматриваем прежде всего потому, что «сожительствующие» люди имеют специфическую, современную систему ценностей и психологических установок. Предпочтение «свободных» отношений без штампа в паспорте – это часть сформированного мировоззрения. Либерализация выбора и смены партнеров привела к тому, что заключение брака, по-видимому, воспринимается не столько как гарант стабильности и регулятор правовых отношений, сколько как ограничение свободы, независимости, некое ущемление и обязанность.

Среди сожительствующих меньше доля тех, кто считает важными такие жизненные ценности, как родительство и здоровье. Напротив, наиболее важными жизненными ценностями они считают деньги, карьеру, любимую профессию. Особенно тревожно то, что лишь 37% представителей данной группы считают детей обязательной частью семьи. О трансформации типа личности, индивидуализме, смене гендерных ролей и превращении традиционной семьи в партнерство свидетельствуют исследования Института социологии РАН¹⁴¹. «Мы наблюдаем тенденцию формирования новых форм семейных отношений. Уже нельзя дать общую усредненную характеристику среднестатистической российской семьи. Они все разные. И оснований для дифференциации семей много. В целом ослабевают родственные связи. Все чаще звучат идеи, что никто никому ничего не должен. Совместное проживание нескольких поколений, что широко практиковалось раньше, становится более редким. Расширенная семья уступает место нуклеарной (муж, жена, дети), появляются новые типы

¹⁴¹ Добыть мамонта: интервью старшего научного сотрудника Института социологии РАН Юлии Лежниной // Лента.ру. – URL: <http://lenta.ru/articles/2015/03/08/love/>; Шеина В. Из сожителей – в супруги: юристы предлагают приравнять 2-летние отношения к браку // Радиовести. – URL: http://radiovesti.ru/article/show/article_id166511

семьи, например гостевые браки, когда муж и жена живут отдельно» – так характеризует современное российское общество Ю. Лежнина¹⁴².

Логично предположить, что такие феномены современного общества, как сожитительство, вносят существенный вклад в актуальность проблем низкого числа детей в семьях и «старения» материнства. Как показывают официальные статистические данные, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рождений на 1 женщину репродуктивного возраста), несмотря на позитивную тенденцию роста, наблюдаемую на протяжении 2000-х гг., в России составляет лишь 1,71 (в Вологодской области – 1,85; *рис. 2.3.2*), тогда как для поддержания простого воспроизводства населения в нашей стране его уровень должен составлять как минимум¹⁴³ 2,11. Вместе с этим за последние 13 лет (2000 – 2012) средний возраст материнства вырос с 25,8 до 27,9 года. Увеличение этого показателя приводит к снижению рождаемости вследствие сокращения репродуктивного периода, а также к росту младенческой заболеваемости и смертности из-за ухудшения состояния здоровья женщин с возрастом¹⁴⁴.

Рис. 2.3.2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Российской Федерации и Вологодской области

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

¹⁴² Добыть мамонта: интервью старшего научного сотрудника Института социологии РАН Юлии Лежниной // Лента.ру. – URL: <http://lenta.ru/articles/2015/03/08/love>

¹⁴³ Практическая демография / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Центр социального прогнозирования, 2005. – С. 66.

¹⁴⁴ Калачикова О.Н. Репродуктивное здоровье и сексуальная активность населения (на материалах социологического исследования в Вологодской области) [Эл. рес.] // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 9. – Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2015/09/5790> (дата обращения: 11.09.2015).

Снижает оптимизм в прогнозировании динамики рождаемости населения уменьшение потребности в детях, выраженное в сокращении среднего числа желаемых рождений. Как показывают результаты исследований ИСЭРТ РАН, в период стабилизации социально-экономического положения страны, активизации демографической политики в связи с Посланием Президента России Законодательному Собранию в 2006 году произошел рост значений планируемой детности. Население стало рассматривать условия жизнедеятельности как более благоприятные для рождения детей, что и отразилось в повышении репродуктивных ожиданий: среднее планируемое число детей увеличилось с 1,77 в 2005 г. до 1,86 в 2008 и 2011 гг. Однако в 2014 г. зафиксировано снижение среднего планируемого числа детей до 1,81 (табл. 2.3.4). Это может свидетельствовать о «затухании» эффекта введенных в период 2006–2012 гг. мер демографической политики.

Таблица 2.3.4. Средние предпочитаемые числа детей, ед.

Год	Предпочитаемые числа детей		
	Идеальное	Желаемое	Планируемое
2005	2,06	2,20	1,77
2011	2,09	2,08	1,86
2014	2,12	2,02	1,81

С учетом возможностей регулирования детности (методы планирования семьи) превышение реального числа детей над ожидаемым будет ограничиваться уровнем желаемой детности. Для удовлетворения потребности в детях населению достаточно иметь в среднем двоих детей¹⁴⁵.

Таким образом, современные формы брачно-семейных отношений, на наш взгляд, выступают яркой характеристикой ценностных установок российского общества и, к сожалению, влекут за собой целый комплекс проблем демографического и психологического характера.

Другой, не менее показательной особенностью современного социума является структура смертности населения. В России ведущее место в ней занимают болезни системы кровообращения (53,5%). На втором месте находятся новообразования (15,6%), на третьем – внешние причины (9,9%)¹⁴⁶. Однако в

¹⁴⁵ Калачикова О.Н., Шабунова А.А. . Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.

¹⁴⁶ Короленко А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 40 (4). – С. 192 – 210.

отличие от первых двух групп внешние причины смерти в большей степени характеризуют психосоциальное неблагополучие общества. В Российской Федерации и в Вологодском регионе снижение уровня **смертности населения от внешних причин** наблюдается на протяжении 2000–2013 гг. (за этот период он сократился на 41 и 35% соответственно). Однако данная проблема по-прежнему остаётся остроактуальной, если сравнивать Россию со странами Западной Европы. Например, в 2013 г. как в целом по стране, так и в регионе смертность населения от внешних причин составляла 129,2 и 152,1 случая на 100 тыс. чел. населения (3-е место в общей структуре смертности; *табл. 2.3.5*). Для сравнения: по последним данным ВОЗ на 2011 год, в среднем по странам-участницам Евросоюза смертность от внешних причин составляла 92,4 случая на 100 тыс. человек¹⁴⁷. Что касается Вологодской области, то по уровню смертности населения от внешних причин она занимает 36 место среди субъектов РФ и 7 место среди регионов Северо-Западного федерального округа.

Таблица 2.3.5. Структура смертности населения (умерших на 100 тыс. населения)*

Основные классы причин смерти (случаев на 100 тыс. чел. населения)	2000 г.		2013 г.	
	РФ	ВО	РФ	ВО
Умерших от всех причин	1529,0	1600,6	1304,3	1504,5
Болезни системы кровообращения	846,1	913,2	698,1	892,2
Новообразования	204,7	209,7	203,3	214,6
Внешние причины	219,0	234,5	129,2	152,1
среди них:				
Транспортные несчастные случаи	н.д.	н.д.	20,3	18,0
Самоубийства	39,1	57,3	20,1	23,0
Случайные отравления алкоголем	25,6	25,0	10,1	15,7
Убийства	28,2	26,6	10,1	8,0
Болезни органов пищеварения	44,4	48,7	61,6	91,2
Болезни органов дыхания	70,2	59,4	51,6	46,9

*В таблице представлена структура смертности от пяти наиболее распространённых её причин. Ранжировано по уровню смертности от различных причин в Российской Федерации в 2013 г.
Источник: База данных ФСГС [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

По данным за 2013 год среди внешних причин смертности в России 1-е место занимают транспортные несчастные случаи (20,3 случая на 100 тыс. чел. населения), но самое главное то, что на втором месте находятся самоубийства (20,1) – центральное явление в социологии Э. Дюркгейма и П. Сорокина, рассматривающих его как комплексный индикатор социальной реальности. О проблеме суицидального поведения мы поговорим более подробно в следующей

¹⁴⁷ European mortality database (MDB) [El. res.]. – Available at: <http://data.euro.who.int/hfamdb/>

главе монографии. Этот феномен заслуживает особого внимания, и в своих исследованиях мы, вслед за классиками социологии, используем его в качестве одного из ключевых индикаторов всего общественного развития. Здесь же отметим, что высокий уровень суицидальной смертности – характеристика не только российского, но и вологодского общества. Более того, в Вологодской области уровень самоубийств находится на 1 месте в структуре внешних причин смертности (23,0 случая на 100 тыс. чел. населения), вытесняя на 2-е место транспортные происшествия (18,0). Поэтому в наших исследованиях мы уделяем данной проблеме особое внимание¹⁴⁸.

Несмотря на общую тенденцию постепенного снижения смертности от внешних причин, наблюдающуюся в течение последнего десятилетия, её показатели остаются высокими, особенно среди мужского населения. Так, по данным за 2012 год среди мужчин она составляет в среднем по России 265,4 случая на 100 тыс. чел. населения, тогда как среди женщин – 54,6 соответственно, почти в 5 раз ниже (рис. 2.3.3). В Вологодской области уровень смертности от внешних причин среди мужчин выше общероссийского – 298,8 случая на 100 тыс. чел. населения.

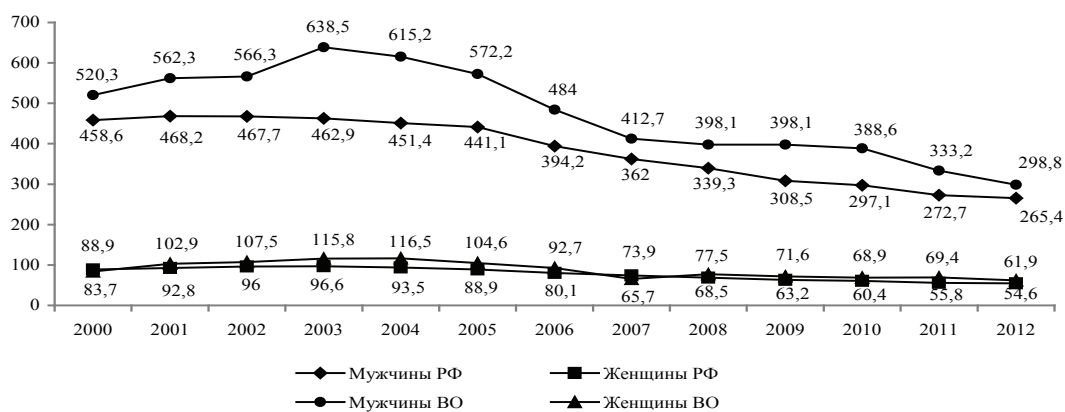

Рис. 2.3.3. Динамика смертности населения от внешних причин (случаев на 100 тыс. человек населения)

Источник: Демографический ежегодник России за 2012 г. : стат. сборник / Росстат, 2013.

¹⁴⁸ Представление всех результатов исследований ИСЭРТ РАН по проблеме суицидального поведения заняло бы слишком много места, поскольку они затрагивают не только демографические, но и психологические и даже экономические последствия данного феномена. В контексте монографии это не так важно. Важно то, что эта проблема есть, что она актуальна и что она выступает индикатором российского общества.

Прямым следствием социально-экономических перемен начала 1990-х годов стало быстрое **распространение социально значимых заболеваний**, что на сегодняшний день считается одной из наиболее актуальных проблем российского общества. В самом общем виде социально значимые болезни – это болезни, возникновение и (или) распространение которых в определяющей степени зависит от социально-экономических условий. Их основной признак и одновременно ключевая проблема – способность к широкому распространению (массовость), а также прямая зависимость от социально-экономических условий. И так как социально значимые болезни являются непосредственными спутниками различных социальных катаклизмов, высокая степень их распространения свидетельствует о проблемах не столько демографического, сколько социально-экономического характера.

За период с 2000 по 2012 г. в России и в Вологодской области значительно выросли показатели заболеваемости сахарным диабетом (на 215%), повышенным артериальным давлением (на 197%) и ВИЧ-инфекцией (на 109%; табл. 2.3.6).

Таблица 2.3.6. **Заболеваемость населения социально значимыми болезнями**
(случаев на 100 тыс. населения)

Виды социально значимых болезней	2000 г.	2004 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 к 2000, %
Российская Федерация							
Повышенное кровяное давление	298,7	504,0	689,7	609,2	593,4	587,5	196,7
Злокачественные новообразования	309,9	328,0	345,7	335,7	336,9	335,2	108,2
Сахарный диабет	111,3	168,4	212,5	226,8	223,1	239,8	215,4
Активный туберкулёз	90,4	83,3	85,1	109,9	104,3	97,5	107,8
Алкоголизм и алкогольные психозы	130,6	153,1	122,2	107,7	96,6	85,7	65,6
Психические расстройства и расстройства поведения	83,7	69,3	55,3	52,0	49,1	47,7	57,0
ВИЧ	38,1	30,3	27,1	40,1	41,7	41,7	109,4
Наркомания	50,7	14,7	18,7	17,4	15,3	13,9	27,4
Вологодская область							
Повышенное кровяное давление	251,5	399,4	794,9	638,6	н.д.	519,3	206,5
Злокачественные новообразования	305,5	336,9	320,5	356,9	н.д.	353,4	115,7
Сахарный диабет	н.д.	185,6	200,2	192,2	н.д.	234,4	-
Активный туберкулёз	98,8	148,3	123,7	104,1	99,9	86,3	87,3
Алкоголизм и алкогольные психозы	59,3	55,2	49,8	45,6	н.д.	40,3	67,9
Психические расстройства и расстройства поведения	108,0	74,7	46,7	43,5	н.д.	36,5	33,8
ВИЧ	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	16,7	-
Наркомания	28,6	9,9	8,4	11,0	13,4	14,2	49,6

Источник: Здравоохранение в России за 2001, 2005, 2009, 2011, 2013 годы: стат. сб. [Эл рес]. –

Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919134734

Несмотря на общероссийскую и региональную тенденции сокращения заболеваемости психическими расстройствами, алкоголизмом и алкогольными психозами и наркоманией, они продолжают сохраняться на стабильно высоком уровне по сравнению с показателями европейских государств.

Проблема инвалидизации населения – еще один пример того, что мы подразумеваем под качественными изменениями демографической ситуации, которые являются специфической характеристикой современного российского общества. С одной стороны, за период с 2000 по 2012 г. существенно снизилось число лиц, впервые признанных инвалидами: так, в целом по России этот показатель сократился на 27% (в Вологодской области – на 48%). Однако, с другой стороны, остаётся высокой доля инвалидов среди трудоспособного населения, составившая в 2012 году в России 49% (в Вологодской области – 50%) от общей численности инвалидов, что негативно сказывается на трудовом потенциале страны. При этом добавим, что по данным за 2012 год самыми распространёнными в России причинами первичной инвалидности среди детей в возрасте до 18 лет являются психические расстройства и расстройства поведения (25%), врождённые аномалии (пороки развития), хромосомные нарушения и деформации (23%), а также болезни нервной системы (19%).

К остроактуальным качественным изменениям в российском населении можно отнести **преобразование его этнического состава** и степени однородности вследствие миграций, особенно международных. За период с 2002 по 2010 г. произошло увеличение не только общего количества национальностей, но и рост их удельного веса в структуре населения. Наиболее многочисленными национальностями на территории страны являются русские, татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы, армяне. За межпереписной период 2002–2010 гг. значительно выросла доля среднеазиатских национальностей: киргизов – на 225 %, узбеков – на 136%, таджиков – на 67%, туркменов – на 12%, калмыков – на 5%. Следовательно, этнический состав населения России стал более разнообразным и степень его неоднородности значительно возросла.

Наиболее важный для России сдвиг в национальной структуре – это сокращение численности и доли русских в населении страны, являющихся госу-

дарствообразующим этносом¹⁴⁹. В межпереписной период 2002–2010 гг. удельный вес русских граждан сократился на 2,1%, т.е. почти на 5 млн. человек. По прогнозам некоторых исследователей, в ближайшие 10–20 лет численность русского населения будет снижаться по 1 млн. человек в год и 85–90% этой убыли придётся на русских¹⁵⁰. Увеличение доли международных мигрантов при сокращении численности коренного населения может привести к изменению этно-конфессиональной структуры населения, образованию обособленных этнических группировок, нарушению территориальной целостности государства и, как следствие, возникновению острых межэтнических конфликтов.

Таким образом, характеризуя демографическую ситуацию в стране, мы считаем важным акцентировать внимание на следующем. За последние 20 лет в решении демографических проблем было достигнуто много позитивных результатов и, что самое главное, они были достигнуты именно тогда, когда это было необходимо для сохранения нации как таковой. Однако сегодня на фоне общего снижения смертности, роста рождаемости и увеличения продолжительности жизни в российском обществе существуют специфические проблемы, которые во многом характеризуют его состояние и являются отражателем трансформационных процессов, связанных с усложнением социальных отношений, развитием экономики, с общим ускорением темпов жизни. Это такие проблемы, как старение населения, сокращение численности лиц трудоспособного возраста, диспропорция в гендерной структуре, преобразования в семейно-брачной сфере, сокращение общего числа детей в семьях и «старение» материнства, высокая смертность населения от внешних причин, и прежде всего от самоубийств, распространение социально значимых заболеваний, изменения этнического состава населения.

Их причины частично заключаются в специфике исторического развития постсоветской России, в конкретных событиях, имевших место в 1990-х гг. Частично – в самой эволюции не только российского общества, но и всего челове-

¹⁴⁹ Рыбаковский Л.Л. Русский народ в этнической структуре населения // Наука. Культура. Общество. – 2008. – №3. – С. 22.

¹⁵⁰ Какова будет численность русских в ближайшие 10–20 лет? [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=22&idArt=1765

чества, в том, что является обратной стороной прогресса. Их последствия выходят далеко за рамки демографического контекста и, к сожалению, создают угрозу не только современной безопасности государства, но и развитию будущих поколений.

Происходящие трансформации имеют непосредственное влияние на социум, участвуют в формировании ценностей, установок, общественного сознания и поведения. Демографические процессы, особенно негативно оцениваемые, могут привести к крайне печальным последствиям в будущем вплоть до утраты государственности и деградации общества. Поэтому данная сфера признана приоритетной на высшем государственном уровне и с 2006 г. начался этап активной реализации пронатальной демографической и социальной политики в России.

Выделенные нами специфические характеристики современной демографической ситуации имеют одно общее свойство – они протекают на глубоком, даже латентном уровне; они имеют очень крепкий фундамент и могут иметь очень тяжелые последствия, поскольку обусловлены целым комплексом социально-экономических и психологических причин. Всё это требует самого тщательного научного анализа, изучения самых тонких нюансов каждой проблемы: измерения динамических изменений, территориальной специфики, особенностей распространения в различных социально-демографических категориях. Вот почему научное сообщество не может и не должно оставаться в стороне от решения проблем демографического развития. В конечном итоге роль науки должна заключаться в том, чтобы на основе своих возможностей и инструментария вносить посильный вклад в регулирование демографических процессов.

2.4. ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ: ТЕНДЕНЦИИ И ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ*

Трансформации, происходящие в российском обществе, затронули и трудовую сферу. Накопленный в регионах трудовой потенциал претерпевал значительные количественные и качественные изменения, обусловленные стремительно ухудшающейся демографической ситуацией и экономическими переме-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-22-01013 «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития».

нами, которые были активированы в связи с переходом к рыночным механизмам хозяйствования. Трудовые ресурсы не только чутко реагировали на происходящие трансформации, подстраиваясь под требования времени, но и зачастую задавали вектор этих трансформаций, выбирая сферу занятости и определяя предложение рабочей силы на рынке труда.

В данной главе монографии представлены результаты анализа основных тенденций и характера количественных и качественных изменений трудового потенциала Вологодской области. Анализируются результаты исследований ИСЭРТ РАН, базирующихся не только на материалах Федеральной службы государственной статистики, но и на результатах социологических исследований, проведенных Институтом в рамках мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области¹⁵¹.

В настоящее время вопрос определения понятия «трудо­вой потенциал региона» остается дискуссионным. Основные подходы к его толкованию отражены в работах А.Г. Вишне­вского, Б.М. Генкина, М.И. Гольдина, Т.И. Заславской, Р.П. Колосовой, М.М. Магомедова, И.С. Масловой, Ю.Г. Одегова, А.С. Панкратова, М.И. Скаржинского, С.Г. Струмили­на, Л.С. Чижовой, О.И. Шкаратана и обобщенно представлены в *таблице 2.4.1.*

Таблица 2.4.1. Подходы к трактовке понятия «трудо­вой потенциал»

Подход	Трудовой потенциал (региона, страны) – это...
Демографический	Население в трудоспособном возрасте
Медико-демографический	Трудоспособное население в трудоспособном возрасте
Статистический	Численность трудовых ресурсов
Социологический	Качественные характеристики рабочей силы
Экономический	1. Трудовые ресурсы в единстве своих количественных и качественных проявлений (ресурсный подход). 2. Форма проявления личного фактора производства (факторный подход). 3. Обобщающая характеристика меры и качества совокупности способностей к труду (интегральный, комбинированный, комплексный подход).
Источник: Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Опыт оценки качества трудового потенциала на региональном уровне // Человек и труд. – 2009. – №12. – С. 30–33.	

¹⁵¹ Характеристика опроса: объектом исследования является население Вологодской области в трудоспособном возрасте. Опросы проходят в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 человек. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки: 3-4% при доверительном интервале 4-5%.

Комплексное изучение трудового потенциала региона предполагает использование комбинированного подхода к пониманию данной экономической категории, поэтому в представляемом исследовании под трудовым потенциалом региона (страны, общества) мы понимали «обобщающую характеристику меры и качества совокупности способностей к труду»¹⁵².

Однако, поскольку указанное определение приемлемо в теоретических работах, в эмпирических исследованиях его следует конкретизировать. Далее по тексту мы придерживаемся следующей трактовки: «Трудовой потенциал региона (страны, предприятия) – это располагаемые в настоящее время и предвидимые в будущем трудовые возможности, характеризующиеся количеством трудоспособного населения, его профессионально-образовательным уровнем, другими качественными характеристиками»¹⁵³. При этом численность населения в трудоспособном возрасте рассматривалась нами как количественная характеристика трудового потенциала территории, а качественное состояние трудового потенциала мы описывали, опираясь на концепцию качественных характеристик населения (Н.М. Римашевская, В.Г. Копнина, Е.Б. Бреева и др.) и методологические разработки московских и вологодских учёных в области социологических измерений качества трудоспособного населения (В.А. Ильин, Д.И. Зюзин, Г.В. Леонидова и др.)¹⁵⁴.

Таблица 2.4.2. **Возрастная структура населения Вологодской области (на начало года)**

Год	Тысяч человек				В процентах			
	Всего	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста	Всего	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста
1990	1354	332	744	279	100	25	55	21
1995	1340	309	740	290	100	23	55	22
2000	1300	260	760	280	100	20	58	22
2005	1245	207	780	259	100	17	63	21

¹⁵² Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования. – М., 1987. – 32 с.

¹⁵³ Райзберг Б.А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 495 с.

¹⁵⁴ Подробнее см.: Шабунова А.А., Чекмарева Е.А. Трудовой потенциал региона: учеб. пособие. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 107 с.; Гулин К.А., Шабунова А.А., Чекмарева Е.А. Трудовой потенциал региона / под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009; Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. – 107 с.

Окончание таблицы 2.4.2

2006	1235	200	779	256	100	16	63	21
2007	1226	194	773	259	100	16	63	21
2008	1220	192	767	261	100	16	63	21
2009	1214	192	759	263	100	16	63	22
2010	1208	194	746	268	100	16	62	22
2011	1201	196	732	273	100	16	61	23
2012	1199	198	726	275	100	17	61	23
2013	1196	205	708	283	100	17	59	24
2014	1193	211	693	289	100	18	58	24

Примечание. Трудоспособным для мужчин считается возраст от 16 до 59 лет включительно, для женщин – от 16 до 54 лет.
Источники: Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат, 2014. – С. 38; [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики]; расчеты авторов.

В настоящее время в Вологодской области численность населения трудоспособного возраста имеет тенденцию к снижению, что говорит о сокращении трудового потенциала региона. В соответствии с демографическими волнами последний пик численности населения трудоспособного возраста наблюдался в области в 2005 г. – 780 тыс. чел. (табл. 2.4.2). За последние девять лет значение данного показателя снизилось на 87 тыс. чел. и к началу 2014 г. составило 693 тыс. чел. (89% от численности в 2005 г.).

Доля населения трудоспособного возраста в общей численности постоянного населения, достигнув своего максимума в 2007 г. (63,1%), также начала сокращаться: к 2014 г. она снизилась на 5 п.п. и стала равна 58%. При этом удельный вес населения трудоспособного возраста в Вологодской области устойчиво ниже среднероссийских показателей (на 1 января 2014 г. – 59,3%) и средних значений по федеральному округу (59,9%).

По тенденциям изменения численности населения в трудоспособном возрасте Вологодская область является типичным регионом России: динамика удельного веса населения трудоспособного возраста в области аналогична динамике средних показателей по Северо-Западному федеральному округу и Российской Федерации в целом (рис. 2.4.1).

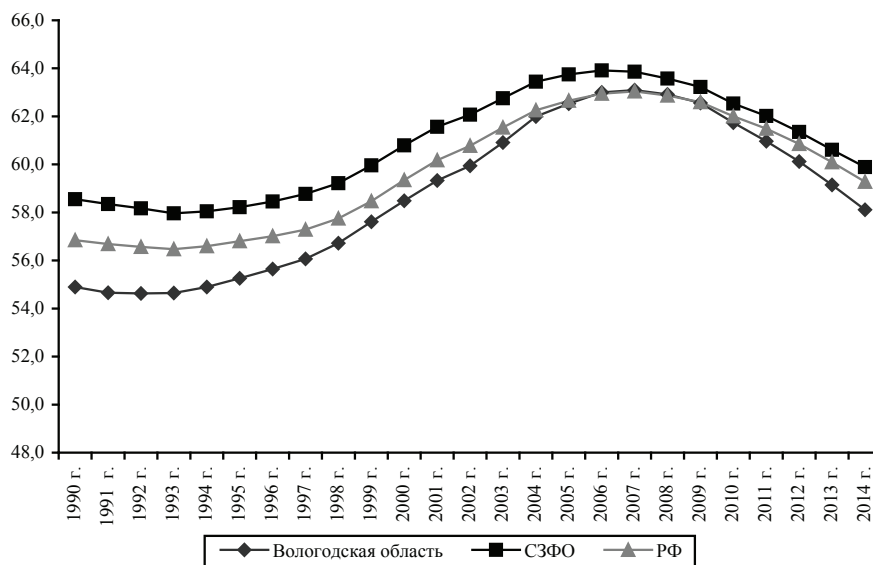

Рис. 2.4.1. Изменение доли населения трудоспособного возраста (на начало года; в %)
 Источники: Интернет-сайт Федеральной службы государственной статистики; расчеты авторов.

Сокращение численности и доли населения в трудоспособном возрасте сопровождается ростом численности и доли пенсионеров: минимум, зафиксированный в Вологодской области в 2006 г., составил 256 тыс. чел., или 21% общей численности населения (см. табл. 2.4.2). На начало 2014 года этот показатель был равен уже 289 тыс. чел. (24%), то есть прирост в регионе численности пенсионеров за 8 лет составил 33 тыс. чел. при одновременном сокращении численности трудоспособного населения более чем на 80 тыс. чел. (табл. 2.4.2). Российские тенденции аналогичны: с 2006 по 2014 г. рост численности населения в возрасте старше трудоспособного составил 15%, т.е. 4381,0 тыс. чел. (с 29407,6 тыс. до 33788,6 тыс. чел.).

Как позитивную тенденцию следует отметить рост числа и доли лиц моложе трудоспособного возраста, начавшийся в 2009 г.: за пятилетний период численность молодёжи возросла почти на 20 тыс. чел. (или 2 п.п. от общей численности населения области) и достигла в 2014 г. 211 тыс. чел. (18%). Однако даже «восстановительный» процесс ещё не закончен, уровень начала 1990-х годов пока не достигнут (в начале 1990-х гг. доля лиц моложе трудоспособного возраста, составлявшая 25% общей численности населения, была на 121 тыс. чел.

больше, чем сейчас). Динамика этого процесса в целом по стране одинакова и демонстрирует убыль молодежной когорты по сравнению с показателем конца 1990-х гг. (на 6%) и рост по сравнению с 2006 г. (на 4%), связанный и с мерами поддержки семей, предпринятыми на государственном уровне, и с тем, что сейчас обзаводится детьми поколение, родившееся в 80-е годы.

Негативный характер изменений в структуре и численности населения сказался в росте экономической нагрузки на население трудоспособного возраста. Так, если в 2006 г. на 100 лиц трудоспособного возраста приходилось 59 человек нетрудоспособных возрастов, из них 33 пенсионера (минимальные значения за весь рассматриваемый период), то на начало 2014 г. нагрузка составляла 72 чел., из них 42 пенсионера (для сравнения: в России в целом экономическая нагрузка на трудоспособное население также выросла – с 63 чел. нетрудоспособного возраста в 2006 г. до 67 чел. на 100 чел. трудоспособного возраста в 2014 г.).

Согласно демографическим прогнозам тенденция сокращения трудового потенциала области будет усугубляться: в ближайшее десятилетие ожидается интенсивное снижение численности населения в трудоспособном возрасте. К началу 2025 г. значение этого показателя достигнет 602 тыс. чел., что составит 52% от общей численности населения (для сравнения: в 2014 г. – 58%; табл. 2.4.3). Другими словами, почти половина жителей региона будет находиться за пределами трудоспособного возраста.

Численность трудовых ресурсов России вследствие сокращения трудоспособного населения, при среднегодовом темпе его убыли 1,3%, к началу 2020 г. достигнет 79,6 млн. чел., или 57% от общей численности населения (для сравнения: в 2012 г. – 61%). Это связано со вступлением в трудоспособный возраст когорты родившихся в условиях демографической ямы 1990-х годов.¹⁵⁵

¹⁵⁵ Ильин В.А., Шабунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона // Социс. – 2015. – № 8. – С. 35-42.

Позитивная тенденция увеличения численности лиц моложе трудоспособного возраста сохранится до 2022 года, в котором данный показатель достигнет своего максимума – 232,9 тыс. чел., после чего пойдёт на убыль. В том же году ожидается максимум значений показателя «численность лиц старше трудоспособного возраста» – 321,9 тыс. чел., который тоже начнёт снижаться.

Таблица 2.4.3. **Прогноз численности возрастных категорий населения Вологодской области (на начало года)**

Год	Тысяч человек				В процентах			
	Всего	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста	Всего	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста
2015	1192	216	681	295	100	18,1	57,1	24,8
2016	1190	222	667	301	100	18,6	56,1	25,3
2017	1188	226	656	307	100	19,0	55,2	25,8
2018	1186	229	646	311	100	19,3	54,5	26,2
2019	1182	231	637	315	100	19,5	53,8	26,6
2020	1179	232	628	318	100	19,7	53,3	27,0
2021	1174	233	621	321	100	19,8	52,9	27,3
2022	1169	233	614	322	100	19,9	52,5	27,5
2023	1163	233	609	322	100	20,0	52,3	27,7
2024	1156	231	605	320	100	20,0	52,3	27,7
2025	1150	229	602	319	100	19,9	52,4	27,7

Примечание. Прогноз построен при предположении о сохранении режима естественного воспроизводства 2013 года в период до 2020 года. При прогнозировании использован классический метод «подвижки по возрастам».

Источник: расчеты авторов.

Тем не менее одновременное сокращение численности лиц других возрастных категорий приведёт к тому, что возрастная структура населения в 2021–2025 гг. будет меняться незначительно, а между группами населения моложе трудоспособного, в трудоспособном и старше трудоспособного возраста установятся пропорции 20, 52 и 28%.

В результате описанных негативных изменений возрастной структуры населения неминуемо увеличится экономическая нагрузка на жителей региона в трудоспособном возрасте: к началу 2025 г. в Вологодской области на 100 лиц трудоспособного возраста будет приходиться 91 чел. нетрудоспособных возрастов, из них 53 пенсионера (рис. 2.4.2).

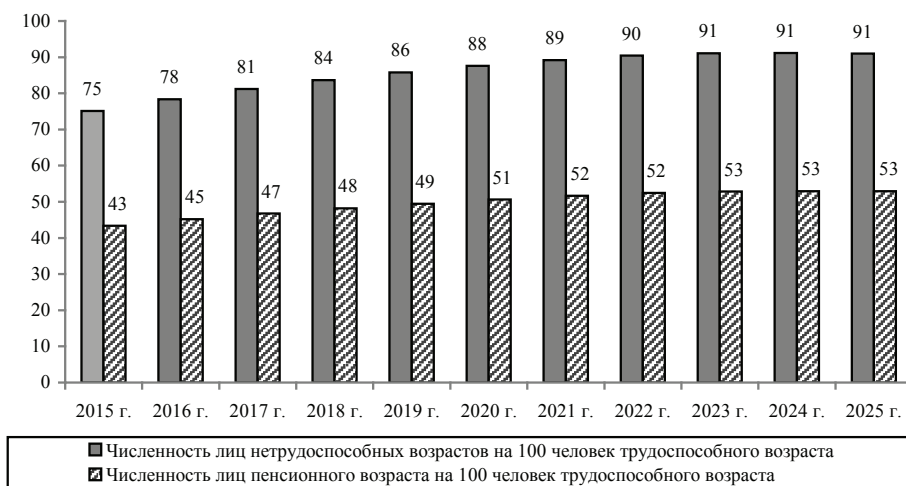

Рис. 2.4.2. Прогноз экономической нагрузки на население трудоспособного возраста в Вологодской области (на начало года)

Источник: расчеты авторов.

Сокращение численности и доли населения трудоспособного возраста является прямой угрозой экономическому росту региона, как следствие, в условиях снижения трудового потенциала области возникает необходимость более полного его использования, повышения уровня его реализации.

Индикатором уровня реализации количественной стороны трудового потенциала региона служит уровень занятости населения в трудоспособном возрасте. Всего в состав занятого населения РФ входит в настоящее время 65% лиц трудоспособного возраста, что выше показателя 2000 г. на 6 п.п. (59%). Исходя из анализа статистических данных видно, что в стране сложилась тенденция недоиспользования трудового потенциала. Об этом свидетельствует распространение такого феномена в социально-трудовой сфере, как неустойчивая и неформальная занятость. По словам вице-премьера О. Голодец, почти «45% трудоспособного населения России заняты в «сером» секторе»¹⁵⁶. И то и другое связано в большинстве своем с низкой ценой труда, приводящей к исчезновению у работников стимулов к добросовестной работе и, следовательно, к низкой производитель-

¹⁵⁶ Базалишвили М. В Правительстве РФ не понимают, чем заняты 45% трудоспособного населения страны [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.dp.ru/1027m1/> (дата обращения: 09.06.2015 г.)

ности труда, которая, в свою очередь, порождает падение зарплаты, а значит, происходит и недоиспользование, и обесценение трудового потенциала¹⁵⁷.

В Вологодской области значения показателя «уровень занятости населения в трудоспособном возрасте» за последнее десятилетие изменялись в пределах от 73 до 78% (рис. 2.4.3), т.е. 22–27% трудового потенциала региона стабильно не использовались, а это порядка 150–200 тыс. человек ежегодно.

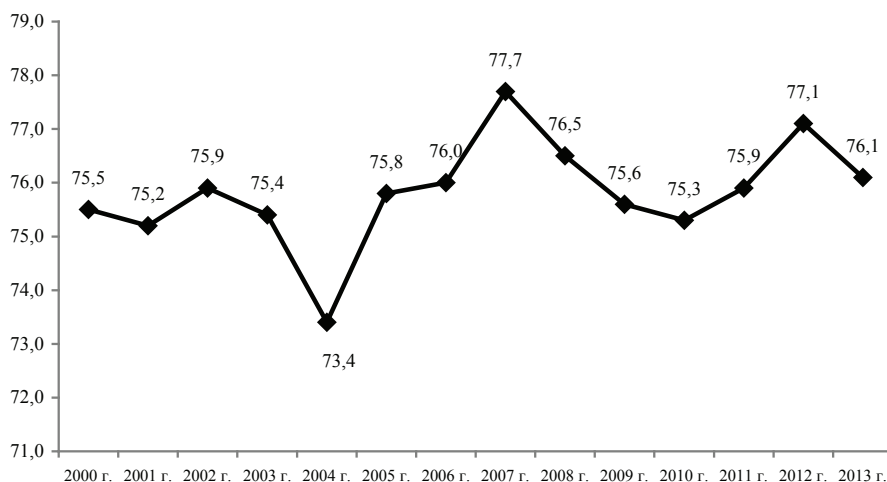

Рис. 2.4.3. Уровень занятости населения Вологодской области в трудоспособном возрасте, в %

Примечание. С 2007 года данные пересчитаны с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Источник: Статистический ежегодник Вологодской области 2009: стат. сб. – Вологда, 2010. – С. 56; Статистический ежегодник Вологодской области 2013: стат. сб. – Вологда, 2014. – С. 55.

Так, в 2013 году среди незанятого в экономике Вологодской области населения в трудоспособном возрасте 27% составляли студенты и учащиеся дневной формы обучения; 21% – безработные, то есть они искали работу и были готовы к ней приступить, но по разным причинам не могли найти; 17% – выразили желание работать, но не искали работу или не готовы были к ней приступить; 17% – пенсионеры в трудоспособном возрасте; 10% – лица, ведущие домашнее хозяйство (рис.2.4.4).

¹⁵⁷ Абдухманов Х.А. Использование трудового потенциала в экономике России: ретроспектива и современность // Вестник ИГЭУ. – 2011. – Вып. 2.

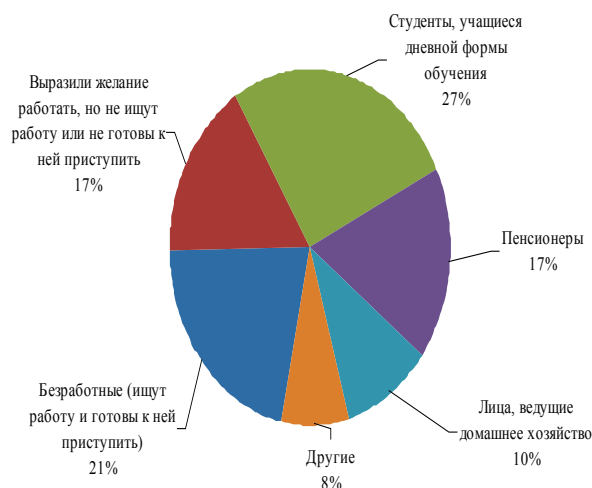

Рис. 2.4.4. Состав не занятых в экономике в трудоспособном возрасте в Вологодской области в 2013 г., в %

Источники: Труд и занятость в Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2014. – С. 14, 19; расчёты авторов.

Экономически активными (21%) среди незанятого населения трудоспособного возраста являлись в регионе только его безработные жители. Перечисленные категории населения составляют нереализованный трудовой потенциал региона.

Уровень занятости населения трудоспособного возраста имеет различия по социально-демографическим группам. Так, уровень занятости городского населения трудоспособного возраста в Вологодской области существенно превышает значения данного показателя на селе: в 2013 г. 78,3% горожан в трудоспособном возрасте были заняты трудовой деятельностью, среди сельских жителей – 70,3% (табл. 2.4.4). Т.е. трудовой потенциал городов реализуется в большей мере, чем сельских территорий области.

Существенных различий по полу в уровне занятости населения трудоспособного возраста не наблюдается, т.е. в количественном отношении трудовой потенциал мужского и женского населения области реализуется практически в равной степени – работающих женщин ничуть не меньше, чем мужчин. Причем по данным за 2013 г. уровень занятости женского населения превышал соответствующий показатель для мужского населения: 76,5% занятых против 75,7% соответственно.

Таблица 2.4.4. **Уровень занятости различных социально-демографических групп населения Вологодской области трудоспособного возраста, в %**

Социально-демографическая группа	Год				
	2009	2010	2011	2012	2013
Всего	75,6	75,3	75,9	77,1	76,1
<i>По полу</i>					
Женщины	75,7	73,9	75,8	77,4	76,5
Мужчины	75,7	73,9	75,8	77,4	75,7
<i>По территории</i>					
Городское население	77,1	77,7	77,2	79,1	78,3
Сельское население	71,8	69,3	72,0	71,8	70,3
Источник: Труд и занятость в Вологодской области: 2009 – 2013 гг.: стат. сб. – Вологда, 2014. – С. 14.					

Среди возрастных групп наибольшим уровнем занятости стабильно отличаются лица среднего возраста: от 30 до 49 лет (табл. 2.4.5). Причём уровень занятости мужчин наиболее высок в возрасте от 25 до 34 лет, когда они активно делают карьеру и обеспечивают жильём себя и свою семью. Уровень занятости женщин в этих возрастах значительно ниже, что объясняется выполнением репродуктивных функций.

Таблица 2.4.5. **Уровень занятости населения Вологодской области по половозрастным группам**
(в % от численности населения соответствующей половозрастной группы)

Год	Возраст, лет								
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59
Всего									
2009	21,1	70,9	91,3	91,2	94,1	93,7	91,8	88,3	65,6
2010	14,5	70,3	92,2	90,3	93,4	92,7	93,0	85,4	61,9
2011	11,6	72,1	90,1	92,2	92,4	94,1	92,6	84,3	59,5
2012	9,8	72,3	88,6	91,5	93,6	93,7	93,4	87,6	57,9
2013	8,1	74,7	89,9	91,5	91,4	90,7	90,4	81,1	58,8
Женщины									
2009	16,0	66,4	85,7	88,1	96,4	95,1	90,5	88,8	56,6
2010	10,3	64,7	87,5	87,3	93,2	92,5	92,8	83,4	51,2
2011	6,8	66,3	84,8	89,7	92,4	95,7	93,1	85,2	47,7
2012	6,2	68,2	82,5	88,6	92,5	94,1	95,1	87,6	48,3
2013	7,4	66,9	84,1	88,1	91,5	93,0	92,4	81,5	47,1
Мужчины									
2009	26,0	75,4	96,7	94,3	91,7	92,3	93,2	87,7	76,7
2010	18,6	75,9	96,9	93,4	93,6	92,9	93,2	87,6	75,2
2011	16,0	77,8	95,3	94,7	92,4	92,4	91,9	83,3	74,4
2012	13,1	76,3	94,7	94,4	94,7	93,2	91,4	87,7	70,2
2013	8,7	82,3	95,6	95,0	91,3	88,3	88,1	80,7	73,8
Источник: Труд и занятость в Вологодской области: 2009 – 2013 гг.: стат. сб. – Вологда, 2014. – С. 16.									

Группы предпенсионного возраста отличаются спадом трудовой активности, а минимальным уровнем занятости среди населения в трудоспособном воз-

расте вне зависимости от пола характеризуются лица первых двух возрастных групп, в состав которых попадают студенты, школьники, учащиеся дневной формы обучения, т.е. трудовой потенциал этих групп используется в наименьшей степени.

Говоря об особых позициях молодежи на рынке труда, следует упомянуть и о том, что именно эта возрастная категория наиболее представительна среди безработного населения: в 2014 г. уровень безработицы 15–19-летних составлял 12%; 20–24-летних – 6%; 25–29-летних – 5%. Уровень безработицы населения более старших возрастов находится в пределах нормы (3,7%). Не имея «доказательств своей производительности»¹⁵⁸, молодые вынуждены соглашаться на разного рода работу (временную, без контрактного оформления и т.п.) с наименьшей социальной защищенностью. Все это является свидетельством определенной ущемленности позиций молодежи на рынке труда и затрудняет реализацию их трудового потенциала.

В качественном отношении трудовой потенциал региона определяется несколькими иными характеристиками населения трудоспособного возраста. В данном исследовании мы придерживались теоретико-методологического подхода к структурированию и оценке качественных характеристик населения, разработанного специалистами Института социально-экономических проблем народонаселения РАН под руководством Н.М. Римашевской¹⁵⁹, и выделяли в трудовом потенциале следующие компоненты: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижении (*рис. 2.4.5*). При этом интегральной характеристикой качества трудового потенциала считается социальная дееспособность.

¹⁵⁸ Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX – XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – М. : ЦСП и М, 2014. – 548 с.

¹⁵⁹ Качество населения / под ред. Н. М. Римашевской, В. Г. Копниной. – М.: ИСЭПН, 1993. – 185 с.; Римашевская, Н.М. О методологии определения качественного состояния населения // Демография и социология. – М., 1993. – Вып. 6. – С. 7–21.

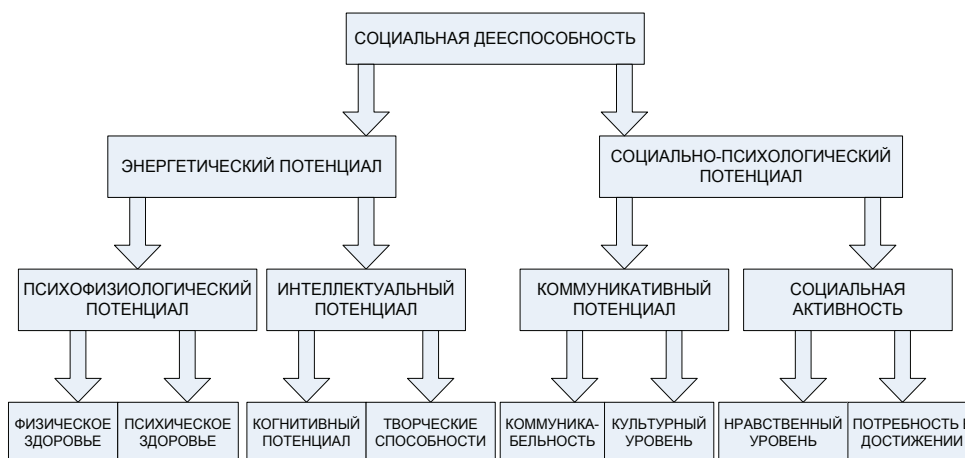

Рис. 2.4.5. Структура качества трудового потенциала (согласно концепции ИСЭПН РАН)

Как показали результаты исследований (их методология представлена в прил. 5), с 1997 по 2014 г. интегральный показатель качества трудового потенциала (индекс социальной дееспособности) принимал значения в промежутке от 0,645 ед. (в 2003 г.) до 0,680 ед. (в 2012 г.; рис. 2.4.6).

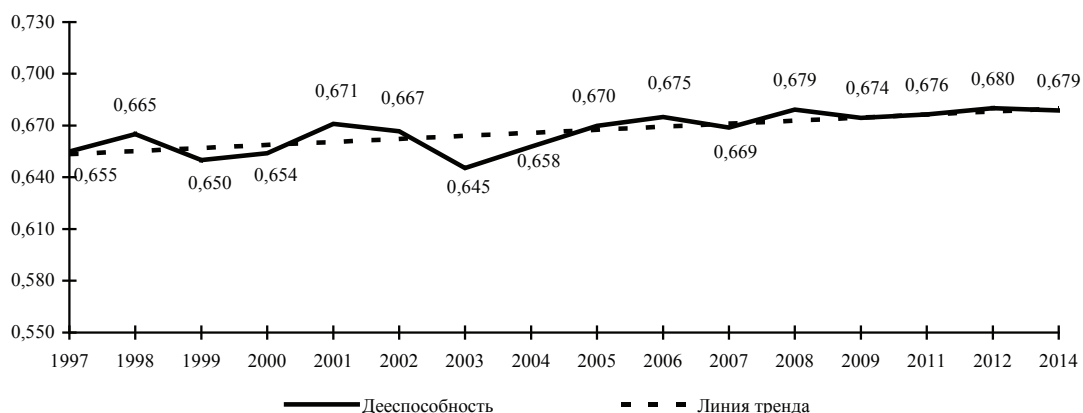

Рис. 2.4.6. Динамика индекса социальной дееспособности населения Вологодской области

В последние годы значения индекса практически стабилизировались, причём на высоком уровне. Кроме того, в долгосрочной перспективе этот показатель имеет тенденцию к росту. Начиная с 2007 г. кривая индекса стала более ровной, без резких колебаний, что связано с улучшением общего социального самочувствия населения. И действительно, с этого времени власть начала заниматься национальными проектами («Здоровье», «Наша новая школа», «Материн-

ский капитал» и т.д.), т.е. инвестировать в человеческий капитал, и общественное настроение стало улучшаться. Отметим, что в период с 2000 по 2012 г. доходы населения РФ увеличились в сопоставимой оценке в 2,9 раза, размер заработной платы – в 2,6 раза, пенсий – в 3,2 раза¹⁶⁰. Об увеличении доходов говорят и данные социологических опросов в Вологодской области. С 2000 по 2013 г. заметно снизилась доля тех, кто по оценке собственных доходов относится к «нищим» – в 3 раза и «бедным» – в 1,7 раза, а представительность группы «обеспеченных» увеличилась в 2,6 раза. В то же время существенно увеличилась категория «малообеспеченных» – в 1,8 раза, представительство которой в 2013 г. составило 55%.

Положительный характер изменений качества трудового потенциала населения Вологодской области обусловлен динамикой его отдельных качественных характеристик. Так, возрастающую линию тренда имеют: физическое и психическое здоровье населения, коммуникабельность и культурный уровень, потребность в достижении (социальные притязания). Тенденцию к убыли проявляют когнитивный и творческий потенциал, нравственный уровень населения (табл. 2.4.6).

Таблица 2.4.6. **Качество трудового потенциала Вологодской области**

Качество	Значение индекса в 1997 г.	Значение индекса в 2014 г.	Ранг в 2014 г.	Изменение индекса за 1997–2014 гг.	Линия тренда
Физическое здоровье	0,682	0,755	4	+0,073 ед.	/ возрастающая
Психическое здоровье	0,699	0,772	2	+0,073 ед.	/ возрастающая
Когнитивный потенциал	0,630	0,624	7	-0,006 ед.	\ убывающая
Творческий потенциал	0,593	0,565	8	-0,028 ед.	\ убывающая
Коммуникабельность	0,733	0,758	3	+0,025 ед.	/ возрастающая
Культурный уровень	0,609	0,678	5	+0,069 ед.	/ возрастающая
Нравственный уровень	0,775	0,781	1	+0,006 ед.	\ убывающая
Потребность в достижении	0,612	0,649	6	+0,073 ед.	/ возрастающая
Источники: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН.					

При этом заметим, что если значения индекса нравственного уровня стабильно являются самыми высокими среди восьми характеристик качества трудового потенциала, то индексы когнитивного и творческого потенциалов нахо-

¹⁶⁰ Ильин В.А., Шабунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона // Социс. – 2015. – № 8. – С. 35-42.

дятся на последнем месте по своим значениям, что, наряду с отрицательным характером развития этих показателей, вызывает существенную обеспокоенность сложившейся ситуацией и требует адекватных управленческих мер.

В разрезе социально-демографических групп наблюдаются различия в качестве трудового потенциала населения. Так, среди территорий области наиболее высокими значениями индексов дееспособности стабильно отличаются крупные города – Вологда и Череповец. Причём начиная с 2008 г. качество трудового потенциала череповчан превосходит показатель вологжан. В частности, в 2014 г. индекс социальной дееспособности жителей Череповца был равен 0,695 ед., а жителей Вологды – только 0,680 ед. (рис. 2.4.7).

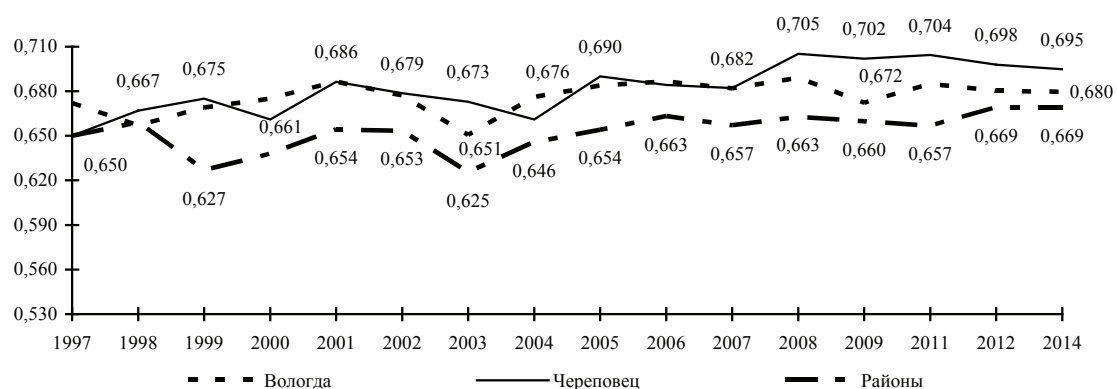

Рис. 2.4.7. Динамика индексов социальной дееспособности в территориальном разрезе

В районах области качество трудового потенциала стабильно ниже (в 2014 г. – 0,669 ед.), что объясняется, в первую очередь, образовательной и трудовой миграцией в крупные города, которые, предлагая широкий спектр образовательных услуг и более высокий уровень жизни, перетягивают на себя из районов лучшие кадры. Решение задачи закрепления трудовых ресурсов на селе проводится в форме грантовой поддержки гражданских инициатив, субсидий молодым семьям, реализации федеральных целевых программ «Социальное развитие села», «Устойчивое развитие сельских территорий» и др., однако диспропорции, отмеченные в качестве трудового потенциала, сглаживаются крайне медленно.

Если рассматривать первичные качественные характеристики трудового потенциала, из которых складывается интегральный индекс, можно прийти к выводу, что в настоящее время (по результатам мониторинга 2014 года) районы области отстают от городов по большинству показателей (*табл. 2.4.7*). Исключение составляют индексы коммуникабельности, культурного и нравственного уровня. То есть жители районов области по сравнению с горожанами более общительны и в среднем более консервативны в вопросах культуры и нравственности.

Таблица 2.4.7. Качество трудового потенциала в различных социально-демографических группах населения Вологодской области в 2014 г.

Критерий	Группа	Качество								Дееспособность
		Физическое здоровье	Психическое здоровье	Когнитивный потенциал	Творческий потенциал	Коммуникабельность	Культурный уровень	Нравственный уровень	Потребность в достижении	
Территория	Область	0,755	0,772	0,624	0,565	0,758	0,678	0,781	0,649	0,679
	Вологда	0,750	0,793	0,627	0,597	0,739	0,650	0,772	0,661	0,680
	Череповец	0,771	0,802	0,635	0,583	0,760	0,683	0,782	0,665	0,695
	Районы	0,747	0,738	0,617	0,535	0,767	0,697	0,788	0,634	0,669
Пол	Мужчины	0,766	0,790	0,610	0,560	0,761	0,669	0,767	0,638	0,674
	Женщины	0,743	0,754	0,638	0,569	0,756	0,688	0,796	0,659	0,683
Возраст	До 35 лет	0,783	0,792	0,625	0,582	0,762	0,690	0,784	0,692	0,696
	Старше 35 лет	0,720	0,748	0,623	0,544	0,754	0,664	0,779	0,597	0,659
Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН.										

Интересна динамика индексов социальной дееспособности в гендерном разрезе. Так если в 1997 году женщины «проигрывали» мужчинам по качеству трудового потенциала (0,649 ед. против 0,663 ед. соответственно; *рис. 2.4.8*), то уже с 2007 года, согласно социологическим измерениям, трудовой потенциал женщин Вологодской области превосходит потенциал мужчин (в 2014 г. – 0,683 ед. против 0,674 ед.). Причём в обеих группах в долгосрочной перспективе качество трудового потенциала имеет тенденцию к росту, однако у женщин темп роста социальной дееспособности намного выше. На наш взгляд, это явление объясняется ростом роли женщин в экономике в связи с активным развитием сферы услуг.

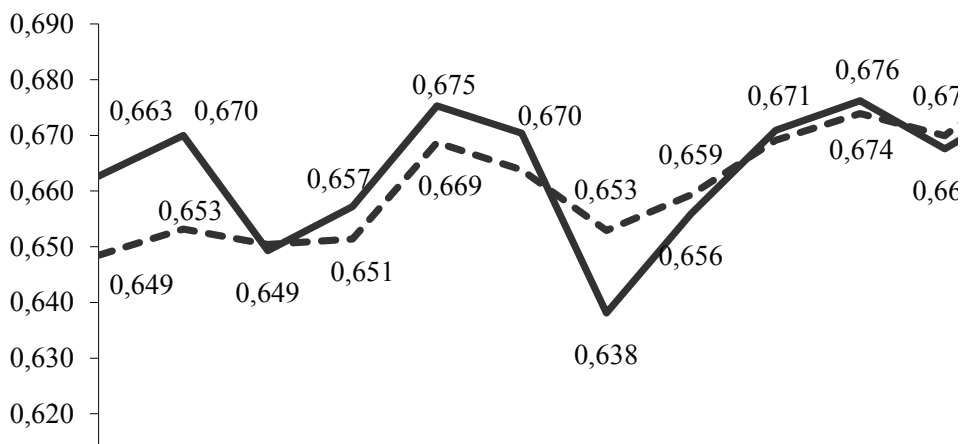

Рис. 2.4.8. Динамика индексов социальной дееспособности в гендерном разрезе

Мужчины Вологодской области отличаются более крепким физическим и психическим здоровьем, в то время как женщины характеризуются более высокими когнитивным и творческим потенциалами, культурой и нравственностью, а также потребностью в достижении (см. табл. 2.4.7).

В отношении качества трудового потенциала в возрастном разрезе можно отметить следующее: лица младше 35 лет отличаются более высокими значениями индекса социальной дееспособности, чем лица старшей возрастной группы, – 0,696 и 0,659 ед. соответственно в 2014 г. (рис. 2.4.9). При этом трудовой потенциал младшей возрастной группы имеет более выраженную тенденцию к росту. Динамика качества трудового потенциала старшей возрастной группы не столь однозначна, и, хотя общий тренд, как и в младшей группе, пока сохраняется возрастающим, в значениях индекса социальной дееспособности лиц старше 35 лет не наблюдается положительных изменений с 2008 г.

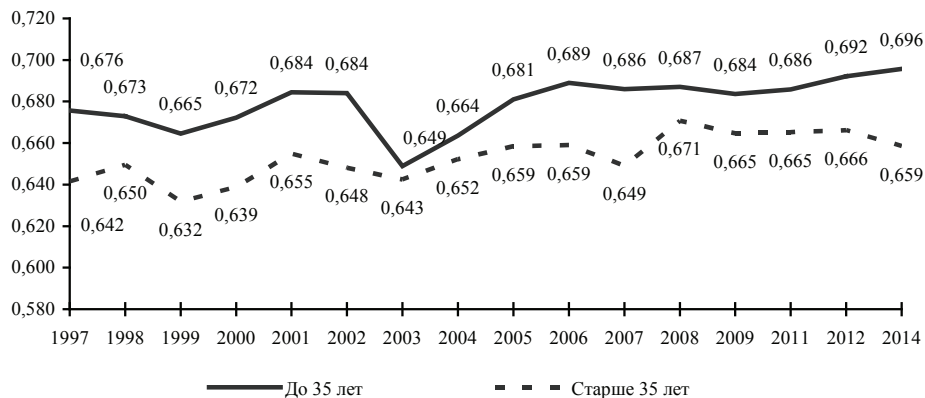

Рис. 2.4.9. Динамика индексов социальной дееспособности в возрастном разрезе

Более высокие значения интегрального индекса «молодёжи» объясняются тем, что в данной возрастной группе выше значения всех восьми первичных индексов качества трудового потенциала. Причем наибольший разрыв наблюдается по потребности в достижении и по показателям здоровья, что вполне естественно из-за возрастных и психологических особенностей данной группы (молодёжь более амбициозна и обладает более высоким потенциалом физиологических возможностей организма; см. табл. 2.4.7).

Наряду с оценкой качества трудового потенциала населения, не менее важную исследовательскую проблему составляет оценка реализации населением своих качеств и способностей в трудовой деятельности. Так, согласно опросам ИС РАН только половина россиян имеет хорошую возможность профессиональной реализации на работе (например, в 2011 г. – 51%), причём «в современных условиях большинство россиян испытывают значительные трудности в сфере профессиональной самореализации – трудности, практически не разрешимые в контексте особенностей социально-профессиональной структуры российского общества»¹⁶¹.

Для оценки уровня реализации населением своих качеств и умений в конкретной трудовой деятельности в рамках мониторинга трудового потенциала нами была разработана специальная методика, основанная на блоке вопросов вида «Насколько сильно Вы „выкладываетесь“ на работе?» В результате применения разработанной методики мы получали показатель, отражающий, на сколько процентов реализуется качество трудового потенциала, т.е. своеобразный аналог уровня занятости, показывающего, на сколько процентов реализуется количество трудового потенциала. Рассчитанный таким образом показатель был условно назван уровнем реализации качества трудового потенциала¹⁶².

В настоящее время населением Вологодской области больше всего используется в трудовой деятельности коммуникабельность (уровень реализации – 82,6%), что, на наш взгляд, связано с развитием сферы услуг. Наименее полно,

¹⁶¹ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред.: М.К. Горшков, Р. Крумм, В.В. Петухов. – М.: Весь Мир, 2011. – 328 с. – С. 104.

¹⁶² Подробнее см.: Чекмарева Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – №2 (14). – С.165–172.

по оценкам населения, применяются творческие способности (изобретательность, умение решать неизвестные ранее задачи и т.д.; 71,4%), стремление к повышению по службе, проявление инициативы и предприимчивости (72,1%).

Различные социально-демографические группы населения Вологодской области имеют свои особенности в реализации трудового потенциала. Так, среди территорий области самым низким уровнем реализации большинства составляющих качества трудового потенциала отличаются районы (табл. 2.4.8). То есть в них сложилась такая ситуация, что невысокое качество трудового потенциала сопровождается низким уровнем его реализации в трудовой деятельности, что, как нам видится, крайне негативно. Лидерами по реализации трудового потенциала являются жители Череповца – города, который, как мы показали ранее, отличается от областной столицы своим жизненным укладом и историей развития.

Таблица 2.4.8. Уровень реализации качества трудового потенциала в различных социально-демографических группах населения Вологодской области в 2014 г., %

Критерий	Группа	Качество								Среднее
		Физическое здоровье	Психическое здоровье	Когнитивный потенциал	Творческий потенциал	Коммуникабельность	Культурный уровень	Нравственный уровень	Потребность в достижении	
Территория	Область	77,5	77,9	78,1	71,4	82,6	80,9	81,1	72,1	77,9
	Вологда	78,0	78,7	80,1	71,5	83,2	82,5	81,8	71,0	78,7
	Череповец	79,4	79,3	82,3	71,3	84,2	80,7	81,5	73,0	79,3
	Районы	76,6	77,3	74,7	72,6	82,0	81,2	81,4	73,1	77,3
Пол	Мужчины	78,4	75,3	75,4	69,3	78,7	76,1	77,2	70,5	75,3
	Женщины	76,6	80,4	80,8	73,6	86,5	85,6	84,9	73,8	80,4
Возраст	До 35 лет	76,5	78,8	78,5	72,2	83,7	82,4	82,2	75,0	78,8
	Старше 35 лет	78,6	76,9	77,7	70,7	81,5	79,4	80,0	69,3	76,9
Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН.										

Отличительная черта реализации трудового потенциала мужчин – более полное использование в работе своих физических возможностей и здоровья. Женщины же в большей мере берегут своё здоровье, но активнее реализуют творческий потенциал, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень. Лица старше 35 лет сильнее выкладываются на работе в физическом плане по сравнению со своими более молодыми коллегами. В отличие от них молодёжь более полно использует другие качественные характеристики.

Таким образом, и в количественном, и в качественном отношении трудовой потенциал Вологодской области за рассматриваемый период претерпел существенные изменения различного, преимущественно негативного, характера. Основными из них, как и в большинстве регионов России, являются: сокращение численности и доли лиц трудоспособного возраста; рост экономической нагрузки на трудоспособное население; снижение когнитивного и творческого потенциала. Как показывают результаты многолетних исследований ИСЭРТ РАН, одним из ключевых проблемных моментов, требующих особого внимания, является реализация трудового потенциала жителей сельских территорий, а также мужчин трудоспособного возраста.

Подводя итоги главы «Регион в социальном пространстве России», хотим отметить, что Вологодская область по своим социально-демографическим, этническим, историческим, культурно-ценностным и иным характеристикам представляет собой типичный субъект Российской Федерации, что позволяет на примере конкретного региона исследовать динамику и последствия трансформационных процессов, характерных для всего российского общества.

На сегодняшний день в научном сообществе разработаны методические подходы, позволяющие эффективно отслеживать динамику развития субъектов РФ, определять доминирующие факторы этого развития, ключевых акторов и наиболее актуальные проблемы. Результаты исследования показывают, что российские регионы имеют экономические и духовно-культурные резервы для роста. В реализации их потенциала всё большее значение приобретает фактор социальной освоенности территории, а также деятельности элит, средств массовой информации, институтов гражданского общества. В конечном итоге от уровня развития региона зависит качество человеческого потенциала, что является сегодня ключевым фактором не только развития, но и национальной безопасности.

Эти и другие результаты, выявленные в ходе исследования, требуют пристального внимания со стороны и научного сообщества, и органов власти. Но в данной монографии мы не преследуем цель сформулировать конкретные реко-

мендации для органов управления (для этого существуют другие формы). Наша цель – показать особенности российского общества на современном этапе и различные аспекты его трансформации за 20-летний период. С этой точки зрения хотим подытожить, что результаты многолетних исследований ИСЭРТ РАН, проводимых на территории Вологодской области, во многом созвучны тем данным, которые получают ведущие российские социологические центры на федеральном уровне. Трансформация российского общества, безусловно, имела место, и ее последствия еще долго будут определять дальнейший ход общественного развития. Но если до сих пор мы говорили о «внутренних» характеристиках социума, о его ценностях и демографической структуре, то нельзя обойти вниманием и то, что условно можно назвать «внешними» аспектами трансформации, подвергшимися не меньшим преобразованиям и оказывающим не меньшее влияние на жизнь людей. Речь идет об уровне и качестве жизни, о трансформации социальной структуры российского общества и о комплексе специфических характеристик, появившихся в нем, именно с этой точки зрения. Этим вопросам посвящена следующая глава нашей книги.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

3.1. СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

При реализации любой социально-экономической политики на первый план выходят проблемы, связанные с развитием всех социально-структурных процессов. Поэтому чрезвычайно актуальным становится исследование динамики взаимодействия различных социальных групп и слоев, становления их интересов, значимости различных аспектов социального неравенства между ними. Это связано, прежде всего, с изменениями в отношениях собственности, появлением новых форм в системе властных отношений, резкой дифференциацией в уровне доходов различных групп населения. Кроме того, весомыми становятся и такие факторы, как изменение структуры занятости населения, формирование новой поляризации различных видов труда – преимущественно ручного и научно-индустриального, а также его отраслевой специфики. Происходит радикальная трансформация экономического потенциала социальных групп: формируются класс собственников – крупных, средних, мелких – и класс наемных работников (первые составляют 6,3% из всех занятых в экономике, вторые – 93,7%)¹⁶³, основной экономический потенциал которых зависит от доходов работы по найму в государственном, смешанном или частном секторе. В то же время возрастает значение индивидуальной состоятельности в процессах социального продвижения людей к более высокому социальному статусу, формируются устойчивые связи, консолидирующие социальный потенциал общества.

Одним словом, налицо многомерное, иерархически организованное социальное пространство (социальная стратификация), в котором социальные слои, группы, классы и другие социальные элементы дифференцированы по степени обладания властью, собственностью, социальным статусом, имеют свою систему ценностных ориентаций, свои ролевые функции.

¹⁶³ Социальное положение и уровень жизни населения России / Росстат. – М., 2012. – С. 51.

Все это связано с такими всеобщими тенденциями, как глобализация мирового пространства, интеграция в сфере экономики, политики, образования, информации, с одной стороны, и регионализация – с другой.

Настоящий период в социально-экономической жизни России характеризуется качественными изменениями форм собственности: на смену прежде монолитной государственной собственности пришло разнообразие форм. Так, в 2013 году доминирующей формой собственности стала частная (60,4%) Затем, по убывающей – государственная и муниципальная (28,0%), смешанная российская (5,8%), совместная российско-иностранная (5,4%), собственность общественных и религиозных организаций (0,4%)¹⁶⁴.

Анализируя занятость населения по секторам экономики, выделим также неформальный сектор и население, занятое в нем. Последний рассматривается как совокупность производственных единиц – домашних хозяйств, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не являются самостоятельными юридическими единицами. Необходимо отметить специфическое воздействие этого института на формирующийся рынок труда и всю социально-трудовую сферу. Именно он существенно влияет на гибкость российского рынка труда. Миллионы работников заняты в этом секторе без контрактов, без гарантий заработной платы, без социальной защиты. Данный сектор очень быстро реагирует на рыночный спрос на товары и услуги. Поэтому российский рынок труда является значительно более гибким, чем можно было бы предположить на основе анализа официальных институтов, в том числе норм трудового права, реально соблюдаемых в полном объеме только на части предприятий формального сектора. Наиболее важная социально-экономическая функция неформального сектора состоит в том, что он амортизировал сокращение занятости в формальном секторе в 90-е годы, дав части россиян возможность заработать и смягчив тем самым социальное напряжение в обществе¹⁶⁵. В конце 2013 года в неформальном секторе было занято более

¹⁶⁴ Россия в цифрах. Краткий стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 95.

¹⁶⁵ Там же. – С. 68. Труд и занятость в России. 2013. – С. 61 (расчёт).

14,0 млн. человек. Этот сектор охватывает 19,7% общей численности занятого населения, среди городского населения – 15,9%, сельского – 32,4%¹⁶⁶.

Структура занятого населения по отраслям экономики характеризуется следующими тенденциями. В конце 2013 года в отраслях, производящих товары (промышленность, сельское и лесное хозяйство, транспорт и связь, строительство), на основной работе было занято 54,3% общей численности населения; в отраслях, производящих услуги, соответственно 45,7%. С 2007 года доля производящих услуги постепенно увеличивается. Сущность постиндустриальных рыночных сдвигов предполагает относительное и абсолютное уменьшение занятости в отраслях, производящих по преимуществу материально-вещную продукцию, равно как и рост доли работающих в отраслях информационного, научного, финансово-торгового, социально-культурного обслуживания и в управлении. И судя по опыту наиболее развитых стран, экономике, приближающейся к научно-индустриальному уровню, соответствует структура занятости, в которой на долю первичного сектора приходится менее 1/10 работников, вторичного – 1/3, третичного – от 3/5 до 2/3.

В современной России сокращение промышленной занятости становится результатом не только выталкивания из производства действительно избыточной рабочей силы, повышения производительности и интенсивности труда, закрытия отсталых и ненужных производств. Наряду с этими процессами нынешнее высвобождение работников происходит вследствие упадка и неприспособленности к рынку технически вполне развитых предприятий. Прогрессивный в целом перелив занятых в третичный сектор сочетается в ходе финансово-экономического и социально-политического кризиса с переливами не в отсталые, а зачастую наиболее развитые узлы индустриальной, а подчас и научно-индустриальной занятости. Стало явным торможение научно-технического прогресса, преимущественное внимание по-прежнему уделяется сырьевым отраслям, обеспечивающим валютные поступления от экспорта.

¹⁶⁶ Обследование населения по проблемам занятости / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2014. – С. 291.

Изменения в экономике страны в определенной степени трансформировали социально-профессиональную структуру занятого населения. Эти изменения привели к новым подвижкам в социальной структуре, к формированию новых групп и слоев в составе занятого населения. Социальная статистика предлагает довольно пространный перечень групп занятий (профессий), отражающих распределение занятого населения по функциональным особенностям труда (руководители-исполнители), по характеру и содержанию труда (умственный, физический, требующий высшей, средней квалификации, неквалифицированный). Приведенная ниже таблица показывает динамику распределения профессиональных групп, объединенных в блоки занятий, в общей численности занятых в экономике по месту основной работы в 2001, 2003, 2007, 2011 годах (табл. 3.1.1).

Таблица 3.1.1. Динамика распределения занятого населения по месту основной работы, %

Группы (блоки) занятий	2001	2003	2007	2011
Руководители (представители) предприятий органов власти и управления всех уровней	4,0	6,3	7,4	8,6
Специалисты высшего уровня квалификации	15,2	15,8	19,2	19,9
Специалисты среднего уровня квалификации	8,6	14,7	14,7	15,0
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учётом и некоторыми другими видами обслуживания	14,2	16,3	16,9	28,7
Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйства	5,6	4,8	3,5	3,5
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии	24,0	16,0	15,0	13,1
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, слесари-сборщики	14,0	13,9	12,0	13,1
Неквалифицированные рабочие	14,4	12,2	11,3	9,9
Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России / Росстат. – М., 2012. – С. 65-66 (расчёт).				

Указанные данные позволяют сделать следующие выводы. За последние 10 лет произошло резкое увеличение властного и административно-управленческого аппарата – в 1,85 раза; это самый значительный рост данной социальной группы. Определенные количественные изменения претерпели специалисты высшей и средней квалификации. Что касается квалифицированных рабо-

чих, то среди них категория занятых в сельском хозяйстве растет, а занятых в промышленном производстве – падает.

Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление. Еще продолжают некоторые изменения в отношениях собственности, распределения, общественной организации труда, в тенденциях и направлениях социальной мобильности. Трансформационные процессы привели к возникновению новых социальных общностей, их взаимосвязей, иерархии.

Одним словом, формируется новый ландшафт социальной структуры. Речь идет о таком принципиальном направлении, как образование ее срединного среза – формирование среднего класса, средних слоев. Надо отметить, что этот процесс пронизывает все общество, включая в состав группы собственников, занятых как в частных, так и в коллективных и государственных формах собственности, и значительную часть наемных работников.

Трансформационные процессы в стране привели не просто к радикальным изменениям в формах собственности и в системе хозяйствования, они обусловили институциональные «подвижки» в сфере труда, появление новых видов занятости, изменили мотивационные характеристики трудовой занятости, т.е. сформировали особые *модели социально-трудового поведения*¹⁶⁷.

В качестве субъектов трудового поведения были выделены следующие группы: рабочие, специалисты, руководители и предприниматели. Это позволило:

1. Проанализировать тенденции поведенческих аспектов лиц, занятых в различных секторах экономики, показать, каким образом тип собственности изменяет (или не изменяет) качество трудовых отношений.

¹⁶⁷ Далее использованы данные исследования, проведенного в Краснодарском крае в 2008 году. Выборка квотно-стратифицированная, многоступенчатая. Общий объем – 585 единиц.

2. Подчеркнуть особую роль управленческого аппарата в самых различных параметрах трудовой занятости, главным образом в организации и функционировании производственного коллектива.

3. Проследить формирование блока поведенческих и жизненных ориентаций наиболее массовых групп исполнителей (рабочих и специалистов). Таков в целом пространственный фон трудовой деятельности базовых социальных субъектов любой общественной организации.

Прежде всего мы попытались выяснить, какое место в жизни человека занимает работа вообще, ибо в этом контексте – контексте трудового поведения – реализуется не только экономическая функция, но и его социальное самоощущение. В силу целого ряда объективных и субъективных причин у респондентов начинает доминировать оценка своей работы или с точки зрения ее значимости как абсолютной ценности, или в сугубо прикладном плане как источника средств существования, или как необходимой формы общечеловеческого общения. Иначе говоря, такую оценку диктуют те жизненные ориентиры, которые становятся для них реальной необходимостью.

С этой целью мы эмпирически зафиксировали представления работников различного социального статуса о значении работы в их жизни. Выделим среди них основные:

1. Работа как универсальная ценность: «Она важна сама по себе, независимо от оплаты».

2. Работа как антиценность (полное отрицание ее значимости): «Это неприятная обязанность; если бы мог, то вообще бы не работал».

3. Работа как способ адекватной и необходимой материальной компенсации, источник получения средств существования.

4. Работа как фактор поддержания устойчивых связей с социальной средой (социальная ценность).

5. Работа как ресурсная ценность: возможность проявить себя, осуществить свои планы.

Результаты исследования говорят о следующем:

1. Доминирующим признаком, который определяет значение работы в жизни представителей всех социальных групп, является ее материальный ресурс. Это и очевидно, ибо процесс труда, как процесс затраты и профессиональных способностей, и физических усилий, и нервно-психологических, неизбежно требует различного вида компенсаций. В этом случае работа представляется как ценность материальная. Что касается других форм – социальной, ресурсной, то здесь прослеживаются определенные групповые различия. Если для рабочих и социальная ценность работы, и ресурсная занимают последние рейтинговые места, то, например, для предпринимателей эти ценности принципиальны; руководители особо отмечают важность социального продвижения по службе, возможность самореализации. Удивительно, что специалисты (впрочем, так же, как и рабочие), то есть занятые исполнительским трудом, не очень-то стремятся к тому, чтобы их работа соответствовала принципам коллективизма, таким параметрам, которые способствуют общению с коллегами по работе. Вероятно, это можно объяснить тем, что именно эта сфера их трудовой деятельности и так достаточно интенсивна, значит, не требует к себе особого внимания.

2. Принципиальным в этом ранжировании ценностей является отнесение работы к естественному состоянию человека: «Работа важна сама по себе». Это признано представителями всех анализируемых нами групп. Она занимает второе место в иерархии ценностей. Именно поэтому принцип работы как антиценности фактически занял одно из самых последних мест.

Но одно дело понимать, какие факторы лежат в основе самой высокой оценочной степени, с другой – реально решать для себя, удовлетворен человек работой или нет. Поскольку удовлетворенность – достаточно широкое понятие, включающее в себя значительную совокупность слагаемых, характеризующих те или иные стороны трудовой деятельности, выделим и определим их в отдельности. Респондентам было предложено ответить на следующие вопросы: удовлетворены ли они существующими возможностями повышения квалифи-

кации, возможностями повышения в должности, возможностями повышения оклада. Оказалось, что, если для повышения квалификации возможность фактически у всех групп имеется, то в повышении в должности, и особенно в повышении оклада, имеются существенные различия. Наиболее уязвимой группой здесь выступают специалисты. По их мнению, эти возможности не велики даже по сравнению с рабочими. Что касается корпуса руководителей, то здесь картина иная. И возможность карьерного продвижения, и улучшения финансового положения (повышение оклада) у них в значительной степени присутствуют. Примерно на таких же позициях находятся и предприниматели. Для них также нынешняя ситуация благополучна. И что бы мы ни говорили о новых требованиях рыночной экономики, о необходимости изменения профессиональной активности и жизненных ориентиров, о модификации адаптивных форм трудовой мотивации, значительная часть людей, участвующих в управлении, в силу пересечения многих и объективных, и субъективных параметров сумела эффективно «перестроиться», приспособиться к действительно кардинально изменившимся социально-экономическим и социально-политическим условиям бытия.

Далее перейдем к рассмотрению широкого круга проблем, связанных с включением работников в производственную организацию, где формируется совокупность поведенческих аспектов жизнедеятельности, акцентируется отношение человека непосредственно к труду, его профессиональным интересам и социально-организационным аспектам взаимодействия. Речь идет о различных видах производственного поведения, выделенных нами, таких как профессиональное поведение, трудовое поведение и социально-организационное поведение.

Профессиональное поведение в настоящем контексте определяется на основе эмпирического анализа, связанного, прежде всего, с уровнем полученного профессионального образования и квалификационной подготовкой, а также их функциональностью или дисфункциональностью. Сразу следует отметить, что уровень профессионального образования у всех опрошенных достаточно высок.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди рабочих высшее образование имеют 38,7%, среди остальных статусных групп эта доля еще выше. Среди предпринимателей, специалистов, руководителей она составляет соответственно: 47,6; 68,3; 77,2 %. В то же время работают по специальности, приобретенной во время учебы, 48,3% рабочих, 40,0% предпринимателей, 57,8% специалистов, 58,6% руководителей. А считают, что полученная квалификация соответствует требованиям выполняемой работы, соответственно 55,1; 44; 58,9; 68,2 %.

Таким образом, если мы говорим о субъекте профессионального поведения, можно выделить два его взаимосвязанных уровня. С одной стороны, уровень приобретения определенных профессиональных качеств, то есть совокупность услуг, оказанных таким социальным институтом, как институт образования. С другой – уровень применения этих услуг рынком труда, который, в свою очередь, определяет их востребованность/невостребованность. В данном случае прослеживается определенное несоответствие рынка образовательных услуг и потребностей рынка труда. Причем это касается представителей всех анализируемых нами социальных статусов: наемных работников и собственников, руководителей и исполнителей. В большей или меньшей степени, но всех.

Вместе с тем удельный вес удовлетворенных своей профессией достаточно высок. Среди рабочих – примерно половина, среди специалистов – 63,1%, среди руководителей – 84,5%, среди предпринимателей – 64%. Если предыдущий тезис свидетельствовал о неизбежных противоречиях, существующих между институтом образования и рыночным институтом, то настоящий – о функционировании социального механизма адаптации работников к резко изменившимся социально-экономическим реалиям. Более-менее активно происходит стабилизация не только внешних факторов общественного развития, но и внутренних потенциалов субъектов занятого населения. И дело не только в том, что работники зачастую соглашаются на любой труд, даже если он не всегда и не во всем соответствует их квалификационным характеристикам. Речь, по нашему мнению, идет о более глубинных процессах. Происходит как бы переоценка ценностей по отношению к своей работе и с точки зрения ее оплаты, и с точки зрения

перспективности и важности. Безусловно, эти процессы достаточно специфичны применительно к отдельным социальным группам.

Трудовое поведение анализируется в следующих координатах: устойчивость социально-трудового положения, наличие или отсутствие дополнительной занятости, основные направления потенциальной трудовой мобильности.

Следует подчеркнуть, что устойчивость трудового положения работников среди опрошенных достаточно высока. Так, среди рабочих работу менять не собираются 43%, среди специалистов – около 60%, среди предпринимателей – около 70% и среди руководителей – почти 80%. Это также свидетельствует о том, что потенциальная трудовая мобильность у предпринимателей и руководителей значительно меньше, чем у рабочих и специалистов. Этому способствует, как мы отмечали выше, и относительно приемлемый уровень заработной платы, для тех и других в целом удовлетворенность трудовыми позициями. Фактически субъектами трудовых перемещений являются представители из групп рабочих и специалистов.

Выделим факторы, которые лежат в основе возможных перемещений представителей различных статусов. Первый и самый существенный фактор – доход, об этом заявила почти половина опрошенных рабочих и специалистов; для руководителей и предпринимателей этот фактор является единственным. Второй фактор, который касается рабочих и специалистов, связан с изменениями характера трудовой деятельности: для рабочих сменить физически тяжелую работу на более легкую и для специалистов – сменить ответственную и нервную работу на более спокойную. Любопытно отметить, что наличие очень ответственной работы совершенно не смущает ни предпринимателей, ни руководителей. Эта позиция здесь не получила количественного выражения. Третий фактор может быть условно назван фактором инновационного (или ресурсного) потенциала. Отметившие его хотят попробовать силы в новом деле. Если учесть, что доля таких среди специалистов составила почти 15,0%, среди предпринимателей 16,7%, то можно предположить, что именно эти группы чувствуют необходимость изменения объективного положения. Первые – в силу

явной образованности и профессиональной подготовки, вторые – в силу реализации трудового опыта предпринимательской деятельности.

Куда направляются потоки потенциальной трудовой мобильности? Для рабочих мобильность связана исключительно с переходом на другое предприятие; 1/5 специалистов попытаются открыть собственное дело или перейти на частное предприятие; 4/5 – перейти на другое государственное предприятие. Спектр перехода у предпринимателей и руководителей более многообразен: и совместное (с иностранным капиталом) предприятие, и открытие самостоятельного дела, и переход на частное предприятие. Единственно, что их не привлекает, – другое государственное предприятие.

Таким образом, если госсектор привлекателен для рабочих и специалистов, то группы, занятые работой, обеспечивающей более существенный материальный достаток, и в целом находящиеся на взлете рыночной востребованности, ориентированы не на госсектор, а на другие рыночные структуры, способные предложить более высокооплачиваемую должность.

Что касается *социального поведения*, то оно определяется параметром: «Принимаете ли Вы участие в подготовке или принятии решений у себя на предприятии по вопросам разработки производственных планов, улучшения условий труда, распределения прибыли и т.п.?» В результате анализа можно сделать единственный вывод. В основном это относится к предпринимателям и руководителям (76 и 91,4 %), остальные категории – рабочие и специалисты – задействованы в этих процессах достаточно слабо.

Производственная занятость населения, различные виды поведения в этой сфере находятся в переплетении сложных социальных связей. Как правило, эти взаимоотношения являются планируемыми, вызванными неудовлетворенностью работника своим положением в трудовом пространстве. Следствие этого – стремление искать другое, более подходящее для себя рабочее место. Выше мы останавливались на формах и направлениях планируемых социальных трудовых перемещений, но существует и такой вид, который связан с вынужденной трудовой мобильностью. Речь идет о таком сложнейшем и существенном явле-

нии социально-экономической жизни занятого населения, каким является безработица. По данным исследования, почти половина опрошенных побывали в течение своей трудовой жизни безработными. Безработными были и предприниматели (кстати, доля этой категории самая значительная – 64,0%), и занятые в госсекторе (среди рабочих – 62,6%, среди специалистов – 37,8%, среди руководителей – 25,9%). Подобные статистические показатели вполне закономерны, ибо рынок труда в настоящее время сформирован той рабочей силой, которая в недалеком прошлом была включена в единый государственный сектор экономики. Поэтому подобное положение, на наш взгляд, идет именно оттуда.

Изменилась ли ситуация за последние годы? Об этом свидетельствует отношение опрошенных к возможной перспективной безработице. Сразу надо отметить, что почти половина респондентов оценила такую возможность отрицательно. Самая большая доля данной категории среди предпринимателей – 8,0%, меньшая среди руководителей – 3,4%. Приведенные данные говорят о том, что, во-первых, происходит явная стабилизация рынка труда (речь идет о данном региональном пространстве), формируются рабочие места, которые с точки зрения занятого населения достаточно устойчивы. Во-вторых, ситуация в частном секторе экономики менее благоприятна, несмотря на значительные факторы, которые на первый взгляд выгодно отличают занятых здесь работников. Трудовая занятость здесь не кажется работникам достаточно надежной, и возможность оказаться безработным в ближайшем будущем является хотя и не слишком существенной, но тем не менее большей, чем на государственных предприятиях. Это в полной мере подтвердил кризис, начавшийся в 2008 году.

Какую именно работу будут искать респонденты в случае безработицы? Сразу надо отметить, что у всех опрошенных доминирует фактор профессиональной ориентации. Будут искать работу по той же профессии, специальности до 40,0%. Это максимальное значение, и характеризует оно специалистов. Несколько меньшая доля – 33,0% – среди рабочих и предпринимателей, среди руководителей эта доля составляет 24,0%. Существенна и доля тех, кто предполагает искать более квалифицированную работу. Высокий уровень оплаты в дан-

ном случае достаточно привлекателен, но не предпочтителен. Еще раз подчеркнем: потенциал социальной мобильности в настоящее время достаточно значителен и не предполагает нисходящих трудовых перемещений. И это – существенный фактор в системе формирования стабильного общества. На социальную сцену вышли и упрочились социальные группы, ориентированные на труд, качество которого гарантирует им реализацию жизненного потенциала.

Таким образом, в настоящем параграфе мы представили наиболее значимые результаты научного исследования в развитии структурных отношений современного российского общества. Безусловно, те данные, которые приведены, и их анализ достаточно исторически конкретны. Тем не менее это именно те процессы, которые происходят в экономической, социально-политической, социально-производственной сферах жизнедеятельности, территориальных системах общественного развития. На первый взгляд доминирующим началом является социальная дифференциация, связанная с объективными изменениями в указанных областях. С другой стороны, именно эта дифференциация приводит и реально привела к интеграции новых социальных классов, групп и слоев, их взаимопроникновению и иерархии. В этом же ряду мы наблюдаем возникновение таких социальных статусов, как профессиональные, территориальные, доходные и т.д. Они и являются фундаментальной основой целостной социальной системы, которая трансформируется под влиянием именно этих векторов, внутренних движущих сил.

С определенностью можно утверждать, что в российском обществе активизируются внутренние механизмы структурообразования, связанные с кристаллизацией фактически новой социальной структуры. Развитие этой системы непосредственно зависит от политического выбора действующей власти. Именно она призвана создавать условия и возможности гражданам зарабатывать средства для удовлетворения своих потребностей; именно от нее зависит обеспечение рациональной занятости населения, рост его денежных доходов, в целом уровень и качество жизни, о которых мы более подробно поговорим в следующих главах монографии.

3.2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ: РАСТУЩЕЕ НЕРАВЕНСТВО

Период с конца XX по начало XXI века для России ознаменовался существенными изменениями в материальном положении и социальном расслоении населения. Социально-экономические реформы последнего десятилетия XX века привели к глубокому падению уровня и качества жизни основной части россиян, появлению массовой бедности населения (даже в 2013 г. в некоторых южных и дальневосточных регионах страны уровень бедности достигал 25–30%¹⁶⁸), кардинальным преобразованиям в социальной структуре российского общества, усилили проявления социальной атомизации. Однако с начала 2000-х гг. наметились позитивные изменения в области повышения благосостояния населения страны. Об этом говорит не только рост доходов (почти в 3 раза в реальном выражении за 2000–2013 гг.), но и субъективные суждения граждан касательно отнесения себя к более обеспеченным группам и повышения общего социального самочувствия¹⁶⁹.

К сожалению, этот процесс имел и обратную сторону – нарастающий уровень социально-экономического неравенства, приобретший за последние несколько лет застойный характер.

Что такое социальное неравенство? В принципе это неотъемлемый аспект жизнедеятельности любого общества. Социальная дифференциация и процессы стратификации формируют иерархическую структуру социума, которую обычно наглядно представляют в виде пирамиды, состоящей из групп с более высокими статусами на вершине и более низкими статусами у основания¹⁷⁰. Объективные причины социального неравенства кроются в различных условиях до-

¹⁶⁸ Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.

¹⁶⁹ См.: Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в мировом стандарте потребления // Мир России. – 2013. – № 3. – С. 3-34; Жеребин В.М., Романов А.Н. Уровень жизни населения: основные категории, характеристики и методы оценки. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 592 с.; Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. кол. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ВШЭ, 2011. – 86 с.; Шабунова, А.А., Россошанский А.И. Уровень жизни населения как индикатор модернизационных процессов // В мире научных открытий. – 2013. – № 12.1 (48). – С. 127-150; Сравнительный анализ доверия в различных странах / Сакаки М., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Воронов В.В. // Социологические исследования. – 2013. – № 3. – С. 60-67.

¹⁷⁰ Соловьева Т.С., Шабунова А.А. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4 (34). – С. 113-129.

ступа индивидов к ограниченным материальным и духовным благам. Следствием этого выступают различия в человеческом потенциале людей и их вкладе в общественное развитие, неравные возможности удовлетворения потребностей и неравные шансы для самореализации и развития. Структурным оформлением такой дифференциации становятся разнообразные классы и социальные группы, которые в иерархически организованном виде складываются в социальную стратификацию общества, которая помимо материального благополучия учитывает и многие другие факторы (положение на работе, уровень образования, имущественную обеспеченность, престиж и т.д.).

Существует достаточно большое количество разнообразных методов изучения социальной стратификации (построение объективных и субъективных индексов социальных позиций, самооценка положения в общественной иерархии и т.д.). В Институте социально-экономического развития территорий для этих целей используется комплекс специальных мониторингов общественного мнения и регулярных социологических опросов, которые позволяют определить стратификационную структуру населения Вологодской области¹⁷¹.

Итак, растущее неравенство – одна из характеристик и проблем современного российского общества, один из наиболее трагичных результатов произошедшей в нем трансформации. Наблюдаемое в России с начала 2000-х гг. увеличение реальных доходов населения, прирост «популяции» сверхбогатых россиян, мягко говоря, не способствовали благоденствию российского общества в целом. Более того, на фоне обозначенных тенденций разрыв в уровне доходов не только не сокращался, но в ряде случаев продолжал расти, достигая иногда критических отметок¹⁷².

¹⁷¹ Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения регионов СЗФО, осуществляемый ИСЭРТ РАН начиная с 2005 г. 1–2 раза в год. Общий разовый объем выборочной совокупности составляет 6 тыс. человек; Социологический опрос по проблемам уровня жизни, бедности и неравенства – «Социальная дифференциация населения». Опросы проводились в 2007, 2008, 2010, 2011 и 2013 годах. В 2014 году запущен обновленный опрос «Качество жизни». Общий объем выборочной совокупности составляет 1500 человек в год; Мониторинг общественного мнения населения Вологодской области, который осуществляется ИСЭРТ РАН с 1996 года. Периодичность опроса – 1 раз в два месяца. Объем выборки – 1500 человек (объем выборки в год составляет, следовательно, 9 тыс. человек).

¹⁷² Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. – 2010. – № 1. – С. 24-47; Россошанский А.И. К вопросу о региональной дифференциации качества жизни населения // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 88-99.

Поэтому проблема социального неравенства как минимум не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем низкий уровень благосостояния, беспокоит современное российское общество. Не низкий уровень доходов, а их неравномерное распределение выступает сегодня фундаментом социальной напряженности и потребности в социальной справедливости.

Если в непринужденной беседе у среднестатистического россиянина, обладающего не самым высоким уровнем дохода, спросить, что бы он мог сказать о своем материальном положении, то первое, что он ответит, – «не хватает зарплаты», «нет возможности купить те или иные вещи или куда-нибудь съездить». Во-вторых, практически всегда он сделает «кивок» в сторону других людей, которые «в то же самое время», «практически ни за что» получают огромные суммы и тратят их самым «экзотическим» способом. А в-третьих, он вспомнит о том, что «раньше такого не было», что «раньше было все по-другому», что «даже несмотря на отсутствие продуктов в магазинах, нам как-то на всё хватало, мы были довольны и никто не ворочал миллионами у нас за спиной».

Мы хотим сказать, что обе эти проблемы (социального неравенства и низкого уровня материального благосостояния) всегда идут рука об руку и до сих пор остаются самыми актуальными в нашей стране, вызывая наибольшую обеспокоенность среди людей. Это отмечается и на региональном, и на общероссийском уровнях. Так, по данным ИСПИ РАН, к числу наиболее острых проблем современности жители страны относят: дороговизну жизни (в 2013 году доля респондентов, отмечающих данную проблему, составила 48% от числа опрошенных), произвол чиновников (37%), рост цен (на тарифы услуг ЖКХ – 42%, на продукты питания – 29%), а также разделение общества на «богатых» и «бедных»¹⁷³ (27%). На уровне Вологодской области значение данных аспектов жизни не менее весомое. Ключевые позиции для жителей региона занимают такие проблемы, как рост цен (57%), низкий уровень жизни и бедность (42%), расслоение общества на «богатых» и «бедных» (37%; *табл. 3.2.1*). На фоне этих цифр степень актуальности для людей таких проблем, как экономическая и по-

¹⁷³ Данные Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

литическая нестабильность, выглядит весьма скромно (19%). Почему? Потому что бедность и неравенство – это то, с чем они сталкиваются ежедневно, в своей реальной, бытовой жизни.

Таблица 3.2.1. **Проблемы современной жизни, тревожащие жителей Вологодской области*** (% от числа опрошенных)

Варианты ответа	2000	2005	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014
1. Инфляция	44,7	43,2	43,8	56,3	51,7	56,0	55,3	57,7	57,1
2. Низкий уровень жизни, бедность	50,8	29,3	40,4	41,4	48,4	49,4	43,2	44,5	42,1
3. Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	27,7	30,6	31,0	31,4	34,5	36,2	37,5	37,9	36,6
4. Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	16,8	22,6	31,8	36,3	24,9	24,8	28,6	30,6	28,6
5. Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)**	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	16,3	19,0	25,3	25,2	23,1
6. Социальная незащищенность граждан	34,4	25,9	26,7	24,8	22,5	23,1	22,3	21,6	22,9
7. Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства и т.д.	36,9	33,0	30,2	28,4	28,3	29,3	25,5	25,0	21,2
8. Рост алкоголизма	22,2	36,6	30,9	26,5	31,7	27,1	27,3	24,1	18,7
9. Экономическая нестабильность, остановка предприятий	29,1	17,4	14,5	16,9	20,3	19,2	16,5	15,5	18,7
10. Политическая нестабильность	16,0	8,9	7,9	7,8	6,5	8,8	11,2	8,6	15,6

* Представлен список из 10 проблем в порядке убывания по результатам 2014 г.
 ** Вопрос задается с 2010 г.
 Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Повышение среднедушевых денежных доходов при неизменном росте неравномерности их распределения среди населения – общероссийская тенденция, складывающаяся на протяжении уже более десяти лет. Согласно данным официальной статистики реальные денежные доходы населения Вологодской области за период с 2000 по 2013 г. выросли в 2,8 раза (рис. 3.2.1).

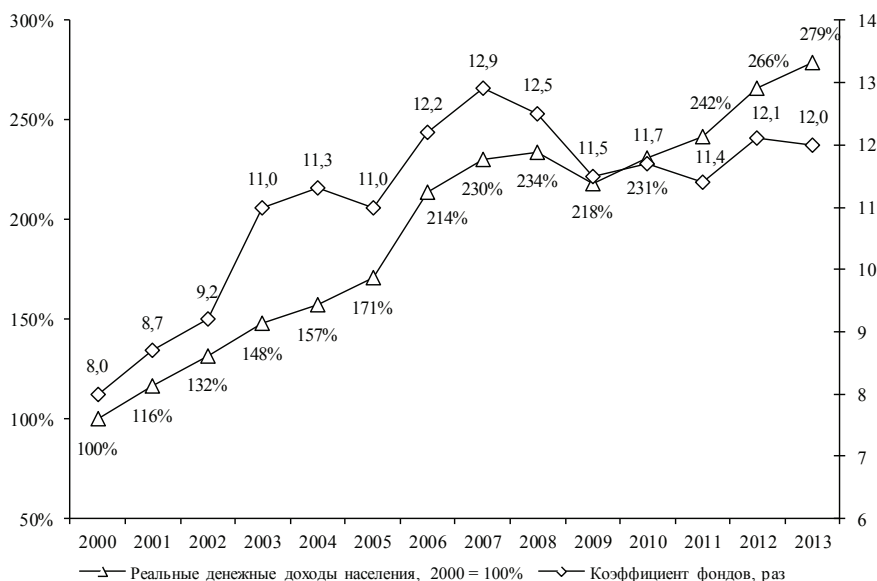

Рис. 3.2.1. **Динамика реальных денежных доходов и коэффициента фондов в Вологодской области, 2000–2013 гг.**

Источник: Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2014. – 375 с.

При этом коэффициент фондов, определяемый как соотношение средних доходов 10% наиболее обеспеченной части населения и средних доходов 10% наименее обеспеченной части, в 2000 г. составил 8 раз, в 2013 г. – 12 раз.

Остается только добавить, что, как замечают многие ведущие эксперты, при достижении коэффициентом фондов значения 10 раз и более в обществе проявляются условия для социальных беспорядков и волнений¹⁷⁴. Для сравнения: в развитых странах Европы значения данного показателя составляют 5–6 раз (Германия, Швеция, Финляндия¹⁷⁵). Исключением из правила выступают лишь США, где значение коэффициента находится на уровне 15–16 раз¹⁷⁶.

Достаточно сильное снижение вариативности значений коэффициентов неравенства по регионам России сопровождалось их повсеместным увеличением. К 2013 году уже не осталось ни одного региона, где децильный коэффициент фондов был бы ниже 10 раз, хотя ещё в 2000 г. их насчитывалось более 50. Исключение составляет только г. Москва, где зафиксировано существенное уменьшение величины показателя. Но даже после почти 35%-ного сокращения коэффициента фондов его значение в столице по-прежнему самое высокое среди российских регионов¹⁷⁷.

Наглядно отображает существующие диспропорции распределение населения по квинтильным доходным группам. Представленные в *табл. 3.2.2* расчеты показывают, что улучшение социально-экономического положения Вологодской области в 2000–2007 гг. и последующий период в наибольшей степени повлияло на доходы наиболее обеспеченной части населения. Материальное положение низкодоходных групп (20% населения с наименьшими денежными доходами) как в области, так и в России в целом изменилось не столь заметно –

¹⁷⁴ Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. – 2014. – №7. – С. 20-31.

¹⁷⁵ Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 327 с.

¹⁷⁶ Данные сайта ОЭСР. – Реж. дост.: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/oecd-social-and-welfare-statistics_socwel-data-en

¹⁷⁷ Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 693 с.

уровень их доходов не превышал величины прожиточного минимума (их среднедушевые денежные доходы в 2013 году составили 85% от величины прожиточного минимума).

Таблица 3.2.2. Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума по 20% группам населения, 2000–2013 гг.

Группа населения*	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 г. к 2000 г., раз
Российская Федерация										
Первая (нижняя)	0,56	0,72	0,83	0,83	0,85	0,87	0,85	0,93	0,91	1,64
Вторая	0,98	1,35	1,60	1,59	1,61	1,63	1,62	1,75	1,74	1,77
Третья	1,42	2,02	2,41	2,39	2,43	2,47	2,43	2,66	2,62	1,84
Четвертая	2,06	3,04	3,67	3,64	3,69	3,75	3,69	4,01	3,95	1,91
Пятая (верхняя)	4,40	6,26	7,79	7,73	7,82	7,95	7,73	8,49	8,34	1,89
Вологодская область										
Первая (нижняя)	0,77	0,74	0,80	0,78	0,73	0,77	0,75	0,85	0,85	1,10
Вторая	1,27	1,28	1,45	1,41	1,30	1,35	1,34	1,50	1,52	1,20
Третья	1,71	1,83	2,11	2,03	1,86	1,94	1,91	2,16	2,18	1,27
Четвертая	2,32	2,61	3,10	2,96	2,66	2,79	2,75	3,13	3,16	1,36
Пятая (верхняя)	3,99	4,90	6,08	5,76	5,07	5,34	5,19	6,02	6,08	1,53

* Каждая доходная группа составляет 20% общей численности населения: первая – 20% наименее обеспеченных, ... , пятая – 20% наиболее обеспеченных.
Источники: расчеты автора; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 693 с.

Таблица 3.2.3. Структура потребительских расходов домашних хозяйств Вологодской области с различным уровнем дохода*, %

Потребительские расходы	I		II		III		IV		V	
	2000	2013	2000	2013	2000	2013	2000	2013	2000	2013
Расходы на покупку продуктов питания	68,6	45,1	65,2	43,2	61,5	43,6	60,3	42,8	59,6	40,4
Расходы на покупку алкогольных напитков	1,6	1,3	1,7	1,0	3,1	0,9	3,5	1,8	3,1	2,2
Расходы на покупку непрод. товаров	19,0	23,5	23,4	28,5	23,3	28,2	23,4	27,5	26,2	29,8
Расходы на оплату услуг	10,8	30,1	9,7	27,3	12,1	27,3	12,8	27,9	11,1	27,6
Потребительские расходы	VI		VII		VIII		IX		X	
	2000	2013	2000	2013	2000	2013	2000	2013	2000	2013
Расходы на покупку продуктов питания	56,9	39,0	52,9	36,5	50,8	33,0	50,6	33,1	36,0	32,6
Расходы на покупку алкогольных напитков	2,9	1,8	2,6	1,9	4,0	2,0	4,3	3,0	3,3	2,0
Расходы на покупку непрод. товаров	27,7	31,0	31,8	35,5	33,6	37,8	31,4	38,6	50,2	41,7
Расходы на оплату услуг	12,5	28,2	12,7	26,1	11,6	27,2	13,7	25,3	10,5	23,7

* Каждая доходная группа составляет 10% общей численности населения: I – 10% наименее обеспеченных, ..., X – 10% наиболее обеспеченных.
Источник: Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах Вологодской области: стат. бюлл. / Вологдастат. – Вологда, 2001–2014.

В то же время в развитых странах мира предельно критическое значение соотношения душевых доходов и минимального уровня потребления (в нашем случае прожиточного минимума) составляет 3,5 раза¹⁷⁸. В Вологодской области

¹⁷⁸ Глазьев С.Ю., Локозов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4. – С. 22-41.

это соответствует лишь уровню доходов четвертой и пятой доходных групп, в которые входит 20% населения страны. Следовательно, потребление более 80% жителей области находится за пределами критической нормы.

Существующие диспропорции в уровне доходов различных слоёв населения по большей части сказались и на структуре потребления. За более чем десятилетний период структура потребительских расходов претерпела положительные изменения (*табл. 3.2.3*). Но, несмотря на постепенное смещение акцента потребительских расходов в сторону покупки непродовольственных товаров и оплаты услуг, доля расходов населения на приобретение продуктов питания оставалась ощутимой (особенно это характерно для наименее обеспеченных групп населения – более чем 40% в общем объеме расходов). В то же время опережающий рост цен на продукты питания и платные услуги, являющиеся базовой составляющей потребительских расходов наименее обеспеченных слоёв населения, привел к относительному снижению покупательной способности их доходов по сравнению с доходами наиболее обеспеченных.

Результаты социологических исследований подтверждают данные официальной статистики (*табл. 3.2.4*). В общей динамике происходит повышение удельного веса положительных оценок качества питания и снижение доли людей, характеризующих своё питание как однообразное. Суммарный удельный вес отрицательных характеристик («семья недоедает» и «питание крайне однообразное») сократился с 26% в 2007 г. до 20% в 2014 г., увеличилось количество положительных оценок питания (с 74 до 79 %).

Прослеживается определенная закономерность: чем выше уровень доходов, тем разнообразнее и качественнее питание. Среди 20% наименее обеспеченной части населения преобладают удовлетворительные оценки качества питания (56% по данным 2014 г.) и велика доля тех, кто оценивает его как однообразное (26%), в то время как представители высокодоходного квинтиля характеризуют питание как хорошее (64%) и очень хорошее (8%).

Таблица 3.2.4. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили качество питания Вашей семьи?» (в % от общего числа опрошенных*)

Вариант ответа	Население в целом (по годам)						Группы населения по доходу, 2014 г.				
	2007	2008	2010	2011	2013	2014	1	2	3	4	5
Семья недоедает	3,2	1,7	1,3	0,7	0,7	1,4	2,9	1,8	1,1	0,7	0,0
Не голодаем, но питание крайне однообразное	22,3	21,7	18,6	13,9	12,9	18,5	26,0	23,1	20,6	16,6	5,1
Удовлетворительное	38,3	37,7	34,7	37,9	40,1	43,0	55,6	53,1	45,1	40,4	23,1
Хорошее	30,6	34,1	36,3	35,9	37,0	32,5	13,0	18,4	29,6	40,1	63,5
Очень хорошее	4,7	4,5	4,9	6,8	4,4	2,7	0,4	1,8	0,7	1,1	8,3
Затрудняюсь ответить	0,9	0,3	4,2	4,4	5,0	1,9	2,2	1,8	2,9	1,1	0,0

* Каждая доходная группа составляет 20% общей численности населения: I – 20% наименее обеспеченных, ... , V – 20% наиболее обеспеченных.
Источники: Социологический опрос «Социальная дифференциация населения» / ИСЭРТ РАН, 2007–2013.; социологический опрос «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН, 2014 год.

Следует отметить и то, что наиболее обеспеченные слои населения тратят в денежном выражении на продукты питания гораздо больше, чем наименее обеспеченные, что находит отражение в существенных различиях в суточном потреблении белков, жиров и углеводов, в источниках их происхождения (животного или растительного) и энергетической ценности рациона полярных доходных групп. Данные различия подробно представлены в *таблице 3.2.5.*

Таблица 3.2.5. Состав пищевых веществ и калорийность потребленных продуктов питания на одного члена домохозяйства в разрезе 10% доходных групп*, 2013 г.

Показатель	Все домохозяйства	Домохозяйства по 10% группам населения									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Белки, г	80	57	63	71	79	82	82	85	89	99	85
в т.ч. в продуктах животного происхождения	51	32	37	44	51	53	54	55	59	66	57
Жиры, г	115	75	88	102	115	115	119	126	130	151	122
в т.ч. в продуктах животного происхождения	70	42	51	61	69	72	77	77	82	93	76
Углеводы, г	364	318	322	341	356	357	365	393	398	425	355
в т.ч. в продуктах животного происхождения	18	13	15	15	18	18	20	21	22	20	18
Килокалории – всего	2823	2183	2341	2579	2786	2803	2872	3057	3133	3466	2865
в т.ч. в продуктах животного происхождения	914	554	667	782	894	935	991	999	1065	1184	993

* Каждая доходная группа составляет 10% общей численности населения: I – 10% наименее обеспеченных, ... , X – 10% наиболее обеспеченных.
Источник: Потребление продуктов питания по социально-экономическим группам населения Вологодской области в 2013 году (по материалам бюджетного обследования домохозяйств) : стат. бюл. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 36 с.

При рассмотрении структуры потребления с точки зрения пищевого состава продуктов видна её явная несбалансированность в зависимости от уровня доходов. Так, по состоянию на 2013 год потребление белка не соответствовало фи-

физиологическим потребностям (от 65 до 117 граммов¹⁷⁹) для первых двух доходных групп населения. Одновременно с этим завышенной остаётся доля углеводов, превышающая норму, составляющую 50–60% от энергетической суточной потребности для большей части населения. Важность данного аспекта потребления закреплена в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации¹⁸⁰, причём поддержка нуждающихся слоев населения, не имеющих достаточных средств для организации здорового и полноценного питания, выступает одним из механизмов снижения уровня бедности.

Преобладающая часть жителей области (57% в 2010 г., 52% в 2014 г.) ограничивается приобретением только самых необходимых продуктов; ещё треть населения региона в состоянии осуществить покупку большинства товаров, кроме самых дорогостоящих (26 и 31% соответственно). Логично, что продуктовый ассортимент, который могут себе позволить представители нижнего квинтиля, менее разнообразен, чем в группе с наибольшими доходами: 64% представителей группы «20% наименее обеспеченных» приобретают только самые необходимые продукты, в то время как в полярной группе только половина (50%) может позволить себе приобретение любых продуктов, кроме самых дорогостоящих, а 25% совершенно не ограничены в выборе¹⁸¹.

Несколько лет назад оценки возможных изменений в расходах на питание в случае увеличения семейного дохода были неоднозначными. Примерно одинаковое число респондентов в данной ситуации намеревалось увеличить количество приобретаемых продуктов (28% в 2007 г.), улучшить их качество (31%) или не изменять сложившейся структуры потребления (30%). В настоящее время четко прослеживается стремление к увеличению качества потребляемых продуктов питания: в 2014 году данный вариант выбрало 40% респондентов, тогда как увеличили бы количество продуктов питания 20%, не стали бы вносить никаких изменений 24% опрошенных. Это наглядно подтверждает то, что с ростом уровня дохода приоритетность изменения качества приобретаемых продуктов возрастает.

¹⁷⁹ МР 2.3.1.2432-08. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. Методические рекомендации (утв. Роспотребнадзором 18.12.2008).

¹⁸⁰ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120.

¹⁸¹ По данным социологического опроса «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН.

Учитывая фиксируемое официальной статистикой снижение разрыва в объеме потребляемых продуктов питания при одновременном увеличении дифференциации затрат на них, можно говорить о том, что представители наиболее обеспеченных доходных групп потребляют более качественные и дорогие продовольственные товары (или же приобретают их в более дорогих магазинах), что косвенно может свидетельствовать об ограниченном участии низкодоходных семей в иных секторах потребительского рынка, кроме рынка необходимых продуктов питания и товаров первоочередного спроса¹⁸².

Не меньшую важность по сравнению с такой базовой потребностью, как потребление продуктов питания, представляет обеспеченность жильем. Собственная квартира или дачный домик – значимая собственность, которой обладает среднестатистический россиянин. От наличия и качества жилья во многом зависит здоровье человека и удовлетворенность жизнью в целом¹⁸³.

В последние годы ситуация с типом занимаемого жилья у жителей Вологодской области улучшается: многие стали проживать в отдельных одно-, двух-, трёхкомнатных квартирах, в которые они переехали из комнат в коммунальных квартирах либо общежитиях (табл. 3.2.6).

Таблица 3.2.6. **Распределение ответов на вопрос: «Ваша семья занимает...»**
(в % от общего числа опрошенных)

Вариант ответа	Население в целом (по годам)					Группы населения по доходу, 2014 г.				
	2007	2008	2010	2013	2014	1	2	3	4	5
Отдельный дом или часть дома	20,2	19,2	19,9	19,7	21,1	45,8	21,3	20,6	7,2	7,2
Отдельную 1-комнатную квартиру	11,4	11,7	13,1	15,4	13,1	7,2	14,8	15,5	13,4	13,0
Отдельную 2-комнатную квартиру	30,1	37,8	34,9	33,1	35,4	17,7	39,7	37,2	41,5	40,8
Отдельную 3-комнатную квартиру	18,8	20,2	20,0	20,7	20,3	16,6	16,2	20,6	26,0	25,6
Отдельную многокомнатную квартиру (более 3 комнат)	3,8	3,5	1,9	1,8	1,9	1,8	2,2	1,4	1,4	2,9
Комнату (комнаты) в коммунальной квартире	2,3	2,0	1,8	0,9	0,8	0,7	0,0	0,7	1,1	1,4
Комнату (комнаты) в общежитии	7,7	2,0	1,8	2,8	2,3	1,8	2,9	1,1	3,2	2,9
Часть квартиры, где живут семьи родственников	4,0	2,1	4,7	3,8	3,5	4,7	1,4	1,8	5,4	4,3
Другое	1,3	0,5	1,1	0,6	0,7	1,4	0,4	0,4	0,4	1,4

Источники: Социологический опрос «Социальная дифференциация населения» / ИСЭРТ РАН, 2007–2013; социологический опрос «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН, 2014.

¹⁸² Россинская Г.М. Потребительское поведение домохозяйства в условиях трансформации российского общества // Вестник УГАТУ. – 2009. – № 3 (32). – С. 22-36; Россошанский А.И. Инфляционная нагрузка для групп населения с различным уровнем доходов // Проблемы развития территории. – 2015. – № 4 (78). – С. 172-182.

¹⁸³ Шабунова А.А., Россошанский А.И., Белехова Г.В. Благополучие населения: тенденции и перспективы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – 124 с.

Для представителей трёх первых доходных групп характерно проживание в отдельных домах или их части (46, 21 и 21 %); также велика доля имеющих двухкомнатные квартиры (18, 40 и 37 %). Данный факт обусловлен тем, что перечисленные группы представлены в основном жителями районных центров и сельской местности (в районах области проживает 75% представителей первой доходной группы, 45% – второй, 51% – третьей). Население, составляющее четвертую и пятую доходные группы, чаще отмечает проживание в двухкомнатных (42 и 26 %) и трехкомнатных (41 и 26 %) квартирах. Среди них выше доля проживающих в многокомнатных квартирах (по 3%).

Однако общая площадь, приходящаяся в среднем на одну семью, осталась неизменной – 50 кв. м. Существенных различий по площади жилья между доходными группами или жителями разных территорий не наблюдается.

Несмотря на относительно равномерное распределение площади жилья, степень его благоустройства весьма различается. За период с 2007 по 2014 г. заметно снизилась доля семей, жильё которых не оборудовано отдельными видами благоустройства (табл. 3.2.7). В то же время за средними показателями скрывается значительная дифференциация жилых помещений по благоустройству. С увеличением уровня дохода улучшается степень обустройства жилья горячей водой, газом, центральным отоплением, канализацией. В среднем степень благоустройства жилья наименее обеспеченной части населения почти в 2 раза ниже, чем наиболее обеспеченной, а у жителей районов – в 1,8 раза меньше, чем у проживающих в крупных городах.

Таблица 3.2.7. Степень благоустройства жилья населения Вологодской области
(в % от числа опрошенных)

Вид благоустройства	Население в целом (по годам)					Группы населения по доходу, 2014 г.				
	2007	2008	2010	2013	2014	1	2	3	4	5
Водопровод	82,4	77,9	83,8	91,0	88,5	75,8	90,3	87,7	93,9	96,4
Газ (магистральный)	69,7	69,3	72,5	75,9	73,3	49,5	74,4	77,6	89,5	90,6
Горячая вода (в т.ч. от газовой колонки)	65,4	64,1	66,5	71,4	67,5	35,4	66,8	71,5	87,0	89,9
Центральное отопление	69,7	69,1	67,9	68,3	69,9	33,9	72,6	69,7	88,8	92,1
Канализация	73,4	72,2	76,1	78,1	80,2	52,0	80,5	82,7	93,5	93,5
Ванная или душ	69,8	65,7	70,1	74,3	71,7	40,4	71,8	76,2	89,2	89,9
Телефон стационарный	48,6	47,9	50,5	47,8	40,6	25,6	38,6	39,0	51,3	56,7
<i>В среднем по области</i>	<i>68,4</i>	<i>66,6</i>	<i>69,6</i>	<i>72,4</i>	<i>70,2</i>	<i>44,7</i>	<i>70,7</i>	<i>72,1</i>	<i>84,7</i>	<i>87,0</i>

Источник: Социологический опрос «Социальная дифференциация населения» / ИСЭРТ РАН, 2007–2013; социологический опрос «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН, 2014.

Одним из видов недвижимого имущества являются земельные участки. В той или иной форме (участок в дачном или в садово-огородном кооперативе, приусадебный участок) они присутствуют более чем у половины жителей области, и с каждым годом количество их владельцев растет (49% в 2008 г., 56% в 2014 г.). Основное предназначение земельных участков состоит в обеспечении семьи продуктами питания, причем эта их роль особенно повысилась в посткризисный период (с 77% в 2008 г. до 85% в 2010–2014 гг.). Все большая доля населения региона (преимущественно городские жители) использует загородную недвижимость как место семейного отдыха, встреч с друзьями и развлечений: 32% в 2008 г., 41% в 2014 г. Данный вариант в большей степени актуален для представителей верхней доходной группы (62% против 27% среди наименее обеспеченных).

Важной характеристикой уровня жизни служит обеспеченность домохозяйства предметами длительного пользования (*табл. 3.2.8*). Отдельные виды имущества, составляющие обывденный набор необходимых товаров длительного пользования (холодильник, стиральная машина, пылесос, мебель, телевизор – обычный цветной или жидкокристаллический, плазменный), имеются у 75–90% населения. Обеспеченность ими в разрезе доходных групп и территорий примерно одинаковая. Срок эксплуатации большинства перечисленных предметов составляет 5–10 лет.

Значительно больше населения стало иметь цифровую фото- и видеотехнику, мобильные телефоны, микроволновые печи, компьютеры и доступ к сети Интернет, антенны спутникового телевидения. Обеспеченность этими товарами возросла в 1,5–2 раза и выше¹⁸⁴. Однако более дорогие и современные виды имущества имеет сравнительно небольшая часть населения. Посудомоечными машинами, кондиционерами и видеокамерами со сравнительно небольшой степенью морального износа располагают 10–20% населения. Наличие в хозяйстве данных товаров чаще отмечают представители высокодоходного квинтиля.

¹⁸⁴ Шабунова А.А., Россошанский А.И., Белехова Г.В. Благополучие населения: тенденции и перспективы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – 124 с.

Таблица 3.2.8. Распределение ответов на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, какие виды из перечисленного имущества имеет Ваша семья» (вариант ответа «Есть»; в % от общего числа опрошенных)

Вид имущества	Год					Срок эксплуатации, 2014 г.			Группы населения по доходу, 2014 г.				
	2007	2008	2010	2013	2014	до 5 лет	5-10 лет	свыше 10 лет	1	2	3	4	5
Телевизор цветной	94,1	92,4	87,9	75,5	74,7	14,1	36,9	23,7	83,8	83,0	75,5	74,7	58,9
Телевизор ЖК, плазменный	10,3	16,5	19,8	44,3	47,5	33,3	13,3	0,9	35,7	37,9	40,5	52,7	72,2
Музыкальный центр	44,3	44,8	43,5	39,1	41,3	5,9	24,3	11,1	24,2	39,6	37,8	42,6	63,6
DVD-проигрыватель	51,9	54,8	58,2	56,4	54,1	10,4	34,9	8,8	47,0	52,3	51,3	57,1	67,9
Видеокамера	20,7	19,3	19,7	22,6	22,9	6,8	12,7	3,4	6,5	17,7	20,2	28,9	45,5
Мобильный телефон	80,6	83,7	91,8	92,3	91,8	61,1	28,0	2,7	88,8	89,5	91,7	95,3	98,2
Цифровой фотоаппарат	26,0	38,9	38,9	57,3	55,3	30,1	22,7	2,5	39,0	49,4	45,9	67,5	78,7
Холодильник	92,2	90,5	96,1	95,4	94,1	20,3	47,8	26,0	93,5	89,8	95,7	96,7	96,8
Посудомоечная машина	н.д.	10,1	6,0	8,4	10,9	4,8	5,0	1,1	4,3	4,7	10,1	10,1	27,0
Стиральная машина	н.д.	86,3	90,0	90,9	92,8	22,2	48,5	22,1	91,0	90,6	93,1	95,0	96,0
Микроволновая печь	41,0	46,6	53,5	69,3	72,5	26,2	39,4	6,9	56,7	63,3	71,2	84,1	87,8
Пылесос	79,8	79,4	84,7	86,1	85,9	19,2	46,9	19,8	75,4	83,1	90,3	89,5	93,5
Мебель	62,5	87,8	87,8	93,4	92,2	14,3	42,9	35,0	85,2	90,3	96,1	97,1	94,9
Гараж	34,1	40,2	36,1	41,4	38,9	4,3	14,3	20,3	33,2	31,3	39,0	39,4	51,3
Кондиционер	8,4	7,3	5,4	4,8	8,0	3,5	3,5	1,0	4,3	3,3	6,5	10,1	15,8
Компьютер	39,6	42,4	47,7	66,8	67,8	37,9	26,8	3,1	54,1	58,6	61,4	78,0	89,5
Доступ к Интернету	22,4	29,7	41,4	63,3	64,5	44,1	18,9	1,5	49,1	56,3	56,7	76,5	87,0
Антенна спутникового телевидения	11,0	18,1	24,6	38,5	38,2	25,0	11,5	1,7	26,7	25,2	37,5	41,1	57,8
Легковой отечественный автомобиль	29,2	30,8	31,4	36,0	32,4	7,9	13,3	11,2	34,7	34,4	30,4	31,1	29,6
Легковой автомобиль-иномарка	11,0	13,0	14,0	20,8	25,6	10,1	11,5	4,0	14,1	12,6	23,9	32,5	47,7

Источники: Социологический опрос «Социальная дифференциация населения» / ИСЭРТ РАН, 2007–2013; социологический опрос «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН, 2014.

Посмотрим теперь, как изменились ответы по позициям, описывающим потребление платных услуг (табл. 3.2.9). Результаты опросов за 2008, 2010 и 2014 годы показывают изменения в более сглаженной форме, в отличие от самооценок, касающихся потребления продуктов питания. В целом население области отмечает некоторую ограниченность, связанную с оплатой большинства услуг: преобладают такие варианты ответов, как «можем оплатить только повседневные услуги» (57% в 2014 г.) и «можем оплатить большинство услуг, кроме самых дорогостоящих» (22%).

Как и в случае с самооценками качества питания, прослеживается следующая тенденция: независимо от того, какой элемент потребления мы рассматриваем, для наименее обеспеченных слоёв населения первостепенным ограничивающим фактором остается недостаток денежных средств (64% для первой доходной группы населения в 2014 г., табл. 3.2.10). Естественно, что наиболее

обеспеченные слои населения менее скованны в приобретении платных услуг различного рода и потребляют их по мере необходимости (наиболее часто отмечаемым ответом на вопрос, касающийся причин, ограничивающих потребление платных услуг, выступал ответ «нет необходимости»).

Таблица 3.2.9. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас возможность оплачивать получение необходимых услуг?»* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население в целом			Группы населения по доходу**, 2014 г.				
	2008	2010	2014	I	II	III	IV	V
Можем оплатить любые услуги	5,1	2,8	3,5	0,4	1,4	0,7	3,2	12,3
Можем оплатить большинство услуг, кроме самых дорогостоящих (поездки на дорогие курорты, услуги салонов красоты, фитнес-клубов и т.п.)	21,4	16,3	21,5	8,3	7,6	17,7	28,2	47,7
Можем оплатить только повседневные услуги (бытовые, парикмахерские, жилищно-коммунальные, транспортные и т.д.)	54,7	59,2	56,6	52,0	71,8	66,8	58,8	36,8
Испытываем трудности при оплате даже самых необходимых услуг	9,2	15,6	14,1	35,0	15,2	10,1	6,9	1,4
Затрудняюсь ответить	9,5	6,1	4,3	4,3	4,0	4,7	2,9	1,8

* Данный вопрос задавался только в 2008, 2010 и 2014 гг.
 ** Каждая доходная группа составляет 20% общей численности населения: I – 20% наименее обеспеченных, ... , V – 20% наиболее обеспеченных.
 Источники: Социологический опрос «Социальная дифференциация населения» / ИСЭРТ РАН, 2008–2010; социологический опрос «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН, 2014.

Таблица 3.2.10. Распределение ответов на вопрос: «Укажите причины, которые ограничивают потребление Вами и членами Вашей семьи платных услуг»* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население в целом				Группы населения по доходу**, 2014 г.				
	2008	2010	2014	I	II	III	IV	V	
Недостаток денежных средств	48,9	58,7	58,1	64,3	69,0	65,3	61,0	36,1	
Нет необходимости	13,1	7,1	27,4	19,5	17,0	28,5	28,2	44,8	
Низкое качество услуг	9,7	6,9	7,3	8,7	6,5	6,1	10,1	6,9	
Отсутствие предприятий и лиц, оказывающих подобные услуги	25,2	21,1	2,6	1,4	1,8	1,1	2,9	4,0	
Ничто не ограничивает потребление	4,6	6,0	3,1	1,8	1,4	0,7	2,2	9,4	
Другое	0,1	0,3	0,3	1,1	0,0	0,4	0,4	0,0	
Затрудняюсь ответить	11,7	9,3	10,0	9,4	12,3	10,1	7,6	6,1	

* Данный вопрос задавался только в 2008, 2010 и 2014 гг.
 ** Каждая доходная группа составляет 20% общей численности населения: I – 20% наименее обеспеченных, ... , V – 20% наиболее обеспеченных.
 Источники: Социологический опрос «Социальная дифференциация населения» / ИСЭРТ РАН, 2008–2010; социологический опрос «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН, 2014.

Отсутствие каких-либо ограничений отметило 9% респондентов пятой доходной группы, среди остальных групп данный вариант ответа встречается крайне редко (от 1 до 2 %). Говоря о проблеме завышения или занижения тех или иных оценок, касающихся отнесения себя к бедным слоям, следует отметить, что в целом российское население склонно несколько приукрашивать своё

положение, чем «прибедняться»¹⁸⁵. То есть реальное положение малообеспеченных групп на самом деле хуже.

Рассматривать благосостояние населения через призму характеристик, связанных только с базовыми потребностями человека, было бы не вполне грамотно, поскольку большую роль в жизни любого человека играют также социальные потребности, так или иначе связанные между собой. Как показывают результаты исследования, наиболее обеспеченная часть населения области проводит свое свободное время разнообразно и активно: посещает театры и кинотеатры, концерты и творческие вечера, кафе и рестораны, активно участвует в общественной и политической деятельности (табл. 3.2.11).

Таблица 3.2.11. **Наиболее характерные способы проведения свободного времени населения Вологодской области (в % от общего числа опрошенных)**

Вид досуга	Население в целом					Группы населения по доходу, 2014 г.				
	2007	2008	2010	2013	2014	1	2	3	4	5
Телевизор, радио	67,8	63,1	68,1	59,0	57,3	50,9	61,7	67,1	63,5	50,9
Хозяйство, дети, дача	39,8	32,3	41,7	46,5	44,9	55,2	49,1	46,6	46,9	31,0
Общение с друзьями	40,8	36,1	41,6	36,1	38,4	31,4	32,9	33,9	45,5	51,6
Компьютер, Интернет	9,3	13,3	21,3	31,3	34,3	22,4	30,0	32,5	44,8	41,9
Просто отдых, расслабление	36,2	38,8	39,6	31,0	33,1	24,2	32,1	37,5	33,2	37,2
Чтение газет, журналов	41,1	36,3	40,7	27,6	26,5	18,1	30,3	32,5	27,4	25,6
Отдых на природе	24,2	23,4	23,7	21,5	24,5	13,0	14,8	24,9	30,0	44,0
Чтение книг, музыка, видео	18,9	16,7	20,3	15,1	15,9	10,1	15,5	14,4	22,7	16,2
Хобби	9,9	6,4	9,3	12,9	12,7	17,3	10,5	7,9	11,2	12,6
Кафе, бары, рестораны	8,5	8,1	8,8	7,3	6,9	2,9	3,2	6,5	7,2	16,2
Театры, кино	5,1	4,9	6,5	7,2	7,3	2,9	6,9	5,8	9,4	12,6
Посещение церкви	5,8	5,3	6,9	6,6	4,5	3,6	4,7	6,9	6,1	0,7
Концерты	4,7	4,1	5,7	5,3	4,5	1,4	2,9	5,1	5,4	7,6
Спортивные секции, тренировки	5,7	6,7	6,3	4,8	5,3	2,5	1,1	5,1	6,5	10,5
Музеи, выставки, творческие вечера	3,3	2,3	3,6	4,6	3,3	1,4	1,1	3,6	5,1	5,8
Дискотеки, клубы	9,7	6,9	5,3	4,3	6,0	2,9	3,6	2,2	10,1	11,9
Общественная деятельность	2,9	1,3	1,9	1,7	1,3	0,4	1,4	0,7	1,1	2,5
Дополнительные занятия	2,1	3,0	1,3	1,1	1,5	0,4	1,4	1,1	2,2	2,5
Кружки по интересам	1,9	0,5	1,1	0,7	0,9	0,0	0,7	1,8	1,4	0,7
Аттракционы и игровые автоматы	1,5	0,6	0,3	0,3	0,5	0,0	0,4	0,0	0,4	1,4
Политическая деятельность	0,9	0,9	0,2	0,1	0,2	0,0	0,0	0,0	0,4	0,4
Другое	0,9	0,2	0,4	0,7	0,3	0,7	0,0	0,4	0,4	0,0

Источники: Социологический опрос «Социальная дифференциация населения» / ИСЭРТ РАН, 2007–2013; социологический опрос «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН, 2014.

Наименее обеспеченные слои уделяют свободное время ведению домашнего хозяйства, работе на садово-огородном участке или проводят время с детьми. Даже такой способ досуга, как общение с друзьями, не требующий специаль-

¹⁸⁵ Бедность и бедные в современной России / под ред.: М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М. : Весь мир, 2014. – 304 с.

ных расходов, имеет большее распространение в группах с высоким доходом. Однако различия в материальных возможностях практически не влияют на такие виды занятий, как просмотр телевизора, отдых и расслабление, чтение книг, прослушивание музыки или просмотр видео.

Следовательно, формы проведения свободного времени говорят о дифференциации целей досуга в зависимости от уровня дохода. Представители верхней доходной группы предпочитают отдых и развлечения, тогда как представители нижней группы ориентированы на жизнеобеспечение.

Таким образом, по самым разным показателям, отражающим уровень и качество жизни людей, мы видим в целом положительные изменения, но происходят они не во всех доходных группах. При этом следует отметить, что даже высокие показатели имущественной обеспеченности и потребительской активности населения не всегда подразумевают такой же высокий уровень жизни. Это связано с тем, что большая часть жителей области, как было показано выше, испытывает трудности в приобретении товаров длительного пользования за счет собственных средств, поэтому использует либо ранее сэкономленные деньги, либо заемные средства. Поскольку в большинстве случаев сбережения и потребительские кредиты (составляющие порядка 75–80% от всех займов физических лиц) расходуются на покупку товаров длительного пользования, доступ к которым ограничен в силу их высокой цены и которые используются как символы достигнутого или желаемого стиля жизни, то можно говорить о демонстративном потреблении населения. Исследования Института социологии РАН подтверждают: российские бедные опасаются быть уличенными в бедности и изо всех сил стараются «казаться богатыми»¹⁸⁶.

Результаты проведенных исследований показывают, что, несмотря на формальный рост доходов и сокращение уровня бедности, произошедшие за последние 20–25 лет, реальный уровень жизни наименее обеспеченных слоёв населения снизился. Актуальность таких злободневных вопросов, как рост цен на товары и услуги, неравномерное распределение доходов между различными

¹⁸⁶ Филина О. Богатый выбор бедных [Эл. ресурс]. – Реж. дост.: <http://www.kommersant.ru/doc/2608667>

слоями населения, низкое качество инженерной инфраструктуры, более чем за десятилетний период не только не снизилась, но и значительно выросла. Подтверждением этому служат данные официальной статистики, отражающие дифференциацию населения по уровню доходов, а также результаты социологических исследований, позволяющие более глубоко рассмотреть нюансы социального неравенства.

Улучшение социально-экономического положения и последующие стагнационные процессы положительно повлияли на материальное положение лишь наиболее обеспеченной части населения. Доходы же менее обеспеченных слоёв населения региона, несмотря на их рост, находились в лучшем случае в диапазоне от одного до трёх прожиточных минимумов (для первой доходной группы среднедушевые доходы так и не достигли величины одного ПМ).

Необходимо сказать и о более быстром снижении покупательной способности наименее обеспеченного населения, происходящем вследствие опережающего роста цен на продукты питания и платные услуги (в частности, на услуги ЖКХ), являющиеся базовой составляющей потребительских расходов данной прослойки. Более того, снижение разрыва в объеме потребляемых продуктов питания при одновременном увеличении дифференциации затрат на них свидетельствует о том, что богатые потребляют более качественные и дорогие продовольственные товары; это же подтверждают и результаты социологических опросов. Следовательно, за исключением рынка продуктов питания, товаров первой необходимости и оплаты жилищно-коммунальных платежей, участие семей с низким уровнем доходов в иных секторах потребительского рынка является весьма и весьма ограниченным.

Таким образом, результаты наших исследований показывают, что далеко не все категории российского общества с успехом преодолевают 20-летнюю трансформацию общественного развития. Хотя многие показатели официальной статистики демонстрируют устойчивую тенденцию роста уровня жизни, в глубине данного феномена проблемы остаются. Возможно, они не так очевидны, но они есть, и их нельзя не афишировать. По аналогии со специфическими

проблемами, характерными для современной демографической ситуации (о которой мы говорили в предыдущей главе), социальное неравенство представляет собой качественную сторону уровня жизни, и, к сожалению, в этом аспекте говорить о крупных успехах за последние 20 лет пока не приходится.

Завершить наши рассуждения о трансформации уровня и качества жизни, произошедшей в России, логично было бы размышлениями о том, какое влияние она оказала и продолжает оказывать на общественное сознание и поведение. Ведь дело не только в том, что само по себе неравенство в уровне и качестве жизни, в возможностях самореализации вносит существенный и, пожалуй, наибольший вклад в формирование ощущения социальной несправедливости. Его негативные последствия проявляются в отношении людей практически ко всем аспектам общественной жизни – от характеристики собственного эмоционального состояния до отношения к положению страны на международной арене. О том, как именно воспринимают политическую и экономическую ситуацию в стране, как относятся к деятельности органов власти и какие настроения « витают » среди бедных, среднеобеспеченных и высокодоходных категорий населения, мы порассуждаем в следующей главе монографии.

3.3. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ТРЕНДЫ И БАРЬЕРЫ*

Совершенно очевидно, что в обществе, представляющем собой динамично развивающуюся систему, неотделимую ни от социальной, ни от социокультурной стратификации, существенную роль играют процессы социальной мобильности, их характер и интенсивность. Степень мобильности считается одним из главных показателей открытости социальной системы и ее демократического характера. Как отмечают О.И. Шкаратан и другие ученые, «исследования мобильности способствуют управлению социальным развитием в том плане, чтобы менее обеспеченные граждане в процессе карьерной мобильности за счет собственных усилий вошли бы в состав продвинутой на шкале материального

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-02-00482 «Социокультурные детерминанты модернизационного развития России: методы измерения и анализ причинных зависимостей».

благополучия страны; дети из рабочих семей увеличили бы свой шанс повысить социальный статус по сравнению с родителями»¹⁸⁷. «За счет обеспечения равных возможностей для социальной мобильности талантливых представителей всех слоев общества, реализации социальной политики по поддержке уязвимых слоев населения и проведения политики, направленной на интеграцию мигрантов», планируется достичь снижения социальной поляризации, что отмечено одной из главных целей в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹⁸⁸.

Основателем теории социальной мобильности считается П. Сорокин, который под этим феноменом понимал «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую»¹⁸⁹. Институт мобильности аккумулирует социальный опыт и социальную значимость личных способностей и заслуг людей¹⁹⁰.

В настоящее время исследование современных тенденций мобильности является достаточно сложным. Во-первых, официальная государственная статистика не располагает достаточными данными о социальной динамике населения, во-вторых, речь идет о социальных процессах в трансформирующемся обществе¹⁹¹, а их глубокое изучение и понимание невозможно без обращения к данным субъективных оценок различных слоев населения.

Научным коллективом ИСЭРТ РАН вопросы, связанные с социальной мобильностью населения, изучаются с 2013 г. в рамках работы по Проекту 4.9. «Вызовы модернизации: социокультурная стратификация и мобильность в регионах» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-

¹⁸⁷ Шкартан О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 5-24.

¹⁸⁸ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. – С. 8.

¹⁸⁹ Сорокин П.А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации // Социология: хрестоматия для вузов / сост. А.И. Кравченко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 647.

¹⁹⁰ Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 66.

¹⁹¹ Отрох В.Е. Теоретико-методологический анализ внутригородской мобильности в условиях трансформации российского общества: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. – Саратов, 2004. – 126 с.

экономический потенциал». Для этого в 2013 г. на уровне субъектов Северо-Западного федерального округа был проведен масштабный социологический опрос, в котором приняли участие все субъекты макрорегиона¹⁹². В целом опрошено более 5 тыс. человек, не менее 400 человек в каждом регионе, что позволяет объективно судить о ситуации на каждой отдельно взятой территории и осуществлять межрегиональные сопоставления.

В своем анализе и рассуждениях мы опирались на то, что социальные процессы во многом определяются уровнем социально-экономического развития территории, ее географическим положением, а также историческими особенностями.

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) занимает 9,9% территории Российской Федерации (табл. 3.3.1).

Таблица 3.3.1. Основные характеристики субъектов СЗФО в 2012 г.

	Площадь территории, тыс. кв. км	Численность населения, чел. на 1 янв. 2013 г.	Плотность населения, чел./кв. м	Плотность автомобильных дорог с твёрдым покрытием, км дорог/1000 кв. км территории
Республика Карелия	180,5	636 932	3,5	37
Республика Коми	416,8	880 639	2,6	14
Архангельская область	589,9	1 202 295	2,1	18
Вологодская область	144,5	1 196 196	8,8	81
Калининградская область	15,1	954 773	63,1	439
Ленинградская область	83,9	1 751 135	20,9	135
Мурманская область	144,9	780 401	5,4	19
Новгородская область	54,5	625 855	11,5	175
Псковская область	55,4	661 507	11,9	200
г. Санкт-Петербург	1,4	5 028 000	3594	2273
СЗФО	1687,0	13 717 733	8,1	54
Справочно по РФ	17098,2	143 347 059	8,4	213

В состав СЗФО входят 11 регионов, 12 крупных городов (с численностью населения 100 тысяч человек и более). На территории округа проживает

¹⁹² Опрос проводился в таких субъектах СЗФО, как Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург. Ошибка выборки составляет не более 5% при доверительном интервале 95%. Репрезентативность социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения: 1 степень – выделение территориальных единиц – регионов СЗФО; 2 степень – в каждом регионе выделение типичных (по территориальному признаку и по уровню социально-экономического развития) районов (муниципалитетов) для исследования; 3 степень – расчет статистических квот для городской и сельской местности, характерных для каждого региона выборки; 4 степень – соблюдение квот по половозрастному составу населения; 5 степень – непосредственный отбор респондентов интервьюерами по заданным квотам с соблюдением пропорции по указанным признакам.

13,7 млн. человек (9,6% населения страны), преимущественно городские жители – 83,8% (в 2013 г.). Доля русских в этнонациональном составе округа составляет 90,4%. Несмотря на достаточно высокий уровень урбанизации северных регионов СЗФО, следует отметить малолюдность и очаговость расселения.

Удельный вес экономически активного населения в округе (71,1%) выше, чем в целом по России (68,3%) и в других федеральных округах. Однако доля населения в трудоспособном возрасте в регионах СЗФО, относящихся к европейскому Северу (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская и Мурманская области), снизилась, что во многом обусловлено миграционным оттоком населения из этих территорий¹⁹³.

Практически для всех субъектов СЗФО характерны проблемы социально-экономического развития муниципальных образований в сельской местности. Наиболее серьезные связаны с миграционным оттоком населения из периферии в крупные города, сокращением числа объектов отраслей лесного комплекса и сельского хозяйства, социальной инфраструктуры. Так, за 15 лет почти в двух тысячах населенных пунктов закрылись образовательные учреждения, более чем в 500 – были упразднены учреждения медицинского обслуживания.

Регионы СЗФО отличаются неравномерностью социально-экономического развития¹⁹⁴, что подтвердил и анализ тенденций модернизации их экономики¹⁹⁵. Основной характеристикой модернизационных процессов в СЗФО является разновекторное, асимметричное и несинхронизированное развитие территорий, которое стало следствием монопрофильности структуры экономики ряда регионов (топливно-сырьевая, металлургическая); диспропорций, сложившихся ранее в экономическом и социальном плане, а также низкой эффективности государственного и муниципального управления. Немаловажное влияние оказал и финансово-экономический кризис, в результате которого сменились тенденции развития, произошло снижение основных экономических показателей, и, кроме

¹⁹³Соловьева Т.С. Социально-экономические условия региона как фактор социальной мобильности и стратификации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2014. – № 4 (40). Номер статьи: 4010. – Реж. дост.: <http://eee-region.ru/article/4010/> (дата обращения: 23.10.2015).

¹⁹⁴Ilyin V.A. The problems of development of a region under the conditions of the global crisis (Using the Vologda Region as an example) // Studies on Russian Economic Development. – 2010. – Vol. 21. – No. 1. – P. 56-63.

¹⁹⁵Лапин Н.И. Социоэкономическая и социокультурная модернизация регионов России // Социс. – 2015. – № 1. – С. 5-10.

того, не все регионы смогли полностью восстановиться после кризисных потрясений.

Выделяется группа регионов с нисходящими трендами модернизации (Мурманская область и Республика Карелия; табл. 3.3.2). Значительная группа территорий (Ленинградская, Калининградская, Новгородская, Вологодская, Псковская области) образуют условно депрессивную группу. И лишь для трех территорий характерны восходящие тренды развития и относительно высокий уровень модернизации (Архангельская область, Республика Коми и г. Санкт-Петербург)¹⁹⁶.

Таблица 3.3.2. Разновекторность процессов модернизации регионов СЗФО

Регион	Тип модернизации			
	2000 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.
<i>Развивающиеся</i>				
СЗФО	5	5	5	5
г. Санкт-Петербург	5	5	6	6
Архангельская область	4	4	4	5
Республика Коми	4	4	4	4
Ненецкий автономный округ	2	4	4	4
<i>Регрессивные</i>				
Мурманская область	5	5	3	3
Республика Карелия	5	3	3	3
<i>Условно депрессионные</i>				
Калининградская область	2	3	3	3
Ленинградская область	2	3	3	3
Новгородская область	2	2	2	3
Вологодская область	2	2	2	2
Псковская область	1	2	2	2

Горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, отличающиеся в первую очередь тем, что последняя обусловлена сменой социального статуса, тесно взаимосвязаны друг с другом. Так, смена профессии как вид горизонтальной мобильности может сопровождаться повышением уровня дохода, получением жилья и т.д. и в результате стать примером вертикальной социальной мобильности.

К проявлениям горизонтальной социальной мобильности традиционно относят миграцию. Среди регионов СЗФО самые высокие значения миграционного прироста характерны для г. Санкт-Петербурга (2012 г. – 74 тыс. чел.) и Ленинградской области (27 тыс. чел. соответственно), как территорий, наиболее

¹⁹⁶ Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Устойчивая разновекторность модернизации Северо-Западного федерального округа // Социс. – 2015. – № 2. – С. 49-55.

привлекательных с точки зрения занятости. Прирост отмечается также в Калининградской и Псковской областях, в остальных территориях наблюдается миграционная убыль (табл. 3.3.3).

Таблица 3.3.3. Миграционный прирост населения в регионах СЗФО, человек

Территория	Среднее 2000–2004	Среднее 2005–2009	2010	2011	2012
г. Санкт-Петербург	8 700	15 680	36 797	58 632	74 092
Ленинградская область	12 792	12 375	8 549	25 807	27 163
Калининградская область	4 124	3 960	3 307	6 428	8 702
Псковская область	523	12	-2 124	1 580	238
Новгородская область	636	521	-387	1 466	-234
Республика Карелия	940	645	-1 031	-1 147	-975
Вологодская область	535	422	-194	566	-1 053
Мурманская область	-7 557	-6 623	-6 713	-6 072	-7 925
Архангельская область	-5 193	-5 209	-7 956	-9 437	-10 244
Республика Коми	-6 122	-6 698	-8 630	-10 033	-10 786
СЗФО	29 749	26 195	21 618	67 880	78 981
РФ	99 169	142 206	158 078	318 680	294 930

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.gks.ru/>

По данным социологического опроса общий коэффициент вертикальной социальной мобильности жителей СЗФО составляет 40%. Наиболее мобильным за последнее десятилетие оказалось население Ленинградской области, Республики Карелия и г. Санкт-Петербурга (48, 46 и 45% соответственно).

Стоит отметить также, что за период с 2008 по 2013 г. возросла мобильность жителей Калининградской и Архангельской областей (на 5%). Мобильное население Вологодской области составляет порядка 33–35% , что в среднем на 5–10% ниже, чем в большинстве регионов СЗФО.

Между территориями федерального округа наблюдаются незначительные различия по активности социальных передвижений населения. По коэффициенту мобильности регионы можно разделить условно на три группы (рис. 3.3.1):

1. Регионы с более высоким уровнем социальной мобильности (свыше 40%: республики Коми и Карелия, Ленинградская и Калининградская области и Санкт-Петербург). В основном это приграничные территории с более высокими возможностями для улучшения социального положения населения. Дополнительным фактором мобильности для этих регионов является территориальная близость Санкт-Петербурга как центра деловой и финансовой активности Северо-Запада, так называемый агломерационный эффект.

2. Регионы со средним уровнем социальной мобильности (в пределах среднего по СЗФО – 37–39%: Мурманская, Архангельская области). Для данных территорий в основном характерна восходящая социальная мобильность трудоспособного населения, приезжающего на постоянную или временную работу.

3. Регионы с более низким уровнем социальной мобильности (менее 37%: Псковская, Вологодская и Новгородская области). В этих регионах наиболее ярко проявилось влияние кризиса 2008 г. В Псковской области было зафиксировано одно из самых крупных падений объемов производства. Вологодская область, как регион металлургической специализации, также одной из первых испытала на себе спад производства. С трудом выходит из кризисной ямы и Новгородская область, производящая минеральные удобрения на экспорт¹⁹⁷.

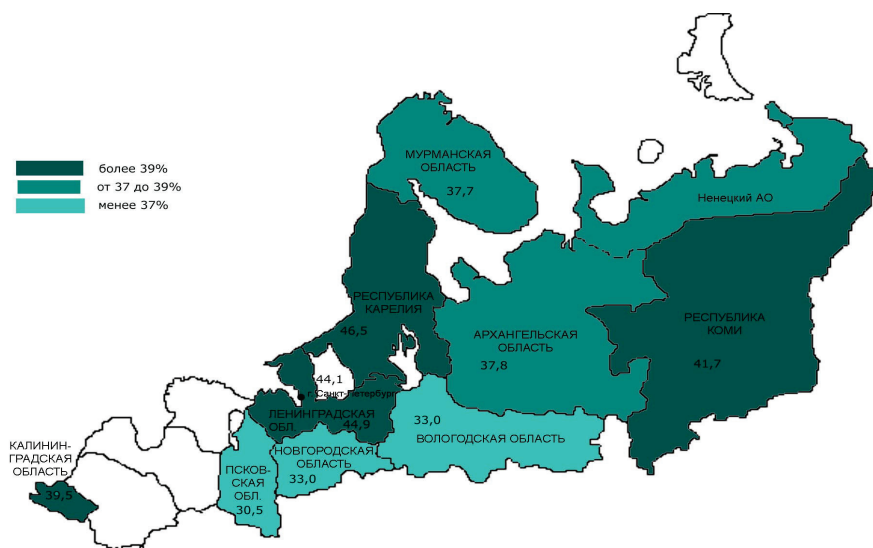

Рис. 3.3.1. **Общий коэффициент мобильности жителей СЗФО, %**

При кризисных явлениях мобильность населения снижается, поскольку оно скорее боится перемен, чем стремится их использовать для повышения уровня жизни.

¹⁹⁷ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 34.

Мобильность городского населения (41%) несколько превышает мобильность сельского (36%; *рис. 3.3.2*). Одной из важных причин этого являются меньшие возможности для трудовой мобильности селян. Особенно велика разница в мобильности по поселенческому признаку в Архангельской области (35 и 46 % соответственно) и республиках Карелия (49 и 37 %) и Коми (39 и 50 %). В северных субъектах СЗФО мобильность сельского населения существенно выше, чем в регионах, расположенных южнее¹⁹⁸.

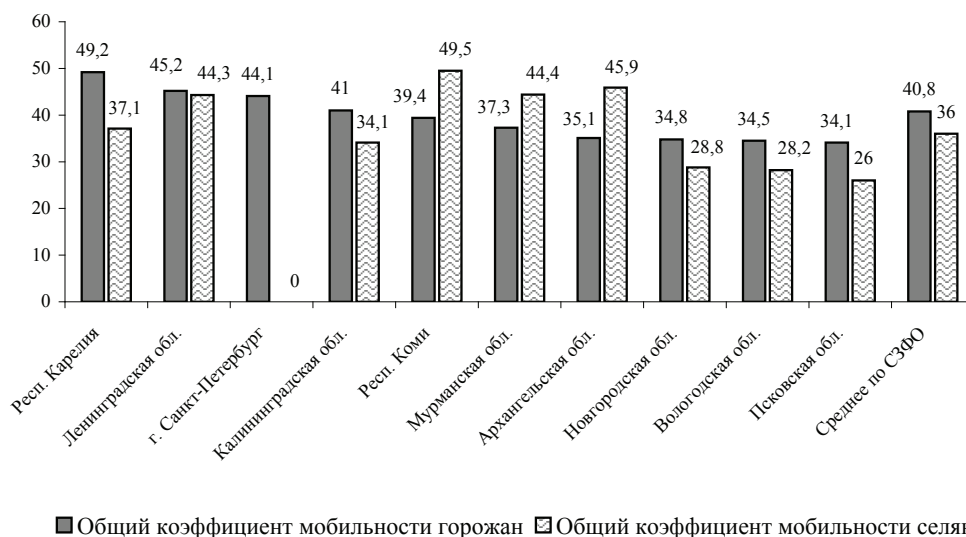

Рис. 3.3.2. Общие коэффициенты мобильности городского и сельского населения СЗФО, %

Профессиональная мобильность обусловлена престижем и уровнем оплаты труда в отрасли. Например, для поколения отцов сфера экономики и финансов в 90-е годы была менее привлекательна, поэтому в ней наблюдался значительный отток и наибольшая мобильность; среди поколения детей профессиональная мобильность в этой сфере наименьшая.

Высокая мобильность прослеживается у руководителей в сельском хозяйстве и военнослужащих (77 и 74 % сменили работу). Средний уровень профессиональной мобильности наблюдается у руководителей госпредприятий (36%)

¹⁹⁸ Соловьева Т.С. Социально-демографические характеристики социальной мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4 [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://human.snauka.ru/2015/04/10272> (дата обращения: 23.10.2015).

и инженерно-технических работников, госслужащих, среднего управленческого персонала (по 28%). Низкая мобильность отмечается у рабочих, работников сферы торговли и услуг, бухгалтеров и экономистов, юристов (по 17–18%), но самая низкая мобильность характерна для врачей, преподавателей, работников культуры (по 16%; *рис. 3.3.3*).

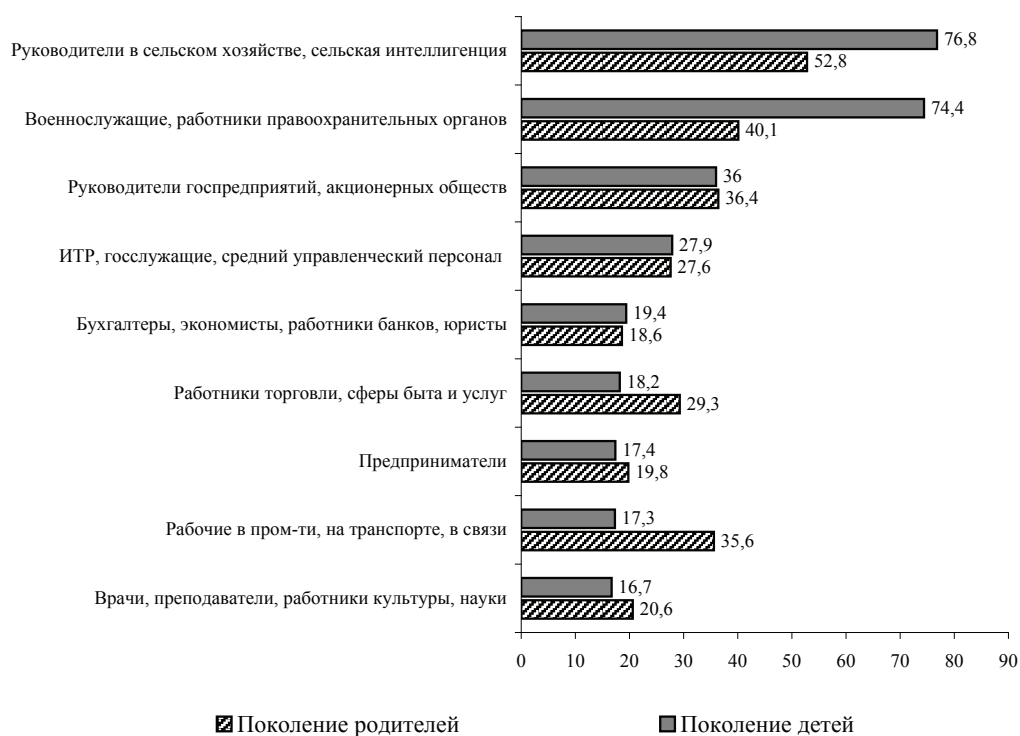

Рис. 3.3.3. Удельный вес населения СЗФО, сменившего работу в течение трудовой деятельности в разрезе поколений, %

В среднем около 30% населения СЗФО повысили свой социальный статус за последние 5 лет (*рис. 3.3.4*). Больше всего переходов на высшие ступеньки социальной лестницы совершили жители Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга (40 и 39 % соответственно), что объясняется агломерационным эффектом. Более низкий уровень восходящей мобильности отмечен в Калининградской (21%), Новгородской (24%), Псковской и Вологодской (по 25%) областях.

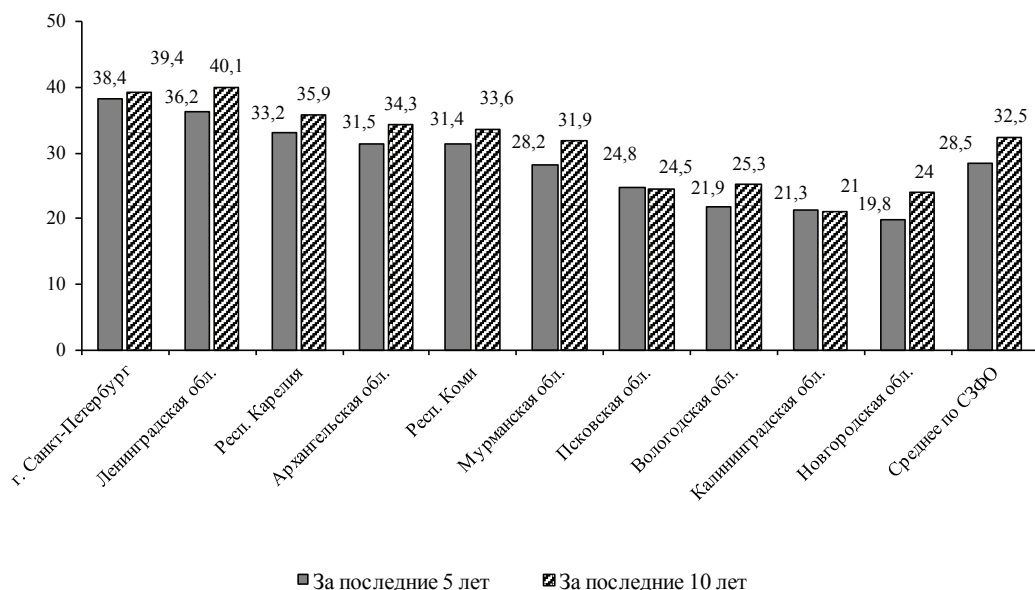

Рис. 3.3.4. Коэффициенты восходящей мобильности населения регионов СЗФО, %

Показатели нисходящей мобильности (в среднем по округу – 11%) в целом в 2–3 раза ниже коэффициентов восходящей мобильности (рис. 3.3.5). В четырех субъектах СЗФО за последние 5 лет отмечается уменьшение коэффициента нисходящей мобильности. Наиболее заметное снижение характерно для Калининградской области (с 24 до 18,3 %). В шести регионах отмечено незначительное повышение понижающих мобильных потоков.

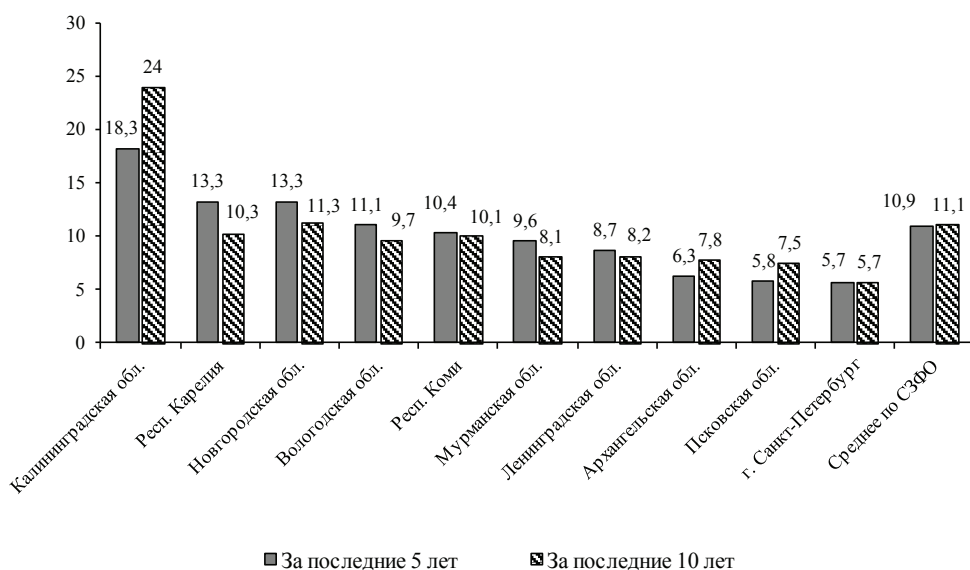

Рис. 3.3.5. Коэффициенты нисходящей мобильности населения регионов СЗФО, %

Анализ социальной мобильности в группах людей с различным материальным положением показал, что интенсивность мобильности зажиточных и богатых жителей ввиду более широких возможностей значительно превышает данный показатель в других категориях населения. Восходящие социальные перемещения интенсивнее всего происходят в группе наиболее обеспеченных (44%). Самый низкий коэффициент восходящей мобильности отмечается в группе бедных и нищих (по 16%), что объясняется в основном низкой обеспеченностью ресурсами (табл. 3.3.4).

Таблица 3.3.4. **Интенсивность социальной мобильности населения СЗФО в зависимости от материального положения** (за последние 5 лет; в % от числа опрошенных)

Показатели мобильности	Все население	Группы населения		
		Зажиточные и богатые	Обеспеченные	Бедные и нищие
Общий коэффициент мобильности, $Q_0 = \frac{\sum N_{ij}}{N_0} * 100\%$	39,4	46,7	35,4	36,9
Показатель восходящей мобильности, $V_p = \frac{\sum N_{ij}}{N_0}; (i < j)$	28,5	43,8	26,0	16,2
Показатель нисходящей мобильности, $V_n = \frac{\sum N_{ij}}{N_0}; (i > j)$	10,9	2,9	9,4	56,1
Показатель структурной (вертикальной) мобильности, $C_v = V_p - V_n$	17,6	41,0	16,6	-39,9
Коэффициент соотношения восходящей и нисходящей мобильности, $Q_s = \frac{V_p}{V_n}$	2,6	15,33	2,77	0,29
Показатель обменной мобильности, $P_o = Q_o - C_v$	21,8	5,7	-5,6	76,8
Коэффициент иммобильности $I_o = 100 - Q_o$	40,6	53,3	64,6	63,1

Коэффициенты нисходящей социальной мобильности имеют обратную тенденцию – чем выше доходы населения, тем ниже уровень нисходящей мобильности. Показатель обменной мобильности показывает степень открытости группы – чем он меньше, тем более закрыта группа, доступ в нее затруднен¹⁹⁹. В группах наиболее обеспеченных жителей он минимален, что говорит о том, что эти страты достаточно труднодоступны для перехода. *Показатель обменной мобильности у бедных составляет 77% и говорит об открытости группы.* Однако коэффициент иммобильности (степень стабильности группы) показывает, что именно эта группа остается наиболее стабильной.

¹⁹⁹ Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 3. – С. 205-212.

Определяя условия достижения высокого социального положения, респонденты отметили, что самое важное для повышения благополучия – упорный труд (78%), хорошее образование (76%), наличие нужных знакомств, «связей» (74%). Помощь родственников и удачный брак как фактор мобильности выделили 50% населения. По мнению 30–34% респондентов, на социальную мобильность оказывают влияние уровень образования родителей и хорошее происхождение. Пол, национальность и такое качество, как «нахальство», для продвижения по социальной лестнице выбрали не более 20% населения²⁰⁰ (табл. 3.3.5).

Таблица 3.3.5. Условия достижения благополучия и высокого социального положения по оценкам населения СЗФО, %

Условия	Очень важно, пожалуй, важно	Трудно сказать	Совсем не важно, пожалуй, не важно	Не знаю
Упорный труд	78,3 ✓	12,9	5,2	3,7
Хорошее образование	75,8 ✓	12,4	7,9	4,1
Нужные знакомства, связи	74,4 ✓	12,7	7,7	5,2
Помощь родственников	51,9	21,6	19,2	7,4
Удачный брак	49,0	22,8	20,5	7,7
Образованные родители	34,0	25,7	33,4	7,0
Хорошее происхождение	30,4	30,0	32,4	7,2
Пол	20,1	24,4	44,3	11,4
Национальность	18,6	23,0	45,7	12,8
Неразборчивость в средствах, нахальство	17,6	30,2	37,2	15,2

По результатам исследований в СЗФО был проведен кластерный анализ, который учитывал три критерия социальной стратификации (уровень дохода, власть²⁰¹ и образование²⁰²) и позволил выделить пять социальных слоев (кластеров; табл. 3.3.6).

²⁰⁰ Соловьева Т.С. Социальная мобильность: опыт измерения и возможности управления // Вестник Жезказганского университета им. О.А. Байконурова. – 2015. – № 1 (29). – С. 357-362.

²⁰¹ Под властью в данном случае понимается наличие или отсутствие подчиненных и их количество.

²⁰² Беляева Л.А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Курск, 25–28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. – С. 38.

Таблица 3.3.6. Социальная стратификация населения СЗФО, 2013 г., %
(по результатам кластерного анализа)

Регион	Высоко-статусные	Эксперты	Реалисты	Бедные руководители	Низко-статусные
Республика Карелия	9	41,2	26,4	3,3	20,1
Республика Коми	7,2	24,2	44,7	3,7	20,2
Архангельская область	8,5	32	35	3,5	21
Вологодская область	7,3	30,3	30,7	2,9	28,9
Калининградская область	6	28	36,8	1,8	27,5
Ленинградская область	20,4	38,4	19,2	5,5	16,5
Мурманская область	10,8	32,8	27,9	3,4	25
Новгородская область	8,8	27	34,5	3,3	26,5
Псковская область	9	29,8	23,3	4,8	33,3
г. Санкт-Петербург	10,7	45,6	22,7	4,5	16,5
Среднее по СЗФО	9,8	32,9	30,1	3,7	23,6

✓ Верхний (пятый) кластер («высокостатусные») образуют люди, которые относят себя к верхнему слою в пределах своего населенного пункта и к слою выше среднего в масштабах региона и страны. Средний возраст представителей данной категории по СЗФО составляет 42 года, это преимущественно жители крупных городов со средним доходом на 1 члена семьи порядка 29 тыс. руб.

В среднем по СЗФО слой «высокостатусных» имеет достаточно узкий круг представителей (10%). При этом в Ленинградской области наполняемость данного слоя в два раза превышает среднеокружной показатель, что связано с более активным развитием малого и среднего предпринимательства на этой территории по сравнению с другими районами.

✓ Четвертый кластер («бедные руководители») – еще менее наполнен, чем предыдущий (4%), и особых территориальных различий в его численности не отмечается. Это люди, которые имеют среднее специальное образование. Сами себя они относят к среднему слою в рамках своего населенного пункта и региона, в масштабах страны – к слою ниже среднего. Как правило, они являются руководителями низшего и среднего звена в сельском хозяйстве, акционерном обществе, на госпредприятии, а также предпринимателями. По своим социально-демографическим характеристикам данный кластер схож с кластером «высокостатусных» (больше мужчин, средний возраст 42 года, состоящие в браке). Однако примечательно, что представители данной категории относят себя к «необеспеченным», хотя средний доход на 1 человека в семье составляет по-

рядка 18,5 тыс. рублей, а это говорит о более высоком уровне потребительских запросов.

✓ Третий кластер («эксперты») – это преимущественно врачи, преподаватели, работники культуры, юристы, высококвалифицированные рабочие. Они, как и «бедные руководители», относят себя к среднему слою в пределах своего населенного пункта и региона, а в масштабах страны – к слою ниже среднего. Число женщин среди «экспертов» почти в полтора раза больше, чем мужчин. По большей части это люди, средний возраст которых составляет 41 год, проживающие в городе, имеющие доход на 1 члена семьи в среднем около 17 тыс. рублей.

Кластер «экспертов» объединяет примерно треть населения СЗФО (33%). При этом данная страта наиболее представительна в Республике Карелия и г. Санкт-Петербурге (41 и 46 % соответственно).

✓ Второй кластер («реалисты») вмещает в себя около трети жителей округа и значительно дифференцирован по регионам: от 45% в Республике Коми до 19% в Ленинградской области. Как и «эксперты», представители этого кластера не имеют подчиненных и уступают им в уровне образования (среднее специальное), хотя их доходы являются достаточными для того, чтобы отнести их к группе «обеспеченных» (в среднем 15 тыс. рублей), средний возраст «реалистов» – 44 года. Как правило, это рабочие промышленности, транспорта и связи, а также работники сферы быта, услуг и торговли. В этом кластере мужчин немного больше, чем женщин. Обычно «реалисты» проживают в деревнях и селах и большинству из них сложно соотносить себя с каким-либо из социальных слоев.

Нижний кластер («низкостатусные») объединяет 24% жителей СЗФО и наиболее представлен в Псковской области (треть населения), что обусловлено уровнем дохода, одним из наиболее низких в округе. Близкие к приведенному значению показателя (27–29 %) имеют Вологодская, Калининградская и Новгородская области. Группа «низкостатусных» включает людей, получивших среднее общее образование, не имеющих подчиненных, средний возраст – 46

лет. Это рабочие в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, пенсионеры, которые по размеру дохода относятся к страте «бедных» и идентифицируют себя с нижним социальным слоем.

Таким образом, по данным наших исследований, на территории Северо-Западного федерального округа преобладают «эксперты» и «реалисты» – люди среднего возраста (41–44 года), не имеющие по своему должностному статусу подчиненных, с доходом порядка 15–17 тыс. рублей, работающие в сфере образования, здравоохранения, культуры, а также в сфере промышленности, транспорта и связи, услуг и торговли.

Что касается непосредственно Вологодской области, то социальная стратификация её населения за последние 5 лет претерпела некоторые изменения (рис. 3.3.6).

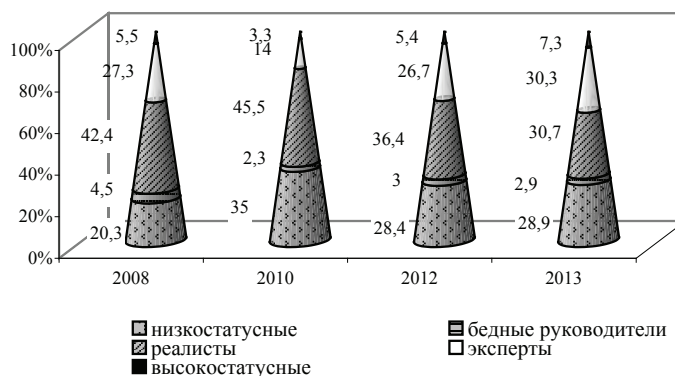

Рис. 3.3.6. Социальная стратификация населения Вологодской области, 2008–2013 гг., % (по результатам кластерного анализа)

Прежде всего, обращают на себя внимание изменения, произошедшие за период с 2008 по 2010 г., на наш взгляд, имеющие непосредственное отношение к негативным последствиям мирового финансового кризиса. Увеличилась численность «реалистов» (на 4 п.п.) и «низкостатусных» (на 15 п.п.), при этом в два раза сократились и без того малочисленные страты людей, обладающих властными полномочиями, а также число «экспертов» (с 27 до 14 %).

Резкое снижение в указанный период социального статуса населения было очевидным. Однако после 2010 г. начался обратный процесс – расширения группы «экспертов» и сужения слоя «реалистов» (в 2,2 и 1,5 раза соответственно), что привело к выравниванию их наполняемости в 2013 г. (по 30%). Приближается к отметке в 30% и кластер «низкостатусных», численность которого

составила 29%. Самыми же малочисленными стратами были и остаются «высокостатусные» (7%) и «бедные руководители» (3%), что в целом согласуется с результатами общероссийских исследований²⁰³.

Оценивая свой социальный статус, большинство населения регионов СЗФО (59%) относит себя к среднему слою (табл. 3.3.7).

Таблица 3.3.7. Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя в своем городе (селе)?», 2013 г., в %

Регион	Верхний слой	Слой выше среднего	Средний слой	Слой ниже среднего	Нижний слой	Затрудняюсь ответить
Республика Карелия	0,8	6,8	66,6	19,1	3,0	3,8
Республика Коми	0,5	5,9	70,1	16,3	3,7	3,5
Архангельская область	0,8	9,5	60,0	13,5	3,0	13,3
Вологодская область	0,7	7,3	55,8	20,1	6,1	10,1
Калининградская область	0,5	8,0	57,3	23,5	6,5	4,3
Ленинградская область	6,0	15,7	55,6	14,5	3,5	4,7
Мурманская область	2,5	10,8	51,2	19,6	6,1	9,8
Новгородская область	1,0	5,8	58,5	22,0	6,0	6,8
Псковская область	2,0	11,0	54,8	16,3	9,8	6,3
г. Санкт-Петербург	2,5	12,7	58,4	14,2	2,7	9,5
Среднее по СЗФО	1,7	9,4	58,8	17,9	5,0	7,2

Причем в масштабе «город/село – регион – страна» происходит снижение данного показателя и увеличение значений, характеризующих идентификацию населения с низшими слоями общества. Наиболее представительный средний слой отмечен в Республике Коми (70%) и Республике Карелия (67%), наименее – в Мурманской области (52%). В Вологодской области размер среднего слоя примерно равен среднеокружному показателю – 56–58%. Верхние социальные слои наиболее широко представлены в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге (15–22%)²⁰⁴.

При сопоставлении данных, полученных в ходе исследования социальной стратификации населения СЗФО разными способами, очевидно то, что наполняемость слоев существенно отличается: ширина нижнего слоя увеличивается

²⁰³ Беляева Л.А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Курск, 25–28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. – С. 38.

²⁰⁴ Соловьева Т.С. Экономическая дифференциация населения и модернизация территорий // Вестник НГУЭУ. – 2015. – № 1. – С. 28-39.

от модели 1 к модели 2 (табл. 3.3.8). Та же ситуация характерна для слоев, занимающих верхние позиции. Соответственно обратная тенденция наблюдается в отношении слоев «среднего» и «ниже среднего».

Таблица 3.3.8. Три варианта социальной структуры населения СЗФО, 2013 г.

Слои населения	1*	3**
Верхний	1,7	9,8
Выше среднего	9,4	32,9
Средний	58,8	30,1
Ниже среднего	17,9	3,7
Нижний	5,0	23,6

* Самоидентификация населения с социальным слоем (см. табл. 3.1.7).
 ** Социальные страты по результатам кластеризации (см. табл. 3.1.5).

На основании EGP-схемы, разработанной Дж. Голдторпом, Р. Эриксоном и Л. Портокареро²⁰⁵, нами была изучена социально-классовая структура населения СЗФО с точки зрения дифференциации по положению на рынке труда. Данная схема была выбрана, потому что является наиболее распространенной и фактически стандартной при проведении исследований социальной стратификации. Кроме того, в типологии Голдторпа учитываются помимо работы сфера занятости, образование, квалификация, уровень заработка, тип контракта и т.д., что делает эту шкалу больше социальной, чем профессиональной.

На основании данной методики всё население было разделено на три социальных класса, включающих в себя несколько подклассов:

1. Высший класс: специалисты, администраторы и менеджеры (управленцы), имеющие высшую квалификацию.
2. Промежуточный класс:
 - а) специалисты, администраторы и менеджеры средней и низшей квалификации; мелкие работодатели; высококвалифицированный технический персонал;
 - б) работники рутинного нефизического труда;
 - в) самозанятые (включая сельскохозяйственных работников) с наемными работниками и без.

²⁰⁵ Erikson R., Goldthorpe J.H., Portocarero L. Intergenerational class mobility in three Western European societies: England, France and Sweden // British Journal of Sociology. – 1979. – № 30. – P. 415–451.

3. Рабочий класс:

- а) квалифицированные рабочие;
- б) низкоквалифицированный технический персонал; прорабы;
- в) неквалифицированные рабочие, занятые преимущественно не в сельском хозяйстве²⁰⁶.

Результаты исследования показали, что в Северо-Западном федеральном округе доминирующими прослойками являются промежуточный и рабочий классы (35–36%; табл. 3.3.9).

Таблица 3.3.9. Социальные классы в регионах СЗФО, выделенные согласно ЕGP, 2013 г., %

Регион	Высший класс	Промежуточный класс			Рабочий класс		
	1а	2а	2б	2в	3а	3б	3в
Республика Карелия	15,3	33,9	10,6	0,8	2,3	19,6	5,5
Республика Коми	11,6	21,7	5,9	1,2	3,5	29,4	7,2
Архангельская область	13,3	17,8	9,8	0,8	3,5	31,5	4,8
Вологодская область	9,5	21,0	8,1	2,8	4,2	33,2	10,9
Калининградская область	8,8	33,5	7,5	1,8	3,0	18,3	3,8
Ленинградская область	19,2	21,4	12,2	5,7	1,2	24,2	7,0
Мурманская область	18,6	25,0	10,0	1,5	3,4	26,5	5,1
Новгородская область	13,5	22,5	8,5	4,8	3,0	29,8	3,8
Псковская область	16,5	16,5	11,3	8,3	2,0	22,3	8,5
г. Санкт-Петербург	19,5	26,9	7,5	1,5	2,0	28,2	6,7
СЗФО	14,6	24,0	9,1	2,9	2,8	26,3	6,3

Высший класс наиболее представлен в г. Санкт-Петербурге, Ленинградской и Мурманской областях (19–20%). Как в центре СЗФО, в г. Санкт-Петербурге сосредоточено большое количество крупнейших предприятий и организаций, для которых, естественно, требуются только высококвалифицированные кадры. В Ленинградской области значительна доля малого предпринимательства, что связано с особенностями статистического учета: к малым предпринимателям отнесена часть сельских самозанятых, численность которых выросла в 1990-е годы²⁰⁷. В Мурманской области большая часть высшего класса представлена работниками органов управления, и это обусловлено сложившимся дробным административным делением этой территории.

Рабочий класс преобладает в Вологодской, Архангельской областях и Республике Коми (38–48%). В двух последних регионах это объясняется ресурсо-

²⁰⁶ Erikson R., Goldthorpe J.H., Portocarero L. Там же.

²⁰⁷ Социальный атлас российских регионов [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://atlas.socpol.ru/portraits/len.shtml>

добывающей специализацией, в Вологодской области – значительной занятостью населения в промышленности (более 30%). Стоит отметить высокую наполняемость промежуточного класса в регионах СЗФО, вызванную повышением массовости получения высшего образования и распространением непрерывного образования²⁰⁸.

Л.А. Беляева предлагает следующую интерпретацию социальной структуры на основе социальных классов, выделенных в соответствии со схемой EGP:

1. «Белые воротнички»: высший (1а) слой управленцев и экспертов и верхний слой промежуточного класса (2а).
2. «Серые воротнички»: работники нефизического труда в управлении и коммерции (2б).
3. «Мелкая буржуазия», включающая собственников, занятых в сельском хозяйстве (2в).
4. «Синие воротнички», или рабочий класс (3а, 3б, 3в)²⁰⁹.

Исходя из данной классификации, можно отметить, что в регионе примерно равное соотношение «белых» и «синих воротничков» (38,6% против 35,4% соответственно; *рис. 3.3.7*). Причем доля первых сопоставима с долей аналогичной группы в развитых странах Запада (30% в Великобритании; 39% в Дании²¹⁰), однако для развитых стран характерна более низкая численность рабочего класса (в Великобритании – 32%, в Норвегии и Швеции – 28–29%). Удельный вес населения, относящегося к «мелкой буржуазии», весьма невысок (порядка 2–3%). Наиболее широко данный класс представлен в Псковской и Ленинградской областях (8,3 и 5,7% соответственно), что естественно, так как в этих регионах велика доля населения, занятого в сельском хозяйстве. Относительно небольшая численность «серых воротничков», составляющая около 9%, говорит о недостаточном развитии сектора услуг.

²⁰⁸ Соловьева Т.С. Социальная стратификация населения СЗФО на основе схемы EGP // Молодые ученые – экономик: сб. работ молодежной научной школы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – Вып. 14. – 335 с.

²⁰⁹ Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/3_97_2010_Belyaeva.pdf (4.04.2015).

²¹⁰ По данным Европейского социального исследования 2010 г.

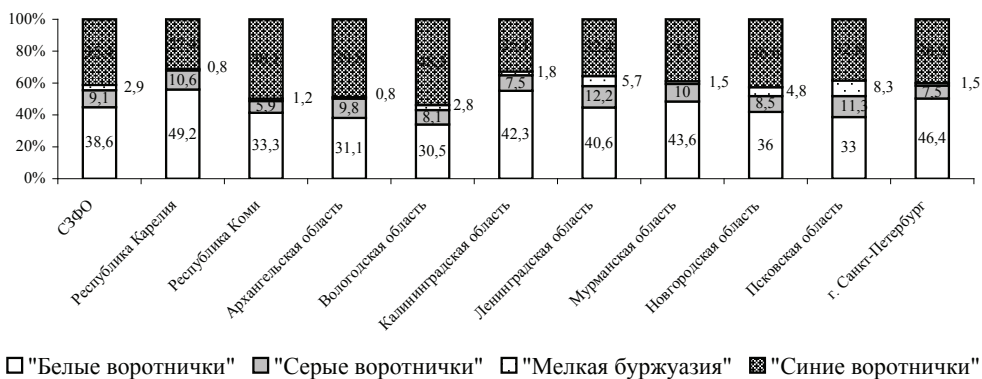

Рис. 3.3.7. Классовые группы СЗФО, 2013 г., %

Можно констатировать, что в структуре населения Республики Карелия и г. Санкт-Петербурга происходит сдвиг в направлении экономики услуг, отмечается высокая доля квалифицированных специалистов и менеджеров. Социальная структура Вологодской и Архангельской областей, а также Республики Коми приближена к индустриальному типу (высокая доля рабочего класса, относительно невысокая по сравнению с другими численность квалифицированных специалистов). Стоит отметить, что в СЗФО глубина верхнего слоя по различным версиям стратификации колеблется от 2 до 10% (по общепринятым меркам – 5–7%). Это наиболее образованные люди, имеющие властные полномочия и высокий уровень дохода. Средний слой населения варьируется от 30 до 59%. Последняя цифра является завышенной, так как была сформирована на основе субъективной самооценки населением своего социального статуса, а представления большинства граждан о среднем классе (слое) достаточно размыты. В России численность данной страты находится в пределах от 3 до 30 % («идеальный средний класс») и до 60% («перспективный средний класс»²¹¹). Низший слой населения СЗФО в зависимости от применяемой методики составляет от 5 до 24% (по мнению Н.Е. Тихоновой, порядка 16%²¹²).

Конечно, очень сложно создать объективную, реальную модель социальной структуры населения России. Она находится в постоянном движении, на

²¹¹ Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 1. – С. 28–36.

²¹² Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М.: Росспэн, 1999. – 320 с.

нее влияет множество факторов (например, теневая экономика, наличие которой создает сложности с реальной оценкой статуса населения по критериям дохода и образования²¹³). Однако попытки изучения различных аспектов социальной стратификации не прекращаются и необходимы в будущем, поскольку их реализация – это ключ к пониманию проблем общества, причем не столько социально-экономических, сколько культурно-ценностных. И здесь мы вплотную подходим к еще более сложному вопросу – к социокультурной стратификации населения.

В целом социокультурная стратификация является более емким понятием, чем социальная стратификация. Она включает в себя и социальные, и культурные составляющие. Причем, как отмечает Ж.Т. Тощенко, очень непросто выделить и квалифицировать культурные образования²¹⁴.

Если социальная стратификация – это классификация населения по достаточно различимым и измеримым характеристикам: уровень дохода, наличие власти, образование, социальное происхождение и т.п., то социокультурная стратификация – это также выделение в обществе групп, однако имеющих еще более своеобразные, более-менее сходные ментальные и культурные образы; и эти группы не всегда могут различаться по признакам, лежащим в основе социальной стратификации. Именно поэтому для исследования социокультурной стратификации населения социологический анализ является наиболее информативным методом.

Методика исследования социокультурной стратификации, примененная в ИСЭРТ РАН, базируется на исследованиях Б. Барбера, Л.А. Беляевой, Е.М. Бабосова, Н. Ковалиско и Р. Савчинского и др.

Информационной базой для исследования послужили данные социологического опроса населения регионов Северо-Западного федерального округа

²¹³ Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: в 2 т. / С.С. Сулакшин, С.В. Максимов, И.Р. Ахметзянова и др. – М. : Научный эксперт, 2008. – Т. 1. – 464 с.; Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: уч. пос. / под ред. В.Я. Кикотя, Г.М. Казиахмедова. – М. : Норма, 2006. – 321 с.; Тадтаев Д.М. Теневая экономика как системная угроза экономической безопасности региона // Российское предпринимательство. – 2013. – № 6 (228). – С. 138-142.

²¹⁴ Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. – М. : Прометей, Юрайт, 2001. – С. 45.

(2013 г.). Само выделение страт производилось на основе кластерного анализа с предварительным факторным анализом и расчетом наиболее информативных связей²¹⁵ (приложение б).

С целью разделения респондентов на слои (типы), имеющие схожие характеристики и не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого, был применен кластерный анализ (метод К-средних). Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество выделенных кластеров – пять. Во-первых, это обеспечивает достаточную дифференциацию массива и различие кластеров по характеристикам попавших в них респондентов; во-вторых, сохраняет наполняемость кластеров (в самом меньшем из них получилось 10% опрошенных). Дальнейшее увеличение числа кластеров привело бы к необоснованному сокращению их объема.

По характеристикам респондентов в выделенных кластерах можно заключить, что мы имеем дело с социокультурными стратами, различающимися между собой иерархическим местом в социальной системе, пространственной локализацией, субъективными характеристиками, мировосприятием, ценностными установками, интересами.

Первый кластер («гуманисты») – это люди с высшим (незаконченным высшим) образованием (100%), не имеющие подчиненных на работе (75%) или имеющие не более 5 человек (25%), хорошо материально обеспеченные (83%), относящие себя в основном к среднему социальному слою и выше (77%). Наиболее значимой ценностью для них является человеческая жизнь: «Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами» (80%), «Люди и государство должны больше всего заботиться о детях» (80%) и «Самое ценное на свете – это человеческая жизнь, и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах» (86%). По численности данный кластер объединяет 30% населения СЗФО. Максимально он представлен в Санкт-Петербурге (39% населения) и Ленинградской области

²¹⁵ Ласточкина М.А. Социокультурная стратификация современного российского общества [Эл. рес.] // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 5. – Реж. дост.: <http://human.snauka.ru/2014/05/6756> (дата обращения: 16.10.2015).

(36%), а также в Республике Карелия (35%, *рис. 3.3.8*). Наименее – в Калининградской и Новгородской областях (22%).

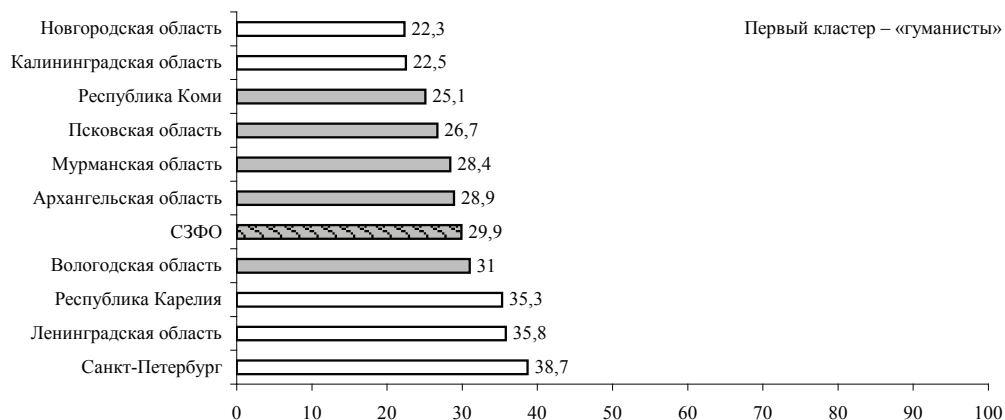

Рис. 3.3.8. Доля населения в кластере «гуманисты» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

Примечание. Здесь и на рис. 3.3.9–3.3.12 серой заливкой выделены регионы, значения показателей которых входят в интервал одного стандартного отклонения от среднего уровня.

Второй кластер («обыватели») – это люди, которые имеют в основном среднее и среднее специальное образование (90%), не имеют подчиненных на работе (90%), это среднеобеспеченные (76%), относящие себя преимущественно к среднему социальному слою и ниже (92%). Наиболее значимая ценность для них – это человеческая жизнь. Кластер «обывателей» (как и «гуманистов») включает в себя чуть менее трети населения федерального округа (29%), однако он сильно дифференцирован по регионам: от 15% в Ленинградской области до 45% в Республике Коми (*рис. 3.3.9*).

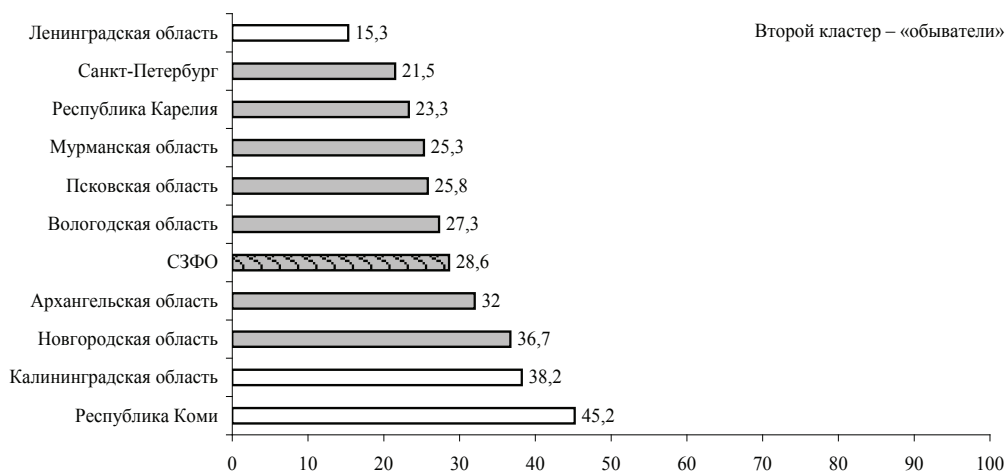

Рис. 3.3.9. Доля населения в кластере «обыватели» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

Третий кластер – «реалисты». Это люди со средним, средним специальным (61%) и высшим образованием (24,7%), в основном не имеющие подчиненных на работе (90%), бедные (100%), относящие себя к среднему социальному слою и ниже (97%). По их мнению, наиболее значимы такие ценности, как человеческая жизнь, семья и дружба («В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения» – 75%). К числу «реалистов» относится каждый пятый житель СЗФО (22%). Наиболее многочисленна данная страта в Псковской области и Калининградской (29–30%; *рис. 3.3.10*). В два раза меньше она представлена в Республике Коми и Ленинградской области (15–16%).

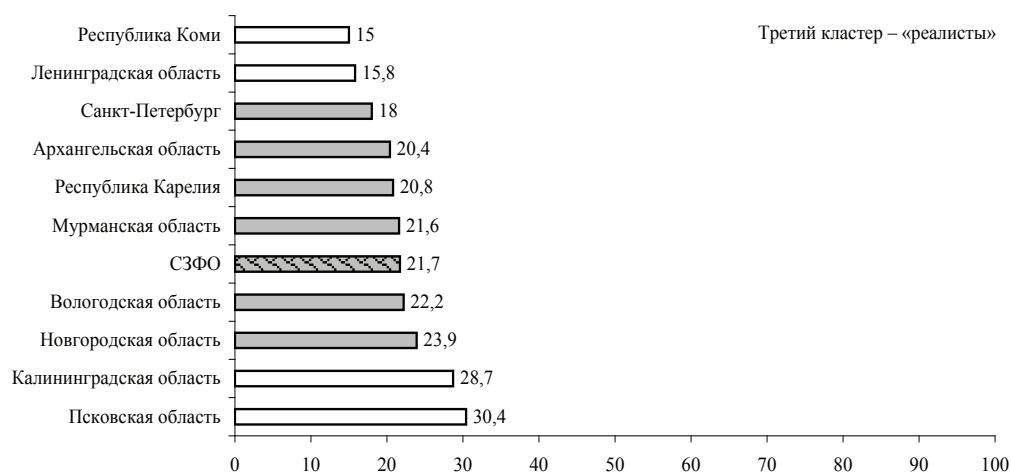

Рис. 3.3.10. Доля населения в кластере «реалисты» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

В четвертый кластер («активисты») входят люди с высшим образованием (70%), имеющие подчиненных на работе (100%), хорошо материально обеспеченные (85%), относящие себя в основном к среднему социальному слою и выше (92%). Их наиболее значимые ценности – это человеческая жизнь, а также трудолюбие и стремление к самопродвижению («Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям» – 71%). К «активистам» относится 10% населения СЗФО. При этом доля Ленинградской области в 2 раза превосходит остальные региональные значения (*рис. 3.3.11*).

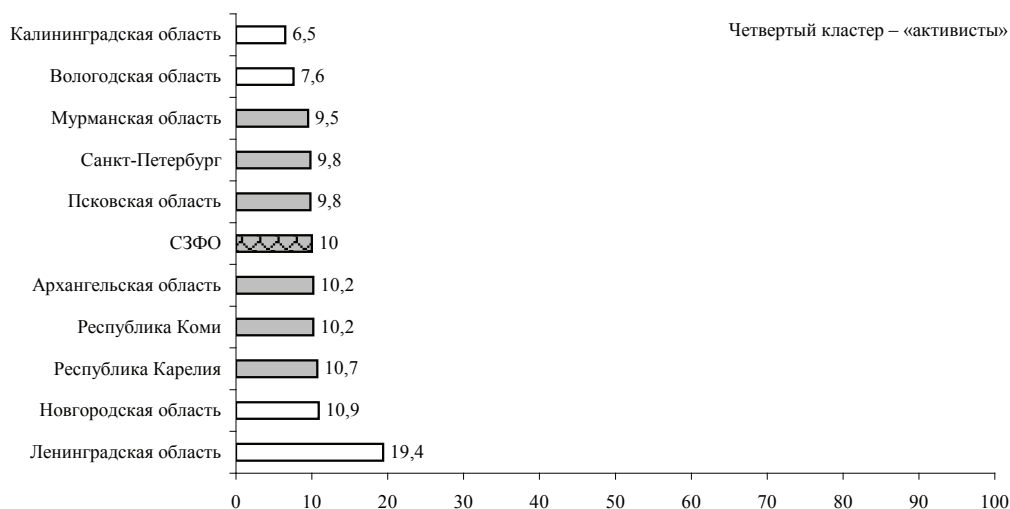

Рис. 3.3.11. Доля населения в кластере «активисты» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

И, наконец, пятый кластер («скептики») – это люди со средним специальным образованием (66%), не имеющие подчиненных на работе (86%) или имеющие не более 5 человек (14%), среднеобеспеченные (67%), относящие себя к среднему социальному слою (86,6%). Наиболее значимой ценностью они считают человеческую жизнь. Вместе с тем они не ценят обычаи и традиции (64%), не приветствуют инициативу, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, если оказываются в меньшинстве.

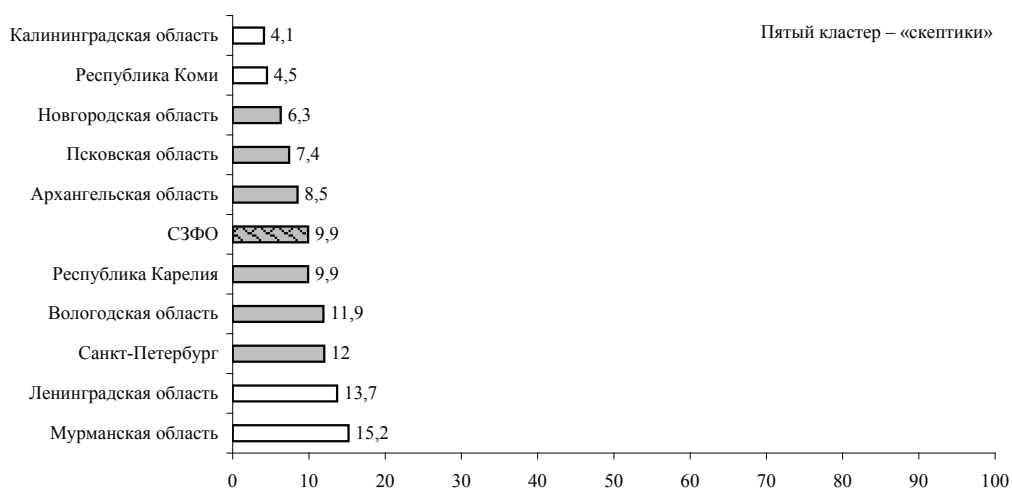

Рис. 3.3.12. Доля населения в кластере «скептики» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

В среднем по СЗФО доля «скептиков» (как и «активистов») составляет около 10% (рис. 3.3.12). Его отличительной характеристикой является более слабая, чем в других кластерах, региональная дифференциация.

В целом социально-культурная стратификация по Северо-Западному федеральному округу имеет следующий вид: наиболее многочисленны и практически равны по объему первый и второй кластеры – «гуманисты» и «обыватели» (30 и 29% соответственно). К числу «реалистов» относится 22% респондентов; каждый десятый житель СЗФО, по принятой нами классификации, относится к числу «активистов» или «скептиков» (табл. 3.3.10).

Таблица 3.3.10. Распределение населения регионов СЗФО по кластерам социокультурной стратификации, в % (2012 г.)

Территория	1 кластер («гуманисты»)	2 кластер («обыватели»)	3 кластер («реалисты»)	4 кластер («активисты»)	5 кластер («скептики»)	Итого
1 группа						
Санкт-Петербург	38,7	21,5	18,0	9,8	12,0	100
Ленинградская область	35,8	15,3	15,8	19,4	13,7	100
Республика Карелия	35,3	23,3	20,8	10,7	9,9	100
2 группа						
Республика Коми	25,1	45,2	15,0	10,2	4,5	100
Калининградская область	22,5	38,2	28,7	6,5	4,1	100
Новгородская область	22,3	36,7	23,9	10,9	6,3	100
3 группа						
Вологодская область	31,0	27,3	22,2	7,6	11,9	100
Мурманская область	28,4	25,3	21,6	9,5	15,2	100
Архангельская область	28,9	32,0	20,4	10,2	8,5	100
Псковская область	26,7	25,8	30,4	9,8	7,4	100
СЗФО	29,9	28,6	21,7	10,0	9,9	100
<i>Среднее</i>	<i>29,5</i>	<i>29,1</i>	<i>21,7</i>	<i>10,5</i>	<i>9,4</i>	
<i>Среднеквадратичное отклонение</i>	<i>5,7</i>	<i>8,9</i>	<i>5,0</i>	<i>3,4</i>	<i>3,8</i>	
<i>Среднее + среднеквадратичное отклонение</i>	<i>35,1</i>	<i>38,0</i>	<i>26,7</i>	<i>13,9</i>	<i>13,2</i>	
<i>Среднее - среднеквадратичное отклонение</i>	<i>23,8</i>	<i>20,1</i>	<i>16,7</i>	<i>7,0</i>	<i>5,5</i>	

В целом суть исследований социокультурной стратификации заключается в том, что это позволяет связывать объем материальных благ, властных полномочий, образовательного уровня и т.д. с ценностными ориентирами населения, с характером познавательных потребностей, отношением к традициям. Именно принятие населением тех или иных ценностно-мотивационных аспектов, норм морали, нравственных императивов, традиционных устоев даёт возможность сделать вывод о наличии в разных сферах социальной деятельности страт

разными культурными признаками. К примеру, результаты наших исследований показывают, что страты имеют более выраженные характеристики материального положения и статусно-слоевой самоидентификации и менее выраженные нравственно-ценностные ориентиры. О чем это говорит? О двух важных характеристиках российского общества: во-первых, о том, что материальные факторы превалируют над нематериальными (по крайней мере, для нашей страны и, по крайней мере, на данном этапе развития); и во-вторых, о том, что особенности менталитета современного общества не сильно подвержены изменениям и имеют общий вектор социальных и индивидуальных ценностей: в обществе не потеряно чувство ответственности, оптимизма и коллективизма. Несмотря на социальное расслоение (по уровню дохода, образования, этническому составу, классам, слоям и т.д.), существуют социокультурные явления, сплачивающие людей и препятствующие распаду российского общества.

Конечно, роль нематериальных факторов сильна и может проявлять себя очень ярко (2014 год наглядно доказал это), но настолько ли она стабильна? Пожалуй, в долгосрочном измерении уровень и качество жизни, социальное неравенство (не только по доходам, а в широком смысле этого слова) гораздо сильнее влияют на российское общество, и 20-летний период трансформации проходит именно под их знаком.

Таким образом, проведенный анализ показал, что имеющиеся традиционные социальные лифты работают плохо, а в некоторых случаях не работают вовсе. Так, например, обычная для развитых стран цепочка «Образование – Профессия – Доход» в России все больше приобретает вид «Доход – Образование – Профессия», в которой образование утрачивает роль фактора восходящей мобильности.

Бедные слои населения оказываются полностью исключенными из спектра возможностей получения качественного образования как основы дальнейшего жизненного успеха, лишь крайне малая доля малообеспеченных может оплачивать посещение детьми платных кружков или повышение уровня своего обра-

зования или квалификации. Основными потребителями платных образовательных услуг являются благополучные слои населения. Образование не только перестает быть фактором восходящей мобильности, но и постепенно исключается из совокупности стратифицирующих факторов.

Выходцы из сельских поселений, из провинциальной, слабо дифференцированной среды демонстрируют в среднем меньший темп социального продвижения и более узкие возможности варьировать области приложения своего труда, чем выходцы из городских поселений, из урбанизированных центров. Все эти проблемы вызывают необходимость формирования новых, дополнительных каналов социальных переходов, что позволит обеспечить увеличение среднего класса, а также существенно снизить социальное неравенство населения.

Подводя итоги этого параграфа, следует отметить, что в современном российском обществе имущественное неравенство вызывает увеличение неравенства карьерных траекторий выходцев из семей с разным социально-экономическим и культурным статусом. Это создает двойную угрозу:

✓ для настоящего, поскольку нереализованные возможности россиян соотносятся с чувством несправедливости, которое они испытывают по отношению ко всему происходящему в современной России, а в российской культуре роль «справедливости-несправедливости» очень велика²¹⁶;

✓ и для будущего, поскольку результаты наших исследований свидетельствуют о наличии взаимосвязи между уровнем социальной мобильности населения и модернизованности территорий. Чем выше уровень модернизованности²¹⁷, тем выше мобильность населения²¹⁸ (рис. 3.3.13).

²¹⁶ Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества [Эл. рес.]. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – 54 с. – Реж. дост.: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html (05.06.2015).

²¹⁷ Уровень модернизованности рассчитан сотрудниками ИСЭРТ РАН с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

²¹⁸ Соловьева Т.С. Экономическая дифференциация населения и модернизация территорий // Вестник НГУЭУ. – 2015. – №1. – С. 28-39.

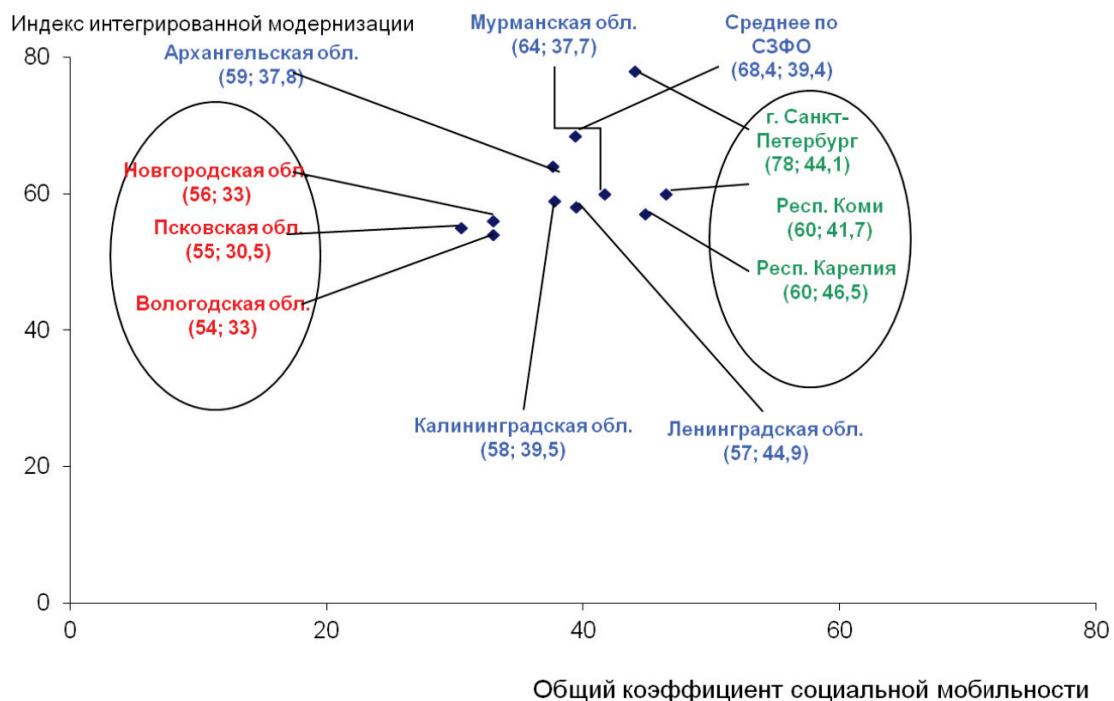

Рис. 3.3.13. Взаимосвязь уровня социальной мобильности и уровня модернизированности территории

Как мы видим, процессы стратификации и социальной мобильности в российском обществе имеют социально- и культурно-деформированный характер. Во многом это произошло в результате бесконтрольной приватизации в начале 90-х годов прошлого века, предопределившей масштабный рост неравенства в доходах и концентрацию национального богатства в руках узкого слоя богатых собственников.

Годы реформ привели к серьезным переменам не только в экономической, но и в социальной жизни России. На протяжении всего двух десятилетий качественно изменилась и структура общества, и социальный статус большинства его членов. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в ходе прошедшей за эти годы глобальной трансформации над десятками миллионов людей невольно был поставлен эксперимент по проблемам стратификации. При этом одни, перепробовав разные поведенческие стратегии, сумели успешно «вписаться» в новое общество и, по крайней мере, не потерять свои статусные позиции или даже улучшить их. Другие сползли вниз по «социальной лестнице», причем

скольжение по ней подчас приобретало для них поистине трагический характер²¹⁹.

В сложившихся в стране условиях высокой актуальности проблемы экономического неравенства и социальных диспропорций, на фоне обостренной в обществе потребности в социальной справедливости важным фактором развития является положение среднего класса – этого «специфического социального субъекта, без которого невозможно ни создать эффективную рыночную экономику современного типа, ни сформировать гражданское общество, ни, и это, может быть, самое главное, реализовать в массовом масштабе ту модель жизни, которая является оптимальной, по мнению большинства россиян»²²⁰. Сегодня существует множество научных подходов к определению численности и специфических характеристик среднего класса в России (это само по себе свидетельствует о всё возрастающей его роли в жизни общества). Основные результаты наших исследований будут представлены в следующем параграфе.

3.4. СРЕДНИЙ КЛАСС КАК КЛЮЧЕВОЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ²²¹

Если в обобщенном виде в структуре можно выделить три социальных слоя (верхний, средний и нижний), то основой для продвижения (осуществления) модернизационных преобразований в стране будет являться средний класс. По крайней мере, этого мнения придерживаются многие видные ученые²²², и мы его полностью разделяем.

²¹⁹ Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность – М. : Новый Хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. – С. 6.

²²⁰ Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность – М. : Альфа-М, 2009. – С. 8.

²²¹ Соловьева Т.С., Шабунова А.А. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №4 (34). – С. 113–129.

²²² Коврыжко В.В. Модернизационный вектор посткризисного развития российской экономики : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – Ростов н/Д, 2010. – 207 с.; Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 19-28; Модернизация России: условия, предпосылки, шансы : сб. ст. и материалов / под ред. В.Л. Иноземцевой. – Вып. 2. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 272 с.; Экономическая безопасность России: общий курс: учеб. / под ред. В.К. Сенчагова. – 2-е изд. – М. : Дело, 2005. – 896 с.

Представители среднего класса обладают значительным креативным потенциалом, высокой социальной активностью, то есть характеристиками, играющими важную роль в формировании человеческого капитала, необходимого для становления инновационной экономики. Средний класс объединяет в себе высококвалифицированные кадры, отличающиеся профессионализмом, имеющие стабильный доход, который они тратят на приобретение наилучших по соотношению цена/качество товаров и услуг, тем самым формируя своим спросом рынок и стимулируя развитие промышленности и сферы услуг. В то же время средний класс «является основным производителем и потребителем массовой, городской культуры, представляющей собой основу национальной культуры»²²³.

По мнению экспертов, «государственная политика, связанная с укреплением позиций среднего класса, способного выступить гарантом стабильного и поступательного развития России, а также носителем ее инновационного потенциала», должна быть положена в основу формирования и развития сильного гражданского общества. «Темп экономических, политических, социальных преобразований в значительной мере будет зависеть и от возможно быстрого формирования фундамента любого развитого современного государства – среднего класса»²²⁴.

Наконец, постоянное увеличение численности среднего класса является одним из важных целевых ориентиров Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года. К этому времени представительство среднего класса в стране должно составить не менее 55–60% её населения²²⁵.

Обоснование необходимости формирования среднего класса многократно отмечалось в посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ начиная с 1998 г. (*табл. 3.4.1*).

²²³ Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества – М. : МГУКИ, 2002. – 146 с.

²²⁴ Осипов Г.В., Кузнецов В.Н. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения). – М. : Вече, 2005. – 568 с.

²²⁵ О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – 24 нояб.

Таблица 3.4.1. Задачи и значение среднего класса, отмеченные в посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ

Президент	Понимание важности формирования среднего класса
Б.Н. Ельцин	Масштабный и устойчивый средний класс – это основа гражданского общества и стабильности конституционного строя; задачи подъема страны и формирования среднего класса теснейшим образом взаимосвязаны... именно он в состоянии стать опорой и двигателем подъема российской экономики [1998].
В.В. Путин	Необходимо формирование среднего класса за счет роста малого и среднего бизнеса, который нуждается в государственной поддержке [2007].
Д.А. Медведев	«Идеальный» представитель среднего класса (имеется в виду идеал, к которому, по мнению Д.А. Медведева, необходимо стремиться в будущем) во многом схож с характеристиками западного среднего класса. Это талантливый, критически мыслящий, проявляющий гражданскую активность, интеллектуально свободный, ответственный гражданин, который «ценит общественную стабильность и уважает закон, может брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке, городе, понимает, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии» [2009].
Источники: Послание Президента России Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ «Общими силами – к подъему России», 1998 г. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.intelros.org/lib/elzin/1998.htm (дата обращения: 24.03.2014); Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ, 2007 г. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html (дата обращения: 24.03.2014); Послание Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ, 2009 г. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html (дата обращения: 24.03.2014).	

В. Путин в своей программной статье перед выборами 2012 г. указывал на то, что средний класс «должен расти дальше, стать большинством в обществе, пополниться за счет тех, кто тащит на себе страну: врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих»²²⁶. Забота о благополучии среднего класса во многих развитых странах является приоритетным направлением государственной политики. В Послании 2013 г. Конгрессу США Б. Обама подчеркнул, что «главная долгосрочная задача нынешнего правительства США – это восстановление роли среднего класса как двигателя американской экономики»²²⁷. Президент Франции Ф. Олланд в своей предвыборной платформе предлагал «поднять Францию на ноги» путём создания инвестиционного общественного банка, финансирующего развитие малых и средних предприятий, содействующего экологической и энергетической конверсии промышленности, превращения малых и средних предприятий в экономический приоритет для Франции, оказания помощи в развитии новых технологий и «цифровой экономики»²²⁸, делая основную ставку на укрепление позиций среднего класса в стране.

²²⁶ Путин В.В. Россия сосредотачивается: вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – 2012. – 16 янв.

²²⁷ Obama Pledges Push to Lift Economy for Middle Class [Эл. рес.]. – The New York Times, 2013. – 13 February. – Реж. дост.: <http://www.nytimes.com/2013/02/13/us/politics/obama-delivers-state-of-the-union-address.html> (дата обращения: 25.04.2014).

²²⁸ Костюк Р. Франсуа Олланд взял на себя обязательства перед Францией [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/02/09/12723.html> (дата обращения: 24.04.2014).

Таким образом, роль среднего класса для общественного развития переоценить крайне сложно. Однако, несмотря на понимание необходимости его укрепления и поддержки, по-прежнему существует множество вопросов, связанных с определением его границ, с выявлением специфических характеристик представителей среднего класса, возможностей их изучения.

На разных этапах развития научного знания смысл понятия «средний класс» менялся в зависимости от социально-экономических условий жизнедеятельности общества. Первые упоминания о среднем классе встречаются еще у Аристотеля, который усматривал в обществе три части: богатые, нищие и те, что посередине. Он отмечал, что «то государство, где средний класс более многочислен и силен, чем другие два класса вместе взятые, наиболее стабильно и лучше управляемо»²²⁹. Некоторые подходы к трактовке понимания данной категории представлены в *табл. 3.4.2.*

Таблица 3.4.2. Основные подходы к трактовке термина «средний класс»

Автор	Средний класс – это
К. Маркс, В.И. Ленин, М.И. Туган-Барановский и др.	– социальная прослойка, находящаяся между двумя основными противоборствующими классами (буржуазией и пролетариатом)
М. Вебер	– статусная группа, формируемая жизненными шансами индивидов: их индивидуальными способностями (образованием, квалификацией, мировоззрением) и характеристиками образа жизни, способа получения образования и профессии
Л. Уорнер, К. Дэвис, У. Мур, П. Сорокин	– элемент социальной структуры, выполняющий заданные этой структурой социальные функции (функции социального стабилизатора, проводника социальной мобильности, основного потребителя товаров и услуг, интегратора общественных интересов и пр.)
Дж. Голдторп, Д. Локвуд, Д. Груски	– «служебный класс» (профессионалы, менеджеры, администраторы), основными характеристиками которого являются умственный труд и доверие в служебных отношениях, а источниками его пополнения – шансы социальной мобильности и личные качества индивидов
Е.М. Аврамова	– социальная группа, расположенная на пересечении основных идентификационных признаков, к которым относятся: материальное благосостояние, наличие высшего профессионального образования и социальной идентификации со средним слоем
М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева	– класс, для которого характерны «высокие социальные установки и практики потребления
Источники: Маркс К., Энгельс Ф. Рабочий парламент // Соч. – 2-е изд. – 1958. – Т. 10. – С. 124; Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 169-183; Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. – М., 2008. – 320 с.; Warner L. What is Social Class in America. – New York: Irvington Publishers, 1949; Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.; Средний класс в России: количественные и качественные оценки / авт. кол.: Е.М. Аврамова, Л.М. Григорьев, Т.П. Космарская, Т.М. Малева (рук.), М.В. Михайлюк, Л.Н. Овчарова, В.В. Радаев, М.Ю. Урнов // БЭА. – М.: ТЕИС, 2000. – 286 с.; Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация / отв. ред. С.А. Белановский. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 160-177; Goldthorpe J., McKnight A. The economic basis of social class // Sociology Working Papers. – University of Oxford, 2003. – 245 p.	

²²⁹ Аристотель. Политика. – М., 1997. – С. 148-151.

По нашему мнению, под средним классом следует понимать занятое, социально активное население с высшим и средним специальным образованием, отождествляющее себя со средним классом, обладающее существенным культурным капиталом и стабильным доходом, позволяющим удовлетворять широкий спектр потребностей.

Не менее сложной является задача идентификации данной страты. Существует несколько вариантов определения её численности, отличающихся содержанием критериев, использованных для оценки. В разных странах эксперты идентифицируют средний класс по разным признакам, хотя во многом и схожим (табл. 3.4.3).

Таблица 3.4.3. Сравнение критериев выделения среднего класса

Страна	Критерии выделения среднего класса	Количественные значения
Россия	Высокий уровень профессионального образования Уровень дохода Образцы (уровень) потребления Стиль жизни Уровень самоидентификации	>6 ПМ
Украина	Уровень самоидентификации Уровень образования Материальное самочувствие Характер занятости	1000 долл. в месяц
Белоруссия	Наличие собственности Уровень дохода Уровень образования Престиж профессии Уровень самоидентификации Образ жизни Система ценностей и менталитет	2–3 МПБ (минимальных потребительских бюджета)
Германия	Уровень дохода Уровень образования Профессиональная принадлежность	1130–2420 евро в месяц
Китай	Уровень образования Уровень дохода Профессиональная принадлежность	10–100 тыс. юаней
США	Уровень дохода Уровень образования Уровень самоидентификации Использование кредита	25–100 тыс. долл. в месяц
Источники: Соколова Г. Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // Общество и экономика. – 2010. – № 7-8. – С. 199-218; Доброва Т.Г. Средний класс в Украине: субъективное восприятие и реальность // Вестник ОНУ им. И.И. Мечникова. – 2012. – Т. 17. – Вып. 2. – С. 67-75; Чжоу Сяохун. Китайский средний класс: реальность или иллюзия // Тяньцзинь шэхай кэсюэ. – Тяньцзинь, 2006. – № 2. – С. 60-66; Григорьев Л., Салмина А., Кузина О. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. – М.: ЭконИнформ, 2009. – 148 с.; Доля среднего класса в Германии [Эл. рес.]. – Реж. дост.: www.dw.de/dw/article/0,14772101.html (дата обращения: 24.03.2014); Who is the Middle Class? Retrieved on 2006-07-25 [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.pbs.org/now/politics/middleclassoverview.html (дата обращения: 24.03.2014).		

На панельной сессии «Средний класс стран БРИКС набирает силу», проведенной в рамках Петербургского международного экономического форума – 2013, главный экономист инвестиционной группы «Renaissance Capital» Чарльз Робертсон отметил, что «для представителей среднего класса независимо от страны их проживания характерно стремление к лучшим стандартам образования и здравоохранения. Кроме того, средний класс заинтересован в прозрачности отношений бизнеса и власти, а значит в борьбе с коррупцией»²³⁰.

Таким образом, понятие «средний класс» характеризуется довольно широким набором критериев. Однако основой для отнесения индивида к определенной страте служат его материальное положение и уровень образования. При этом представители среднего класса должны обладать высокой степенью вовлеченности в общественную и культурную жизнь.

По разным оценкам численность среднего класса в России колеблется в пределах от 3% («идеальный средний класс») до 30 и даже 60% («перспективный средний класс»)²³¹. Наиболее часто для идентификации данной категории специалисты используют следующие критерии: материальное положение (доход, сбережения, собственность), уровень образования, профессиональный статус, культурные ценности и т.д.

Ученые ИС РАН причисляют граждан к среднему классу по четырем критериям:

- ✓ уровень образования (наличие как минимум среднего специального);
- ✓ уровень благосостояния (доход не ниже средних цифр для данного поселения, количество товаров длительного пользования не меньше, чем у населения в целом);
- ✓ профессиональный статус (человек занят не физическим трудом);
- ✓ самоидентификация (когда свой статус в обществе человек оценивает не ниже, чем на четверку по 10-балльной шкале, а накопленный им человеческий капитал – опыт, связи, средства, возможности и пр. – приносит доход, позволяет найти работу, обеспечить семью, быть здоровым и радоваться жизни).

²³⁰ Средний класс стран БРИКС: проблемы в настоящем и будущем [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.dw.de> (дата обращения: 24.04.2014).

²³¹ Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // Обществ. науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 28-36.

Ученые отмечают, что за последние 10 лет доля среднего класса в составе населения России выросла с 29 до 42 %, при этом почти две трети его составляют женщины, а основой являются чиновники. Средний класс в России можно считать сравнительно молодым и городским, так как в большинстве своем это люди в возрасте до 40 лет (60% его численности), проживающие в городах и мегаполисах. Представители среднего класса более уверенно чувствуют себя на рынке труда, однако их готовность инвестировать в свое образование и квалификацию в течение последних лет сокращается, что является общероссийской тенденцией²³². Увеличение численности среднего класса (особенно той его части, которую составляет чиновничество) становится объяснимым, если учесть, что последние годы зарплата чиновников росла втрое быстрее, чем у остального населения. В итоге общий разрыв в доходах госслужащих и среднего россиянина стал почти трехкратным²³³.

Итак, в социальной структуре современного российского общества, как отмечает директор ИС РАН М.К. Горшков, средний класс занимает довольно благоприятные позиции, хотя и ощущает себя несколько «приниженым»²³⁴. Так ли это на региональном уровне?

По данным опроса²³⁵, проведенного ИСЭРТ РАН в 2013 г. на территории регионов Северо-Западного федерального округа, к среднему слою относит себя достаточно значительная часть общества (более 55%; табл. 3.4.4). Однако в масштабе «город/село → регион → страна» происходит заметное снижение удельного веса населения, соотносящего себя со средним слоем (с 59 до 42 %), и увеличение доли идентифицирующих себя с низшими слоями общества (с 5 до 13%).

²³² Средний класс в современной России: 10 лет спустя / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. – М., 2014. – 221 с.

²³³ Новиков В. Почему министр должен получать как машинист асфальтоукладчика? // Невское время. – 2013. – 21 нояб.

²³⁴ Железная середина. Почему наш средний класс никак не может озолотиться или забронзоветь [Эл. рес.] // Российская газета. – 2014. – 30 мая. – Реж. дост.: <http://www.rg.ru/2014/05/30/klass.html>

²³⁵ Выборочная совокупность опрошенных – более 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при доверительном интервале 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления.

Таблица 3.4.4. Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя: в своём городе (селе), в регионе и в масштабе своей страны?» (СЗФО; 2013 г.), в %

Вариант ответа	В своём городе/селе	В регионе	В стране
Верхний слой	1,7	0,9	0,9
Слой выше среднего	9,4	6,5	4,7
Средний слой	58,8	51,7	42,2
Слой ниже среднего	17,9	22,6	24,5
Нижний слой	5,0	6,9	13,2
Затрудняюсь ответить	7,2	11,5	14,6

Если ориентироваться на самооценки населения, то наиболее представительный средний слой отмечен в Республике Коми (70%) и Республике Карелия (67%), наименее – в Мурманской области (52%). В Вологодской области значение этого показателя примерно равно среднеокружному – 56–58%. Верхние социальные слои (верхние и слой выше среднего) наиболее широко представлены в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге (15–22%). Следует также отметить, что доля не определившихся с отнесением себя к той или иной категории возрастает пропорционально размеру территории, в рамках которой производится самоидентификация (с 7% для своего населенного пункта до 15% в масштабе страны)²³⁶.

Если определять численность среднего класса на основе пересечения нескольких критериев (например, по методике Л.А. Беляевой, учитывающей не только самоидентификацию, но и такие критерии, как материальный достаток, профессиональный статус и образовательный уровень населения²³⁷), то в целом по СЗФО масштабы среднего класса составляют порядка 30%. Из общего ряда выбиваются Республика Карелия (численность среднего класса около 40%), г. Санкт-Петербург (35%) и Псковская область (17%; *рис. 3.4.1*). Это обусловлено более высокими самооценкой материального положения и уровнем самоидентификации со средним слоем в Карелии и Санкт-Петербурге и, соответственно, более низкими – в Псковской области²³⁸.

²³⁶ Соловьева Т.С. Социальное самочувствие среднего класса в региональном социуме [Эл. рес.] // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 6. – Реж. дост.: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/34642> (дата обращения: 03.06.2014).

²³⁷ Беляева Л.А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Курск, 25–28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. – С. 38.

²³⁸ Шабунова А.А., Соловьева Т.С., Ласточкина М.А. Социальная структура и мобильность в российском обществе. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 191 с.

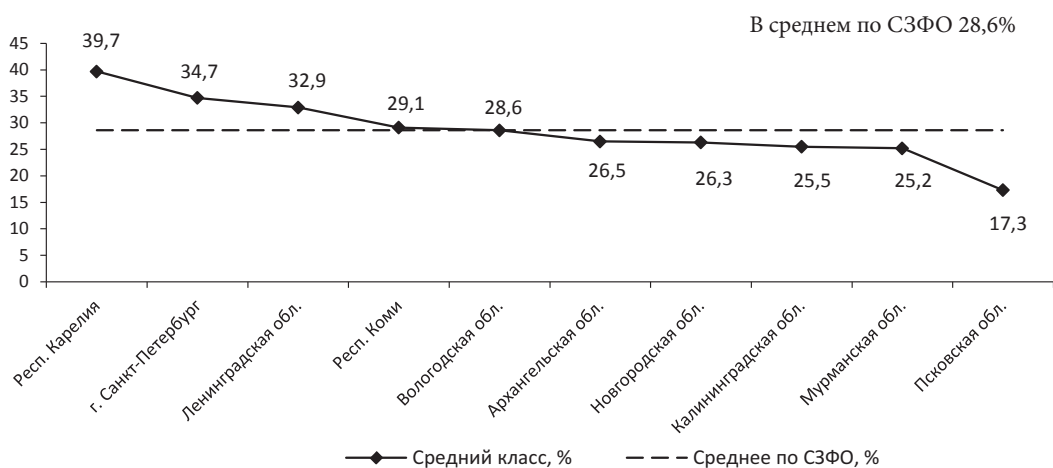

Рис. 3.4.1. Представительство среднего класса в регионах СЗФО в 2013 г.

В зависимости от методического подхода, который может быть применен для определения численности среднего класса, его наполняемость в Вологодской области составляет от 0,1 до 50%, что в целом отвечает общероссийским данным²³⁹ (табл. 3.4.5).

Таблица 3.4.5. Доля среднего класса в Вологодской области в соответствии с различными подходами

Подходы к оценке среднего класса и их критерии	Доля в %*		
	2010 г.	2012 г.	2013 г.
I. Критерий самоидентификации населения со средним классом	51	54	50
II. Критерии методики Л.А. Беляевой			
1. Самоидентификация	30	25	29
2. Материальный достаток			
3. Уровень образования (не ниже среднего специального)			
III. Критерии Фонда Бюро экономического анализа (БЭА)			
1. Материально-имущественное положение	3,2	н.д.	3,5
2. Образовательно-профессиональный статус			
3. Самоидентификация человека со средним классом			
IV. Критерии Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации			
1. Среднедушевой доход свыше 6 прожиточных минимумов	1	н.д.	1
2. Наличие автомобиля			
3. Банковские сбережения			
4. Возможность регулярного отдыха за границей			
V. Критерии Всероссийского центра уровня жизни			
1. Высшее образование			
2. Благоустроенное жилище двух видов (в городе и за городом)			
3. Автомобиль			
4. Половина дохода направляется на сбережение	0,1	н.д.	0,1
5. Здоровый образ жизни			
6. Возможность обеспечить детям высшее образование, необходимое лечение, стартовый капитал для приобретения жилья			
*Здесь и далее (табл. 3.4.6–3.4.9) расчёты выполнены инженером-исследователем ИСЭРТ РАН А.Н. Гордиевской.			

²³⁹ Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 19-28.

Около половины населения области относит себя к среднему слою. Причем в масштабе «город/село → регион → страна» происходит сокращение доли населения, соотносящего себя со средним слоем, и увеличение удельного веса населения, идентифицирующего себя с низшими слоями общества (табл. 3.4.6). Однако социальная идентификация личности является достаточно сложным процессом, на который накладывают отпечаток социально-экономические условия жизни индивида. Большинство людей соотносят себя не столько со средним классом в классическом его понимании, сколько со средним экономическим слоем²⁴⁰.

Таблица 3.4.6. **Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя: в своём городе (селе), в регионе и в масштабе своей страны?»**, Вологодская область, 2014 г.

Вариант ответа	Город/ село	Регион	Страна
Верхний слой	0,7	0,5	0,7
Слой выше среднего	7,3	5,1	3,7
Средний слой	55,8	50,9	41,7
Слой ниже среднего	20,1	23,9	24,8
Нижний слой	6,1	6,3	12,7
Затрудняюсь ответить	10,1	13,2	16,5

Увеличив число индикаторов до трёх (самоидентификация, материальный достаток, уровень образования – не ниже среднего специального), получим численность среднего класса в Вологодской области в 2013 году, равную в масштабах населенного пункта 29%, в масштабах региона – 27%, в масштабах страны – 21% (табл. 3.4.7). То есть с расширением масштабов от своего населенного пункта до страны уменьшается самоидентификация людей со средним слоем. Однако на протяжении последних пяти лет данный показатель в рамках каждой территории постоянно увеличивался, за исключением 2010 года, когда произошло резкое снижение самоидентификации населения со средним слоем в связи с последствиями мирового финансово-экономического кризиса.

²⁴⁰ Соловьева Т.С. Социальное самочувствие среднего класса в региональном социуме [Эл. pec.] // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 6. – Реж. дост.: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/34642> (дата обращения: 03.11.2015).

Таблица 3.4.7. Динамика численности среднего класса в Вологодской области, %

Год	Средний класс		
	Город/село	Регион	Страна
2010	13,7	11,6	8,5
2012	24,5	23,5	17,7
2013	28,6	26,5	20,7

Расчёты по методикам, в которых учитывались более узкие критерии (наличие сбережений, автомобиля, образование не ниже высшего и т.д.), показали, что доля среднего класса в регионе не превышает 3%. Основным фактором, ограничивающим расширение данной категории, является низкий уровень доходов населения, что влечёт за собой низкий уровень сбережений и обеспеченности материальными благами, невозможность в полной мере удовлетворять потребности в отдыхе, развлечениях.

Средний класс в регионе в рамках своего населенного пункта чаще представлен женщинами (табл. 3.4.8). Возрастной интервал соответствует 30–55 годам. Образование в основном высшее и послевузовское. Среди представительниц среднего класса, как правило, больше семейных людей, большинство из которых живет в городах. Основной костяк среднего класса составляют люди «обеспеченные», не имеющие властного ресурса, получившие среднее и высшее профессиональное образование, удовлетворенные своей жизнью.

Таблица 3.4.8. Социально-демографические характеристики среднего класса Вологодской области, 2008–2013 гг., в %

Социально-демографические характеристики	Средний класс			
	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
	21,1	13,7	24,5	28,6
<i>Пол/возраст</i>				
Мужчины до 30 лет	13,3	11,7	11,2	11,7
от 30 до 60 лет	26,6	25,4	22,4	23,8
старше 60 лет	4,4	4,4	7,3	6,1
Женщины до 30 лет	15,5	14,1	11,6	12,6
от 30 до 55 лет	32,0	33,7	31,7	28,7
старше 55 лет	8,2	10,7	15,8	17,2
<i>Образование</i>				
Среднее специальное (техникум и др.)	40,5	55,6	48,3	33,3
Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	15,5	7,8	7,3	7,0
Высшее	41,5	35,1	42,1	59,7
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	2,5	1,5	2,3	–
<i>Тип поселения</i>				
Город	83,0	74,2	72,2	83,0
Село	17,1	25,9	27,8	17,0

В целом полученный «социальный портрет» совпадает с данными Института социологии РАН, по оценкам которого типичный представитель российского среднего класса – это «молодая женщина-профессионал из крупного города, с высшим образованием, работающая по специальности, удовлетворенная своим социальным положением, доходом, карьерой и ростом возможностей для предпринимательства. Впрочем, доля предпринимателей среди российского среднего класса небольшая (как и в целом в стране)»²⁴¹.

В период с 2008 по 2013 г. в регионе происходили некоторые изменения социально-демографической структуры среднего класса. Прежде всего, обращает на себя внимание, что среди его представителей заметно увеличилась доля людей пенсионного возраста (с 15% в 2008 г. до 23% в 2013 г.), особенно женщин (их доля в среднем классе увеличилась в 2 раза). Как отмечает М.К. Горшков, за последние 5–7 лет благодаря социальной политике государства больше всего выиграли бедные, а не средние слои. Этому есть свое объяснение: были индексированы пенсии, социальные трансферты, льготы и прочее²⁴².

В 2010 г. ИСЭРТ РАН был разработан алгоритм выявления среднего класса, включающий следующие критерии²⁴³:

- среднемесячный доход 2,5 прожиточного минимума в расчёте на 1 человека (от 20 тыс. рублей для Вологодской области в 4 квартале 2013 года²⁴⁴);
- самооценка доходов («денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды», «покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей»);
- уровень образования не ниже среднего специального;
- должностной статус (рабочий, специалист, руководитель).

²⁴¹ Проценко А. Средний класс и «дети бюджета» // Труд. – 2014. – № 072. – 27 мая.

²⁴² Толстеев С. Россияне учатся самодостаточности [Эл. рес.] // Газета «Поиск». – 2014 – № 52. – Реж. дост.: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/12826/>

²⁴³ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – С. 51.

²⁴⁴ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.vologdatastat.ru/bgd/srochinf/Isswww.exe/Stg/d0314/i030010r.htm>

Для определения состава среднего класса применен кластерный анализ методом К-средних, исключая итерации. В соответствии со всеми критериями из массива населения региона была выделена категория, которая составила порядка 10%. Она была разбита на три подгруппы, схожие по вышеуказанным признакам, не выходящие за значения критерия, устанавливающие границы между кластерами. В итоге образовались кластерные центры, которые показывают преобладающие черты представителей каждой группы (табл. 3.4.9).

Таблица 3.4.9. Численность страт среднего класса и их кластерные центры в Вологодской области, 2008, 2010, 2013 гг.

Критерий	Страты среднего класса		
	Нижний слой («труженики») 2008 г. – 33%; 2010 г. – 19,8%; 2013 г. – 28,2%	Средний слой («интеллектуалы») 2008 г. – 48%; 2010 г. – 69,3%; 2013 г. – 61,6%	Высший слой («организаторы») 2008 г. – 19%; 2010 г. – 10,9%; 2013 г. – 10,2%
1. Среднемесячный доход на 1 чел., руб.	20–25 тыс.	25–35 тыс.	35–65 тыс.
2. Оценка собственных доходов	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей
3. Уровень образования	Среднее специальное	Высшее	Высшее
4. Должностной статус	Рабочий	Специалист	Руководитель

Выделенные в структуре среднего класса три слоя (верхний, средний и нижний) можно охарактеризовать следующим образом:

1. Верхний слой («организаторы») составляет около 10% от общей численности среднего класса. Представители данной группы имеют высшее образование, находятся на руководящих должностях, имеют доход от 35 до 65 тыс. руб. на 1 человека. Как правило, это предприниматели, мужчины в возрасте от 30 до 60 лет.

2. Самый представительный средний слой – «интеллектуалы». Их доля составляет 62% от общего числа представителей среднего класса. Это люди, имеющие высшее образование, доход в размере от 25 до 35 тыс. руб., обладающие высокой покупательной способностью. В основном «интеллектуалы» – это высококвалифицированные специалисты, в т.ч. социальной сферы (врачи, учителя, журналисты и др.), инженерно-технические работники.

3. Нижний слой, включающий в себя 28% населения, – «труженики». В состав данной группы входят люди, имеющие среднее специальное образование, доход в размере от 20 до 25 тыс. руб., занятые преимущественно на производстве или в сфере обслуживания.

Как показывают результаты исследования, в последние годы в структуре среднего класса наметилась тенденция роста доли «тружеников» (с 20% в 2010 г. до 28% в 2013 г.) при одновременном снижении удельного веса «интеллектуалов» (с 69 до 62 %) ²⁴⁵.

Таким образом, в зависимости от числа критериев, учитываемых при оценке наполняемости среднего класса, меняется численность его представителей: от 30% при использовании трех параметров до 0,1% при увеличении количества характеристик до шести. Согласно разработанному нами алгоритму, учитывающему 4 критерия, доля представителей среднего класса в структуре регионального сообщества составляет около 10%, что значительно меньше, чем в среднем по стране (40%). Тем не менее общие тенденции трансформации среднего класса для федерального и регионального уровня идентичны – это приближение «нижних» слоев к «средним». Средний класс в России, по крайней мере по меркам нашей страны, занимает достаточно прочное положение в структуре социума и постепенно пополняется за счет роста нижних слоев.

Подводя итоги главы 3, в которой акцентировалось внимание на трансформации социальной структуры российского общества, мы хотели бы отметить, что в настоящее время она является подвижной, формирующейся под влиянием множества факторов, среди которых важное место занимают динамика и структура занятости населения, степень приспособленности производств к динамично развивающемуся научно-техническому прогрессу, характер взаимодействия между субъектами трудового поведения. Эти факторы приводят к появлению новых групп и социальных слоев (например, такого феномена совре-

²⁴⁵ Соловьева Т.С., Шабунова А.А. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4 (34). – С. 113-129.

менного российского общества, как прекариат²⁴⁶), определяют качественные характеристики среднего класса.

Тренды социальной мобильности определяются не только сложившейся социально-профессиональной структурой и материальным положением населения, но и особенностями регионов (территориальными, климатическими, экономическими), а также внешними и внутренними вызовами, перед которыми оказывается страна (например, мировой финансовый кризис 2008 г.). Структура современного российского социума характеризуется значительной степенью имущественного расслоения. Это обуславливает неравенство возможностей реализации потребностей, накладывает отпечаток на образ жизни, ценностные предпочтения и поведение представителей различных социальных слоев.

Поляризация социальной структуры российского социума выступает одним из главных факторов роста потребности в социальной справедливости, которая является краеугольным камнем российского менталитета. Поэтому характеристика общественного развития была бы неполной без глубокого анализа динамики объективных социально-экономических условий, при которых происходил процесс трансформации. Как изменялся социально-экономический аспект социальной реальности? Как это отразилось на населении? Как материальное положение влияет на социальное восприятие и социальное самочувствие, определяет характер общественного сознания и поведения? На эти вопросы мы попытаемся ответить в следующей главе.

Итак, российский средний класс, по крайней мере по меркам нашей страны, занимает достаточно прочное положение в структуре социума и постепенно пополняется за счет роста нижних слоев.

Подводя итоги главы 3, в которой акцентировалось внимание на трансформации социальной структуры российского общества, мы хотели бы отметить, что ключевыми ее факторами были и остаются уровень и качество жизни,

²⁴⁶ Прекариат – «принципиально новое, устойчивое социально-классовое образование, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей». (Источник: Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социс. – 2015. – № 6 (374). – С. 7.)

имущественное расслоение, обуславливающее неравенство возможностей реализации потребностей. Именно эти факторы выступают главным препятствием для достижения социальной справедливости, которая является краеугольным камнем российского менталитета. Поэтому характеристика общественного развития была бы неполной без глубокого анализа динамики объективных социально-экономических условий, при которых происходил процесс трансформации. Как изменялся социально-экономический аспект социальной реальности? Как это отразилось на населении? Как материальное положение влияет на социальное восприятие и социальное самочувствие, определяет характер общественного сознания и поведения? На эти вопросы мы попытаемся ответить в следующей главе.

ГЛАВА 4. УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В АСПЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

4.1. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ПО ДОХОДАМ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ²⁴⁷

Актуальной научной проблемой, требующей системного рассмотрения и решения, является противоречие между растущей материальной мощью современного человечества и углубляющимся неравенством в обладании этой мощью между странами и социальными группами внутри стран, в соответствии с их усилиями по её формированию и росту. Многочисленные социально-экономические, политико-правовые попытки различных стран разрешить это противоречие в пользу более справедливого распределения создаваемых благ удаются лишь локально и временно.

В данном параграфе представлен анализ причин и сравнение характеристик бедности и богатства в современном обществе, определены средства и возможности повышения благосостояния и справедливого распределения благ между всеми социальными группами.

Своей основной целью исследование ставит выявление главных характеристик состояния и динамики бедности и богатства в современном обществе. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: изучить основные подходы к исследованию бедности и богатства, их типы и виды; рассмотреть монетарные и немонетарные оценки бедности и богатства; дать сравнительный анализ особенностей и тенденций бедности и богатства в разных странах; определить тактические и стратегические средства снижения неравенства в современном обществе.

В исследовании основные понятия определяются следующим образом. *Бедность* (нужда) – характеристика экономического положения отдельного человека, семьи, социальной группы, общества, при котором они не могут удо-

²⁴⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 15-18-00093.

влетворить определённый круг минимальных материальных и социокультурных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода. Бедность вызывает угрозу устойчивому функционированию общества, не позволяя ему реализовать свои потенциальные возможности развития. *Богатство* (изобилие) – характеристика экономического положения отдельного человека, семьи, социальной группы, общества, при котором они могут удовлетворить необходимые и разнообразные материальные и социокультурные потребности, не снижая своего экономического положения (за счёт доходов от деятельности, различных финансовых и нефинансовых активов, ценностей, собственности). Социально значимое неравенство богатства (концентрация его у минимальной доли населения) также подрывает устойчивость функционирования общества, вызывая в нём ожесточение и лишая его системного развития.

В последние годы интерес к пониманию процессов бедности и богатства значительно возрос, и учёные вновь обратились к основным теориям понимания данных процессов. Так, структурно-функционалистская теория социального неравенства считает, что неравенство полезно и необходимо для общества в целях повышения активности, мотивации и конкуренции индивидов при производстве, распределении и потреблении благ²⁴⁸. Историко-материалистическая теория социального неравенства считает, что оно определяется социально обусловленными возможностями людей получить равный доступ к благам общества, который им перекрывают господствующие группы общества, обладающие крупным капиталом и властью над другими группами и действующие не в интересах большинства, а в своих частнокорпоративных интересах получения прибыли²⁴⁹.

В рамках функционалистской теории в настоящее время есть несколько подходов. Например, *социал-дарвинисты* оправдывают существование неравенства и страданий в обществе естественно-природными различиями между

²⁴⁸ Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация / отв. ред. С.А. Белановский. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 160-177.

²⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – М. : Политиздат, 1967. – 420 с.

людьми, социальными группами, странами (мотивами поведения, географией, климатом и так далее²⁵⁰). *Глобалисты* считают, что современное неравенство в богатстве лучше, чем равенство в бедности, присущее традиционным, нерыночным обществам («земледельческим культурам мира»). Для них бедные – люди, социальные группы, страны – это те, кто сопротивляется глобализации и отстаивает свои традиционные культурные ценности, а богатые – те, кто принимает и реализует комплекс установок и ценностей, единых для глобальной мировой экономики²⁵¹. *Либералы-рыночники* считают, что в основе современной бедности и богатства лежат экономические установки деятельности человека, бизнеса, страны. Так, процветание и богатство страны связано с более высокой продуктивностью в деле привлечения ресурсов в страну, с созданием пользующихся спросом товаров и услуг, с созданием кластеров и связанных с ними инноваций, нововведений, высоких технологий, инвестиций²⁵². Эти и другие интерпретации существования бедности и богатства основаны либо на редукции социальных факторов к биологическим, либо на апологии жизнеотчуждающей формы материальной деятельности современного общества капитала, основанной на прибавочном (неоплаченном) труде наемных работников. Современные процессы глобализации, повторяя основную черту существующих экономических отношений, основанных на капитале, – иерархическое неравенство стран, ведут к устойчивому делению стран и регионов мира на бедные и богатые. Так, разрыв в доходах 20% населения Земли, проживающего в самых богатых странах, и 20% населения беднейших стран составлял в 1964 году 30:1. В настоящее время он увеличился до 74:1 (1997 год) и продолжает устойчиво расти²⁵³.

Мы разделяем мнение исследователей, которые указывают на разочарование населения многих стран с рыночной экономикой в проводимой там либеральной социально-экономической политике, которая подрывает основы «об-

²⁵⁰ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. – С. 79.

²⁵¹ Там же. – С. 58-73.

²⁵² Там же. – С. 58-62.

²⁵³ Юрлов Ф.Н. Социальные издержки глобализации // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 8.

щества благосостояния» и ведёт к чрезмерному росту имущественного неравенства²⁵⁴. Анализ П. Кругманом роста неравенства в США за последние 80 лет показал, что значительное экономическое неравенство имманентно присуще рынку, а рост или уменьшение этого неравенства имеет политические корни (повышение или снижение ставки налога на прибыль корпораций, повышение или снижение ставки налога на наследство недвижимости, повышение или снижение ставки налога на прирост капитала, рост или снижение силы профсоюзного движения и др.). П. Кругман, как неокейнсианец, делает справедливый вывод, что в современных США надо активно применять нерыночные методы снижения неравенства на основе совершенствования государственного регулирования рынка²⁵⁵.

Другие американские экономисты считают, что современный капитализм всё больше приобретает черты иррациональной системы. Её логика состоит в том, чтобы люди постоянно ощущали неудовлетворённость, всегда желали большего, и не принимает во внимание, что потребуются ресурсы четырех планет, подобно нашей, чтобы семь миллиардов человек могли жить с нормами потребительского статуса американского «среднего класса»²⁵⁶. При этом последние приобретают «статусное» движимое и недвижимое имущество, которые не могут себе позволить без заёмных средств, залезая в рискованные ипотечные и иные долги. Однако другие исследователи считают, что дифференциация между бедными и богатыми в современном рыночном обществе перекрывается растущим социальным равенством, поэтому причин для беспокойства нет²⁵⁷.

По общепринятой в науке классификации черта бедности в обществе определяется на основе трёх подходов²⁵⁸. Во-первых, *абсолютный* уровень бедности (стоимостная оценка минимальной потребительской корзины, т.е.

²⁵⁴ Кругман П. Кредо либерала : пер. с англ. – М. : Европа, 2009. – С. 265-269.

²⁵⁵ Там же. – С. 272-273.

²⁵⁶ Мэгдорф Ф. Идеология: пространство борьбы // Левое измерение. По страницам интернет-журнала «Социалист». – М. : Ключ-С, 2013. – С. 38-39.

²⁵⁷ Kristol I. Income Inequality Without Class Conflict // Wall Street Journal. – 1997. – December 18. – P. 22.

²⁵⁸ Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. – М. : Либеральная миссия, 2014. – С. 65-66.

прожиточного минимума. В этих условиях домохозяйства постоянно голодают и борются за выживание). Во-вторых, *относительный* уровень бедности (стоимостная оценка на уровне 60% от величины медианного дохода или недостаточность ресурсов – «список лишений», необходимых для достижения сложившихся в данном обществе стандартов потребления). Абсолютную и относительную бедность постоянно сопровождают надежды, неопределённость и страх. В-третьих, *субъективный* уровень бедности (ощущение недостатка ресурсов и денежных средств для обеспечения уровня жизни, который воспринимается как «нормальный»). В этих условиях домохозяйства борются за возможность участия в социально-экономической жизни общества). «Субъективная бедность» важна для планирования социальных программ адресной помощи государства отдельным социальным группам общества.

Такой сложившейся и общепринятой классификации уровней экономического богатства, к сожалению, пока нет. Однако можно, на наш взгляд, использовать изложенные выше подходы в качестве рабочей гипотезы и для определения уровня богатства в современном обществе. Тогда классифицируем *абсолютный* уровень богатства как стоимостную оценку доходов, финансовых и нефинансовых активов, различных ценностей, представителей 0,1–5,0% верхней социальной группы – высшего класса (элиты или псевдоэлиты). Децильный коэффициент (отношение доходов верхних и нижних 10% домохозяйств), принятый в странах Запада, для России не подходит из-за другой структуры общества, поэтому верхняя социальная группа в России составляет максимум 3–5%²⁵⁹.

Относительный уровень богатства определим как стоимостную оценку доходов домохозяйства размером от семи и более официальных прожиточных минимумов до доходов 5–10% верхней социальной группы – высшего класса общества.

²⁵⁹ Гранина Н. На дне [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://newsland.com/news/detail/id/1438560> (дата обращения: 01.10.2014).

Субъективный уровень богатства определим как ощущение достатка ресурсов и денежных средств для обеспечения уровня жизни, который воспринимается человеком или социальной группой как «нормальный». Такая самооценка характерна для устойчивого ядра «среднего класса» в России и странах Запада.

Для достижения цели исследования были использованы как кабинетные данные (анализ массива российской и зарубежной литературы по теме работы), так и полевые данные общероссийского социологического исследования Института социологии РАН. Оно было проведено в период 2003–2013 годов по квотной выборке во всех территориально-экономических районах страны, согласно данным Росстата, и по всем социально-профессиональным признакам респондентов, исходя из официального критерия «черты бедности», установленного Правительством РФ. Другого квотирования респондентов (по полу, возрасту и т.п.) не осуществлялось, и выборка носила случайный характер²⁶⁰.

Разная институциональная среда предполагает разные методики анализа и выделения бедности и богатства в разных обществах. Индикаторы выделения абсолютной и относительной бедности: коэффициент Джини, коэффициент фондов, доход меньше государственного прожиточного минимума, доход меньше 60% медианного дохода на одного жителя, концентрация у социальной группы менее 20% совокупных доходов общества и другие. Индикаторы выделения относительного и абсолютного богатства: доход на одного жителя, составляющий семь и более прожиточных минимумов, концентрация у социальной группы более 40% совокупных доходов общества, доля финансовых и нефинансовых активов одно-, пяти-, десяти- и 20%-ных самых обеспеченных групп населения общества, включая коэффициент фондов и др. Кроме того, используются экспертные оценки, когда нет детальных исследований по кластерам бедных (бездомные) и богатых (элита).

²⁶⁰ Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М. : Весь Мир, 2014. – С. 8-12.

Приняты во внимание методики расчёта показателей бедности (индекс бедности, глубина бедности), которые строятся по формулам Фостера, Грира, Торбене²⁶¹. Принята во внимание и методика расчёта распределения богатства (накопления в форме денег и других финансовых активов), которая строится по формуле Исаева²⁶².

Полученные результаты исследования по бедности и богатству хорошо согласуются с другими авторитетными исследованиями роли и влияния бедности и богатства в современном обществе на его состояние и динамику. Так, в науке есть общее понимание того, что бедность и богатство – характеристики социально-экономического развития общества. Они порождаются действием механизма социальной дифференциации в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ²⁶³.

Бедность и богатство в современном обществе – порождение социальной несправедливости определённого типа социально-экономической системы – общества капитала. Например, бедность и богатство в современной России сформировались в экономику неравенства и стали неотъемлемой частью либеральной социально-экономической политики, проводимой публичной властью с 1991 года, когда в результате разрушения Советского Союза власть оказалась в руках крупного капитала и крупного чиновничества на основе конвертации власти в капитал и наоборот. Принятые по их воле законы (о первенстве международного права над государственным, о неподотчетности Банка России исполнительной власти, о введении подоходного налога с плоской 13%-ной ставкой, о принятии Трудового кодекса, лишившего наёмных работников права на легальные формы протеста, о проведении ваучерной приватизации государственных активов, о проведении залоговых аукционов по номинальной распро-

²⁶¹ Foster J., Greer J., Thorbecke E. A class of decomposable poverty measures // *Econometrica*. – 1984. – Vol. 52. – No.3. – P. 761-766.

²⁶² Исаев А.В. Закон распределения богатства. – СПб. : Лисс, 1998. – С. 8-10.

²⁶³ Волчкова Л.Т., Минина В.Н. Стратегии социологического исследования бедности // *Социологические исследования*. – 1999. – № 1. – С. 49-56.

даже национального богатства страны, её основных и стратегических активов и др.) привели к невиданной ранее в истории страны поляризации бедности и богатства населения²⁶⁴.

Бедность и богатство имеют в каждом обществе свой определённый характер и своеобразие проявления. Это обуславливается различными причинами: неравномерностью и разным уровнем развития; особым менталитетом; различием социально-экономических систем; спецификой уровня занятости, структуры занятости и др. Современная наука классифицирует различные типы структурной бедности. Российские учёные выделяют такие основные типы бедности:

– *доиндустриальная* (избыточные люди в городе и деревне из-за низкой эффективности производства);

– *индустриальная* (предложения низко- и среднеквалифицированного труда значительно превышают спрос на него);

– *постиндустриальная* (рост конкуренции за рабочие места, где проигрывают социально уязвимые группы; структурная перестройка экономики, её деиндустриализация, например, через вынос производства в Азию; массовый уход с рынка труда квалифицированной рабочей силы, не желающей снижать статус);

– *индивидуальная* (семейная или личная ситуация человека, связанная с несчастьем, болезнью, инвалидностью и т.п.)²⁶⁵.

Как и в приведённом выше случае с классификацией уровней богатства, в научной литературе, к сожалению, нет общепринятой классификации типов экономического богатства. Поэтому используем рассмотренную типологию бедности в качестве рабочей гипотезы и для определения типологии богатства:

– *доиндустриальное* (отличительное положение в обществе человека или социальной группы, которое характеризуется наличием *разных видов активов*:

²⁶⁴ Гурьев С., Цывинский О. Ratio economica: Первая среди неравных [Эл. рес.] // Ведомости. – 2012. – 11 июня – Реж. дост.: http://www.compromat.ru/page_32696.htm (дата обращения: 12.09.2014).

²⁶⁵ Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. – 2014. – Т. 23. – № 4. – С. 59-95.

материальных – движимого и недвижимого имущества, предметов, средств труда и производства; *социальных* – обилия связей, способности влияния и власти);

– *индустриальное* (финансовые и нефинансовые активы, быстрое первоначальное накопление разных видов богатства легитимными и нелегитимными способами);

– *постиндустриальное* (концентрация финансовых и нефинансовых активов в руках малой группы домохозяйств вследствие постоянного роста капиталоемкости среднего, крупного бизнеса и конкуренции в условиях глобальной экономики; происходит процесс оформления глобальной электронно-финансовой капиталократии)²⁶⁶;

– *индивидуальное* – опыт, навыки, знания.

К основным средствам борьбы с неравенством богатства относят:

– высокие налоги на богатство и наследство;

– социально значимое снижение коррупции в обществе и другое²⁶⁷. Однако, по нашему мнению, всё это – борьба со следствиями, а не с причиной.

В современной России преобладает индустриальный тип бедности и богатства, а в странах Европейского союза (ЕС) – постиндустриальный. Доиндустриальный тип бедности преобладает в Индии и заметно представлен в Китае. Индивидуальный тип бедности представлен во всех современных обществах²⁶⁸.

К основным факторам роста неравенства (различий между экономической бедностью и богатством) на макро- и микроуровнях относят:

– в России – регион проживания домохозяйств и неравенство в оплате труда;

– в странах Балтии – интенсивность занятости домохозяйств (слабоиндексируемые зарплаты и повышение нормы эксплуатации);

– в западных, центральных и южных странах ЕС – уровень образования и интенсивность занятости²⁶⁹.

²⁶⁶ Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм. – СПб. : Петрополис, 2009. – 417 с.

²⁶⁷ Кругман П. Кредо либерала : пер. с англ. – М. : Европа, 2009. – С. 272.

²⁶⁸ Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. – 2014. – Т. 23. – № 4. – С. 59-95.

²⁶⁹ Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. – М. : Либеральная миссия, 2014. – С. 45-47.

В настоящее время в России средний достаток человека (относительное богатство) начинается, по его доходам, от семи и более официальных прожиточных минимумов, устанавливаемых правительством²⁷⁰. В 2013 году прожиточный минимум был установлен в размере 8 тысяч рублей в месяц. Следовательно, средний достаток на одного человека составляет в России 56 тысяч рублей и к таким людям относятся лишь 7–8% населения.

Охарактеризовать верхнюю (5%) социальную группу российских домохозяйств можно следующим образом. К ним относятся жители крупных мегаполисов и областных центров: госслужащие разных уровней (от рядовых сотрудников до руководителей различных госструктур и ведомств), предприниматели среднего и крупного бизнеса, наёмные сотрудники крупных частных компаний²⁷¹. Например, средний уровень годового дохода политической и судебной российской псевдоэлиты колеблется в пределах 4–59 млн. рублей²⁷² (табл. 4.1.1). Зарплаты чиновников в 2011 г. в 5–10 раз и более превышали зарплаты простых работников (23,7 тыс. руб. в месяц) тех же учреждений и ведомств²⁷³. В 2012 году в России было 96 долларовых миллиардеров (владели 30% всех личных активов населения), а в 2014-м их стало 111, что на фоне внешних экономических санкций и дальнейшего спада экономики выглядит нелогично.

Таблица 4.1.1. Средний уровень годового дохода политической и судебной элиты (псевдоэлиты) России в 2011 г.

Органы государственной власти	Средний уровень доходов на 1 чел., млн. руб. в год
Правительство РФ	≈ 59 млн. руб.
Главы российских регионов	56
Совет Федерации ФС РФ	44,5
Государственная Дума ФС РФ	33
Администрация Президента РФ	19
Конституционный суд РФ	9
Верховный суд РФ	5
Высший арбитражный суд РФ	4
<i>Сравнительно:</i>	
– наемные работники в экономике	23,7 тыс. руб./мес.
– средние пенсии в РФ	7,6 тыс. руб./мес.

²⁷⁰ Бобков В. Пенсии выросли, а «голод» остался [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.aif.ru/money/article/59726> (дата обращения: 03.02.2014).

²⁷¹ Гранина Н. На дне [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://newsland.com/news/detail/id/1438560> (дата обращения: 01.10.2014.)

²⁷² Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русаки, 2010–2014. – С. 696.

²⁷³ Там же. С. 694-697.

В среднем по миру миллиардеры владеют лишь 2% от общего благосостояния жителей Земли. В России на долю 111 миллиардеров приходится порядка 30% от общего благосостояния россиян. По данным Global Wealth Report, на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех личных финансовых и нефинансовых активов в России. По странам мира в целом этот показатель равен 46%. Россия лидирует в мире и по доле самых состоятельных 5% населения (это 82,5% всего личного богатства страны), и самых состоятельных 10% населения (87,6%). Поэтому власть в России объективно ориентирована на интересы (сохранение и рост благополучия) богатых, т.е. представителей крупного (в основном иностранного) капитала, а не на интересы народа и государства, о чём свидетельствуют многие социально-экономические факты (табл. 4.1.2).

Таблица 4.1.2. **Максимальные ставки налогов в США и в России на богатых (1% населения США и России), в %**

Год	На заработную плату	На прирост капитала	На прибыль корпораций
1979	70	28	48
2006	35 (13 в России)	15 (9 в России)	34 (20 в России)

Источники: Кругман П. Кредо либерала : пер. с англ. – М. : Европа, 2009. – С. 278; данные Росстата.

Можно утверждать в целом, что *тильдообразное*, то есть неравномерное, распределение экономического богатства характерно для любого современного общества, где получили всестороннее развитие рыночные меновые отношения, превращающие в товар деньги, землю и рабочую силу. Например, в России нижние 20% населения имеют около 6% совокупных накоплений, а верхние 20% – 55%. По исследованным 211 странам мира ситуация контрастнее: нижние 20% стран имеют 0,025% совокупного богатства (ВВП/1 чел.), следующие 70% стран – около 15% совокупного богатства, а верхние 10–85% всех богатств.

Между основными классами (наёмные рабочие и средняя, крупная буржуазия), которые персонифицируются как «бедные» и «богатые», в современном обществе располагается динамичная совокупность социальных групп – «средний класс» (СК). Устойчивость развития общества и его экономический рост сопровождаются ростом величины и благополучия СК, и наоборот. К СК относят представителей малого бизнеса, торговли, лиц свободных профессий, чи-

новников, служащих, инженеров, других представителей нефизического труда, с образованием не ниже среднего профессионального и со среднемесячным доходом не ниже его медианного значения в данном регионе. В России к СК относят от 2–3% до 21–24% экономически активного населения, в зависимости от разных методик оценки. На Западе к СК относят 55–60% активно занятого населения. И там, и здесь для них наступили трудные времена: идёт снижение численности СК и переход его представителей в основном в социальную группу бедных. Например, российское государство, современная либеральная рыночная экономика ценят образование и квалификацию невысоко, особенно в мегаполисах, в результате идёт устойчивое отставание доходов большинства специалистов (кроме чиновников различных ведомств) от средних доходов по стране, то есть идёт «пролетаризация профессионалов»²⁷⁴. Существующая в России модель социально-экономического развития не даёт объективных возможностей для увеличения доли СК как материально благополучного населения, носителя новых социально-экономических и социокультурных поведенческих особенностей. Отдельные учёные предлагают незамедлительно осуществить комплекс мер: провести индустриализацию на базе 5-го и 6-го технологических укладов, приоритетно развивать высокотехнологичные отрасли экономики, восстановить самостоятельность финансовой системы государства, ввести налог на вывоз капитала и другое²⁷⁵. Однако публичная власть и крупный капитал (с большой долей иностранного) считают либеральную модель экономики России стратегически верной и продолжают её.

В современной науке выдвигают различные средства борьбы с бедностью:

- инвестиционная политика (изменение структуры рабочих мест через сокращение неквалифицированного труда);
- политика занятости (борьба профсоюзов за почасовую оплату рабочей силы не ниже 1,5 прожиточного минимума в регионе);

²⁷⁴ Садыков Р.А. Социальное положение и профессионализация врачей альтернативной медицины: аналитические перспективы [Эл. рес.] // Сборник статей аспирантов – 2011 / науч. ред.: К.А. Букин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», фак. экономики. – М. : ВШЭ, 2012. – С. 80-96.

²⁷⁵ Гладунов О. Предлагаемые С. Глазьевым меры [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://newsland.com/news/detail/id/1439574/> (дата обращения: 03.10.2014).

- миграционная политика (борьба с нелегальной миграцией, учёт локальных рынков труда);
- налоговая политика (льготы бедным, прогрессивная шкала налогов);
- социальная политика (сокращение неравенства, особенно для социально уязвимых групп, доступная медицина для всех);
- образовательная политика (повышение доступности и качества профессионального образования разного уровня для города и села)²⁷⁶.

К средствам борьбы с неравенством богатства относят:

- высокие налоги на богатство и наследство;
- социально значимое снижение коррупции в обществе и другое²⁷⁷.

Однако, по нашему мнению, всё это – борьба со следствиями, а не с причиной. Стратегическая тенденция социального развития в современном мире должна состоять в том, чтобы на место экономического богатства и экономической бедности поставить богатого человека как всесторонне развитого и социально активного члена общества с развитыми человеческими духовными потребностями. Это возможно лишь за пределами общества капитала, потребительского общества, – в трудовом обществе, то есть в социалистическом обществе, на нравственно-духовной опоре справедливости традиционного общества.

Итак, можно утверждать, что в настоящее время в российском обществе ограничения для развития формируются не столько со стороны бедности, сколько со стороны неравенства, что ведёт к росту социальной отчуждённости и социальной напряжённости.

Быстрый рост богатства узкой группы высшего класса не сопровождается инвестициями в национальную экономику, следовательно, не создаются новые рабочие места и нет перспектив роста доходов для экономически активного населения вне сырьевого вектора и сектора услуг. Поэтому около половины населения России (2012–2014 гг.) не удовлетворены своим материальным положением.

²⁷⁶ Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. – 2014. – Т. 23. – № 4. – С. 84-85.

²⁷⁷ Кругман П. Кредо либерала: пер. с англ. – М.: Европа, 2009. – С. 272.

Присутствие разных типов бедности из разных эпох и в различных пропорциях по всем регионам страны составляет основную специфику современной российской бедности, затрудняя борьбу с ней. Для стран, находящихся на разных этапах исторического развития, используются разные варианты концептуализации феноменов бедности и богатства, разные варианты методик выделения бедных и богатых в современном обществе.

Стратегическим интересам людей труда в России и других странах может отвечать лишь такая экономика и такая социальная система, которые ставят своей целью не получение прибыли и стремление к наживе, а создание условий для реализации интересов каждого человека и общества в целом, то есть через равный и справедливый доступ к жизненным благам, а также равную меру возможностей и ответственности в трудовой деятельности. К такой социально-экономической системе можно отнести: 1) всеобщую занятость и хорошие условия труда; 2) качественное питание и достойное жильё; 3) всеобщее здравоохранение, качественное образование и культуру; 4) современные институциональные формы реализации разнообразных творческих способностей каждого человека.

Как мы видим, неравномерное распределение доходов – одна из важнейших проблем современного российского общества. Ее последствия носят комплексный характер и проникают во все сферы общественной жизни. Среди экономистов, социологов, политологов дискуссии о том, как изменились уровень жизни россиян и социальная структура российского общества за годы постсоветского развития, по-прежнему остаются актуальными. Основные вопросы: продвинулась ли Россия по пути повышения уровня и качества жизни, что означают произошедшие в социальной сфере изменения и как они сказываются на восприятии населением разнообразных общественных процессов²⁷⁸. Наш взгляд на динамику трансформационных изменений уровня и качества жизни за последние 20 лет будет представлен ниже.

²⁷⁸ От стандарта выживания к ответственному выбору / Л. Овчарова, А. Пишняк, Д. Попова, Е. Шепелева // Pro et Contra. – 2013. – № 6 (61). – Ноябрь-декабрь. – С. 6-34.

4.2. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ: ИТОГИ 20-ЛЕТНЕЙ ДИНАМИКИ

В основополагающих документах Российской Федерации закреплено, что создание условий, обеспечивающих высокий уровень жизни граждан, достойное существование и свободное развитие для каждого человека, является главной целью государственного управления²⁷⁹.

Восстановление экономики в 2000–2007 гг. наряду с активной поддержкой со стороны государственных структур социально слабо защищенных слоев населения (пенсионеров, безработных, инвалидов, одиноких родителей и др.) и работников бюджетной сферы способствовали постепенному сокращению доли людей, находящихся за чертой бедности.

В среднем по России с 1998 по 2013 г. удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума снизился на 12 процентных пунктов. В Вологодской области доля населения, которая не может удовлетворить определённый круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности и собственного воспроизводства, уменьшилась с 23% в 1998 г. до 13% в 2013 г., и среди регионов СЗФО это один из лучших показателей (табл. 4.2.1).

Таблица 4.2.1. Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (% от общей численности населения)

Территория	Год										Изм-е 2013 г. к 1998 г., +/-
	1998	1999	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
РФ	23	28	29	18	13	13	13	13	11	11	-12
СЗФО	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Республика Карелия	24	26	22	16	17	17	15	16	14	14	-10
Республика Коми	17	23	26	15	16	17	16	16	13	14	-3
Архангельская область	33	47	34	18	15	14	14	14	13	14	-19
Вологодская область	23	35	26	18	16	18	17	17	13	13	-10
Калининградская область	27	31	38	20	14	13	12	13	11	12	-15
Ленинградская область	35	52	51	21	13	13	13	13	12	11	-25
Мурманская область	19	22	25	20	15	15	13	14	11	11	-8
Новгородская область	18	34	34	24	18	17	15	15	12	12	-6
Псковская область	34	48	45	19	16	17	16	17	15	16	-18
г. Санкт-Петербург	23	28	27	10	11	9	9	9	9	8	-15

Источники: Социально-экономические показатели регионов Северо-Западного федерального округа в 1995–2001; Регионы России. Социально-экономические показатели 2002–2014.

²⁷⁹ Конституция Российской Федерации; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537.

Таблица 4.2.2. Динамика доходов населения Российской Федерации и Вологодской области в 1998–2013 гг.*, руб.

Показатель	Год									Изм-е 2013 г. к 1998 г., раз
	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
<i>Российская Федерация</i>										
Среднедушевые денежные доходы населения	6184	8513	15938	21194	22142	22836	23591	24730	25928	4,2
Среднемесячная начисленная заработная плата	6438	8296	16857	24562	24426	25528	26898	28360	29792	4,6
Средний размер начисленных месячных пенсий	2467	2590	4658	6482	6803	9005	9313	9749	10030	4,1
<i>Вологодская область</i>										
Среднедушевые денежные доходы населения	5269	7350	12550	17197	16054	16955	17771	19562	20513	3,9
Среднемесячная начисленная заработная плата	7068	9308	174612	22092	21730	22266	23013	24280	25127	3,6
Средний размер начисленных месячных пенсий	2559	3179	5167	6537	8261	9381	9668	10092	10309	4,0
* Показатели доходов населения представлены в сопоставимых ценах 2013 года. Рассчитано авторами по: Российский статистический ежегодник 2005–2014; Статистический ежегодник Вологодской области 1998–2013.										

Динамика основного показателя уровня жизни – величины дохода – в целом за 1998–2013 гг. положительна (табл. 4.2.2). Наблюдается значительное увеличение размеров среднедушевых доходов: в 4,2 раза по России, в 3,9 – по Вологодской области (в сопоставимом выражении). Увеличивается и реальная заработная плата, и средний размер пенсий. Хотя в Вологодской области рост зарплат был не только несколько меньшим, чем в среднем по РФ и СЗФО (в 3,6 раза против 4,6 и 4,4 раза соответственно), но и менее быстрым по сравнению с ростом доходов и пенсий. Абсолютные значения рассматриваемых видов доходов по Вологодской области также оказались заметно ниже, чем в среднем по стране (за исключением размера пенсий).

Реальное содержание денежных доходов отражает их соотношение с величиной прожиточного минимума (ПМ). В 2002 г. среднедушевой доход жителей Вологодской области составлял 1,9 ПМ, в 2013 г. – 2,8 ПМ, т.е. увеличился почти в 1,5 раза (табл. 4.2.3).

Таблица 4.2.3. Соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума, раз

Территория	Год								Изменение 2013 г. к 2002 г., раз
	2002	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Российская Федерация	2,09	2,68	3,17	3,28	3,21	3,34	3,46	3,54	1,70
СЗФО	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Республика Карелия	1,98	2,26	2,39	2,39	2,38	2,43	2,58	2,52	1,27
Республика Коми	2,59	3,05	3,12	2,95	2,95	2,91	3,26	3,09	1,19
Архангельская область	1,78	2,21	2,65	2,82	2,68	2,78	2,84	2,56	1,44
Вологодская область	1,87	2,11	2,52	2,32	2,33	2,46	2,67	2,74	1,47
Калининградская область	1,41	2,01	2,59	2,84	2,80	2,83	3,10	2,94	2,09
Ленинградская область	1,27	2,01	2,63	2,59	2,75	2,76	2,92	3,09	2,43
Мурманская область	1,97	2,20	2,82	2,95	2,85	2,90	3,11	3,25	1,65
Новгородская область	1,68	1,94	2,52	2,72	2,80	2,93	3,16	2,99	1,78
Псковская область	1,74	1,99	2,43	2,48	2,44	2,32	2,54	2,43	1,39
г. Санкт-Петербург	1,97	3,76	3,46	4,12	4,30	4,18	4,21	4,44	2,25
СПРАВОЧНО:									
<i>Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения</i>									
Российская Федерация	2,11	2,63	3,40	4,56	3,29	3,48	3,67	3,77	1,79
Вологодская область	2,21	2,69	3,04	3,14	2,82	2,92	3,04	3,11	1,41
<i>Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума пенсионера</i>									
Российская Федерация	1,02	1,05	1,22	1,11	1,62	1,69	1,73	1,67	1,63
Вологодская область	1,11	1,12	1,21	1,49	1,62	1,68	1,71	1,67	1,50
Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели 2002–2014; Статистический ежегодник Вологодской области 1998–2013.									

Покупательная способность доходов в среднем по России несколько выше: в 2002 г. на среднедушевые доходы можно было приобрести два набора продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, составляющих прожиточный минимум, а в 2013 г. – уже 3,5 (увеличение в 1,7 раза). Стоит отметить, что возможности приобретения товаров и услуг расширились и в отношении заработной платы и пенсий. Покупательная способность заработной платы работников Вологодской области увеличилась с 2,2 ПМ трудоспособного населения до 3,1 ПМ, т.е. в 1,4 раза (по России повышение составило 1,8 раза – с 2,1 до 3,8 ПМ), покупательная способность пенсии выросла в 1,5 раза – с 1,1 до 1,7 ПМ пенсионера (аналогично и по России в целом).

Таким образом, после 2000 г. рост показателей уровня жизни как в целом по стране, так и на территории Вологодской области вполне очевиден, и это одна из главных заслуг действовавшего в то время Правительства. Многие проблемы не были решены, многие (как мы увидим далее) даже обострились. Но

власти удалось решить главный на тот период вопрос: было не только предотвращено тотальное обнищание населения, но и выиграно время для того, чтобы общество «пришло в себя» и хотя бы как-то адаптировалось к изменившимся условиям жизни после распада СССР. Своевременное наведение порядка в сфере экономики и главное – в вопросах, касающихся уровня жизни граждан, предотвращение экономического коллапса, к которому Россия вплотную приближалась к концу 1990-х гг., стало основой практически безграничного (или как минимум недостижимого для других политических лиц) доверия Президенту РФ В.В. Путину, которое существует и сегодня и спустя 15 лет играет ключевую роль во всех аспектах общественного развития (прежде всего – в поддержке идеологических концептов, которые озвучивает глава государства, и в поддержке его решений, направленных на нивелирование внутренних и внешних проблем страны).

Однако 10-летний период курса на «стабилизацию» (в самом широком смысле этого слова) оказался не таким уж и стабильным. Если мы говорим не только об экономической, но и о психологической адаптации людей, то десятилетний отрезок времени – период крайне незначительный, а у российского общества не было даже и его, поскольку в 2000-х гг. продолжалась чеченская война, а во второй половине 2000-х гг. страну вновь всколыхнули проблемы экономического характера, на этот раз связанные с мировым финансовым рынком.

Мировой финансовый кризис 2008 г. для российского общества имел двойной эффект, что, пожалуй, является особенностью его протекания именно в России. По своим масштабам он был несравним с тем, что происходило со страной в начале и в конце 1990-х гг., хотя, безусловно, оказал ощутимое влияние на динамику уровня жизни и состояние отдельных социально-экономических проблем (безработицы, например). Специфическая черта мирового финансового кризиса заключается в том, что его переживали те же люди, которые еще совсем недавно выживали в 1991 и 1998 гг. То есть во многом ощущение возможной экономической катастрофы, беспокойство за будущее

своего собственного материального положения оказывало более сильное воздействие на общественное сознание, чем реальное состояние экономической ситуации в стране. И это проявлялось в самых разных аспектах общественного мнения: от оценки деятельности власти до характеристики собственного эмоционального состояния.

Но все-таки кризис 2008 г., несмотря на всю его психологическую подоплеку, был в первую очередь кризисом экономическим, и Вологодская область оказалась одной из первых территорий России, которая почувствовала это на себе.

Совокупное увеличение ВРП на душу населения за 1998–2013 гг. по области и так было меньше, чем в большинстве других регионов округа (2,7 раза; ниже только у Мурманской области – 2,5 раза), и, в отличие от других субъектов, либо восстановивших, либо превысивших докризисные отметки, Вологодская область до сих пор не может выйти на предкризисный уровень (табл. 4.2.4). До 2009 г. регион входил в тройку лидеров среди субъектов Северо-Западного федерального округа по обеспеченности населения региональными доходами, однако потом его положение существенно ухудшилось (7–9 место в 2009–2013 гг.).

Таблица 4.2.4. Валовой региональный продукт на душу населения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам*), рублей

Регион	Год								Изменение, раз**, 2013 г. к	
	2001	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	1998 г.	2008 г.
Российская Федерация	49 475	125 659	237 552	224 163	263 829	317 515	348 642	376 383	4,0	1,1
Северо-Западный федеральный округ	48 758	125 380	232 649	236 833	273 439	337 827	370 128	394 647	3,9	1,2
Республика Карелия	48 579	118 421	175 157	163 338	181 677	229 913	241 738	263 268	3,2	1,1
Республика Коми	70 560	151 661	269 956	279 784	330 986	417 002	470 032	492 050	3,4	1,3
Архангельская область	50 563	148 485	262 875	298 649	344 903	412 062	452 602	374 488	4,4	1,3
<i>Вологодская область</i>	55 545	163 527	238 925	173 485	214 762	261 706	286 278	278 934	2,7	0,8
Калининградская область	33 053	81 301	175 542	169 353	200 639	248 313	271 525	280 512	5,6	1,1
Ленинградская область	46 499	122 196	225 732	249 509	277 903	328 582	373 777	383 854	4,2	1,2
Мурманская область	47 886	117 369	204 829	195 072	230 673	266 286	293 376	324 157	2,5	1,0
Новгородская область	41 774	105 627	186 095	197 042	216 705	267 529	297 979	314 570	3,5	1,1
Псковская область	29 279	64 586	114 895	119 487	140 945	162 597	172 567	183 642	3,7	1,2
г. Санкт-Петербург	49 877	133 990	275 359	290 425	333 131	398 081	431 150	466 852	4,0	1,2
Справочно для Вологодской области: - ВРП (в сопоставимых ценах 2013 г.)	160 346	309 290	340 747	231 075	261 630	305 957	318 090	285 523	2,7	0,8
- позиция в СЗФО	2	1	4	7	7	8	8	9	–	–

* Стоимость фиксированного набора товаров и услуг позволяет проводить межрегиональные сопоставления. Показатель доступен с 2001 года.

** По каждому региону с помощью индекса потребительских цен (ИПЦ) годовые величины показателя «ВРП на душу» переведены в сопоставимые цены 2013 года, что позволяет оценить для каждого региона в отдельности динамику изменения показателя.

Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2002–2014.

Как и в других субъектах страны, основным источником доходов населения является заработная плата (её доля в структуре денежных поступлений жителей региона в последнее десятилетие составляет около 50%; табл. 4.2.5). Однако роль зарплаты постепенно снижается. Продолжает сокращаться и вклад тех источников, которые характеризуют экономическую активность населения, – дохода от предпринимательской деятельности (с 13,4% в 1998 г. до 8,4% в 2013 г.) и поступлений от собственности. Хотя о возможных резервах увеличения вклада указанных видов поступлений в общую структуру доходов населения говорит, например, то, что в постперестроечные годы совокупная доля этих видов доходов достигала 20–23% (например, в 1995 г. 22,9% по России и 20,4% по Вологодской области²⁸⁰).

Таблица 4.2.5. Структура доходов населения Российской Федерации и Вологодской области в 1998–2013 гг. (в % от общего объема денежных доходов)

	Год									Изменение +/-, 2013 г. к 1998 г.
	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
<i>Российская Федерация</i>										
Доходы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	–
В т.ч. оплата труда	64,9*	36,5	39,6	44,7	41,2	40,3	40,0	41,3	41,4	4,9
Доходы от предпринимательской деятельности	14,7	15,4	11,4	10,2	9,7	8,9	8,9	9,4	8,6	-6,1
Социальные выплаты	13,4	13,8	12,7	13,2	14,9	17,7	18,3	18,3	18,6	5,2
Доходы от собственности	5,5	6,8	10,3	6,2	6,5	6,2	5,2	5,1	5,5	0
Другие доходы (включая "скрытые", от продажи валюты, денежные переводы и т.д.)	1,5	27,5	26,0	25,7	27,7	26,9	27,6	25,9	25,9	-1,6
<i>Вологодская область</i>										
Доходы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	–
В т.ч. оплата труда	50,7	52,1	55,7	52,8	49,7	49,0	48,6	46,7	44,6	-6,1
Доходы от предпринимательской деятельности	13,4	10,1	10,1	10,0	11,5	10,9	10,6	9,7	8,4	-5
Социальные выплаты	16,7	14,8	17,7	17,3	21,3	24,7	24,7	24,9	24,9	8,2
Доходы от собственности	2,3	4,3	6,0	16,0	14,4	12,1	13,0	4,0	5,0	2,7
Другие доходы (включая «скрытые», от продажи валюты, денежные переводы и т.д.)	16,9	18,6	10,5	16,0	14,4	12,1	13,0	14,7	17,1	0,2
* Включая скрытую заработную плату.										
** Изменение 2013 г. к 2000 г.										
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2002–2014.										

Одновременно в структуре доходов жителей региона с 2008 г. возростала доля социальных трансфертов (с 17% в 1998 г. до 25% в 2013 г.). Нарастивание объема социальных выплат происходило за счет увеличения размера пенсий и социальных пособий. Однако, судя по коэффициенту замещения, размер пенсионных выплат по-прежнему недостаточен для того, чтобы обеспечить адекватную замену заработной

²⁸⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 863 с.

платы²⁸¹. В Вологодской области значение данного показателя несколько больше, чем по стране в целом, – 42% за 2010–2013 годы²⁸², но до уровня многих развитых и развивающихся стран мира мы всё равно не дотягиваем. Так, в среднем по странам-участницам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) коэффициент замещения по данным на 2013 г. составляет 58%, в частности: Нидерланды – 91,4%, Дания – 83,7%, Австрия – 76,6%, Турция – 66,8%, Франция – 59,1%, Эстония – 55,3%, Польша – 48,8%²⁸³.

Таким образом, десятилетие 2000-х, проходившее под знаком стабилизации и восстановления, можно разбить на два временных отрезка: относительно спокойный (по крайней мере, в экономическом смысле) период первой половины 2000-х годов и период их второй половины, ознаменовавшийся такими явлениями, как мировой финансовый кризис и последовавший за ним бюджетный кризис регионов, который до сих пор продолжается, являясь одним из главных препятствий на пути выполнения майских указов В. Путина от 2012 г. и, если смотреть с более широких позиций, – на пути модернизации страны²⁸⁴.

Отсюда – достаточно противоречивые, неоднозначные изменения в динамике уровня и качества жизни, если смотреть на нее в долгосрочной перспективе (за последние 15–20 лет). Их, в частности, подтверждают структура использования денежных доходов населения, особенности распределения доходов на цели сбережения и потребления (табл. 4.2.6).

Таблица 4.2.6. Структура использования денежных доходов населения
(в % от объема денежных доходов)

Показатель	Территория	Год								Изм-е 2013 г. к 1999 г., +/-
		1999	2000	2005	2008	2009	2011	2012	2013	
Покупка товаров и оплата услуг	РФ	79,1	75,5	69,6	74,1	69,5	73,5	74,2	73,6	-5,5
	ВО	62,8	57,8	56,5	58,5	59,1	64,3	66,8	64,1	1,3
Оплата обязательных платежей и разнообразных взносов	РФ	6,8	7,8	10,1	12,3	10,6	10,3	11,1	11,7	4,9
	ВО	6,9	7,8	11,8	13,8	13,4	13,1	13,4	13,3	6,4
Приобретение недвижимости*	РФ	н.д.	1,2	2,5	4,7	2,9	4	4,3	3,9	2,7*
	ВО	н.д.	0,6	2,2	3,9	2,5	2,8	2,5	2,4	1,8*
Прирост финансовых активов**	РФ	12,2	15,5	17,8	8,9	17	12,2	10,4	10,8	-1,4
	ВО	9,2	33,8	29,5	23,8	25	19,8	17,3	20,2	11
- из него прирост (уменьшение) денег на руках у населения	РФ	1,9	2,8	1,5	0,4	0,4	1,6	0	0,7	-1,2
	ВО	21,1	18,5	6,1	12,9	3,1	7,1	4,1	5,8	-15,3

* Изменение 2013 г. к 2000 г.

** Сбережения в 2001 г.: сбережения во вкладах, ценных бумагах, изменение задолженности по кредитам, приобретение недвижимости, покупка валюты в 1999 г.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2002–2014.

²⁸¹ Белехова Г.В., Россошанский А.И. Уровень жизни в оценках населения // Проблемы развития территории. – 2015. – № 5 (79). – С. 77-96.

²⁸² В России коэффициент замещения долгое время не превышал 28–31%. В 2012–2013 г. он стабилизировался на уровне 34%.

²⁸³ Pensions at a Glance 2013: Retirement-Income Systems in OECD and G20 Countries [Electronic resource] / OECD. – Реж. дост. : <http://www.oecd.org/pensions/pensionsataglance.htm> (Accessed: 27.03.2015 г.).

²⁸⁴ Не менее значимым фактором можно было бы назвать проблемы, сложившиеся в системе государственного управления, но это отдельная тема, которую в данном контексте мы затрагивать не будем.

Большая часть денежных доходов населения расходуется на потребительские нужды – покупку товаров и оплату услуг. В целом по России доля данной статьи расходов составила 74% в 2013 г. (что ниже значения 1998 г. на 5,5%), а в Вологодской области она установилась на уровне 64% (на 1% меньше, чем в 1998 г.). Минимальный объем доходов идет на приобретение недвижимости (4% в России, 2% в Вологодской области по состоянию на 2013 г.); чуть более 10% денежных поступлений используется на обязательные выплаты. Удельный вес финансовых активов, включающих изменение вкладов граждан, денег на руках у населения, расходов на приобретение ценных бумаг и иностранной валюты, средств на счетах индивидуальных предпринимателей, в Вологодской области за 1998–2013 гг. увеличился на 11%, но по сравнению с 2000 г. он сократился более чем в 1,5 раза: с 34 до 20%. По России падение не столь существенное (с 12,2% в 1998 г. до 10,8% в 2013 г.).

О чем свидетельствуют эти данные? Согласно гипотезе Дж. М. Кейнса²⁸⁵ люди склонны увеличивать потребление товаров вслед за увеличением доходов, но в несколько меньшей степени, так как всё большая часть денежных поступлений будет направляться ими на формирование сбережений. В периоды кризисных процессов (например, при обесценении национальной валюты) доля расходов на товары и услуги, наоборот, увеличивается.

Поведение жителей Вологодской области в принципе укладывается в эту концепцию, однако с 2011 года, несмотря на отсутствие каких-либо серьезных проблемных явлений, население повысило расходы на товары и услуги, одновременно сократив объем сберегаемых средств. Как замечает Л.Н. Овчарова, это может означать, что люди не очень доверяют действиям органов власти в сфере сбережений и финансово-кредитной политики, не находят приемлемых (надежных и в меру доходных) инструментов для размещения своих свободных средств²⁸⁶. Неудивительно, если учесть, что это практически одно поколение, люди, которые на протяжении своей жизни в России регулярно переживали

²⁸⁵ Keynes J. M. The general theory of employment, interest and money. – London : Macmillan, 1973. – 903 p.

²⁸⁶ Овчарова Л.Н. Модель выживания перестала быть массовой [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://conf.hse.ru/2014/ovcharova> (дата обращения: 20.03.2015).

экономические кризисы с периодичностью примерно 7–8 лет (и это только с учетом острой фазы кризисов, которым, на самом деле, предшествует несколько лет психологического ощущения возможной экономической катастрофы).

Отражение гипотезы Дж. М. Кейнса на российском обществе наглядно демонстрируют тенденции изменения такого основного индикатора, характеризующего сберегательное поведение населения, как норма сбережения²⁸⁷, которая определяет достаточность объема формируемых накоплений и фактически показывает неиспользованную долю дохода домохозяйства (рис. 4.2.1).

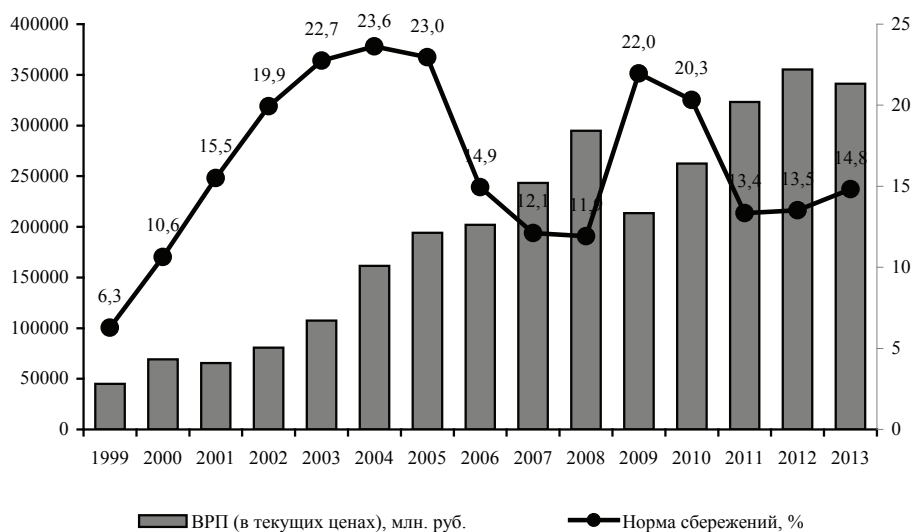

Рис. 4.2.1. Динамика ВРП и нормы сбережений* в Вологодской области в 1999–2013 гг.
 * Норма сбережения определяется на основе Балансов денежных доходов и расходов населения как соотношение сумм сбережений и денежных доходов населения. Сбережения в данном случае включают прирост (уменьшение) вкладов, приобретение ценных бумаг, изменение средств на счетах физических лиц-предпринимателей, задолженность по кредитам, приобретение недвижимости, покупку скота.
 Источник: составлено авторами по: Балансы денежных доходов и расходов населения Вологодской области 1999–2013.

Период 1998–2005 годов, для Вологодской области связанный с экономическим ростом и повышением уровня материального благосостояния населения, характеризовался увеличением нормы сбережений (с 6% в 1998 г. до 23% в 2005 г.). Падение показателя в 2006–2007 гг. может быть обусловлено реализацией отложенного спроса, сформировавшегося у жителей региона в период стабильного экономического подъема. Последующее снижение нормы сбережений в 2008 г. объясняется кризисными процессами в экономике, под влияни-

²⁸⁷ Ефимова М.Р. Инвестиционный потенциал населения России: основные аспекты статистического изучения // Вопросы статистики. – 2011. – № 1. – С. 21-30.

ем которых население продолжало тратить имевшиеся накопления с целью нивелирования негативных последствий происходивших перемен. Однако и психологический фактор, о котором мы говорили выше, упускать из виду тоже нельзя. О его влиянии свидетельствует нисходящий тренд нормы сбережений до, а не после 2008 года, и тот факт, что данный показатель существенно возрос в 2009 г. по сравнению с 2008 г.: после трехлетнего периода ощущения возможности кризиса (с 2005 по 2007 г.) люди достаточно быстро поняли, что повторения ситуации 1998 года не будет.

Дальнейшие незначительные колебания нормы потребления обусловлены сохраняющимся недоверием граждан к финансовой системе, сомнениями в стабильном развитии и вытекающим отсюда стремлением формировать сбережения на «черный день». Краткосрочный «перерыв» был только в 2010 г., когда норма потребления снизилась с 20 до 13%, что, необходимо признать, было связано не столько с успешным «выходом» из кризиса, сколько с появлением у людей возможности выплатить кредиты за счет ранее накопленных сбережений (насколько длительной будет эта возможность, не знал никто).

К сожалению, на момент подготовки данной монографии мы не обладаем сведениями, необходимыми для рассмотрения дальнейшей динамики нормы потребления. Однако все-таки рискнем предположить, что в 2015 г. произойдет ее снижение, обусловленное развитием российской экономики в условиях двусторонних санкций и нестабильной обстановки на международной политической арене.

На чем основаны наши прогнозы? Как раз здесь и следует перейти к описанию того, каким образом динамика уровня жизни, фиксируемая в показателях официальной статистики, отражается на субъективных оценках населения. Оперативность – одно из главных преимуществ социологических исследований, позволяющих делать прогнозы на будущее, и в этом смысле их данные выгодно отличаются от статистических показателей, которые пока что являются основным источником информации для органов государственного управления.

Как показывают результаты мониторинговых исследований ИСЭРТ РАН, за последние 8 лет самооценка населением своего материального положения

остается достаточно стабильной и, к сожалению, невысокой²⁸⁸. В 2014 году чуть более четверти респондентов (27%) охарактеризовали свои потребительские возможности как невысокие: для 4% опрошенных затруднительна даже покупка продуктов питания, а 23% зарабатывают только на то, чтобы приобрести необходимые продукты питания (табл. 4.2.7).

Более углубленный срез (по социально-демографическим категориям) показал, что среди лиц, негативно характеризующих свои потребительские возможности, преобладают женщины, жители районов и лица, имеющие неполное среднее и среднее специальное образование. Социальные настроения данных групп имеют негативную окраску – раздражение, напряжение, страх, тоску испытывают 42–44% их представителей.

Таблица 4.2.7. **Распределение ответов на вопрос: «Какая из вышеприведенных оценок наиболее точно характеризуют Ваши денежные доходы?»**
(в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	2007	2008	2010	2011	2013	2014
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать («богатые»)	3,7	3,4	1,7	2,1	1,2	3,1
Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна («обеспеченные»)	11,7	13,6	11,1	11,7	14,5	13,3
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом («малообеспеченные»)	50,9	62,7	51,6	53,2	56,5	55,7
Денег хватает только на приобретение продуктов питания («бедные»)	26,0	17,5	30,3	28,8	23,7	23,2
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги («нищие»)	5,5	2,1	5,1	3,5	3,8	4,3
Источник: Социологический опрос «Социальная дифференциация населения» / ИСЭРТ РАН, 2007–2013; социологический опрос «Качество жизни – 2014» / ИСЭРТ РАН, 2014.						

Основной массе населения области (56%) денег хватает для покупки продовольственных товаров и необходимой одежды, однако они испытывают трудности с приобретением дорогостоящих товаров. Эту группу составляют преимущественно мужчины и женщины среднего возраста (24 и 26% соответственно), а также женщины старше 55 лет (21%). Ее представители либо не имеют детей (59%), либо воспитывают одного несовершеннолетнего ребенка (28%); имеют среднее специальное (39%) и высшее (37%) образование.

²⁸⁸ Согласно результатам социологических опросов «Социальная дифференциация населения» и «Качество жизни», проведенных в 2007–2014 гг. Объем выборки составляет 1500 человек.

Самым малочисленным в Вологодской области является слой «обеспеченных» и «богатых» людей – тех, кто отмечает, что способны без труда покупать большинство товаров длительного пользования (13%) и не отказывают себе ни в чём (3%). В них численно доминируют мужчины среднего возраста (30% среди обеспеченных и 40% среди богатых), жители крупных городов области, лица, проживающие совместно с одним или двумя членами семьи и имеющие высшее образование.

Структурно-динамический анализ данных за более длительный период наблюдений (1998–2014 гг.)²⁸⁹ позволяет понять, что в Вологодской области произошли качественные сдвиги: значительно сократилась совокупная доля «нищих» и «бедных» (с 74 до 34%), увеличился удельный вес малообеспеченных и состоятельных людей (с 25 до 65%). Наибольшим образом изменилось наполнение группы малообеспеченных (рис. 4.2.2).

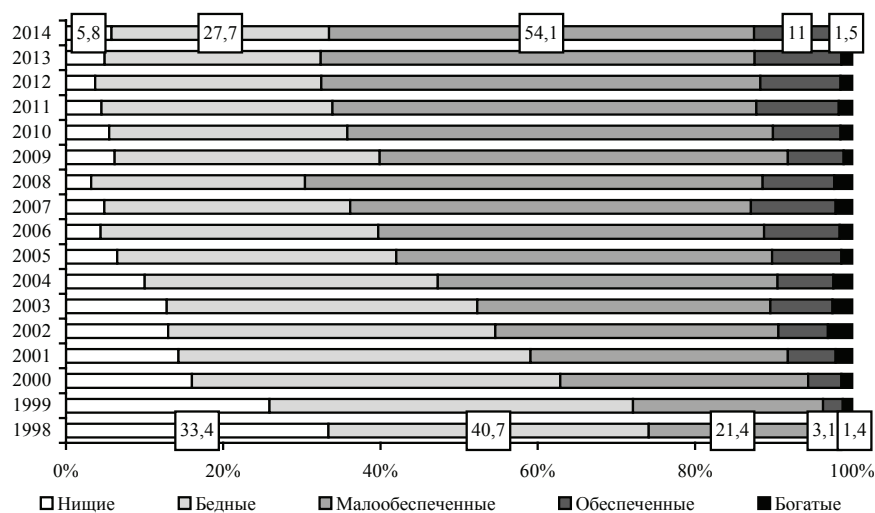

Рис. 4.2.2. Распределение населения Вологодской области по оценке собственных доходов в 1998–2014 гг. (в % от общего числа респондентов)

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.

Но самое главное то, что «бедный» – это уже не тот человек, который, образно говоря, не имеет телевизора или холодильника, а тот, кто не имеет кухонного комбайна и музыкального центра. О том, как изменился «портрет» че-

²⁸⁹ Информация приведена по результатам мониторинга, проводимого ИСЭРТ РАН, экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области.

ловека, считающего себя бедным, наглядно показывает уровень его обеспеченности. Сегодня 59% «бедных» имеют компьютеры (в 2003 г. – 4%), 40% – гаражи (в 2003 г. – 16%), 24% – кухонные комбайны (в 2003 г. – 5%) и т.д. (табл. 4.2.8).

Таблица 4.2.8. **Обеспеченность имуществом 10% наименее обеспеченных жителей Вологодской области** (в % от числа лиц, входящих в данную доходную группу)

Виды имущества	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Телевизор цветной	60,4	75,3	86,6	89,4	93,5	97,9	98,5	96,3	95,6	97,0
Музыкальный центр	6,7	11,4	12,2	23,6	34,0	40,2	34,1	30,7	41,0	17,6
DVD-проигрыватель*	-	-	-	18,7	50,0	59,8	70,4	59,9	66,9	50,0
Видеокамера	2,0	3,0	4,5	5,4	12,9	9,1	12,1	16,0	6,5	11,1
Холодильник	88,3	90,0	86,6	89,5	87,7	88,7	95,5	89,9	99,3	94,1
Кухонный комбайн	4,5	11,5	10,1	18,8	18,1	22,5	18,2	19,0	20,1	23,6
Посудомоечная машина	0,4	0,8	2,2	2,9	8,6	5,6	3,1	3,7	1,4	8,1
Стиральная машина	82,1	84,2	82,5	87,0	89,9	92,9	93,2	93,4	95,0	93,4
Пылесос	54,2	62,0	56,8	64,9	74,0	70,4	81,1	73,8	80,6	84,5
Мебельный гарнитур	57,9	52,7	62,5	71,4	76,2	75,4	81,8	72,2	73,4	74,3
Гараж	16,3	27,0	33,0	24,6	46,3	41,5	31,0	43,8	48,9	41,1
Автомобиль отечественный**	-	-	-	-	-	32,4	28,0	35,8	44,6	44,1
Автомобиль иномарка**	-	-	-	-	-	7,0	11,3	8,8	7,2	12,6
Компьютер	4,1	7,7	10,0	10,4	23,2	23,9	31,9	48,2	54,7	58,9

* Вопрос задаётся с 2006 г.
**Вопрос не задаётся с 2008 г.

Примерно такие же изменения отмечаются и во всем российском обществе. Как подчёркивает М.К. Горшков, характеризуя ситуацию в среднем по стране, «уровень благообеспечения бедных слоев повысился от бедного до малообеспеченного, причем при сохранении достатка среднего класса. Если вдуматься, это очень серьезно»²⁹⁰. Согласно данным опросов, в абсолютных величинах за последние 10 лет положение бедных только ухудшалось, но количество техники и современных цифровых устройств, которыми они владеют, увеличивалось – например, компьютер и какой-никакой смартфон есть теперь едва ли не у каждого малоимущего²⁹¹.

²⁹⁰ Горшков М.К. Толстеет слой. Россияне учатся самодостаточности [Эл. рес.] // Газета «Поиск». –2014. – № 52 (26 дек.). – Реж. дост.: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/12826/>

²⁹¹ Филина О. Богатый выбор бедных [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.kommersant.ru/doc/2608667> (дата обращения: 23.04.2015).

И действительно, даже не вдаваясь в подробности наполняемости различных доходных групп, можно сказать, что сам факт динамических изменений уровня жизни за последние 20 лет выводит нас на куда более глубокие вопросы – вопросы трансформации общественного сознания. Изменился характер проблем, волнующих население. Сегодня они лежат в плоскости не уровня жизни, а качества жизни. И если в конце 1990-х гг. речь шла о выживании, о поддержании благосостояния, более-менее достаточного для элементарного осуществления своих социальных функций, то к 2015 г., с увеличением общего уровня жизни, общество стало более требовательным к условиям существования, к деятельности власти. «Легко управлять бедным обществом, – отмечает доктор экономических наук директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН В.В. Ивантер, – его достаточно накормить, и оно будет довольно. Но намного труднее справиться с обществом, уже богатым или находящимся на пути к этому... поскольку требования к власти предъявляются более высокие»²⁹².

Дальнейшие рассуждения на эту тему неизбежно приведут нас к необходимости анализа динамики общественного мнения в различных доходных группах о социально-экономических и политических процессах, происходящих в стране, об условиях жизни и о своем психологическом самочувствии. Как динамика уровня и качества жизни в современной России влияет на трансформацию общественного сознания и поведения? Об этом мы поговорим в следующей главе.

4.3. ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

Социальное восприятие населением реалий общественной жизни, социальное самочувствие как субъективное отражение собственных возможностей, степени поддержки действий органов власти и готовности к активным действиям детерминируются множеством материальных и нематериальных факторов (культурные, психологические, социально-экономические, политические и т.д.). События первой половины 2014 года, важнейшим из которых является присоединение Крыма и Севастополя к Российской Федерации, наглядно показали,

²⁹² Ивантер В. Денег не жалеть [Эл. рес.] // Российская газета. – Реж. дост.: <http://www.rg.ru/2014/01/17/investigii.html> (дата обращения: 09.02.2015).

насколько важную роль могут играть факторы нематериальной природы происхождения в формировании общественного мнения россиян. Однако можно сказать, что это было исключительное для России время, период форс-мажорных обстоятельств, когда общественное сознание, как и политика государства, во многом зависели от хода геополитических событий.

Роль нематериальных факторов развития может быть очень яркой, и, на наш взгляд, она будет только возрастать по мере того, как будет усложняться сама структура социума и характер общественных отношений. Однако на сегодняшний день, если мы взглянем на динамику общественного мнения в более широкой, 20-летней ретроспективе, то мы увидим, что материальные факторы играют как минимум не меньшую роль в формировании общественного сознания. По крайней мере, в российском обществе, пережившем (как мы показывали ранее) столько катаклизмов, связанных именно с личным благосостоянием каждого конкретного гражданина страны. Да и можно ли четко выделить роль материальных и нематериальных факторов? Что влияет, например, на оценку деятельности власти: социальное неравенство, выражаемое конкретными экономическими показателями, или чувство социальной несправедливости, которое можно «измерить» только в субъективных оценках населения?

Так или иначе, по мнению ряда ученых²⁹³ (и мы с ними абсолютно согласны), «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копеек»²⁹⁴ – главная мечта современного россиянина, а низкий уровень жизни и расслоение населения на «богатых» и «бедных», как показывают результаты общероссийских и региональных исследований, – главные проблемы, волнующие людей.

Становясь повседневной частью сознания жителей региона, данные аспекты бытия, несомненно, вызывают чувство социального недовольства, которое является почвой для сохранения и нагнетания социальной напряженности в обществе и, несомненно, сказывается на оценках политической и экономиче-

²⁹³ См., напр.: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг ВЦИОМ. – 2008. – № 2. – С. 18-25; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. «Русская мечта»: опыт социологического измерения. – М.: Ин-т социологии РАН, 2013. – 54 с.

²⁹⁴ По результатам исследований Института социологии РАН самая популярная мечта россиян – «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копеек».

ской обстановки, уровне одобрения деятельности федеральных и региональных органов власти.

Как уровень жизни влияет на социальное восприятие и социальное самочувствие населения? Какие оценки характерны для представителей самых «низких» и самых «высоких» доходных групп?

Восстановительные процессы начала 2000-х гг., как и геополитическая напряженность 2014 г., затронули все слои российского общества. Это объясняет тот факт, что динамика отношения к политической сфере страны среди групп населения, отличающихся по уровню дохода и динамике потребления, в целом идентична среднеобластным трендам (табл. 4.3.1). Тем не менее перевес негативных оценок политической обстановки на протяжении всего анализируемого периода сохраняется в группах «20% наименее обеспеченных» и среди тех, кто «приобретал меньше товаров, чем в прошлом году» (продовольственных и непродовольственных). За рассматриваемый период наибольший прирост доли положительных оценок политической ситуации наблюдается в доходных группах «20% наиболее обеспеченных» и «60% среднеобеспеченных», а также среди тех респондентов, которые сохранили или увеличили уровень потребления продовольственных и непродовольственных товаров.

Таблица 4.3.1. Динамика оценки политической обстановки в стране в группах населения, выделенных по уровню дохода и динамике потребления (вариант ответа «Благополучная, спокойная»; в % от числа опрошенных)

	Год										Изм-е 2014 г. к 1999 г., +/-
	1999	2000	2004	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
<i>Доходные группы</i>											
20% наименее обеспеченных	2,1	11,4	30,4	40,9	31,2	31,0	28,9	28,6	25,3	25,6	23,5
60% среднеобеспеченных	4,5	20,4	41,3	52,8	42,3	47,4	47,1	41,6	45,0	40,1	35,6
20% наиболее обеспеченных	10,1	30,2	51,1	61,2	48,3	56,7	54,6	50,9	51,9	46,5	36,4
<i>Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)</i>											
Больше, чем прежде	5,9	27,0	58,5	53,6	23,7	40,7	43,2	44,2	35,3	49,7	43,8
В том же объеме, что и прежде	1,8	14,1	44,8	56,0	42,0	50,5	46,1	44,8	46,9	57,0	55,2
Меньше, чем прежде	1,9	12,1	35,9	37,2	19,8	28,6	28,0	28,4	25,8	29,4	27,5
<i>Потребление непродовольственных товаров (приобретали ...)</i>											
Больше, чем прежде	7,9	26,0	51,1	51,2	24,0	40,9	45,7	37,0	34,8	48,6	40,7
В том же объеме, что и прежде	1,8	14,4	45,7	59,9	47,8	50,4	50,5	47,7	51,5	61,5	29,7
Меньше, чем прежде	1,8	10,4	36,4	38,2	19,1	34,1	31,2	30,9	28,5	29,2	27,4

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.

В период восстановительного роста 2000–2008 гг. наблюдается устойчивое увеличение доли позитивных оценок политической ситуации во всех выделен-

ных группах. Однако после того, как россияне почувствовали на себе влияние мирового финансового кризиса, такой закономерности уже не прослеживается. Можно предположить, что кризис повлиял на особенности восприятия населением политической обстановки. Вероятно, люди осознали, что важным индикатором деятельности органов власти должен быть не столько количественный рост (доходов, потребительских расходов, товаров в магазинах и т.д.), сколько устойчивое состояние и функционирование самой системы, которая должна стремиться не просто к численному увеличению экономических индикаторов, а быть способной защищать интересы населения.

Логичным отражением преобладания критических взглядов на сферу управления страной являются суждения населения об устройстве политической системы. В 2014 году только 8% населения региона (4% в 2000 г.) считали, что она организована и функционирует вполне нормально, тогда как 38% (41% в 2000 г.) было убеждено, что в ней много недостатков, которые необходимо устранять путем реформ, а 29% (24% в 2000 г.) выражали недовольство и говорили о необходимости радикальных перемен. Представители обеспеченных групп настроены более лояльно, чем наименее обеспеченные граждане (табл. 4.3.2).

Таблица 4.3.2. Мнение населения Вологодской области о политической системе страны в группах населения, выделенных по уровню дохода (в % от числа опрошенных)

	Год					Изменение 2014 г. к 2000 г., +/-
	2000	2005	2008	2013	2014	
<i>Меня полностью устраивает политическая система нашего общества</i>						
20% наименее обеспеченных	2,3	5,2	3,3	6,1	1,9	-0,4
60% среднеобеспеченных	6,3	4,9	8,9	15,6	8,2	1,9
20% наиболее обеспеченных	5,3	11,2	14,7	18,6	9,7	4,4
В среднем по области	3,5	6,4	8,8	14,4	7,6	4,1
<i>В политической системе нашего общества много недостатков, но их можно устранить путем постепенных реформ</i>						
20% наименее обеспеченных	30,8	30,7	39,7	30,7	28,7	-2,1
60% среднеобеспеченных	40,5	45,9	48,4	42,3	38,1	-2,4
20% наиболее обеспеченных	44,9	51,9	56,4	48,1	45,5	0,6
В среднем по области	40,9	43,8	47,7	41,8	37,5	-3,4
<i>Меня не устраивает политическая система нашего общества, её необходимо радикально изменить</i>						
20% наименее обеспеченных	28,0	34,9	29,1	34,1	37,3	9,3
60% среднеобеспеченных	24,4	29,8	19,0	24,6	26,7	2,3
20% наиболее обеспеченных	23,0	22,5	13,7	22,0	20,1	-2,9
В среднем по области	23,9	29,4	20,3	25,5	26,8	2,9
<i>Затрудняюсь ответить</i>						
20% наименее обеспеченных	39,0	29,2	27,8	29,2	32,1	-6,9
60% среднеобеспеченных	28,7	19,4	23,7	17,6	27,0	-1,7
20% наиболее обеспеченных	26,8	14,5	15,2	11,4	24,6	-2,2
В среднем по области	30,9	20,5	23,2	18,3	28,1	-2,8
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 2000–2014.						

Среди жителей области весьма широко распространено такое суждение: «Людам у власти нет никакого дела до простых людей» – так считали 38% респондентов в 2000-м и 39% в 2014 году (табл. 4.3.3). Это мнение практически в равной степени разделяется представителями разных доходных групп: среди 20% наименее обеспеченных – 41% в 2000 году и 45% в 2014 году; среди 60% среднеобеспеченных – 38 и 39 %, а среди 20% наиболее обеспеченных – 34 и 36 % соответственно.

Таблица 4.3.3. Мнения о жизни в обществе в группах населения Вологодской области, выделенных по уровню дохода (в % от общего числа опрошенных)

	Год					Изменение 2014 г. к 2000 г., +/-
	2000	2005	2008	2013	2014	
<i>Людам у власти нет никакого дела до простых людей</i>						
20% наименее обеспеченных	41,1	38,5	40,3	50,0	45,1	4,0
60% среднеобеспеченных	38,2	40,0	42,4	40,8	39,2	1,0
20% наиболее обеспеченных	34,2	34,2	35,3	37,9	36,2	2,0
В среднем по области	37,8	38,7	40,3	41,3	39,1	1,3
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 2000–2014.						

Закономерно, что позитивные отзывы об экономическом положении страны чаще высказывают более состоятельные жители области (группы «20% наиболее обеспеченных» и «60% среднеобеспеченных») и те люди, которые сохранили в прежнем объеме или увеличили потребление разнообразных товаров. Последние, кстати, не утратили позитивного настроения по отношению к экономической сфере (хотя в других группах населения, сформированных по динамике потребления, он сократился; табл. 4.3.4).

Таблица 4.3.4. Динамика оценки экономического положения в стране в группах населения, выделенных по уровню дохода и динамике потребления (вариант ответа «Среднее»; в % от числа опрошенных)

	Год								Изменение 2014 г. к 2004 г., +/-
	2004	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
<i>Доходные группы</i>									
20% наименее обеспеченных	41,4	46,7	43,3	38,8	39,5	41,1	36,9	41,0	-0,4
60% среднеобеспеченных	44,2	53,1	42,3	50,4	51,5	54,0	50,0	52,8	8,6
20% наиболее обеспеченных	47,1	53,7	41,5	54,2	56,3	57,3	56,3	54,6	7,5
<i>Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)</i>									
Больше, чем прежде	47,7	49,0	30,2	43,6	42,4	53,8	42,9	40,7	-7,0
В том же объеме, что и прежде	52,1	53,7	41,8	53,7	54,9	55,4	51,5	54,5	2,4
Меньше, чем прежде	42,9	46,3	30,2	36,8	43,4	41,4	43,4	40,1	-2,8
<i>Потребление непродовольственных товаров (приобретали ...)</i>									
Больше, чем прежде	48,9	48,8	37,0	35,5	43,2	45,9	39,9	34,0	-14,9
В том же объеме, что и прежде	52,4	52,0	40,1	52,7	56,2	57,8	53,3	57,0	4,6
Меньше, чем прежде	44,3	51,8	31,7	40,8	47,2	46,5	44,3	40,0	-4,3
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 2004–2014.									

Данный факт может говорить о лучшей адаптированности этой группы людей к жизни в условиях постоянно трансформирующегося общества. Иными словами, они сформировали такие стратегии экономического поведения, которые при ухудшении ситуации в социально-экономической сфере позволяют им поддерживать привычный уровень жизни²⁹⁵ (выражающийся в данном случае в сохранении прежнего уровня потребления). В других же группах адаптационные механизмы не столь эффективны: например, рост потребления обеспечивался не увеличением денежных доходов или ранее накопленными средствами, а кредитами, обслуживание которых может оказаться «накладным» из-за роста их стоимости при одновременном уменьшении получаемого дохода. В то же время сокращение приобретения продуктов питания и товаров может быть связано со снижением оплаты труда вследствие сокращения прибыли предприятий в условиях экономической нестабильности. Такие изменения в динамике потребления соответствующим образом отразились на оценке населением экономического положения страны.

В качестве подтверждения вышесказанного рассмотрим дифференциацию суждений населения о возможностях, предоставляемых экономической системой (табл. 4.3.5).

Таблица 4.3.5. Мнения о жизни в обществе, выявленные в группах населения Вологодской области, выделенных по уровню дохода (в % от числа опрошенных)

	Год					Изменение 2014 г. к 2000 г., +/-
	2000	2005	2008	2013	2014	
<i>Богатые становятся богаче, а бедные – беднее</i>						
20% наименее обеспеченных	59,8	35,5	45,3	51,9	39,6	-20,2
60% среднеобеспеченных	55,4	41,4	48,3	45,4	45,3	-10,1
20% наиболее обеспеченных	49,5	35,3	35,4	40,5	34,7	-14,8
В среднем по области	54,6	39,7	45	45,7	41,6	-13
<i>Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие</i>						
20% наименее обеспеченных	24,2	21,7	24,9	18,2	11,6	-12,6
60% среднеобеспеченных	25,6	26,0	34,1	33,0	27,6	2,0
20% наиболее обеспеченных	32,8	38,5	51,0	45,5	53,4	20,6
В среднем по области	27	27,9	35,6	32,3	28,9	1,9
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 2000–2014.						

²⁹⁵ Уровень жизни и социальная реальность: мониторинг перемен / А.А. Шабунова, М.В. Морев, А.И. Россошанский, Г.В. Белехова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 122 с.

О несправедливости существующих в стране распределительных механизмов свидетельствует большая поддержка населением региона следующего суждения: «Богатые становятся богаче, а бедные – беднее» (55% в 2000 г., 42% в 2014 г.). А подтверждением мнения, что упорный труд не всегда положительно отражается на материальном благосостоянии человека, выступает низкая оценка такого суждения: «Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие» (27% в 2000 г., 29% в 2014 г.).

В долгосрочном периоде (2000–2014 гг.) сопоставление подобных мнений свидетельствует о позитивных изменениях. Как в разрезе доходных групп, так и в среднем по области заметно ослабевают неодобрительные высказывания в отношении обогащения богатых, растёт уверенность в возможности улучшения материального положения за счет приложения собственных усилий (за исключением 20% наименее обеспеченных граждан). Вместе с тем в краткосрочном периоде (2008–2014 гг.) оценки изменяются не столь сильно. Другими словами, тенденции улучшения не очевидны: после определенного подъёма уровня поддержки положительных суждений в период восстановительного роста (2000–2008 гг.) дальнейших изменений не происходит.

Вместе с тем представленные данные позволяют сделать вывод о влиянии уровня жизни на осознание личной ответственности за материальное положение себя и своей семьи, поскольку такое мнение наиболее распространено среди высокообеспеченных жителей области и с каждым годом всё больше и больше укрепляется (33% в 2000 г., 51% в 2008 г. и 53% в 2014 г.), тогда как в группе среднеобеспеченного населения ежегодно только треть выражает согласие с этим утверждением, а среди людей с низким уровнем дохода доля разделяющих его планомерно сокращается. Такие инертные установки создают опасность усиления иждивенческих настроений среди основной части населения региона, что впоследствии может привести к снижению трудовой активности.

Во всех рассматриваемых группах в 2014 г. по сравнению с 1999 г. вырос уровень одобрения деятельности главы государства (табл. 4.3.6). Значимый прирост наблюдается среди «20% наиболее обеспеченных», «60% среднеобеспеченных» и тех групп населения, которые сохранили или увеличили количество приобретаемой продукции продовольственного и непродовольственного назначения.

Таблица 4.3.6. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в группах населения, выделенных по уровню дохода и динамике потребления (в % от числа опрошенных)

	Год										Изменение, +/-	
	1999	2000	2004	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 г. к 1999 г.	2014 г. к 2000 г.
<i>Доходные группы</i>												
20% наименее обеспеченных	7,5	56,4	56,9	66,1	55,5	54,1	45,7	40,9	49,6	53,3	45,8	-3,1
60% среднеобеспеченных	8,6	68,9	67,7	75,7	65,4	65,4	60,4	53,8	56,1	65,5	56,9	-3,4
20% наиболее обеспеченных	10,2	69,3	73,1	78,6	71,5	71,9	68,9	59,4	63,6	74,9	64,7	5,6
<i>Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)</i>												
Больше, чем прежде	11,8	72,1	86,2	78,8	71,0	67,9	61,9	51,9	63,5	72,9	61,1	0,8
В том же объеме, что и прежде	8,0	68,5	75,5	81,0	67,6	67,4	64,0	53,4	59,7	60,7	52,7	-7,8
Меньше, чем прежде	6,5	55,0	58,4	73,2	54,3	55,9	47,3	38,4	45,7	42,3	35,8	-12,7
<i>Потребление непродовольственных товаров (приобретали ...)</i>												
Больше, чем прежде	10,5	68,0	75,6	77,6	70,5	66,7	67,9	57,8	65,9	77,1	66,6	9,1
В том же объеме, что и прежде	8,1	68,8	76,9	82,9	68,8	67,7	64,1	53,7	65,6	63,8	55,7	-5,0
Меньше, чем прежде	6,4	56,4	63,6	72,9	52,3	59,9	49,9	41,1	44,3	40,5	34,1	-15,9

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.

Однако, на наш взгляд, поскольку 2014 год был для России исключительным, для «чистоты эксперимента» корректнее обратиться к 2013 году, когда внимание общества еще не было приковано к событиям на Украине. С этой точки зрения сопоставление 2000 и 2013 годов обнаружило более заметное сокращение положительных оценок работы лидера страны, причем во всех анализируемых группах. При этом следует обратить внимание, что в 2000 г. общество восстанавливалось после кризиса 1998 г., а в 2009–2013 гг. – после кризиса 2008 г., масштабы которого были несравнимо менее значимыми, да и предшествующие этим кризисам периоды (1990-е против 2000–2007 гг.) были также кардинально противоположными по своему характеру. Мы хотим сказать, что более низкая оценка деятельности главы государства в 2013 г. по сравнению с 2000 г. связана не столько с последствиями мирового финансового кризиса, сколько с высокой «планкой», которую задал В. Путин в периоды своего первого и второго президентского срока.

Жители региона чаще отмечают, что Президента РФ в первую очередь заботит положение страны на международной арене, экономическая ситуация и порядок в государстве, тогда как материальное положение населения не столь приоритетно (табл. 4.3.7).

Если в 2000 г. мнение о том, что Президент РФ успешно справляется с проблемой обеспечения материального благополучия граждан, разделяли более половины представителей и высокодоходных, и низкодоходных слоев населения (53–54%), то в 2014 г. наблюдается некоторая поляризация суждений: среди 20% наименее обеспеченных так считают 63%, среди 60% среднеобеспеченных – 53%, среди 20% высокообеспеченных – 47%. Это косвенно подтверждает тот факт, что не все категории населения жителей области «с успехом» преодолевают трансформационный период последних 20 лет.

Таблица 4.3.7. Мнения о приоритетности сфер ответственности Президента РФ, отмеченные в группах населения Вологодской области, выделенных по уровню дохода (в % от числа опрошенных)

Сфера ответственности	Год	Группы населения, выделенные по уровню дохода		
		20% наименее обеспеченных	60% среднеобеспеченных	20% наиболее обеспеченных
Положение страны на международной арене	2000	21,8	28,2	26,0
	2004	22,2	29,4	27,0
	2008	18,8	35,1	35,7
	2014	26,3	45,1	48,7
<i>Изменение, +/-</i>	<i>2014 к 2000</i>	4,5	16,9	22,7
Экономическое положение страны	2000	19,5	26,3	20,5
	2004	19,4	22,4	20,8
	2008	22,1	26,8	32,0
	2014	14,8	22,8	26,3
<i>Изменение, +/-</i>	<i>2014 к 2000</i>	-4,7	-3,5	5,8
Демократические права и свободы	2000	2,4	7,2	5,9
	2004	7,3	7,8	8,8
	2008	4,2	4,7	7,4
	2014	5,6	7,1	9,2
<i>Изменение, +/-</i>	<i>2014 к 2000</i>	3,2	-0,1	3,3
Порядок в стране	2000	23,7	30,8	28,9
	2004	13,4	18,2	17,7
	2008	15,8	22,9	20,3
	2014	16,5	22,3	29,2
<i>Изменение, +/-</i>	<i>2014 к 2000</i>	-7,2	-8,5	0,3
Материальное положение населения страны	2000	9,1	13,2	7,1
	2004	4,8	6,6	6,1
	2008	6,4	6,0	5,3
	2014	3,4	6,4	9,4
<i>Изменение, +/-</i>	<i>2014 к 2000</i>	-5,7	-6,8	2,3
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.				

Результаты исследования в отношении региональной власти показывают, что уровень одобрения деятельности Губернатора Вологодской области стал серьезно снижаться после 2008 г. вследствие неэффективной, по мнению населения, работы его команды в части преодоления последствий кризиса 2008–2009 годов. Смена руководства области в 2012 г. практически не отразилась на динамике общественного мнения: регион по-прежнему находится в крайне тяжелом экономическом положении, связанном с долговыми обязательствами регионального бюджета.

Тем не менее в группах с высоким (по самооценкам населения) уровнем жизни («20% наиболее обеспеченных», «приобретали столько же или больше продовольственных/непродовольственных товаров») поддержка региональной власти остается достаточно устойчивой, чего, к сожалению, нельзя сказать о более широких группах, в которые входят средне- и низкообеспеченные жители области (табл. 4.3.8).

Таблица 4.3.8. Динамика уровня одобрения деятельности губернатора Вологодской области в группах населения, выделенных по уровню дохода и динамике потребления (в % от числа опрошенных)

	Год										Изм-е 2014 г. к 1999 г., +/-
	1999	2000	2004	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
<i>Доходные группы</i>											
20% наименее обеспеченных	30,0	47,6	45,9	47,3	37,7	38,1	33,4	35,6	37,1	28,1	-1,9
60% среднеобеспеченных	45,8	58,8	55,5	60,4	49,0	49,1	48,0	44,1	45,6	41,6	-4,2
20% наиболее обеспеченных	51,1	61,0	61,6	60,6	54,5	58,2	54,1	46,6	55,4	51,2	0,1
<i>Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)</i>											
Больше, чем прежде	41,2	59,0	73,1	66,2	51,5	40,0	44,1	41,7	55,8	56,5	15,3
В том же объеме, что и прежде	36,6	57,6	66,6	65,4	49,7	51,1	45,6	43,6	44,9	45,4	8,8
Меньше, чем прежде	31,7	50,6	51,0	53,2	38,5	37,6	38,3	27,5	37,7	30,1	-1,6
<i>Потребление непродовольственных товаров (приобретали ...)</i>											
Больше, чем прежде	42,1	55,0	63,0	65,6	53,4	41,9	50,6	45,9	56,5	64,6	22,5
В том же объеме, что и прежде	37,8	55,7	66,9	67,5	51,9	51,4	49,7	44,3	48,2	48,1	10,3
Меньше, чем прежде	31,9	53,1	58,9	55,7	36,6	43,4	34,5	28,7	38,0	31,1	-0,8
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.											

Таким образом, наблюдаемая динамика общественного мнения позволяет говорить о том, что уровень жизни является значимым фактором, влияющим на восприятие экономической и политической ситуации, на уровень одобрения де-

тельности руководителей страны и области. Общую закономерность можно описать так: чем выше характеристики уровня жизни, тем устойчивее оценки экономической и политической обстановки, тем выше одобрение деятельности органов государственного управления. При этом степень влияния отдельных компонентов уровня жизни (например, уровень доходов и интенсивность потребления) на общественное мнение различна.

Оценки политической обстановки и деятельности органов власти более чувствительны к динамике потребления. Во-первых, в кризисный период (2008–2009 гг.) в группах, выделенных в зависимости от степени реализации потребительских возможностей, происходило более существенное ухудшение оценок перечисленных аспектов общественного мнения, чем в группах по доходам (например, относительно обстановки среднее снижение доли оценок «благополучная, спокойная» составило 20% против 11% соответственно; уровень одобрения деятельности Президента в среднем сократился на 14% против 9% соответственно). Во-вторых, именно по компоненту «динамика потребления» в целом за период 2000–2014 гг. существенно улучшились оценки политической обстановки (в среднем рост оценок «благополучная, спокойная» составил 28% по сравнению с 17% в доходных группах). В отношении поддержки деятельности руководителей государства и области такой закономерности не наблюдается, однако, на наш взгляд, это не опровергает полученные результаты – слишком уж сильное влияние в нашей стране имеет именно личность В. Путина, слишком уж сильно выражен в российском обществе личностный подход к институту президентства, и это влияет не только на отношение к деятельности самого главы государства, но и на оценку руководителей других звеньев государственного управления.

Среднегодовые оценки экономического положения, дифференцированные по уровню дохода и динамике потребления, в целом согласуются. Но в кризисные 2008–2009 гг. на такие оценки в большей степени повлияла реализация возможностей потребления, нежели уровень дохода: среднее снижение положительных оценок в группах по динамике потребления составляет 15%, а в

группах по уровню дохода – 9%. Общее изменение за период наблюдений (2004–2014 гг.) по выделенным группам противоположно: оценки всех сформированных по доходу групп улучшаются (что согласуется с ростом среднедушевых доходов), а в группах по динамике потребления рост оценок экономического положения страны как «среднего» наблюдается только в категории людей, не изменивших объемы потребления, тогда как динамика оценок крайних групп отрицательна.

Стабилизация социально-экономической ситуации в регионе и растущий уровень доходов оказали положительное воздействие на социальное настроение населения²⁹⁶. По данным мониторинга ИСЭРТ РАН за 1998–2014 гг., доля жителей Вологодской области, испытывающих преимущественно положительные эмоции, увеличилась с 28 до 69%, тогда как распространенность оценок негативного спектра, наоборот, сократилась с 64 до 25 %.

Переломным моментом выступил 2000 год, когда доля положительных оценок превысила долю негативных. Позитивный тренд продлился до 2013 г., «просев» лишь в 2009-м (тогда всего за один год, с 2008 по 2009, доля населения, считающего своё состояние прекрасным и нормальным, сократилась на 14%), что обусловлено влиянием мирового финансового кризиса на социально-экономическое положение Вологодской области. Данное снижение длилось недолго, поскольку в 2010 г. позитивный тренд продолжился, в 2013 г. достигнув, а в 2014 г. превысив уровень предкризисного 2008 года²⁹⁷.

Однако данные характеристики отражают лишь усредненные значения показателя и выражают в большей степени психологическое состояние средне- и высокообеспеченных граждан, настроения которых за 1998–2014 гг. улучшились на 46 и 40% соответственно (по сравнению с 2000 годом рост более скромный – на 26 и 21% соответственно; *рис. 4.3.1*).

²⁹⁶ Для измерения социального настроения используется один вопрос «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?» и предлагается 4 варианта ответов на него: «нормальное состояние», «прекрасное настроение» (положительные характеристики), «испытываю напряжение, раздражение», «испытываю страх, тоску» (отрицательные характеристики).

²⁹⁷ Шабунова А.А., Россошанский А.И., Белехова Г.В. Благополучие населения: тенденции и перспективы. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 124 с.

Рис. 4.3.1. Динамика социального настроения 20% наиболее обеспеченных жителей Вологодской области в 1998–2014 гг. (в % от общего количества респондентов)

Примечание. Вариант ответа «затрудняюсь ответить» не представлен.

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.

В низкодоходной группе преобладание позитивного настроения над ощущениями напряжения и страха начало проявляться несколько позже (с 2005 г.) и продлилось сравнительно недолго (до кризисного периода), тем самым подтвердив неустойчивое материальное положение представителей этой группы. В посткризисный период отмечается восстановление преобладания позитивных характеристик социального самочувствия среди представителей низкодоходного квинтиля, хотя возврата к предкризисному уровню не произошло (рис. 4.3.2).

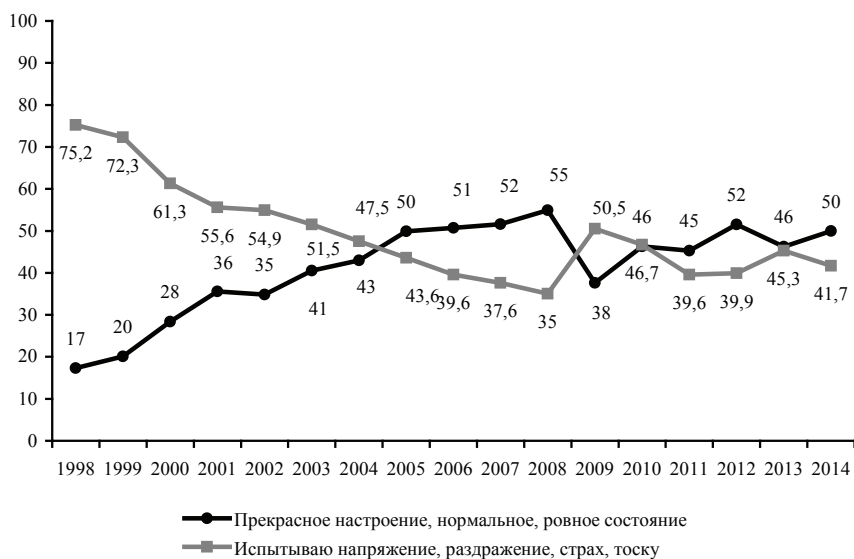

Рис. 4.3.2. Динамика социального настроения 20% наименее обеспеченных жителей Вологодской области в 1998–2014 гг. (в % от общего числа респондентов)

Примечания. Вариант ответа «Затрудняюсь ответить» не представлен.

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.

Изменение настроения в разрезе динамики потребления продовольственных и непродовольственных товаров аналогично вышеобозначенным закономерностям: увеличение и сохранение потребления сопровождается ростом доли позитивных оценок, тогда как в случае сокращения приобретения товаров положительные оценки хотя и растут, но преобладающими остаются эмоции напряжения, страха и тоски (*приложение 7*). Стоит отметить также, что с 2009 г. стабильный рост доли оценок настроения как «прекрасного, нормального» с превышением докризисных величин (уже в 2013 г.) наблюдается только в группе населения, которое покупало столько же товаров, сколько и прежде. Удельный вес позитивных оценок в данной группе в 2009–2014 гг. был выше, чем среди тех, у кого потребление по сравнению с уровнем прошлого периода увеличилось. Это в очередной раз подтверждает вывод о снижении ощущений социального дискомфорта в данной группе и повышении уровня адаптированности её представителей к постоянно изменяющимся социально-экономическим условиям.

Социальное настроение в группах, выделенных по уровню дохода и динамике потребления, изменяется достаточно симметрично. Только в кризисный период (2008–2009 гг.) более сильное негативное влияние на настроения оказал фактор реализации материальных возможностей в сфере потребления: удельный вес испытывающего спокойствие и уравновешенность населения в группах, сформированных по динамике потребления, уменьшился в среднем на 23% против 14% в группах по уровню дохода. В группах, выделенных по потреблению, общая динамика улучшения социально-психологического состояния жителей области за 2000–2014 гг. также более сдержанна, чем в доходных группах.

Несмотря на умеренно критическое отношение к состоянию отечественной политики и экономики, жителей Вологодской области более или менее устраивает их жизнь. В оценке сложившейся ситуации преобладающим является мнение «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть». Однако, как и в случае других аспектов массового сознания, запас терпения повышается

по мере увеличения материальных возможностей: так, в 2014 году доля удовлетворенных жизнью среди «20% наименее обеспеченных» составляла 65% (50% в 2000 г.), тогда как среди «20% наиболее обеспеченных» – 94% (77% в 2000 г.). Высокий запас терпения характерен и для групп, обладающих стабильной и возросшей динамикой потребления (*приложение 8*).

В 20%-ной группе наименее обеспеченных отмечается наибольшая склонность к протестным проявлениям; чуть ниже уровень социального недовольства у среднеобеспеченных жителей, составляющих основную часть (60%) населения Вологодской области. Хотя в целом за 1999–2014 гг. для данных категорий характерно ослабление радикальных настроений. В 20%-ной группе населения, располагающего наибольшими доходами, протестный потенциал принимает самые низкие значения (*табл. 4.3.9*).

Таблица 4.3.9. **Динамика потенциала протеста в группах населения, выделенных по уровню дохода и динамике потребления** (в % от числа опрошенных)

	Год											Изм-е 2014 г. к 1999 г., +/-
	1999	2000	2004	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
<i>Доходные группы</i>												
20% наименее обеспеченных	43,2	27,3	25,0	33,3	24,8	24,2	23,9	26,8	25,2	21,7	23,2	-20,0
60% среднеобеспеченных	34,2	24,4	28,4	34,5	19,9	22,2	21,1	18,9	21,4	16,4	19,1	-15,1
20% наиболее обеспеченных	28,5	21,0	24,4	28,5	14,1	19,7	15,1	14,7	12,9	13,5	11,4	-17,1
<i>Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)</i>												
Больше, чем прежде	35,3	24,6	17,7	36,5	17,9	32,5	19,3	15,3	23,7	16,7	7,9	-27,4
В том же объеме, что и прежде	43,4	31,0	19,2	27,0	15,0	22,7	17,4	16,6	17,2	17,5	13,6	-29,8
Меньше, чем прежде	44,4	30,1	27,8	50,5	28,6	38,1	30,3	28,5	37,5	26,8	28,3	-16,1
<i>Потребление непродовольственных товаров (приобретали ...)</i>												
Больше, чем прежде	34,2	27,6	18,5	32,4	15,2	29,5	18,3	6,2	18,5	13,0	9,7	-24,5
В том же объеме, что и прежде	44,4	29,2	20,2	29,5	14,9	21,9	15,4	11,9	16,6	14,6	10,8	-33,6
Меньше, чем прежде	42,5	31,9	25,5	44,7	27,4	36,9	28,5	30,5	34,8	28,1	25,9	-16,6
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.												

Интересным представляется тот факт, что жители области, составившие первую и вторую доходные группы, с практически одинаковой вероятностью либо включатся в протестные действия (для первой группы – 24% в 2010 г., 23% в 2014 г.; для второй группы – 21 и 19 % соответственно), либо выберут тактику невмешательства и отстранения от решения своих проблем (для первой

группы – 24 и 30%, для второй группы – 22 и 24 % соответственно). Представители наиболее обеспеченной категории населения в большей степени склонны считать, что их интересы достаточно защищены (22% в 2010 г., 21% в 2014 г.), а в случае нарушения их прав они чаще проявляют склонность к формированию «мирной» стратегии взаимодействия с властью (выбрали вариант «подпишу обращение к властям» 24 и 28% соответственно), нежели допускают возможность своего участия в протестных выступлениях (15 и 11 %).

Схожие закономерности прослеживаются и в разрезе групп, выделенных по динамике потребления. Протестные настроения реже присущи тем жителям области, которые сохранили объемы потребления или стали приобретать больше продовольственных и непродовольственных товаров. Наиболее высокие значения потенциал протеста приобретает среди населения, потребление которого сократилось по сравнению с уровнем предыдущего периода. Причем если до 2008 года разрыв по уровню протеста между двумя крайними категориями населения по динамике потребления (теми, кто стал приобретать больше товаров, и теми, кто стал приобретать меньше товаров) не превышал 1,5 раза, то в отдельные годы посткризисного периода он доходил до двух раз.

Влияние динамики потребления на потенциал протеста более сильное, чем уровня доходов: в группах населения, сформированных по степени реализации потребительских возможностей, выше общее снижение протестного потенциала за 1999–2014 гг. (в среднем на 24% против 17% в группах по уровню дохода), значительнее усиление радикальных настроений в период кризиса 2008–2009 гг. (в среднем потенциал протеста вырос на 10% против 2% в доходных группах) и более активное сокращение готовности участвовать в решительных действиях в защиту своих интересов в 2010–2014 гг. (более чем на 10% против 4% в доходных группах).

Способность влиять на ситуацию в своей семье ощущают большинство опрошенных: чуть выше такие ощущения в более обеспеченных группах, а также в группах, имеющих позитивную динамику потребления продоволь-

ственных и непродуктивных товаров (78–86% в 2013 году²⁹⁸; табл. 4.3.10).

Таблица 4.3.10. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел..?» в группах по уровню дохода (вариант ответа «Да»; в % от числа опрошенных)**

	2011	2013	2014	Изменение 2014 г. к 2011 г., +/-
<i>20% наименее обеспеченных</i>				
В Вашей семье	70,3	61,7	64,3	-6,0
В Вашем доме, дворе, где Вы живете	27,8	27,1	29,3	1,5
В Вашем городе, районе	6,6	3,0	8,6	2,00
В Вашей области	2,2	0,0	2,6	0,4
В стране в целом	2,6	0,4	2,3	-0,3
<i>20% среднеобеспеченных</i>				
В Вашей семье	76,7	79,5	82,1	5,4
В Вашем доме, дворе, где Вы живете	39,7	34,3	34,0	-5,7
В Вашем городе, районе	14,7	6,2	9,0	-5,7
В Вашей области	10,6	2,2	3,9	-6,7
В стране в целом	8,8	2,1	3,6	-5,2
<i>20% наиболее обеспеченных</i>				
В Вашей семье	86,1	91,4	86,1	0,0
В Вашем доме, дворе, где Вы живете	36,6	46,1	39,8	3,2
В Вашем городе, районе	13,9	13,4	11,3	-2,6
В Вашей области	7,3	6,3	6,4	-0,9
В стране в целом	6,2	4,5	5,6	-0,6
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.				

Заметно меньше жителей региона отмечают, что в рамках их зоны контроля оказываются обстоятельства жизни на уровне места проживания (в доме/дворе): менее трети среди 20%-ной категории с наименьшими доходами и людей, сокративших объемы потребления; 36–46% в остальных группах. Более высокие уровни территориальных объединений оказываются вне круга возможного влияния населения области. Таким образом, люди осознают невозможность позитивно рационализировать собственное поведение, улучшить условия жизни, повысить результативность своих действий, оптимизировать ситуацию в целом²⁹⁹.

Возможности личного влияния на происходящее в той или иной сфере жизни закономерным образом отражаются в понимании населением региона

²⁹⁸ Только мониторинг, проведенный в феврале 2013 года, позволяет рассмотреть вопросы, связанные с чувствами доверия, сплоченности и идентичности, а также с гражданской активностью, в разрезе динамики потребления.

²⁹⁹ Дубин Б. Координата будущего в общественном мнении // Вестник общественного мнения. – 2010. – № 2 (104). – С. 7-12.; Уровень жизни и социальное самочувствие: препринт / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.В. Морев, А.И. Россошанский, Г.В. Белехова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 56 с.

собственной ответственности. Аналогично население считает себя более всего ответственным за положение дел в своей семье (70–90% во всех выделенных группах) и непосредственном месте жительства (дворе/доме; 30–48%). При переходе от местного уровня (город/район) к региональному и далее к федеральному чувство ответственности ослабевает.

Данные особенности обуславливают тот факт, что основным гражданским долгом население Вологодской области считает участие не в деятельности общественных или политических организаций, благотворительных компаниях, митингах и мирных демонстрациях, а в выборах (по состоянию на 2013 год – 46% в первой доходной группе, по 73% во второй и третьей группах; в среднем 45% среди граждан, увеличивших потребление, 75% среди сохранивших его на прежнем уровне и 61% среди сокративших его).

Такая слабая гражданская активность во всех анализируемых группах населения региона объясняется как низким уровнем общественной инициативы («безразличие к общим делам», которое в большей степени характерно для высокообеспеченных групп населения), так и иждивенческой позицией жителей области, привыкших уповать на власть (такие установки распространены среди жителей со средним и высоким доходом, а также во всех группах по динамике потребления). В то же время не менее значимы факторы социального характера – неверие в возможность влиять на решения властей и боязнь преследований (их чаще называют представители групп со средними и высокими характеристиками доходов и потребления). Весомым ограничением для проявления гражданской активности населения, составившего группы «20% наиболее обеспеченных» и «приобретали больше/столько же товаров», выступает недостаток времени и чрезмерная занятость.

Перечисленные особенности социального самочувствия непосредственным образом отражаются на ощущениях сплочённости и согласия в обществе. Сплочённость предполагает не только эмоциональную вовлечённость, но и удовлетворенность от принадлежности к определенной группе и деятельности в общих интересах. Данные мониторингов ИСЭРТ РАН показывают, что сплочённость жителей области наиболее ярко проявляется в рамках ближайшего

окружения, чуть менее заметно – в месте проживания (в обоих случаях удельный вес населения, говорящего о сплоченности, увеличивался по мере роста дохода и динамики потребления; табл. 4.3.11).

Вместе с тем при переходе к крупным территориальным категориям доля ощущений сплоченности не только сокращается, но и выравнивается среди всех рассматриваемых групп населения. Следовательно, наиболее обеспеченные жители области в большей степени ориентированы на микромир, рамки их ответственности и сплоченности ограничены социально близким кругом лиц, возможно, потому, что им приходится больше работать, больше времени уделять заботам об обеспечении себя и своей семьи достойными условиями существования.

Таблица 4.3.11. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?» в группах по уровню дохода (вариант ответа «Больше согласия, сплоченности»; в % от числа опрошенных)**

	20% наименее обеспеченных			60% среднеобеспеченных			20% наиболее обеспеченных		
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
<i>В нашей стране</i>									
Больше согласия, сплоченности	8,4	15,6	30,5	15,9	14,4	27,7	17,2	13,8	30,5
Больше несогласия, разобщенности	63,7	56,9	42,1	59,9	59,5	46,4	67,0	68,4	43,2
Затрудняюсь ответить	27,8	27,5	27,4	24,2	26,1	25,9	15,8	17,8	26,3
<i>В нашей области</i>									
Больше согласия, сплоченности	13,2	17,1	29,7	21,5	15,1	26,3	17,9	21,2	26,3
Больше несогласия, разобщенности	60,4	53,5	40,6	54,4	54,5	46,6	60,4	57,2	47,0
Затрудняюсь ответить	26,4	29,4	29,7	24,1	30,4	27,1	21,6	21,6	26,7
<i>В месте Вашего проживания</i>									
Больше согласия, сплоченности	15,4	25,3	36,5	25,3	26,2	39,0	26,7	42,0	44,4
Больше несогласия, разобщенности	56,0	48,0	36,1	52,0	46,4	36,1	51,3	38,3	29,7
Затрудняюсь ответить	28,6	26,8	27,4	22,7	27,4	24,9	22,0	19,7	25,9
<i>В Вашем окружении</i>									
Больше согласия, сплоченности	30,8	46,1	58,3	48,5	50,9	63,0	54,6	68,4	62,4
Больше несогласия, разобщенности	40,7	27,1	18,4	29,1	24,3	18,2	27,5	14,9	20,3
Затрудняюсь ответить	28,6	26,8	23,3	22,4	24,9	18,8	17,9	16,7	17,3
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.									

Обобщенной косвенной характеристикой уровня жизни населения может служить динамика индекса потребительских настроений (ИПН), который в значительной мере отражает ожидания населения относительно изменений своего положения и ситуации в экономике, а потому обладает существенными прогнозными возможностями.

Согласно результатам опросов ИСЭРТ РАН, несмотря на позитивные изменения в социально-экономической сфере и наметившуюся в последнее время политическую устойчивость, среди оценок населением Вологодской области своей покупательной способности преобладают негативные оценки, что и демонстрирует ИПН. Перевес положительных характеристик личных потребительских возможностей наблюдается только в группе высокообеспеченного населения (рис. 4.3.3; подробная динамика частных индексов в разрезе доходных групп представлена в приложении 9).

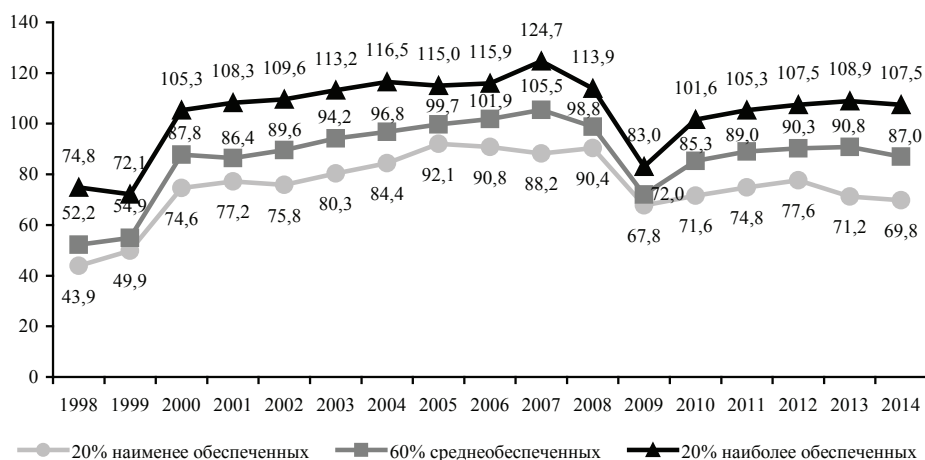

Рис. 4.3.3. Индекс потребительских настроений по доходным группам населения Вологодской области в 1998–2014 гг., пунктов

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.

Период с 1998 по 2008 год связан в целом с положительными изменениями общественных настроений. Более пристальный анализ показывает, что наименее обеспеченные жители области дают преимущественно негативные оценки личного материального положения, перспектив его изменения, а также текущей экономической ситуации, перспектив развития экономики страны и целесообразности крупных покупок (индексы меньше 100). Динамика настроений в группе среднеобеспеченного населения в целом повторяет тенденции предыдущей группы, хотя наблюдается перевес позитивного настроения в отношении развития экономики в ближайший год. Для наиболее обеспеченной группы жи-

телей региона уже с 2000 г. формируется тенденция превышения положительных оценок над отрицательными (индексы больше 100).

В первых двух доходных группах наибольшая положительная динамика в посткризисный период характерна для частных индексов, отражающих оценку личного текущего и ожидаемого положения семьи: в группе 20% наименее обеспеченных рост за 2009–2014 гг. составил 18 и 21 % соответственно, в группе 60% среднеобеспеченных – 21 и 27 % соответственно. Вероятно, это связано с воздействием усилий руководства страны «по смягчению негативных эффектов экономического кризиса для массовых слоев населения в виде мер по повышению пенсий и минимальных заработных плат, по регулированию ситуации на рынке труда»³⁰⁰. Однако в целом значения индексов данных групп свидетельствуют о преобладании во всех рассматриваемых группах жителей области неблагоприятных оценок текущего личного материального положения, ситуации на потребительском рынке, ожиданий изменения личного материального положения и общей экономической ситуации (в группе населения с наименьшим уровнем доходов индексы находятся в пределах 65–74%, в группе со средним уровнем доходов – в пределах 80–94%).

В третьей доходной группе частные индексы за 2009–2013 гг. выросли более чем на 30%, наибольший прирост фиксируется по индексу целесообразности приобретения товаров длительного пользования (на 37%). Перевес критических мнений сохраняется только в отношении оценки перспектив развития экономики страны в ближайшие 5 лет (98% в 2011–2014 гг.).

Такая динамика подтверждает, что население с высоким уровнем доходов менее болезненно реагирует на кризисные изменения, рост стоимости товаров и услуг в отличие от представителей всех остальных доходных групп, поскольку для многих из них величина прироста расходов является социально неприемлемой.

Жители Вологодской области в большей мере склонны исходить из оценки текущей ситуации, а не искать призрачные надежды в будущем. Это подтверждается тем, что наибольший вклад в прирост ИПН каждой доходной группы

³⁰⁰ Красильникова М. Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. – 2011. – № 1 (107). – 109-116.

вносят текущие оценки, тогда как перспективные составляющие изменяются менее существенно. Так, за 1998–2014 гг. суждения 20% наименее обеспеченных жителей Вологодской области о личном материальном положении и своевременности крупных покупок в среднем улучшились на 39 п.п., а ожидания относительно благоприятного будущего увеличились лишь на 17 п.п. (для 60% среднеобеспеченных – на 22 и 17 п.п., для 20% наиболее обеспеченных – на 36 и 31 п.п. соответственно).

Отсутствие представления о позитивных изменениях экономики и своего материального положения сковывает экономическую и общественную активность человека – он не видит перспектив и не ставит долгосрочных целей, а просто стремится «выжить» в текущих условиях. В то же время надежда на лучшее будущее заряжает его позитивным социальным настроем, вселяет веру в личный успех, способствует формированию целевых ориентиров личной деятельности и повышает мотивацию к активному участию в общественной жизни.

Изменения ИПН по критерию динамики потребления согласуются с тенденциями, наблюдаемыми по компоненту «уровень дохода», но проявляются чуть ярче. Так, в кризисный период (2008–2009 гг.) снижение индекса является более существенным, как и общая динамика улучшения потребительских настроений жителей области за 2000–2014 годы (табл. 4.3.12).

Таблица 4.3.12. Динамика индекса потребительских настроений в группах населения Вологодской области, выделенных по динамике потребления, пунктов

	Год								
	1999	2000	2005	2008	2009	2010	2012	2013	2014
<i>Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)</i>									
Больше, чем прежде	68,8	99,7	108,0	125,0	73,2	85,0	111,2	108,7	118,2
В том же объеме, что и прежде	46,7	85,7	97,2	110,6	75,8	89,8	96,8	100,6	97,1
Меньше, чем прежде	41,7	70,4	82,7	88,4	48,6	61,8	64,8	69,2	67,3
<i>Потребление непродовольственных товаров (приобретали ...)</i>									
Больше, чем прежде	66,8	103,4	116,8	127,2	71,4	86,7	111,5	113,8	122,9
В том же объеме, что и прежде	47,0	86,9	95,3	113,9	79,6	93,6	100,7	101,8	100,1
Меньше, чем прежде	41,4	70,2	87,3	90,6	49,3	66,7	68,5	74,2	71,2

Таким образом, неравномерность распределения материального блага – естественная характеристика для общества, в котором господствует рыночная экономика. Однако в каждой стране она приобретает специфические черты, определяющие актуальность проблемы социально-экономической дифференци-

ации населения. В России ключевым фактором стали принятые в 1990-е годы непродуманные правительственные решения, которые привели к нарастанию негативных процессов социально-экономической поляризации. В результате для узкой социальной прослойки характерен быстрый рост благосостояния, а широкие слои населения негативно характеризуют свое материальное положение.

Важно отметить, что дифференциация российского общества по уровню доходов – проблема не столько материальная, сколько ценностная. Негативное восприятие своего благосостояния и социального статуса влечет за собой отрицательное отношение к складывающейся в стране экономической и политической ситуации, становится фактором скептического отношения к будущему. Это, в свою очередь, усугубляет межличностное и институциональное недоверие, приводит к негативной оценке деятельности власти и вызывает социальную напряженность в обществе. Соответственно последствия социально-экономической дифференциации социума лежат в плоскости не только социально-экономической, но и духовно-нравственной, психологической, где любые трансформации приобретают значительно более глубокий характер, становятся трудноуправляемыми, более сложными для научного измерения и осмысления.

В заключение хотим отметить, что те специфические характеристики, которые приобрело российское общество в ходе своей 20-летней трансформации (не только связанные с уровнем жизни и социальным неравенством, но и духовно-ценностные, демографические, о которых мы рассуждали в предыдущих главах монографии), сегодня определяют его готовность к дальнейшим шагам в развитии. В этом смысле концентрированным показателем, отражающим степень активности/пассивности людей в стремлении участвовать в улучшении условий жизни, является уровень развития гражданского общества. Именно потому, что данный феномен отражает не столько адаптацию общества к существующим условиям бытия, сколько его готовность стать активным субъектом преобразования социальной реальности, мы считаем логичным завершить наш

разговор о трансформации российского социума проблемами, связанными именно с гражданским обществом, и посвятить этим рассуждениям последнюю главу. В ней мы акцентируем внимание на трёх группах вопросов:

1. Насколько в различных регионах России велик уровень социальной напряженности? Насколько велика возможность «перетекания» социального недовольства (которая всегда присутствует в той или иной степени) в открытые формы протестного поведения?

2. В каком состоянии находится гражданское общество в России? Как оно развивалось в постсоветский период, какими факторами была обусловлена его трансформация?

3. Какую роль в жизни современного гражданского общества играет сегодня институт местного самоуправления? К каким результатам приводит его реформирование, ставшее особенно интенсивным с начала первого президентского срока В.В. Путина?

На наш взгляд, ответы на эти вопросы позволяют достаточно полно охарактеризовать все нюансы состояния современного гражданского общества в России, в том числе с учетом регионального контекста.

ГЛАВА 5. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

5.1. СОЦИАЛЬНОЕ НЕДОВОЛЬСТВО И ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СОЦИЕТАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

При социологическом анализе социальной напряженности используются в основном два подхода – структурно-функциональный и субъектно-деятельностный. При структурно-функциональном подходе социальная напряженность рассматривается в качестве важнейшей характеристики устойчивости функционирования и развития социальной системы. В данном случае учитывается ее роль как необходимого компонента обратной связи в процессе социального управления. В субъектно-деятельностном подходе социальная напряженность выступает характеристикой определенного состояния социального субъекта, раскрывающей степень его недовольства, неудовлетворенности теми или иными сторонами общественной жизни, а также склонность, готовность к публичному выражению, проявлению своего недовольства на вербальном и поведенческом уровне³⁰¹.

Многие исследователи сходятся во мнении, что социальная напряженность базируется на социальном недовольстве (неудовлетворенности, несогласии, недоверии, других негативных эмоциях), однако не сводится к нему, поскольку можно говорить о том, что всегда существует тот или иной зазор между человеческими потребностями и возможностями их удовлетворения. Необходимо учитывать, что социальное недовольство играет важную роль в регуляции человеческого поведения, в том числе на уровне больших социальных групп, стимулируя активность социальных субъектов, направленную на удовлетворение своих потребностей. Вполне можно представить себе ситуацию, когда социальный субъект испытывает определенное чувство недовольства, удовле-

³⁰¹ См., напр.: Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социс. – 2012. – №3; Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2002; Плюснин Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 год. – Новосибирск: ЦСА, 1999; Рукавишников В.О. Пик напряженности под знаком белого коня // Социс. – 1990. – № 10; Социальная напряженность [Эл. рес.] // Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. – Реж. дост.: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Ur_Konfl/06.php) и др.

творенности, но в то же время не находится в состоянии социального напряжения. Следовательно, понятие социальной напряженности фиксирует, на наш взгляд, не всякое, не любое социальное недовольство, а только такое, *при котором у социального субъекта формируется установка, ориентация на открытое, публичное выражение своего недовольства через массовые действия протестного характера, иначе говоря, потенциал протеста.*

Очевидно, что протестный потенциал обычно возникает при достаточно высоком уровне социального недовольства. Поэтому при изучении социальной напряженности важно измерять ее количественную характеристику, для чего используется, например, порядковая, или упорядоченная, шкала: 1) фоновый уровень социальной напряженности; 2) повышенная социальная напряженность; 3) высокая социальная напряженность и 4) критическая социальная напряженность³⁰². Если «фоновая» социальная напряженность обычно не является значимым социальным фактором, то на критической стадии она, как принято считать, выходит из-под контроля и начинает выполнять деструктивные функции, в том числе формировать повышенную склонность и готовность к участию в массовых действиях протестного характера. Если экстренно принятые управленческие меры не способствуют снижению социальной напряженности, она может войти в резонанс с начавшейся массовой протестной активностью и в результате привести к так называемому «социальному взрыву».

Предполагается, что чем выше уровень социальной напряженности, тем вероятнее – при прочих равных условиях – массовые действия протеста: митинги, пикеты, демонстрации, забастовки, блокировки, голодовки, волнения, беспорядки, столкновения, в том числе вооруженные, и другое. Исходной, отправной точкой при измерении социальной напряженности с помощью данной шкалы служит ее начальное значение, а именно фоновый уровень, который по

³⁰² Баранова Г.В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-napryazhennost-osobennosti-metodologii-i-metodiki-ee-analiza-i-prognozirovaniya-#ixzz2OvDlGJsi>.

смыслу соответствует обычному, привычному, не привлекающему внимания, не вызывающему озабоченности социальному недовольству и уровню протестного потенциала. Фоновый уровень социальной напряженности характерен для достаточно стабильно функционирующих и нормально развивающихся социальных систем в отличие, скажем, от систем, переживающих трансформацию или тем более кризис.

На первый взгляд понятие «фоновая социальная напряженность» выглядит само собой разумеющимся, не требующим особого пояснения. Однако «привычный» уровень напряженности неодинаков в разных социальных системах и у разных социальных субъектов. Он складывается и меняется под воздействием множества факторов, хотя после адаптации к нему со стороны социальной системы или социального субъекта становится обычным, привычным, т.е. фоновым. Такой уровень социальной напряженности не обязательно является наиболее эффективным, оптимальным и функциональным. Можно предположить, что в некоторых ситуациях фоновым, т.е. привычным, становится относительно повышенный или, наоборот, пониженный уровень, который нельзя считать наилучшим с точки зрения функционирования и развития данной социальной системы или жизнедеятельности социального субъекта.

Из этого вытекает, что при оценке уровня социальной напряженности наряду с определением «фоновый» целесообразно ввести определение «нормальный» или «оптимальный», означающий, что социальная напряженность данной интенсивности органично вписывается в ткань общественной жизни, соответствует наилучшему режиму функционирования и развития социальной системы, характеризует активное и в то же время стабильное состояние социального субъекта. Использование понятия нормы позволяет иначе взглянуть на шкалу измерения социальной напряженности, а именно допустить возможность существования таких ее позиций, которые располагаются не только выше, но и ниже нормального значения шкалы. Другими словами, применительно к социальной напряженности понятие нормы позволяет говорить не только о повы-

шенной, но и о пониженной (низкой) напряженности, которая также может быть тормозом, препятствием на пути общественного развития, снижать активность социальных субъектов.

В практическом плане проблемой является, таким образом, не только чрезмерно высокая социальная напряженность, грозящая дестабилизацией и распадом социальной системы, но и слишком низкая, характерная для периодов общественного застоя и упадка, когда господствуют настроения массовой апатии, безволия, расслабленности, благодушия и др. Естественно, возникает вопрос о том, что практически может означать необходимость повышения уровня социальной напряженности, приведения ее в норму. Если вести речь только о проявлениях социального недовольства, то попытки искусственно стимулировать его рост, очевидно, лишены смысла. Однако если под социальной напряженностью понимать «потенциал протеста», т.е. способность и готовность к участию в различных массовых действиях, включая не только митинги и демонстрации, но и протестное голосование на выборах, письма и другие обращения в органы власти и средства массовой информации и т.п., то сознательное и целенаправленное формирование такой установки на цивилизованное, результативное выражение накопившегося социального недовольства имеет большое общественное значение, в том числе с точки зрения повышения эффективности социального управления.

Одним из подходов к измерению социальной напряженности является определение соотношения уровней социального недовольства и протестного потенциала как двух составляющих социальной напряженности. Сочетание сильного недовольства с высоким потенциалом протеста в принципе говорит о высокой социальной напряженности, т.е. о реальной возможности начала массовых протестных действий в ближайшее время. Напротив, сочетание сильного недовольства с невысоким потенциалом протеста скорее свидетельствует о низкой социальной напряженности, которая ищет выход не в протесте, а в других формах активности, скажем, в интенсивной трудовой деятельности, повы-

шенной миграции, различных видах отклоняющегося поведения и т.д. Важной исследовательской и практической проблемой в данном случае представляется определение наиболее вероятных форм проявления повышенного социального недовольства с целью блокировки его выхода в виде антисоциальных и асоциальных действий. Невысокий уровень социального недовольства, очевидно, также означает низкую социальную напряженность, которая, как уже было указано, не всегда является наиболее оптимальной с точки зрения функционирования и развития данной социальной системы.

Значительный интерес представляет так называемая «латентная», т.е. скрытая от непосредственного наблюдения, стадия развития социальной напряженности, доступная для изучения только специальными научными методами. Она характерна для относительно спокойной в данный момент, но потенциально взрывоопасной ситуации. Однако практический смысл имеет исследование не столько нормальной (и шире – фоновой), сколько – аномальной, и прежде всего повышенной, социальной напряженности, которая возникает именно в нестабильных социальных системах, в конфликтных и кризисных ситуациях. Следовательно, наиболее важная и сложная исследовательская задача состоит в том, чтобы зафиксировать и диагностировать социальную напряженность в кратковременный период перехода от стабильного, спокойного состояния социального субъекта к фазе его повышенной протестной активности. Но решение подобной задачи представляется весьма затруднительным, поскольку проведение научных исследований требует значительного времени и сил и не всегда может уложиться во временные границы такого перехода.

При изучении социальной напряженности главная проблема, на наш взгляд, состоит в определении социально-психологического механизма ее взаимосвязи с массовыми действиями протеста. Наиболее распространенным является подход, при котором социальная напряженность рассматривается в качестве непосредственного фактора (причины) массовых действий. Данный подход предполагает, что на основе показателей социальной напряженности, а именно

социального недовольства, склонности и готовности к протесту, можно прогнозировать начало массовых действий. Однако связь между социальной напряженностью и началом массовых протестных действий опосредована еще одной переменной, которую можно назвать «общественным возмущением». Оно выполняет роль непосредственного эмоционального толчка, «спускового крючка» в социально-психологическом механизме действия социальной напряженности, ее трансформации в массовую протестную активность.

Этот механизм можно проиллюстрировать примером начала массовых протестных действий в Москве в декабре 2011 г. Многотысячную демонстрацию в основном представителей столичного среднего класса привело на Болотную площадь, прежде всего, возмущение фактами фальсификации результатов только что прошедших выборов в Государственную Думу. Перед этим, в сентябре 2011 г., скрытое негодование было вызвано также заявлением Д. Медведева о том, что он не будет выставлять свою кандидатуру на предстоящих в 2012 г. выборах Президента России и поддержит кандидатуру В. Путина. Напомним, что городской средний класс связывал с возможным вторым президентством Д. Медведева определенные надежды на модернизацию и либерализацию общественной жизни. Для проявления накопившегося в столичном среднем классе социального недовольства и протестного потенциала потребовался непосредственный эмоциональный толчок. Многочисленные факты фальсификации итогов выборов в Госдуму, установленные независимыми наблюдателями, вызвали общественное возмущение, которое запустило механизм трансформации социальной напряженности в массовые акции протеста.

Еще один относительно недавний пример – траурный марш в центре Москвы в связи с убийством известного оппозиционного политика Бориса Немцова. По данным независимых наблюдателей на марш вышли около 50 тысяч человек. Он состоялся накануне и вместо запланированного на 1 марта 2015 г. антикризисного марша «Весна». Важно отметить, что многие участники траурного марша, судя по опросам журналистов, не планировали участвовать в

марше «Весна», но вышли на траурную демонстрацию с чувством возмущения и негодования.

Показатели социального недовольства и протестного потенциала хорошо изучены и достаточно представлены в отечественных социологических публикациях. В принципе их основными эмпирическими показателями могут служить: *недовольство* (уровнем и условиями жизни, качеством управления, обслуживания и т.д.), *недоверие* (политическим институтам, органам власти, государственным и общественным организациям и т.п.), *несогласие* (с общим курсом развития страны, внешней, внутренней и экономической политикой и др.), другие негативные чувства и эмоции – разобщенность, незащищенность, несправедливость, беспокойство, раздражение, ксенофобия, ненависть и проч. По этим показателям достаточно регулярно собирается и публикуется социологическая информация, позволяющая рассматривать в динамике социальную напряженность как в целом по стране, так и в разрезе отдельных регионов, типов поселений и социальных групп. Систематически публикуются социологические данные о субъективной склонности, готовности людей к участию в массовых акциях протеста, а также другие показатели социальной напряженности, связанные с массовой протестной активностью.

Довольно распространенным является мнение, что на основе динамики показателей социальной напряженности можно прогнозировать уровень массового протеста. Однако отечественный и зарубежный опыт свидетельствует скорее об обратном: о принципиальной непредсказуемости взлетов и падений массовой протестной активности. Подлинно массовые акции протеста (в отличие от корпоративных, организованных, например, профсоюзами, политическими партиями, молодежными, женскими и другими организациями) обычно оказываются неожиданностью не только для представителей власти и внешних наблюдателей, но и даже для самих участников массовых действий. Социологические замеры субъективных показателей социальной напряженности, о которых шла

речь, в данном случае далеко не всегда способствуют точному предсказанию взлета или падения протестной активности. По-видимому, дело здесь в самой природе массового протеста. Если бы массовые протестные акции поддавались надежному прогнозированию (где, когда, сколько людей примет участие в массовых действиях), то у власти и органов управления была бы возможность в принципе предотвратить или хотя бы купировать массовую протестную активность и тем самым опровергнуть сделанные прогнозы.

Более того, субъективные показатели социальной напряженности зачастую сами зависят от объективных параметров протестной активности, которые измеряются не столько социологическими, сколько иными методами (данные государственной и ведомственной статистики относительно забастовочной, митинговой, электоральной и прочей протестной активности). Другими словами, склонность и готовность к участию в протестных акциях в спокойный период и в условиях уже начавшихся массовых действий существенно различаются. Можно предположить, что высокий уровень массовой протестной активности сам по себе является сильным фактором роста социального недовольства и протестного потенциала.

В этой связи рассмотрим динамику основных показателей социальной напряженности за последние годы, опубликованную ведущей тройкой отечественных служб изучения общественного мнения – Левада-Центром (ЛЦ), Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Их данные основаны на результатах репрезентативных всероссийских опросов взрослого населения страны и в принципе сравнимы между собой.

Представление об изменении уровня социального недовольства в первую очередь дают данные ЛЦ, опубликованные в «Вестнике общественного мнения», № 1–2 (117), январь–июнь 2014, с. 5.

Отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно»

Рис. 5.1.1. Показатель социального недовольства (ЛЦ)

Ответы на вопрос: «Какое из следующих высказываний более всего соответствует Вашей жизненной ситуации?» (в % от числа опрошенных)

Как видно из графика (рис. 5.1.1), несмотря на заметные колебания, общая тенденция к росту позитивных ответов («жить можно» и «можно терпеть») и, соответственно, уменьшению негативной позиции («терпеть наше бедственное положение уже невозможно») проявляется довольно определенно. Максимальных значений данный показатель (соотношение позитивных и негативных ответов) достигал в предкризисном 2007 году и затем – в начале 2014 г. В последнее время, начиная с 2010 г., уровень социального недовольства был сравнительно невысок, если не считать сезонных колебаний, и свидетельствовал в первую очередь о сужении социальной базы поддержки массовой протестной активности.

Более детальную картину динамики социального недовольства за последние 2–3 года рисуют данные ФОМ, опубликованные в журнале «Доминанты», № 16, 23.04.2015 (рис. 5.1.2).

Действия российских властей за последний месяц у Вас лично вызвали недовольство, возмущение или не вызывали?

данные в % от всех опрошенных

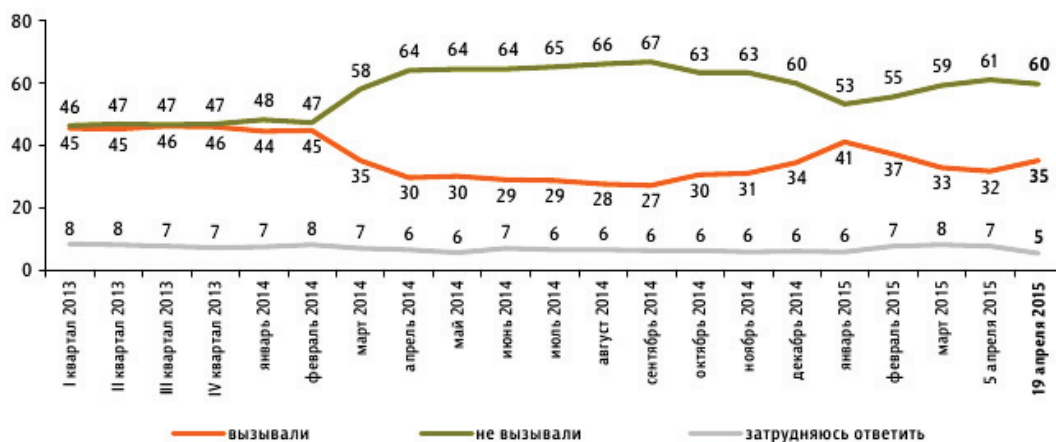

Рис. 5.1.2. Показатель социального недовольства (ФОМ)
(в % от числа опрошенных)

Как можно заметить, с начала 2014 г. уровень массового недовольства действиями российских властей в целом заметно снизился. Можно считать, что это произошло прежде всего за счет внешнеполитических акций – присоединения Крыма и российской политики в отношении Украины. Однако следует признать, что в последнее время, судя по опубликованным данным, доля недовольных действиями российских властей существенно уступает доле тех, кто такого недовольства не испытывает.

Ту же картину в принципе показывает динамика индексов социальных настроений, составленных ВЦИОМ (рис. 5.1.3). Эти индексы были рассчитаны как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок.

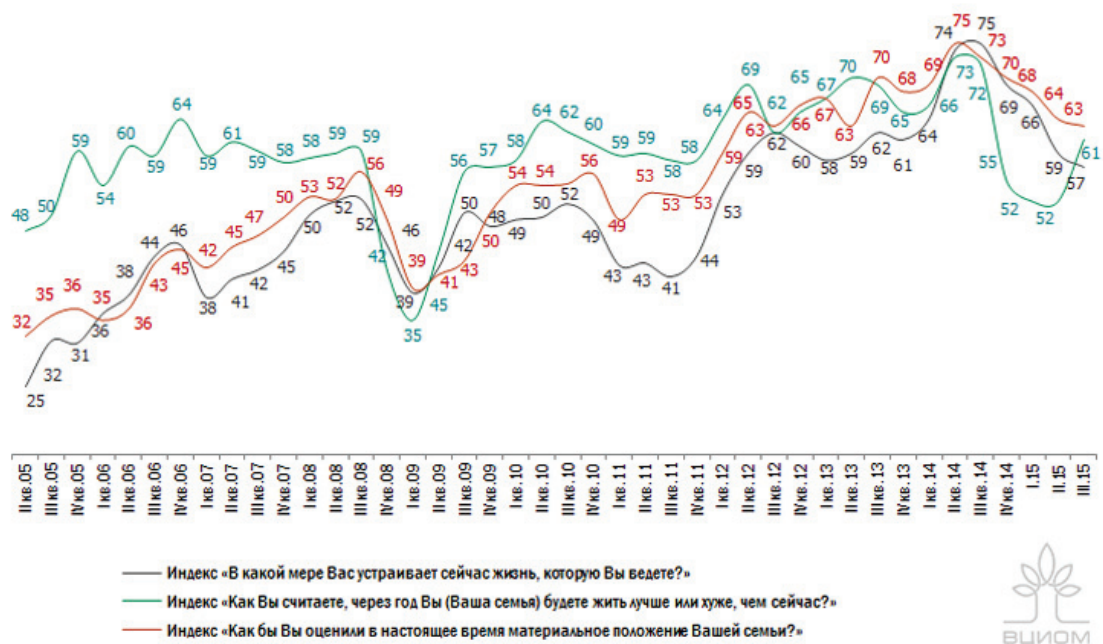

Рис. 5.1.3. Индексы социальных настроений (ВЦИОМ)

На графике видно, что за последние 10 лет значения индексов социальных настроений выросли в целом в 1,5–2 раза: например, индекс оценки материального положения семьи в настоящее время увеличился с 32 до 63 пунктов, а индекс удовлетворенности жизнью в целом – с 25 до 57 пунктов.

Анализ социально-экономических и политических причин такой динамики показателей социального недовольства не входит в наши задачи. Нам важно констатировать сам факт их снижения или, по крайней мере, стагнации в последние годы, что, безусловно, не могло не отразиться на общем уровне социальной напряженности.

Теперь рассмотрим динамику основных эмпирических показателей протестного потенциала за тот же период. Данные ЛЦ, опубликованные в «Вестнике общественного мнения» (№ 1–2 (117) за январь–июнь 2014, с. 5–6), раскрывают готовность, намерение респондентов принять личное участие в уже начавшихся по их месту жительства массовых акциях протеста – как экономического, так и политического характера (рис. 5.1.4 и 5.1.5).

А. «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?»» (в % от числа опрошенных)

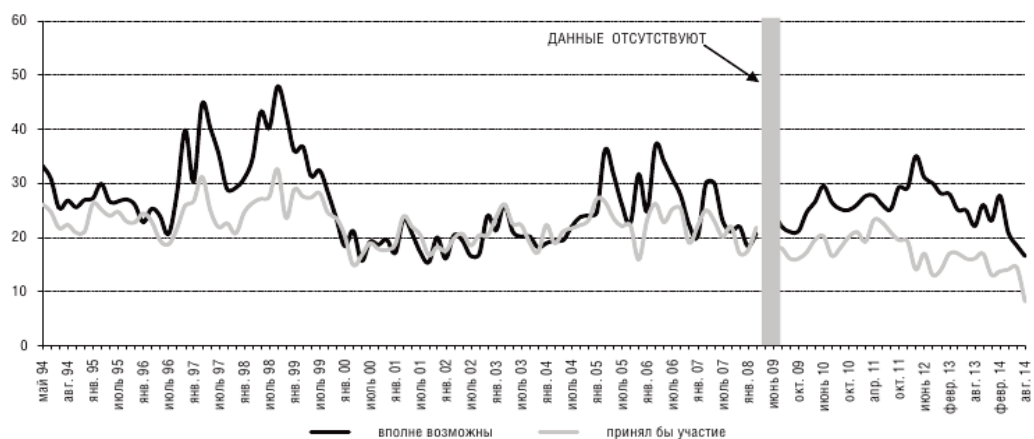

Рис. 5.1.4. Общественный и личный протестный потенциал в контексте восприятия экономической ситуации (ЛЦ)

Б. «Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе/сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*; «Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?»» (в % от числа опрошенных)

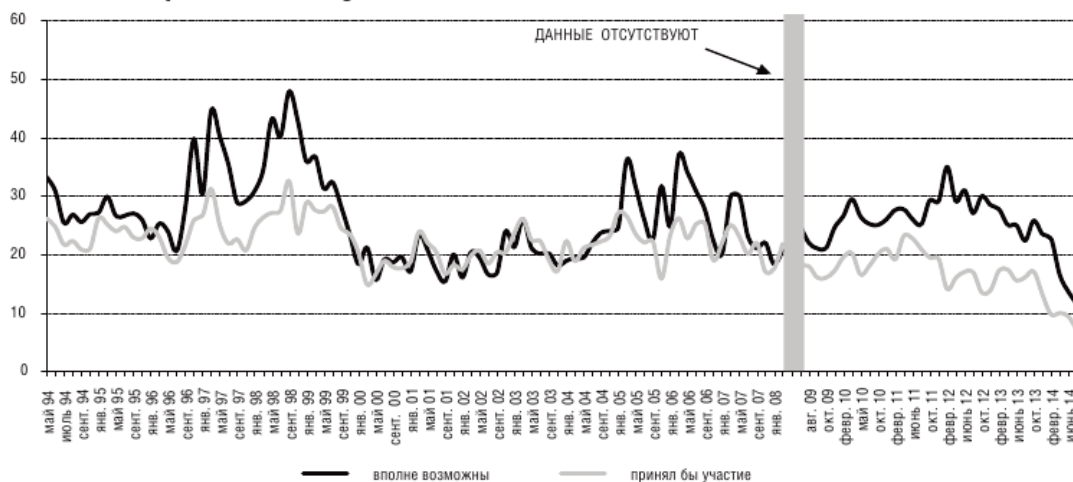

Рис. 5.1.5. Общественный и личный протестный потенциал в контексте восприятия политической ситуации (ЛЦ)

За последние 20 лет доля потенциальных протестующих по экономическим соображениям редко превышала 30% от общего числа опрошенных (только в 1997–1998 гг.). В «нулевые» годы она колебалась в диапазоне 20–25%, а к августу 2014 г. вообще снизилась до 10%. Кривая колебаний доли потенциальных протестующих по политическим соображениям в целом в основном повторяла эту динамику.

Важно отметить, что потенциал протеста по политическим основаниям в 2011–2012 гг. составлял 15–17% от общего числа участников всероссийских опросов. Другими словами, известные акции протеста проходили на довольно тусклом фоне массовых протестных настроений в российском обществе в целом.

Показатели протестного потенциала, представленные ФОМ в журнале «Доминанты» (№ 15, 16.04.2015), в целом соответствуют данным ЛЦ (рис. 5.1.6). Если в 2010–2011 гг. доля готовых в ближайшие месяц–два лично принять участие в акциях протеста по месту жительства составляла 20%, то в дальнейшем она снизилась и оставалась относительно стабильной в интервале от 12 до 17 % от общего числа опрошенных.

А Вы лично примете или не примете участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста, если они пройдут в ближайшие месяц-два там, где Вы живёте?*

данные в % от всех опрошенных

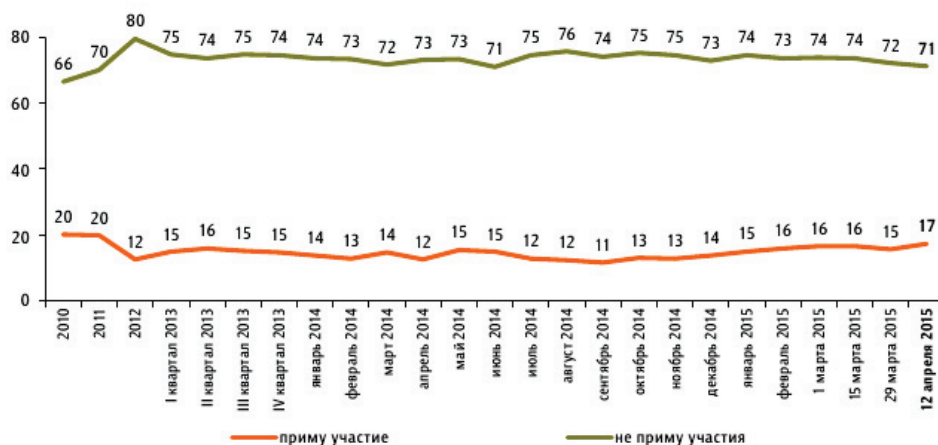

Рис. 5.1.6. Личный протестный потенциал (ВЦИОМ) (в % от числа опрошенных)

По данным ВЦИОМ, в динамике потенциала протеста можно заметить два пика – в 2005 и 2011 гг., когда доля готовых принять личное участие в массовых акциях протеста по месту жительства составляла 31% (рис. 5.1.7). Напомним, что эти пики соответствуют всплескам протестной активности в связи с «монетизацией льгот» (2005 г.) и акциями «за честные выборы» (2011–2012 гг.). В остальное время данный показатель двигался «пилообразно», т.е. в принципе был стабилен и колебался в районе 20% от общего числа опрошенных. Таким образом, ВЦИОМ, видимо, удалось зафиксировать рост протестного потенциала в то время, когда проходили резонансные массовые акции протеста на Болотной площади в Москве и других крупных городах.

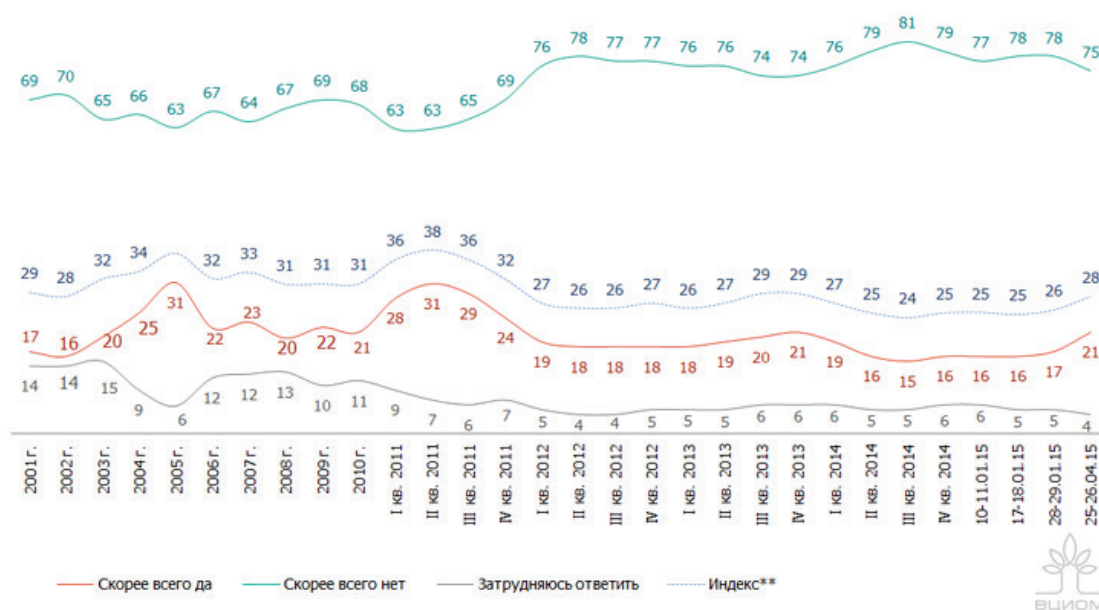

Рис. 5.1.7. Распределение ответов на вопрос: «Если в нашем городе/сельском районе состоятся массовые акции протеста выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет?»

Индекс личного протестного потенциала показывает готовность россиян к участию в массовых акциях протеста. Чем выше значение индекса, тем больше респондентов декларируют готовность принять участие в протестах. Индекс строится на основе вопроса: «Если в нашем городе/сельском районе состоятся массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет?» Ответу «скорее всего да» присваивается коэффициент 0,9, ответу «скорее всего нет» – 0,1, не определившимся – 0,5. Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 10 до 90.

Источник: [Эл. pec.]. – Реж. дост.: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/

В этой связи возникает вопрос: как в принципе могли состояться массовые протестные действия в конце 2011 – начале 2012 г. на фоне в целом снижающегося социального недовольства, с одной стороны, и относительно стабильного уровня протестного потенциала – с другой? Ответ, видимо, заключается в том, что, несмотря на массовость указанных акций, они затронули довольно узкий слой городского среднего класса, который незадолго до этого возник и набрал «вес» в столичных и других крупных городах. Этому классу были свойственны, во-первых, недовольство набирающим в последнее время силу консервативным трендом в российской политике и экономике и, во-вторых, готовность к участию в мирных и легальных, согласованных с органами власти акциях протеста. Как точно подметил Л. Бызов: «Своего рода спусковым крючком для качественного скачка в масштабах и интенсивности давно зревших протестных настроений стала пресловутая рокировка правящего тандема, за которой угадывалась перспектива многолетнего погружения в застой, дальнейшей монополизации экономики и политики в предельно узком кругу и утраты даже тех социальных ниш, которые стали для этих групп российских элит [нового среднего класса] приоткрываться в период президентства Д.М. Медведева»³⁰³. Дополнительным поводом для общественного возмущения послужили, на наш взгляд, выявленные масштабные фальсификации результатов выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. Характерно, что политические выступления городского среднего класса в связи с проведением избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной Думы и Президента РФ (в декабре 2011 и в марте 2012 годов) не получили поддержки со стороны более широких слоев населения, озабоченных решением своих, прежде всего, социально-экономических проблем.

Результаты экспертных опросов, проведенных в ряде «проблемных» регионов – Республике Башкортостан, Республике Дагестан, Республике Татарстан, Ставропольском крае – в рамках Программы фундаментальных научных иссле-

³⁰³ Бызов Л.Г. Политические цвета новорусского протеста // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 1 (107) – Янв.-фев. – С. 28.

дований государственных академий наук на 2008–2012 гг., позволили уточнить и конкретизировать основные показатели и факторы роста социальной напряженности. Для выявления мнений о том, как проявляется напряженность, конфликтность в регионах, экспертам в открытой форме был задан вопрос: *«Как конкретно, в какой форме, прежде всего, проявляется конфликтность, напряженность в Вашем регионе и на чем она основана?»*

В Республике Башкортостан социальная напряженность, конфликтность, по оценкам экспертов, проявлялась прежде всего в *протестном голосовании за оппозицию на выборах* (имеются в виду выборы на федеральном уровне в Государственную Думу и Президента РФ в 2011–2012 гг.). Ряд экспертов указал на социальную напряженность в связи с противостоянием местных элит и идеологическими проявлениями религиозного (исламского) экстремизма.

Большинство опрошенных считали, что Башкортостан – вполне стабильный регион: даже на начальном этапе реформ социальная напряженность проявлялась несущественно. Но с приближением политических выборов она искусственно обострялась политическими группами, противостоящими власти. Наиболее остро конфликты проявлялись во время выборов или когда происходили чрезвычайные происшествия, громкие преступления и т.п., которые вызывали повышенный интерес со стороны СМИ. Специфику напряженности и конфликтности в регионе определяет многоконфессиональный (при преобладании ислама и православия) и многонациональный (субъектообразующая нация меньше по численности, чем русские и татары) состав населения Республики Башкортостан. Эксперты ожидали дальнейшего распространения исламского экстремизма в форме салафизма и течения Хизб ут-Тахрир, особенно в Зауралье и на Северо-Востоке республики.

В Республике Дагестан ситуация, по мнению экспертов, иная: относительно высокий уровень напряженности, конфликтности связан, в первую очередь, с наличием экстремистского, террористического подполья. Основные формы проявления напряженности: конфликт традиционного и нетрадиционного ислама, проявления идеологии экстремизма и терроризма на почве социального

неравенства и несправедливости. Конфликтогенность и социальная напряженность обусловлены комплексом взаимопроникающих проблем, связанных с нерегулированностью земельных отношений, миграционными процессами, конкурентностью элит и фоновой напряженностью, создаваемой экстремистским бандподпольем. По данным экспертов, наблюдалась значительная разобщенность верующих-мусульман на внутриконфессиональном уровне (между традиционалистами–ханафитами и ваххабитами), росло количество молодых людей из числа приверженцев т.н. нетрадиционного ислама. В республике нет среднего класса, т.е. промежуточного звена с точки зрения уровня доходов – люди либо очень богаты, либо очень бедны. Социальное неравенство, бедность значительной части населения вызывает чувство социальной несправедливости, социальное недовольство и порождает соответствующие конфликты.

В Республике Татарстан, по мнению опрошенных, в целом наблюдались незначительные проявления социальной напряженности, конфликтности в виде межэтнических конфликтов, идеологических проявлений религиозного экстремизма, а также массовых действий – митингов, протестного голосования на выборах, бытовых конфликтов. Эксперты указали, в частности, на пик социальной напряженности, который пришелся на начало 1990-х годов. В «нулевые» годы наблюдались отдельные вспышки социальных конфликтов, когда, например, пенсионеры выступили против монетизации льгот. По оценкам экспертов, вышедший из латентной стадии этнический конфликт можно видеть между родителями русскоязычных школьников и радикально настроенными татарскими националистическими организациями на почве разногласий во взглядах на образовательные программы в школах Татарстана.

В Ставропольском крае недовольство коренного населения вызвано, помимо прочего, последствиями этнонациональной и миграционной политики, в результате которой в сельской местности непрерывно росло число мигрантов из

представителей коренных народов соседних северокавказских республик, причем не только в абсолютном, но и в относительном выражении³⁰⁴.

Поводов для общественного недовольства в проблемных регионах, как видим, более чем достаточно, но оно не получает выхода в цивилизованных – мирных, организованных, легальных формах протеста по причине, в том числе, недостаточного уровня и качества протестного потенциала («протестной культуры» европейского образца). Хотя это не исключает возможности стихийных, насильственных массовых действий в кризисных ситуациях, о чем свидетельствуют, в частности, результаты исследования, проведенного в г. Хасавюрте и Хасавюртовском районе Республики Дагестан в 2013 году. Они показали высокий уровень социальной напряженности и конфликтности, который подпитывается проявлениями экстремизма и терроризма. Принципиальным представляется следующий вывод: «...в местном социуме сохраняется довольно значительный потенциал бытовой ксенофобии, который при неблагоприятных обстоятельствах и провокациях может превратиться в агрессию, угрозы и насильственные действия... В местных социумах проблемного региона силовые методы воспринимаются не только как допустимые, но и как вполне оправданные даже в случаях разрешения политических и этнонациональных конфликтов, тем более для защиты личной безопасности, собственности, чести и достоинства»³⁰⁵.

Следует заметить, что мирные, цивилизованные акции протеста, которые наиболее характерны для городского среднего класса, в принципе необходимы как важный элемент механизма обратной связи в процессе управления. Такие акции не могут угрожать основам государственного и общественного строя и носят не революционный, а скорее реформистский характер. Так, одним из главных требований участников массовых акций на Болотной площади в

³⁰⁴ Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряженность и региональные конфликты // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М. : Новый Хронограф, 2015. – С. 289-328.

³⁰⁵ Маркин В.В. Формирование российской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма: региональный аспект // Власть. – 2014. – № 6. – С. 125-126.

Москве в 2012 г. была не просто смена власти, политического режима, а проведение инновационной модернизации страны.

В условиях экономического кризиса в России можно прогнозировать дальнейшее усиление массового недовольства социально-экономическими условиями жизни, что, скорее всего, автоматически не приведет к росту социальной напряженности и массовым акциям протеста. В данном случае может сказаться относительное снижение потенциала протеста в силу определенного разочарования в эффективности протестных действий как способа разрешения политических и экономических проблем, а также по причине ужесточения правил проведения массовых политических мероприятий и усиления ответственности за их нарушение. Как долго продлится действие данного фактора, сказать трудно, однако многое будет зависеть от того, удастся ли российской власти избежать резких и неожиданных действий, которые могут в принципе вызвать серьезное общественное возмущение и негодование.

Цивилизованные – мирные, организованные, легальные – акции протеста приобретают смысл, прежде всего, в демократическом, правовом государстве, где власть не просто учитывает интересы и позиции основных социальных групп, но постоянно согласовывает их, ищет компромиссы, стремясь достичь общественного консенсуса. При авторитарном политическом режиме цивилизованные акции протеста, напротив, теряют свою значимость и в лучшем случае становятся отдельными эпизодами, исключениями на фоне многочисленных проявлений поддержки власти. Вместе с тем при таком режиме нарастающее социальное недовольство, не находя выхода в цивилизованных формах, при определенных условиях может привести к беспорядкам, волнениям, бунтам, погромам и другим нецивилизованным протестным действиям, не имеющим ничего общего с задачей устойчивого общественного развития.

5.2. ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

За период 20-летней трансформации российское общество приобрело много особенностей, и насколько эти особенности стали более сложными, настолько же и сложно сегодня органам власти учитывать их при принятии управленческих решений. В идеальном варианте эффективное законодательство предполагает не только своевременный и не только адекватный масштабам ответ на возникновение той или иной проблемной ситуации. В российском обществе, возможно, как ни в каком другом, важен учет предыдущих этапов развития (например, советское прошлое), учет ментальных особенностей народа, традиционных ценностей и, пожалуй, главное условие – поддержка управленческих решений широкими слоями населения. Но это в идеальном варианте. На самом же деле учет всех этих аспектов вряд ли возможен, поэтому и социальная стабильность, о которой можно говорить (в той или иной степени) с начала 2000-х гг., и накопившийся для глобальных преобразований социально-психологический ресурс, который ощущается сегодня, в середине 2010-х гг., – все это весьма и весьма условно.

Однако крепкий фундамент общественного развития не терпит сослагательных «отклонений» или, по крайней мере, мы (и ученые, и власть, и общественность) должны ставить перед собой задачу их максимальной минимизации. В такой стране, как Россия, имеющей богатый исторический опыт, ресурсную базу, выгодное географическое расположение, многонациональный состав, глубокий и сложный менталитет; претендующей (и, на наш взгляд, вполне справедливо) на роль одного из центров многополярного мира, максимально возможная автономность поддержания социальной стабильности должна являться главной характеристикой деятельности власти и потенциала общественного развития. Под словом «автономность» мы имеем в виду независимость от других стран. Конечно, в современном глобализирующемся мире достичь ее абсолюта и невозможно, и категорически неправильно, но взаимодействовать с

другими державами надо все-таки тогда, когда «внутри» самой страны проблемы, волнующие население, решаются эффективно, когда угроза перерастания внутренней социальной напряженности в открытые формы протеста сведена к минимуму.

Хотим обратить внимание на то, что в связи с усложнением российского общества (о чем мы говорили практически во всех главах монографии) важное значение приобретает именно латентный уровень существования социальных процессов и явлений. Это в полной мере относится и к протестному поведению. Не открытый протест, а именно стойкое состояние недовольства и созревающая на протяжении всех этих двадцати лет потребность людей в решении актуальных проблем, потребность в ощущении социальной справедливости и гордости за страну являются сегодня двигателем общественного развития. В том-то и проблема и особенность наших дней, что это недовольство и это ожидание не выходят за рамки конкретных действий, которые можно было бы оценить, проанализировать, принять соответствующие меры и, таким образом, разрешить проблемную ситуацию.

Социальная напряжённость, которая имеет скрытый характер, является самым опасным источником «социального взрыва»³⁰⁶. Кроме упомянутых настроений недовольства, потеря доверия к власти, рост стихийных массовых действий (включая ажиотажный спрос на продукты питания, возрастание внутренней и внешней миграции) – вот ее некоторые характерные признаки³⁰⁷. То есть мы видим, что социальная напряжённость может проявлять себя далеко не только в отношении людей к тем или иным реформам. Существовая на латентном уровне, она создает определенный психологический фон, который может выражаться в процессах и явлениях совершенно далеких от вопросов политики (например, конфликтогенность межличностного взаимодействия на микро-

³⁰⁶ Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 18-32.

³⁰⁷ Самушкин А.И. Социальная напряжённость как общественно-политическое явление // Проблема социальной напряжённости: материалы междунар. науч.-практ. конф., Пенза–Ереван–Прага, 5–6 июня 2010 года. Пенза, 2010. – С. 10-13.

уровне). Такие деформации, воздействуя на глубинные ткани общественных отношений, ослабляют иммунную систему общественного организма, что значительно уменьшает потенциал его сопротивляемости различным угрозам³⁰⁸.

В наше время не требуется особых подтверждений важности и актуальности исследований проблемы социальной напряжённости в обществе, факторов её возникновения и тенденций роста. Конечно, события 2013–2014 гг. во многом позволили снизить уровень социальной напряженности в стране, сплотить население вокруг личности Президента РФ и выдвигаемых им идей, которые в полной мере были озвучены на Валдайском форуме 2013 г. Однако все-таки нельзя забывать, что многие из факторов, способствующих консолидации общества, носили именно внешний, а не внутренний характер. И (мягко говоря) недружелюбная политика некоторых зарубежных стран по отношению к России, и притеснение русскоязычного населения на территории Украины, и удачное выступление российской сборной на Олимпийских играх, и даже присоединение Крыма и Севастополя – все эти события были достаточно яркими и важными для российского общества, но они не имели ничего общего с накопившимися, с огромным трудом решаемыми внутренними экономическими проблемами. Поэтому в целом неудивительно, что уже в начале 2015 года некоторое «головокружение от успехов» прошло, проблемы прошлого – вернулись, а латентный уровень социальной напряженности (как мы увидим далее) так никуда и не исчезал.

Хотим отметить, что протестный потенциал как концентрированный индикатор, отражающий уровень латентной социальной напряженности, нам, научному коллективу ИСЭРТ РАН, было крайне любопытно и в некотором смысле «удобно» изучать именно на Вологодской земле. Дело в том, что Вологодская область всегда была регионом, для которого характерно слабое выражение социального недовольства на поведенческом уровне и отсутствие массовых стихийных и организованных акций протеста, способных серьёзно угрожать соци-

³⁰⁸ Белёвский О.А. Современный социальный конфликт как угроза национальной безопасности [Эл. рес.] // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 1. – Реж. дост.: <http://human.snauka.ru/2014/01/5517>

альной и политической стабильности регионального сообщества³⁰⁹. При этом мы уже указывали на то, что регион стал одним из тех субъектов РФ, которые ощутили на себе наиболее сильное негативное влияние мирового финансового кризиса. Логично было бы предположить, что это проявит себя и на протестных настроениях людей, однако обо всем по порядку.

Институт социально-экономического развития территорий РАН отслеживает основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области в мониторинговом режиме с 1996 г. Контингент протестного потенциала, под которым мы понимаем намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях, составляют респонденты, отвечающие на вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» (варианты ответов: «выйду на митинг, демонстрацию»; «буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «если надо, возьму оружие, выйду на баррикады»)³¹⁰.

Подобная постановка вопросов рассчитана на то, что респондент завершает процесс формирования внутреннего психологического настроя, перехода от недовольства, т.е. отсутствия удовлетворённости в отношении предмета исследований, к протестному настроению и, как следствие, к принятию решения об активных действиях по принуждению к изменению в проблемной ситуации. Таким образом, «протестную группу» составляют жители области, отличающиеся не только соответствующим эмоциональным настроением, но обязательно тождественным активному социальному поведению, но и осознанной мотивацией к личному физическому участию в протестных акциях.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что за период с 1998 по август 2015 г. протестный потенциал в Вологодской области снизился в 2 раза

³⁰⁹ Шабунова А.А., Дементьева И.Н., Егоров В.К. Общее и частное социальной стабильности региона (на примере Вологодской области) [Эл. рес.] // Вопросы безопасности. – 2015. – № 1. – С.110-158. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.1.15401. – Реж. дост. : http://e-notabene.ru/nb/article_15401.html

³¹⁰ Дементьева И.Н. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 6 (118). Ноябрь–декабрь. – С. 39-51.

(с 40 до 20%), при этом наиболее существенное снижение отмечается (что вполне логично) в 2000 г., когда начался многолетний процесс наведения порядка в стране командой действующего Президента РФ. Однако нельзя не отметить и другую особенность: с 2007 г. уровень протестных настроений в регионе стабилизировался и существенных позитивных изменений в его динамике не происходит (доля жителей, проявляющих протестные настроения, сохраняется на уровне 17–20%; табл. 5.2.1).

Таблица 5.2.1. Динамика потенциала протеста в Вологодской области
(в % от числа опрошенных)

1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев. 15	Апр. 15	Июнь 15	Авг. 15
Потенциал протеста																				
39,6	35,0	24,3	26,3	27,0	25,8	26,9	32,2	26,3	20,7	19,6	21,9	20,0	19,8	20,1	17,3	18,6	20,7	20,1	20,7	21,0
Выйду на митинг, демонстрацию																				
10,6	8,1	8,0	8,7	10,1	9,6	10,6	13,9	11,0	9,6	9,7	10,8	9,6	10,9	10,3	9,3	10,7	11,5	11,3	12,1	9,9
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста																				
14,2	13,2	7,7	8,8	8,7	7,9	8,1	10,8	9,0	5,7	5,4	6,0	6,1	4,7	5,7	4,2	3,9	4,9	3,6	4,4	5,6
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады																				
14,9	13,7	8,6	8,8	8,2	8,3	8,2	7,5	6,3	5,3	5,1	5,0	4,3	4,3	4,2	3,8	4,0	4,3	5,1	4,1	5,5

В «протестной группе» преобладает доля приверженцев «мирных» протестных акций («выйду на митинг, демонстрацию» – 10%) над долей тех, кто высказывает готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 6%). Причём доля последних за период с 1998 по август 2015 г. сократилась почти в 4 раза, а вот удельный вес готовых выйти на митинг или демонстрацию был и остается неизменным (10–11%).

За период с 1999 по август 2015 г. доля людей, считающих, что протестные выступления возможны, ощутимо снизилась и на территории Вологодской области (с 37 до 22%), и в целом по стране (с 34 до 18%; рис. 5.2.1).

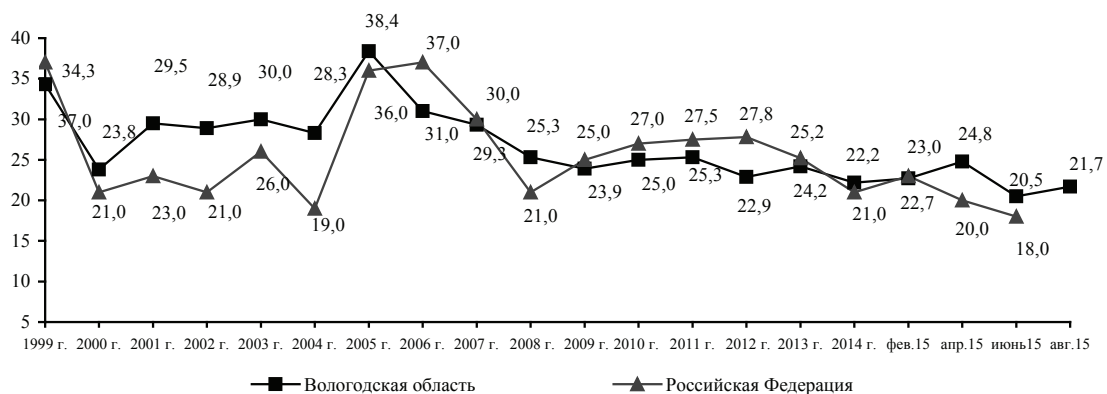

Рис. 5.2.1. **Вероятность протестных выступлений** (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста, в % от числа опрошенных)*
 * Данные по Вологодской области – ИСЭРТ РАН, данные по Российской Федерации – Левада-центр.

Не менее позитивный вывод можно сделать и о динамике удельного веса респондентов, готовых принять личное участие в акциях протеста: в Вологодской области за период с 1999 по август 2015 г. он снизился с 30 до 19%, в Российской Федерации – с 28 до 10% (рис. 5.2.2).

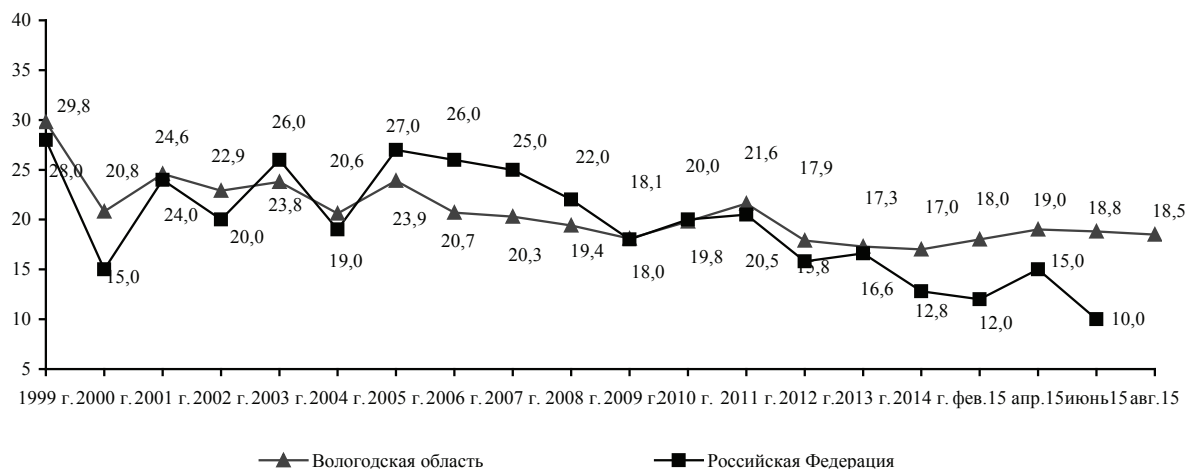

Рис. 5.2.2. **Возможность участия в выступлениях** (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста, в % от числа опрошенных)*
 * Данные по Вологодской области – ИСЭРТ РАН, данные по Российской Федерации – Левада-центр.

Однако и в отношении возможности возникновения протестных акций, и в отношении готовности людей принять в них участие говорить о том, что позитивные изменения последних 15–17 лет устойчивы, – не приходится. Во-первых, бо-

лее-менее стабильную динамику эти показатели приобрели лишь с середины 2000-х гг. Точнее, с 2005 г., когда властью уже были достигнуты определенные успехи по ликвидации негативных последствий кризисов 1990-х гг. Доля людей, считающих возможными протестные выступления и готовых принять в них участие, стала достаточно уверенно снижаться и в Вологодской области, и в целом по стране. Этот процесс продолжался до 2009 г., когда россияне стали ощущать на себе реальные последствия мирового финансового и подсознательно «предвкушать» возможное повторение кризиса 1998 г. Это замедлило позитивные тенденции оценок населения. Дальнейшие колебания рассматриваемых показателей были и до сих пор остаются незначительными. При этом даже в 2014 г. доля людей, считающих вероятными протестные выступления и готовых принять в них участие, ни в Вологодской области, ни в Российской Федерации существенно не уменьшилась (разница в 1–2 п.п.).

Анализ данных мониторинга позволяет выделить категории лиц, которые отличаются определенным социально-психологическим и эмоциональным настроением и имеют предрасположенность к активным действиям в случае возникновения социального конфликта. Здесь прослеживается относительная устойчивость протестного потенциала среди мужчин по сравнению с женщинами и среди низкодоходных категорий населения по сравнению со средне- и высокодоходными.

За период с 2000 по 2014 г. снижение протестного потенциала отмечается в большинстве социально-демографических категорий населения. Лишь среди лиц старше 55 лет (то есть пенсионеров) характер протестных настроений остается неизменным – 17–18% (табл. 5.2.2).

Следует также подчеркнуть, что в 2014 году, ознаменовавшемся рекордными показателями поддержки деятельности Президента РФ и роста позитивных оценок социального настроения, ни в одной из групп ощутимого снижения протестного потенциала не произошло. Более того, среди мужчин, людей с неполным средним и средним образованием, 60% среднеобеспеченных и жителей Череповца он, наоборот, увеличился.

Таблица 5.2.2. Динамика потенциала протеста в различных социально-демографических группах населения, в %

Категории населения	1998	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев. 15	Апр. 15	Июнь 15	Авг. 15	Изменение (+/-) 2014 г. к	
																	1998 г.	2013 г.
<i>Пол</i>																		
Мужской	44,1	29,4	36,2	28,3	23,6	23,2	25,1	22,2	22,6	23,0	19,3	21,7	23,1	21,5	21,0	21,7	-22	+2
Женский	30,4	20,9	28,9	24,8	18,3	16,8	19,3	18,3	17,5	17,7	15,7	16,1	18,8	18,9	20,4	20,4	-14	0
<i>Возраст</i>																		
До 30 лет	37,0	25,2	34,9	26,0	20,2	20,2	20,7	20,4	19,7	18,7	17,4	17,6	20,3	20,4	22,2	19,1	-19	0
30–55 лет	41,5	27,2	33,0	27,3	20,8	20,0	22,6	21,6	20,7	21,3	17,3	19,3	22,9	20,9	21,7	23,8	-22	+2
Старше 55 лет	27,9	18,0	28,6	25,2	20,9	18,5	21,7	17,0	18,3	19,2	17,4	18,3	18,0	18,8	18,4	18,1	-10	+1
<i>Образование</i>																		
Н/среднее и среднее	38,4	20,9	22,8	24,3	19,2	20,7	20,7	20,2	20,6	22,8	17,3	21,8	21,1	20,0	21,7	19,8	-17	+5
Среднее специальное	37,5	25,9	32,6	26,7	21,0	20,9	23,6	19,9	19,7	20,0	18,2	17,2	21,5	20,5	19,2	18,0	-20	-1
Н/высшее и высшее	32,7	22,9	33,6	28,4	20,4	16,8	21,3	19,9	19,2	17,5	16,5	16,7	19,8	19,7	21,3	25,5	-16	0
<i>Доходные группы</i>																		
20% наименее обеспеченных	45,8	27,5	33,4	29,6	23,9	24,8	24,3	23,9	27,2	25,0	21,7	22,4	27,9	25,9	28,0	36,3	-23	+1
60% среднеобеспеченных	34,9	24,6	34,5	26,6	21,2	19,9	22,3	21,1	19,0	20,4	16,4	19,3	19,2	20,8	20,2	18,1	-16	+3
20% наиболее обеспеченных	28,8	21,1	28,6	24,0	16,1	14,0	19,8	15,1	14,7	13,9	13,6	9,9	19,0	13,0	14,5	11,1	-19	-4
<i>Территории</i>																		
Вологда	32,8	24,8	39,8	28,5	21,4	21,9	23,5	22,4	21,6	23,3	20,3	18,9	26,2	23,2	24,1	26,5	-14	-1
Череповец	34,3	21,1	31,4	23,0	20,3	17,2	21,2	22,1	19,7	18,5	17,6	22,4	23,1	25,7	26,3	23,8	-12	+5
Районы	39,3	25,9	29,1	27,1	20,6	19,8	21,4	18,0	19,0	19,3	15,7	16,4	16,5	15,2	15,6	16,5	-23	+1

По мнению отечественных исследователей, основными индикаторами протестного потенциала выступают следующие показатели: недовольство (уровнем и условиями жизни, качеством управления, обслуживания и т.д.), недоверие (политическим институтам, органам власти, государственным организациям и т.п.), несогласие (с общим курсом развития, внешней, внутренней и экономической политикой и др.), другие негативные эмоции: разобщённость, незащищённость, несправедливость, беспокойство, раздражение, ксенофобия, ненависть и прочее³¹¹.

³¹¹ Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряжённость и региональные конфликты // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России – М. : Новый Хронограф, 2015. – С. 293.

Одним из главных факторов накопления протестного потенциала является негативное, на грани критического, отношение населения к деятельности институтов власти³¹². Сравнительный анализ данных мониторинга показал, что жители области, характеризующие политическую обстановку в России как «напряжённую, критическую, взрывоопасную», более склонны к протестным проявлениям, чем те, кто считает ее «благополучной, спокойной» (в среднем за 2014 г. – 27% против 11%; табл. 5.2.3).

Таблица 5.2.3. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок политической ситуации и деятельности властей, в %

Вариант ответа	1998	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев. 15	Апр. 15	Июн. 15	Авг. 15	Изменение (+/-) 2014 г. к	
																1998 г.	2013 г.
<i>Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России?</i>																	
Благополучная, спокойная	19,6	16,8	31,3	17,8	16,2	15,1	11,8	10,1	12,2	9,9	11,1	9,0	12,2	9,9	12,5	-9	+1
Напряжённая, критическая, взрывоопасная	38,7	28,8	37,2	29,0	27,1	32,9	32,9	32,6	30,4	26,7	27,4	26,2	24,6	27,0	27,1	-11	+1
<i>Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?</i>																	
Полностью и в основном одобряю	20,1	24,0	29,8	18,6	17,9	18,7	13,5	7,9	11,4	7,9	9,9	12,7	12,6	13,1	11,9	-10	+2
Полностью и в основном не одобряю	44,6	36,0	45,9	38,5	36,6	42,8	45,7	52,2	38,9	40,1	44,9	55,0	62,6	59,3	63,3	0	+5
<i>Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Правительства РФ?</i>																	
Полностью и в основном одобряю	31,5	22,9	31,0	16,4	16,7	18,8	12,4	6,3	8,8	6,1	7,4	8,5	9,0	7,7	8,2	-24	+1
Полностью и в основном не одобряю	43,7	33,7	41,6	34,0	34,1	39,5	39,2	46,1	38,2	37,1	40,2	50,8	51,1	52,7	54,1	-4	+3
<i>Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность губернатора области?</i>																	
Полностью и в основном одобряю	30,4	23,5	29,6	17,5	16,0	18,9	12,0	6,3	10,1	7,3	6,9	5,2	3,8	5,1	7,2	-24	0
Полностью и в основном не одобряю	47,8	35,8	42,5	32,1	32,9	36,5	39,3	47,2	38,3	37,4	34,1	42,8	44,5	47,8	45,2	-14	-3
<i>Как Вы оцениваете деятельность глав местных администраций?</i>																	
Полностью и в основном одобряю	31,0	22,3	29,7	17,8	16,9	18,6	11,8	6,8	10,3	5,8	8,4	7,9	5,4	7,1	9,2	-23	+3
Полностью и в основном не одобряю	46,7	33,5	40,2	26,5	26,9	33,3	34,5	41,0	35,6	35,4	33,7	43,4	44,5	46,3	44,7	-13	-2

Не исключает возможности своего участия в протестных акциях в среднем за 2014 г. 45% жителей области, отрицательно оценивающих деятельность Президента РФ, и только 10% населения, «полностью и в основном одобряющего» политику главы государства. Кроме того, в среднем 40% населения Вологодской области, отрицательно относящегося к деятельности Правительства РФ,

³¹² Гулин К.А., Дементьева И.Н. Основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 64-71.

допускают возможность своего участия в массовых выступлениях протеста. Причем показатель протестного потенциала в данной категории имеет тенденцию к росту, в то время как численность жителей области, придерживающихся противоположного мнения, почти в 6 раз меньше (7%).

Доля «протестующих» среди жителей области, неодобрительно отзывающихся о деятельности губернатора и глав местных администраций, составляет в среднем 34%. Среди жителей региона, «полностью и в основном одобряющих» работу главы области и глав местных администраций, протестный потенциал составляет 7 и 8 % соответственно.

Не менее важным фактором протестных настроений является и социально-экономическая обстановка, о проблемах которой мы много говорили в главе 3 монографии. Как показывают результаты исследований, протестные настроения характерны для 30–34% жителей области, негативно оценивающих экономическое положение России и региона. Протестный потенциал среди тех, кто считает экономическую ситуацию в стране и регионе «хорошей и очень хорошей», составляет только 4–5% (табл. 5.2.4).

Таблица 5.2.4. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок социально-экономической ситуации, материального положения, в %

Вариант ответа	1998	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев. 15	Апр. 15	Июнь 5	Авг. 15	Изменение (+/-) 2014 г.к	
																1998	2013
Как бы Вы оценили экономическое положение России?*																	
<i>Очень хорошее и хорошее</i>	н.д.	н.д.	32,7	22,6	18,6	19,0	11,1	11,5	16,5	7,9	5,3	6,5	7,0	6,1	7,2	–	-3
<i>Очень плохое и плохое</i>	н.д.	н.д.	37,3	33,5	31,7	28,1	33,0	30,7	36,1	30,1	33,5	32,3	31,2	34,4	32,9	–	+3
Как бы Вы оценили экономическое положение области?***																	
<i>Очень хорошее и хорошее</i>	н.д.	н.д.	39,7	20,1	17,9	19,7	10,1	11,6	13,9	7,6	3,8	4,7	2,7	8,6	5,3	–	-4
<i>Очень плохое и плохое</i>	н.д.	н.д.	34,9	35,3	30,5	27,9	32,7	36,0	34,7	28,7	30,4	30,6	31,2	33,8	31,3	–	+2
Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?***																	
<i>Очень хорошее и хорошее</i>	н.д.	н.д.	39,9	17,2	18,1	26,7	14,2	10,8	13,7	6,0	5,7	4,2	4,2	7,4	7,0	–	0
<i>Очень плохое и плохое</i>	н.д.	н.д.	33,3	33,0	32,5	32,8	30,8	33,9	35,9	33,1	36,2	36,3	40,7	41,6	38,8	–	+3
Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?																	
<i>Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать</i>	16,7	20,1	28,4	15,6	14,2	17,2	13,5	12,1	11,0	6,4	5,6	7,1	5,8	4,1	9,9	-11	0

Окончание таблицы 5.2.4

<i>Денег достаточно для покупки необходимых товаров</i>	33,5	23,6	33,2	20,7	18,7	21,3	16,9	15,6	17,3	13,0	13,3	13,3	10,4	13,0	13,5	-20	0
<i>Денег хватает в лучшем случае на еду</i>	44,2	25,3	32,1	23,3	23,7	25,1	27,1	29,6	28,4	29,2	33,2	34,6	34,7	34,1	33,3	-11	+4
К какой категории Вы себя относите?																	
<i>Богатым и среднеобеспеченным</i>	23,5	19,0	29,2	15,5	15,0	19,8	11,8	10,5	12,1	8,8	9,1	7,6	7,9	8,5	9,2	-14	0
<i>Бедным и нищим</i>	44,0	28,5	36,3	28,3	27,0	27,5	29,7	30,7	30,5	27,0	28,5	31,5	31,4	34,3	32,0	-16	+2
*Вопрос задаётся с 2003 г.																	
**Вопрос задаётся с 2005 г.																	

Кроме того, протестные настроения присущи жителям области из семей с низкими доходами (в среднем 36% за 2014 г.). В группе населения, считающего собственное материальное благосостояние «очень хорошим и хорошим», уровень протестного потенциала находится на более низких отметках (6%). Причём если в 2005–2006 гг. разрыв между данными категориями по этому уровню протеста был несущественным, то в 2010 г. он составил уже 2,2 раза, в 2013 г. – 4,7 раза, в 2014 г. – 6,4 раза.

Потенциал протеста более высок среди населения, относящего себя к категориям «бедных» и «нищих» (29% в среднем за 2014 г.). В группе «богатых» и «среднеобеспеченных» только 9% жителей области допускают возможность своего участия в протестных выступлениях. На протяжении всего периода измерений потенциал протеста среди «бедных и нищих» превышал соответствующий показатель среди «богатых и среднеобеспеченных» в 1,2–1,5 раза. В 2010 г. этот разрыв составил 2,5 раза, в 2013 г. – 2,7 раза, в 2014 г. – 3,1 раза. Это произошло благодаря увеличению доли «протестующих» среди лиц с низким экономическим статусом.

Наибольшая склонность к протестным проявлениям отмечается среди жителей региона, отличающихся низким уровнем покупательной способности («денег хватает в лучшем случае на еду» – 33%). Причём в 2014 г. протестные настроения в данной категории усиливаются.

В целом негативные оценки социально-экономической ситуации и материального положения являются значимым фактором формирования протестных настроений в регионе. В значительной степени это соотносится с выводами других исследовательских центров о преобладающем росте протестов из-за экономических проблем с вытекающим из них недовольством миграционной политикой и произволом чиновников. Вместе с тем социальное недовольство, имеющее экономическое, материальное основание, в первую очередь находит выход не столько в протестных настроениях, сколько в дополнительной трудовой активности, служит в числе других факторов своеобразным «мотором» более конструктивных социальных действий³¹³.

Таким образом, обобщённый анализ динамики протестных настроений свидетельствует о наличии определенных предпосылок для ослабления стабильности в регионе и стране в целом. В то же время есть все основания полагать, что масштабные проявления деструктивных форм социальных взаимодействий, конфликтов, социально-политических «взрывов», т.е. резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые, не являются ближайшей перспективной внутривнутриполитической обстановки в стране.

Сохраняющийся в регионе хотя и невысокий уровень протестного потенциала создаёт определенный резерв «горючего» материала, который по мере накопления и при определенных условиях может стать фактором дестабилизации обстановки. Пока же одну из основных форм проявления протестного потенциала представляют апатия, безразличие и скепсис населения как в отношении государственных дел, так и собственной жизни, усугубляемые отсутствием доступа к высоко ценимым в обществе целям (образование, материальный достаток и т.д.)³¹⁴.

В качестве примера можно привести отказ части населения от участия в голосовании на выборах разного уровня. 14 сентября 2014 г. в России прошел

³¹³ Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряжённость и региональные конфликты. – С. 295.

³¹⁴ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf

единый день голосования. Губернаторские выборы состоялись в 30 регионах, в 14 субъектах россияне голосовали за депутатов законодательных собраний, в трех регионах – за новых мэров. Итоги выборов показали, что российское общество консолидировано вокруг власти. Муниципальный фильтр продемонстрировал свою жизнеспособность: он действительно отсеивает тех, кто не пользуется реальной поддержкой в регионе³¹⁵.

В то же время результаты голосования подтвердили устойчивую негативную особенность, характерную для постсоветского общества: в глазах представителей различных слоев населения блекнет значимость института выборов. Именно неучастие, а не протестное голосование становится в большей степени самым распространенным средством выражения политического недовольства граждан³¹⁶. В среднем по всем субъектам, в которых проходило голосование, явка составила 45,66%, то есть менее половины от общего количества избирателей. В 20 из 30 регионов она была ниже 50%, в Вологодской области – 29,72% (приложение 10).

На выборах федерального уровня явка чуть больше, но и здесь отмечается очевидное снижение за период с 1999–2000 по 2011 – 2012 гг. (и в России, и в Вологодской области; табл. 5.2.5).

Таблица 5.2.5. Явка избирателей на выборы Президента Российской Федерации и депутатов Государственной Думы, в %

Территория	Выборы Президента РФ				Выборы в Государственную Думу РФ			
	2000 г.	2004 г.	2008 г.	2012 г.	1999 г.	2003 г.	2007 г.	2011 г.
Россия	68,64	64,38	69,6	65,34	61,85	55,75	63,78	60,1
Вологодская область	66,58	62,4	66,8	61,62	66,9	56,23	64,42	56,3

В целом мы видим, что за период с 1998 по 2015 г. в динамике протестного потенциала произошли очевидные позитивные изменения во всех социально-демографических категориях населения. Однако если «копнуть» глубже, то и

³¹⁵ Выборы 14 сентября показали сплоченность общества вокруг власти [Официальный сайт Фонда развития гражданского общества]. – Реж. дост.: <http://civilfund.ru/article/11096>

³¹⁶ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf

здесь не все так гладко: достаточно стабильный и низкий уровень протестного потенциала, который отмечается последние 10 лет, на самом деле сформирован за счет лишь отдельных категорий населения. Причем тех, кто «по умолчанию» и не должен отличаться высоким уровнем социального недовольства.

Например, люди с высоким (по их собственным оценкам) уровнем благосостояния. С чего им протестовать? Пожалуй, лишь самые сознательные из них будут говорить о готовности участвовать в акциях протеста, чтобы улучшить жизнь других людей, которым живется хуже, чем им. Но ведь это очень немногочисленная прослойка общества. А что в это время происходит в категории людей с низкой самооценкой доходов, в социально уязвимых категориях населения (например, среди пенсионеров)? Как минимум, позитивных изменений за последние годы не обнаруживается. И на эту ситуацию не повлияли даже события 2014 года, потому что главные проблемы страны, к которым люди, так или иначе, возвращаются в своей повседневной жизни, по-прежнему не утратили своей актуальности.

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующее: протестные настроения отражают уровень внутреннего социального недовольства и, соответственно, степень социальной стабильности. Тема эта очень болезненная, острая, поэтому именно с нее мы решили начать представление результатов исследований гражданского общества. Однако мы не стремимся в очередной раз «обнажить» существующие проблемы. Наша цель – глубоко и объективно смотреть на то, что происходит сегодня с россиянами, к чему они готовы, что они хотят и что они действительно могут.

Еще раз обратимся к квинтэссенции нашего повествования – за прошедшие 20 лет российское общество стало более сложным. За сравнительно короткий промежуток времени, в рамках одного-двух поколений оно приобрело огромный исторический опыт. Позитивно ли это? Безусловно. Однако «то, что созрело в сердцах людей» уже не показывает ни динамика смертности, ни уровень самоубийств, ни уровень доходов. И если социальная стабильность является элементарным, главным условием дальнейшего развития, то степень социаль-

ной напряженности – это элементарный признак социальной стабильности. И сегодня его, как и прочие явления социальной реальности, не измерить только лишь по фактам открытых форм протеста.

Как отмечают ученые ИС РАН, «в современном обществе массовость участия уже не является определяющим фактором зрелости гражданского общества и эффективности функционирования гражданских институтов... критическая энергия активной части общества находит свой выход в основном в социальных сетях, форумных площадках в Интернете, в том числе вокруг некоторых СМИ»³¹⁷. Поэтому важно, чтобы эта «критическая энергия», вектор развития гражданского общества не противопоставляли интересы людей интересам власти, а находили пути взаимопонимания. Тем более что с учетом востребованности властью такого диалога для этого созданы все необходимые условия.

Конструктивный вектор гражданских инициатив важен и потому, что этого требует существующая на сегодняшний день ситуация. Когда события 2014 года потребовали от власти и общества консолидации и сплоченности, это и произошло. Однако в 2015 г., когда для широких слоев населения вернулись проблемы экономического характера, вместе с ними стал возвращаться и приобретенный за последние 20 лет (к сожалению, зарекомендовавший себя) опыт «переживания» трудных времен. Об этом наглядно свидетельствуют и данные ИСЭРТ РАН, говорящие о потенциальной возможности новой волны актуализации социального атомизма (*табл. 5.2.6*), и выводы, к которым приходят ученые Института социологии, характеризуя российское общество весной 2015 г.: «...реакция большинства россиян на кризис и процессы выхода из него будет относительно спокойной. Общество не постигнет рост протестных выступлений. Скорее, будет происходить большее замыкание людей на проблемы их частной жизни, поиск ниш, где можно как-то переждать, пережить трудные времена, если они действительно наступят»³¹⁸.

³¹⁷ Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?: информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – 2015. – С. 20.

³¹⁸ Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? – С. 22.

Таблица 5.2.6. **Чего сегодня больше?** (в % от числа опрошенных)

Территория	Согласия, сплочённости				Несогласия, разобщённости			
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
В стране	14,2	14,1	28,9	22,0	61,1	59,5	44,1	49,1
В области	19,3	15,9	26,9	19,9	55,6	54,4	44,7	49,1
В месте Вашего проживания	24,1	28,4	39,1	32,2	51,5	44,3	34,3	39,6
В Вашем окружении	46,9	52,1	61,4	57,7	29,3	23,2	18,3	18,1

От себя хотим добавить: вызвать российское общество на открытый протест действительно крайне сложно (правда, как показывает история, протест этот может быть крайне жестким и даже жестоким). Именно поэтому сегодня на фоне спада консолидационных процессов (по крайней мере, в сравнении с «крымской весной») важным является то, в каком русле будут развиваться общественные инициативы, какой смысл будут вкладывать активисты гражданского общества в диалог с властью.

Полагаем, что не может возникнуть сомнений в том, что развитые институты гражданского общества служат неотъемлемым условием эффективного общественного развития. Это правомерно не только для России, но и для любого другого государства, претендующего на роль страны, в которой поддерживается диалог власти с обществом, в которой декларируется и существует в каком бы то ни было состоянии соблюдение демократических прав и свобод.

Рассуждая о состоянии и перспективах гражданского общества в России, мы хотим поставить другие вопросы, на наш взгляд, более важные с управленческой точки зрения и более интересные с точки зрения научной: насколько концепция гражданского общества соотносится с теми особенностями современного российского социума, о которых мы говорили в предыдущих главах монографии?

Но прежде чем ответить на эти вопросы, следует тезисно представить существующее положение дел, вкратце проанализировать современное состояние гражданского общества в России и в регионе.

5.3. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Созревавшая в течение многих лет господства коммунистического режима потребность различных слоев населения (в первую очередь российской интеллигенции) в демократических правах и свободах стала одним из факторов перемен, произошедших в начале 1990-х гг. В этом смысле не надо путать цели и результаты горбачевской перестройки с последствиями, откровенно скажем, слабо продуманных реформ, которые были проведены после распада СССР. Многочисленные политические ток-шоу, дающие возможность открыто обсуждать острые проблемы, волнующие россиян; достаточно разнообразное представительство сил, существующих сегодня на политической арене страны (за какую партию люди голосуют – это совершенно другой вопрос, в данном контексте речь идет именно о представительстве партий); возможность любого гражданина России сравнивать уровень и качество жизни в нашей стране с зарубежными аналогами, различные формы диалога представителей всех уровней власти с обществом – все это, безусловно, играет положительную роль, прежде всего, для возможности объективной оценки положения дел в стране каждым конкретным гражданином. И немаловажную роль в этих достижениях сыграла именно перестройка.

Однако дальнейшие реформы привели к тому, что широкие слои населения были вынуждены задумываться над вопросами выживания, а не развития. Возможно, по этой причине нахлынувшая в открытые двери волна продукции западной массовой культуры не подвергалась в то время никакой внутренней, духовно-ценностной фильтрации со стороны потребителей, то есть каждого конкретного россиянина. Для «них» это был новый, причем огромный, рынок сбыта, для «нас» – что-то новое, доселе неизведанное. Было ли это стихийным процессом, развивающимся по элементарным законам рынка, или это все-таки была целенаправленная, регулируемая деятельность, имевшая своим мотивом раз и навсегда избавиться от реального конкурента в борьбе за доминирующее по-

ложение на карте мира – вопрос спорный. Очевидно другое: не столько бедственное материальное положение, сколько проникновение в общественное сознание россиян ценностей так называемого «общества потребления» стало причиной того, что сегодня называется социальным атомизмом, который прочно установился в общественном сознании россиян и является, на наш взгляд, главным препятствием в развитии гражданского общества. Процесс интенсивного, «заинтересованного» потребления чуждого (как показало время) для российского менталитета «продукта» шло десятилетие, процесс «установления» от западной идеологии шел тоже десятилетие, надо полагать, что и для возрождения нового, своего собственного ценностного продукта требуется тоже около десятилетия. И пока мы видим, что шаги в этом направлении действительно имеют место.

На различных исторических этапах постсоветской истории (о которых мы более подробно говорили в первой главе нашей монографии) власть, по большому счету, давала людям то, что было ими востребовано. В 1990-е гг., после долгих лет «железного занавеса», были востребованы материальные ценности и именно к удовлетворению этих потребностей и свелись предоставленные государством «демократические права и свободы», которые изначально планировались в более широких масштабах. Сегодня востребованы ценности духовные и публичные выступления Президента РФ также в полной мере соответствуют ожиданиям общества.

Но, разумеется, нельзя сводить все, что происходило со страной за последние 20 лет, исключительно к «вине» самого социума. Во многом он был и «жертвой». Государство не менее активный субъект, поскольку потребности общества диктовались и продолжают диктоваться теми объективными обстоятельствами, в которых оно находится. Потребности в возможности влияния на положение дел в стране не возникнет, пока над тобой будет нависать угроза увольнения или обнищания. И о каком гражданском обществе можно было говорить тогда, когда были созданы условия, при которых выжить и развиваться

(по крайней мере, в материальном плане) можно было только индивидуально, по законам конкуренции?

Как мы уже отмечали в главе 1, существует множество современных исследований, которые в унисон доказывают зачаточный характер современного гражданского общества в России. Сколько бы ни было институтов и законов, декларирующих и регулирующих функционирование гражданского общества, в 1990-е гг. были подорваны его глубинные основы – доверие общества по отношению к власти и доверие внутри самого общества, то есть отдельных социальных слоев по отношению друг к другу. Вот лишь некоторые высказывания о том, как выглядело российское гражданское общество в середине 2000-х:

1. Гражданское общество – это общество, в котором все граждане заинтересованы в общественных делах, активно участвуют в них и готовы ради общественного блага жертвовать собственными интересами. Основными признаками и условиями функционирования гражданского общества являются: доверие, ответственность, терпимость, солидарность. Гражданское общество – это общество индивидов, готовых защищать свои интересы, права и свободы и способных ради этого объединяться в те или иные ассоциации, не зависящие от государства. В таком понимании гражданского общества в России не существует; стало быть, мы не готовы к демократии, к соблюдению прав и свобод человека, в силу чего нам необходимы сильная власть, сильное государство, которое замещает институты гражданского общества³¹⁹.

2. Социальный капитал – это продукт, который производится гражданским обществом и только гражданским обществом. «Ситуация с социальным капиталом в стране такова, что недоверие разваливает эти связи. У нас социальный капитал почти на нуле»³²⁰.

3. Социологические измерения показывают, что приблизительно для каждого десятого жителя нашей страны сегодня гражданское общество состоялось.

³¹⁹ Сочивкина О.А. Инновационная модель развития современного гражданского общества и государства // Информационно-аналитический журнал «Политическое образование» [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.lawinrussia.ru/node/110992>

³²⁰ Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>

Остальная часть граждан проживают в другом обществе. Их ощущения, оценки и мнения не позволяют идентифицировать его как общество, которое в полной мере защищает их интересы³²¹.

В России, как это ни парадоксально, но введение структур и институтов гражданского общества в социальное пространство, как правило, приводило к негативным социальным последствиям: детерминировало переход существующих в каждой общественной системе в латентном виде конфликтных тенденций в открытую социальную форму их проявлений; инициировало «выброс» негативной социальной энергии в пространственно-временной континуум общества; приводило к большим человеческим жертвам и, в конечном счете, тормозило развитие российского социума. Связано это прежде всего с тем, что в России, в отличие от стран Запада, исторически сложился иной тип общественной системы, в основе которого лежит эффективность власти, а не эффективность собственности³²². Те структуры федерального и регионального уровня, в руках которых находится реальная власть и материальные ресурсы, пользуются наибольшей поддержкой населения³²³.

Нельзя забывать и о ментальных особенностях россиян, для которых чувство социальной справедливости, гарантируемое законом и сильной властью, всегда было выше возможности личного участия в событиях в стране. Мы хотим сказать, что процесс формирования и развития гражданского общества в России сегодня затруднен не только обстоятельствами последних лет, но и более глубокими причинами, находящимися в тех пластах общественного сознания, которые сформировались за всю многовековую историю существования русского народа. Этот объективный фактор нельзя не учитывать, возможно, также, как и нельзя слепо ориентироваться на образцы развитого гражданского общества в других странах мира.

³²¹ Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). – М.: ИСПИ РАН, 2006. – С. 52.

³²² Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социс. – 1997. – № 3. – С. 25–36.

³²³ Гужавина Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе // Проблемы развития территории. – 2012. – № 6. – С. 115–112.

Однако нельзя не отметить, что, наряду с ценностью сильной власти, в менталитете российского общества немалую долю занимают и такие ценности, как коллективизм, взаимовыручка, благотворительность. Наглядно доказывает сегодня этот тезис одна из поговорок времён Древней Руси: «Нищий богатым питается, богатый нищего молитвой спасается». Разве могли бы коммунистические идеалы прижиться в нашем обществе настолько, что просуществовали в господствующем режиме практически 2/3 столетия, да и сейчас вспоминаются россиянами, по большому счету, с позитивной точки зрения? Этого бы не было, если бы внутри общественного сознания не нашлось места для соответствующей системы ценностей.

Пожалуй, именно идеалы коллективизма, взаимовыручки и благотворительности и являются той «зацепкой», от которой следует отталкиваться при характеристике современного гражданского общества. Все-таки ментальные особенности, хотя и были погребены глубоко-глубоко под гнетом материальных проблем и ценностей западной культуры, не были уничтожены, а «ждали своего часа», чтобы с удвоенной силой проявить себя в тот момент, когда этого потребуют объективные условия социальной реальности.

Здесь можно было бы рассуждать о стремительном росте патриотических настроений и поддержке деятельности главы государства, спровоцированных крымскими событиями, но дело не только в этом. По большому счету гражданское общество – это специально создаваемый людьми инструмент взаимодействия между властью и обществом, а также между различными социальными группами; совокупность различных институтов, созданных внутри самого общества для того, чтобы заниматься решением актуальных проблем отдельно, но совместно с властью. С середины 2000-х гг. различные институты гражданского общества начинают активно создаваться и развиваться. Причем немалую роль в этом играло и государство, что означало осознание всеми субъектами общественного развития объективной потребности в укреплении взаимосвязи между государством и социумом.

Значимым событием для развития гражданского общества в России стало проведение Всероссийского Гражданского форума еще в ноябре 2001 г. На его открытии Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «гражданское общество не может быть сформировано по инициативе власти, по её желанию или указке»³²⁴, основная задача власти – «сформировать максимально благоприятную среду для его развития»³²⁵. В 2004 г. главой государства была озвучена идея создания общественных экспертных советов и общественной палаты «как площадки для широкого диалога, где могли бы быть представлены и подробно обсуждены гражданские инициативы», как места проведения общественной экспертизы ключевых государственных решений и законопроектов»³²⁶. Соответствующий Федеральный закон был подписан в апреле 2005 года³²⁷.

С 2008 г. развитие институтов гражданского общества стало одним из приоритетов государственной политики, что было закреплено Распоряжением Правительства РФ «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Последующие годы характеризуются как повышением роли уже созданных институтов гражданского общества, так и появлением новых форм его организации, в том числе на региональном уровне. В течение нескольких лет в субъектах Российской Федерации создаются региональные и муниципальные общественные палаты, общественные советы при муниципальных органах власти, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, в системе исполнительной власти действует множество комиссий, советов, рабочих групп с участием внешних экспертов и т.д. Важным событием для страны явилось создание Общероссийского народного фронта в 2009 г., а также появление Феде-

³²⁴ Путин В.В. Выступление на открытии Гражданского форума 21 ноября 2001 года [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21408>

³²⁵ Там же.

³²⁶ Выступление Президента России на расширенном заседании правительства 13 сентября 2004 года [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.1tv.ru/news/polit/81339>

³²⁷ Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://base.garant.ru/12139493/>

рального закона № 212 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³²⁸.

Создаваемые институты становятся социальным лифтом для гражданских активистов: в рамках этих организаций, с их поддержкой осуществляется продвижение гражданских инициатив, распространяется позитивный опыт³²⁹.

По состоянию на 27 мая 2015 г. Министерством юстиции РФ (Минюстом) зарегистрированы 226 тыс. 615 некоммерческих организаций (НКО). Из них больше всего – в Москве (34 тыс., 15,2% от общего числа), Московской области (14 тыс., 6,4%), Санкт-Петербурге (12 тыс., 5,4%) и Краснодарском крае (6,8 тыс., 3%). Среди зарегистрированных НКО – 27,7 тыс. профсоюзов, 27,6 тыс. религиозных организаций, 22,1 тыс. некоммерческих и общественных фондов, 20 тыс. автономных некоммерческих организаций³³⁰.

С целью мобилизовать ресурсы благотворительности и волонтерства для повышения эффективности социальной политики в России со стороны государства в последние годы проявляется стремление к сотрудничеству с социально ориентированными НКО (СО НКО), разрабатываются программы поддержки их деятельности³³¹. В 2014 году вектор гражданской активности отчетливо сместился из политической сферы в социальную³³². Число СО НКО в период с 2011 по 2013 г. возросло с 97 до 113 тыс. (на 16,5%), средняя численность их работников – с 445 до 626 тыс. человек (на 40,7%), средняя численность добровольцев – с 990 тыс. до 1 млн. 346 тыс. человек³³³ (на 36%). Объем финансовой помощи СО НКО из федерального бюджета возрос с 4,8 млрд. рублей до 10,3 млрд. (на 46,6%)³³⁴.

³²⁸ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.pravo.gov.ru>

³²⁹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_12-2014_184p_rus_blok_corr_4_preview_postr.pdf

³³⁰ Некоммерческие организации в России [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://tass.ru/info/671635>

³³¹ Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем: анализ. докл. / под ред. Л.И. Якобсона, И.В. Мерсияновой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ВШЭ, 2012. – 64 с.

³³² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_12-2014_184p_rus_blok_corr_4_preview_postr.pdf

³³³ О реализации мер по государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций // Информационные материалы о VI Всероссийской конференции Минэкономразвития России «Межсекторное взаимодействие в социальной сфере», 9–10 декабря 2013 г. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.granycenter.org/razvitie-so-nko/gospod-sonko>

³³⁴ Там же.

По исследованию Росстата за 2012 г., деятельность в области образования и науки вели 25,4% социально ориентированных НКО, социальной поддержки и защиты граждан – 21,9%, физической культуры и спорта – 17,9%, патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи – 14,7%, благотворительности – 13,2%, здравоохранения – 10,9%, культуры и искусства – 9,5%, оказывали различную психологическую помощь – 9,4%, юридическую – 8,8%, поддерживали пожилых людей – 5,7%, инвалидов – 5,5%, матерей и детей – 4,2%³³⁵. В 2014 г. в 45 субъектах РФ реализовывалась 71 региональная программа поддержки социально ориентированных НКО. Для этих целей из федерального бюджета было выделено в виде субсидий 660 млн. рублей (в расчёте на два года)³³⁶.

Активное развитие институтов гражданского общества происходило и на региональном уровне³³⁷. В Вологодской области с 2009 г. работает Общественная палата. В 2013 – 2014 гг. при всех органах государственной исполнительной власти и органах местного самоуправления региона были созданы общественные советы³³⁸. С развитием IT-технологий появились новые формы диалога социума с властью. Так с 2012 г. в регионе реализуется комплекс инициативных проектов под общим названием «Команда губернатора» («Ваш выбор», «Ваша оценка», «Ваше будущее», «Муниципальный уровень», «Сделано»)³³⁹, затрагивающий широкий спектр деятельности власти – от формирования состава команды губернатора и оценки работы её представителей до подготовки кадрового резерва для органов государственного управления. Суть проекта заключается в предоставлении населению возможности участвовать в оценке деятельности муниципальной и региональной власти. Причём максимально привлекаться к этому могут не только эксперты, но и каждый житель области, желающий высказать свою точку зрения о деятельности власти.

³³⁵ Социально ориентированные некоммерческие организации в России [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/publish/press/infograf/nko_rus.pdf

³³⁶ Некоммерческие организации в России [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://tass.ru/info/671635>

³³⁷ Региональное гражданское общество: динамика развития. – Вологда, 2015. – 170 с.

³³⁸ Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики области за 2013 год; Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики области за 2014 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.vologda-oblast.ru>

³³⁹ Официальный сайт Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова. – Реж. дост.: – http://okuvshinnikov.ru/proekty/komanda_gubernatora

Вологодская область занимает 2-е место в Северо-Западном федеральном округе после Санкт-Петербурга по общему числу СО НКО (14%), средней численности работников (10%), поступлению средств (9%); первое место – по числу тех НКО, которые имеют в собственности помещение (20%); четвертое – по числу добровольцев³⁴⁰ (12%; табл. 5.3.1).

Таблица 5.3.1. Основные показатели деятельности социально ориентированных НКО за 2013 г.

Территория	Общее число НКО	В % к значению по СЗФО	Число НКО имеющих помещение в собственности	В % к значению по СЗФО	Поступило денежных средств и иное имущество, тыс. рублей	В % к значению по СЗФО	Средняя численность работников в НКО, чел.	В % к значению по СЗФО	Средняя численность добровольцев в НКО, чел.	В % к значению по СЗФО
РФ	113 237	-	10 552	-	516 421 564	-	625 882	-	1 346 341	-
СЗФО	11 811	10,4*	925	8,8*	44 455 031	8,6*	55 868	8,9*	122 553	9,1*
Респ. Карелия	1 303	11,0	94	10,2	689 185	1,6	1 284	2,3	15 511	12,7
Респ. Коми	470	4,0	50	5,4	1 701 832	3,8	1 893	3,4	10 342	8,4
Архангельская обл.	1 061	9,0	71	7,7	1 696 819	3,8	2 871	5,1	16 487	13,5
Вологодская обл.	1 696	14,4	182	19,7	4 136 324	9,3	5 719	10,2	15 149	12,4
Калининградская обл.	364	3,1	23	2,5	2 961 735	6,7	1 914	3,4	8 177	6,7
Ленинградская обл.	864	7,3	79	8,5	1 717 436	3,9	3 389	6,1	9 681	7,9
Мурманская обл.	1 609	13,6	128	13,8	2 621 000	5,9	4 975	8,9	7 299	6,0
Новгородская обл.	438	3,7	49	5,3	799 751	1,8	1 926	3,4	10 422	8,5
Псковская обл.	964	8,2	91	9,8	2 562 015	5,8	2 334	4,2	5 308	4,3
г. Санкт-Петербург	3 042	25,8	158	17,1	25 568 934	57,5	29 563	52,9	24 177	19,7
* В % к РФ.										
Источник: Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций на основе формы № 1-СОНКО [Эл. pec.]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/1-sonko2013.doc										

В современной России по-прежнему происходят сложные институциональные преобразования, направленные на поиск наиболее эффективной модели функционирования гражданского общества. Однако очевидно, что органы государственного управления на всех уровнях проявляют интерес к установлению обратной связи с населением и предпринимают шаги в этом направлении. Современные теории и методы государственного управления широко используют идею и технологии обратной связи с клиентами государства, гражданским

³⁴⁰ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций-получателей поддержки Правительства Вологодской области [Эл. pec.]. – Реж. дост.: <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/reestry/299801/>

обществом, их участия в обсуждении и принятии решений. Все большую популярность завоевывают практики разделения ответственности, наделения полномочиями, аутсорсинга, государственно-частного партнерства, участия в управлении (participatory governance).

Таким образом, в 2000-х гг. при активной поддержке государства гражданское общество в России начинает уверенно развиваться, в том числе и на уровне субъектов РФ и конкретных муниципальных образований.

Однако этот несомненно позитивный процесс сопровождается рядом объективных проблем, препятствующих эффективной деятельности институтов гражданского общества. Их роль, по мнению многих исследователей, в значительной степени является формальной, а персональный состав формируется в основном из лояльных по отношению к органам власти участников. При обосновании управленческих решений, как правило, отсутствует анализ вариантов поведения экономических агентов. Редко оцениваются возможности их участия, вклада в реализацию мероприятий и достижение общих целей в рамках государственно-частного партнерства³⁴¹. Избыточное количество организационно-правовых форм НКО создаёт сложности с объективной оценкой количества и качества их деятельности: «Отсутствует подробный статистический учет «третьего сектора», его экономики, занятости, финансовых потоков. И главное – отсутствует учет его эффективности»³⁴².

Различные международные исследования подтверждают, что российское гражданское общество находится еще только в начале пути своего развития. Так, по данным Международного альянса CIVICUS, объединяющего НКО и гражданских активистов из более чем 100 стран, условия для успешного развития гражданского общества в России, способствующие возможности участия и вовлечённости в него населения, отражающие наличие стимулирующей и поддерживающей окружающей среды, оцениваются достаточно низко. Разработан-

³⁴¹ Клименко А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 1. – С. 8–51.

³⁴² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_12-2014_184p_rus_blok_corr_4_preview_postr.pdf

ный учеными индекс окружающей среды гражданского общества³⁴³ равняется 0,45, в то время как в странах, входящих в первую пятёрку рейтинга, он достигал 0,80–0,87 (табл. 5.3.2).

Таблица 5.3.2. Индекс окружающей среды гражданского общества всемирного альянса «За гражданское участие» CIVICUS *Enabling Environment Index (EEI)* (2013 г.)

Ранг	Страна	Индекс
75	Россия	0,45
<i>Первая пятёрка стран</i>		
1	Новая Зеландия	0,87
2	Канада	0,85
3	Австралия	0,84
4	Дания	0,81
5	Норвегия	0,80
<i>Последняя пятёрка стран</i>		
105	Гамбия	0,32
106	Бурунди	0,31
107	Иран	0,31
108	Узбекистан	0,29
109	Демократическая Республика Конго	0,26
Источник: CIVICUS EEI REPORT 2013 [Эл. рес.]. – Режим доступа: www.civicus.com		

В январе 2015 г. на пленарном заседании Общероссийского форума «Государство и гражданское общество: сотрудничество во имя развития» В. Путин подвёл некоторые итоги взаимодействия государства и некоммерческих организаций, отметив постоянно растущие объёмы государственной поддержки, в том числе по линии президентских грантов. Президент РФ отметил, что сохраняется актуальность создания максимально комфортных условий для работы социально ориентированных НКО, снятия остающихся барьеров для их деятельности в сфере социального обслуживания, здравоохранения, образования, формирования эффективно функционирующего правового поля, оказания им методической и организационной помощи. Сегодня на повестке дня другой вопрос: «Нужно создавать атмосферу сотрудничества и доверия в обществе, действовать в одной повестке дня, расширять пространство свободы для гражданской инициативы»³⁴⁴.

³⁴³ State of civil society 2013: Creating an enabling environment / CIVICUS, World Alliance for Citizen Participation [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://socs.civicus.org/wp-content/uploads/2013/04/2013StateofCivilSocietyReport_full.pdf. В России исследование гражданского климата Международным альянсом CIVICUS реализуется с 2005 года. В 2013 г. впервые на основе 71 статистического источника по 53 индикаторам был составлен индекс окружающей среды гражданского общества (Enabling Environment Index – EEI). При расчете индекса учитывается три группы индикаторов: управление (50%), социо-экономическое направление (25%), социо-культурное направление (25%).

³⁴⁴ Форум «Государство и гражданское общество» [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47480>

И действительно, организационное развитие, появление различных форм и видов институтов гражданского общества – это лишь «одна сторона медали». Она, конечно, показывает заинтересованность власти в диалоге с обществом и понимание того, что без такого диалога дальнейшее развитие невозможно. Но насколько заинтересованы и осведомлены о возможностях гражданского общества сами люди?

По данным Левада-Центра, о работе некоммерческих организаций «имеют ясное представление» лишь 16% россиян. Большинство лишь «что-то слышали» об их деятельности (52%) и «ничего не слышали об этом»³⁴⁵ (29%). О значительной популярности некоммерческих организаций в Вологодской области говорить также не приходится (табл. 5.3.3).

Таблица 5.3.3. **Знаете ли Вы о деятельности некоммерческих (общественных) организаций** (регионального отделения партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций, обществ и т.д.)? (в % от числа опрошенных)

Показатель	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.		
						к 2013	к 2009	к 2008
Знаю, лично сталкивался	8,9	12,3	8,1	12,7	7,1	-6	-5	-2
Что-то слышал	40,7	40,3	39,7	34,7	35,9	+1	-4	-5
Ничего не знаю	38,7	24,5	34,0	33,6	35,5	+2	+11	-3
Затрудняюсь ответить	11,8	22,9	18,2	19,0	21,5	+3	-1	+10

Как показывают данные научных центров, в России сегодня более развито неформальное добровольчество. В той или иной форме в добровольческой деятельности участвуют 40–60 % россиян. Так, по данным фонда «Общественное мнение», 38% россиян являются неинституционализированными добровольцами, которые не связаны организационно-правовыми отношениями с НКО, но включены в самоорганизацию по месту жительства; еще 4% – добровольцы, включённые в деятельность тех или иных НКО. Кроме того, 23% россиян в повседневной жизни не участвуют в общественной деятельности, но активно пользуются Интернетом, проявляя элементы социальной активности (благотвори-

³⁴⁵ Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. – М.: Левада-центр, 2014. – С. 37. – <http://www.levada.ru/books/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem>

тельность, подписание петиций и др.). 38% россиян не включены ни в реальную, ни в виртуальную добровольческую активность³⁴⁶.

По итогам исследования ФОМ, проведенного в 2012 г., социальная база гражданского общества неоднородна. Ее «ядро» составляют 5,4% взрослых россиян, которые являются членами общественных объединений или участвуют в их мероприятиях. Столько же россиян не готовы к объединению с другими людьми и никак не осведомлены о существующих формах гражданской активности. Большинство граждан (83%) не состоят ни в каких общественных и некоммерческих организациях. Около 30% россиян потенциально готовы объединяться для совместных действий, но реально не участвуют в них, не занимаются частной благотворительностью или добровольчеством и не информированы в достаточной мере о работе существующих организаций. На «периферии» находятся 34,5% взрослых россиян, которые оказались не готовы к объединению с другими людьми для достижения коллективных целей, хотя и могли бы заниматься благотворительностью, знают о существовании и деятельности общественных организаций³⁴⁷.

Исследователи отмечают, что гражданское общество в нашей стране имеет значительный потенциал роста. Практически каждый четвертый взрослый россиянин (24,6%), не участвуя в деятельности НКО и гражданских инициативах, готов объединяться с другими людьми для совместных действий, занимается благотворительностью в широком смысле, информирован об общественных объединениях и других негосударственных некоммерческих организациях, гражданских инициативах³⁴⁸.

Как показывают результаты исследований ИСЭРТ РАН, свое личное участие в работе некоммерческих организаций, в том числе в качестве добровольцев, подтверждают лишь 10–15% жителей Вологодской области. Остальные «не

³⁴⁶ Ресурсы российского добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследований Фонда общественного мнения в 2012–2013 гг. [Эл. pec.]. – Реж. дост.: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija> 18

³⁴⁷ Почему россияне не помогают убирать снег [Эл. pec.] // Ведомости. – 2013. – 26 марта. – Реж. дост.: http://www.vedomosti.ru/opinion/News/10425801/holodNyj_mart_13go#ixzz2OdB3ObFw 13

³⁴⁸ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Эл. pec.]. – Реж. дост.: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/5>

участвуют и не состоят» в НКО. Причем такая ситуация остается достаточно стабильной на протяжении последних 5 лет (табл. 5.3.4).

Таблица 5.3.4. **Принимаете ли Вы участие в деятельности организаций НКО или являетесь членом какой-либо из них?** (в % от числа опрошенных)

Показатель	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г. к			
						2013 г.	2011 г.	2009 г.	2008 г.
Являюсь членом организации	4,9	7,0	5,4	4,5	4,9	0	0	-2	0
Принимаю участие как доброволец, волонтер	6,4	9,9	10,4	6,2	6,4	0	-4	-4	0
Не участвую и не состою	85,3	81,0	82,9	88,2	87,0	-1	+4	+6	+2

В 2013 году на разных площадках обсуждались перспективы консолидации некоммерческого сектора. В отличие от бизнес-среды, в российском «третьем секторе» отсутствуют крупные корпоративные ассоциации, призванные осуществлять внутренние коммуникации и внешнее представительство. Действующие сегодня ассоциации (объединения, союзы) НКО слабы и не имеют большого веса в обществе.

Взаимодействие НКО осуществляется в основном по отраслевому принципу (в рамках одной предметной области – благотворительность, защита детства и т. п.) или территориальному (в рамках одного региона). Взаимодействие реализуется в основном в виде неформального общения или официальных коммуникаций (собрания, конференции). Более широкие и глубокие связи, направленные на консолидацию сектора, такие как совместные проекты НКО, альянсы для решения каких-либо проблем, общение в рамках профессиональных ассоциаций, распространены в гораздо меньшей степени. Даже среди наиболее активной части НКО от 30 до 40% организаций не включены в процесс внутри-секторного сотрудничества, почти половина (45%) НКО не принимает участия в объединениях внутри некоммерческого сектора (как формальных, так и неформальных)³⁴⁹.

Не происходит существенных изменений и в динамике общественного мнения относительно оценки степени влияния, которое оказывают НКО на жизнь в области³⁵⁰.

³⁴⁹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/5>

³⁵⁰ Кожина Т.П. Проблемы развития гражданского общества (на материале социологических опросов в Вологодской области) // Общество и социология в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, Вологда, 13–15 ноября 2015 : в 3 т. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 3. – С. 206–213.

О том, что через некоммерческие организации можно действительно решить важные вопросы, говорят не более 6% населения (табл. 5.3.5).

Таблица 5.3.5. На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области? (в % от числа опрошенных)

Показатель	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г. к.		
					2013 г.	2011 г.	2009 г.
Оказывают большое влияние	5,8	6,5	4,7	5,3	0	-2	-1
Оказывают незначительное влияние	18,4	29,7	22,4	21,5	0	-8	+4
Не оказывают никакого влияния	22,3	26,5	26,0	24,6	-1	-2	+3
Затрудняюсь ответить	57,0	37,3	46,9	48,6	+2	+12	-8

По данным доклада Центра политических технологий от 2013 г., лишь 14,8% россиян были осведомлены о существовании НКО и только 9% участвовали в их деятельности. Группа «Циркон» приводит схожие данные: в сентябре 2012 г. об НКО что-то знали 53% опрошенных, но лишь 12% были действительно компетентны в вопросе их деятельности и только 6% лично сталкивались с ней. Таким образом, оценивая состояние гражданского общества в России по формальным показателям, можно отметить его определенную стабильность и далеко не критическое положение (согласно данным проекта «Индекс устойчивости неправительственных организаций Центральной и Восточной Европы и Евразии» (USAID) российский индекс стабильности НКО является практически неизменным уже пятнадцать лет³⁵¹). Но если обратиться к данным социологических опросов, окажется, что деятельность НКО мало известна россиянам. При таком подходе получается, что гражданское общество в России развивается и существует автономно от своих граждан. Как отмечают ученые, формальный подход к определению гражданского общества, предполагающий ориентацию на учет количества НКО и негосударственных инициатив, оправдывает себя за рубежом, но вряд ли применим в России. Надо полагать, что такое определение гражданского общества, как «совокупность институтов, союзов и ассоциаций и т.д.», применимо в западных демократиях, но «не работает» в российской действительности³⁵².

³⁵¹ Бараш Р.Э. Гражданское общество как пространство свободы [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.civisbook.ru/files/File/Barash_g_o.pdf

³⁵² Там же.

Судя по результатам исследования ИСЭРТ РАН, основной формой гражданского участия жителей Вологодской области остаются выборы. Так, своё участие в парламентских и президентских выборах в декабре 2011 и марте 2012 гг. подтвердили 65–68% населения (*табл. 5.3.6*), в муниципальных выборах в сентябре 2013 г. – 41%. Реальная явка на выборы бывает, как правило, ниже заявленной. Для России в целом, в первую очередь для крупных и средних городов, в том числе и для Вологодской области, характерно снижение интереса к политике, низкая явка на выборы, особенно регионального и муниципального уровней³⁵³. В сентябре 2013 г., когда был зафиксирован своего рода исторический минимум, явка во многих крупных городах была ниже 20%³⁵⁴. В Вологодской области явка на выборы главы г. Вологды в сентябре 2013 г. составила 22,9%, губернатора в сентябре 2014 г. – 30% (при средней явке 46% по 30 субъектам РФ, в которых проходили выборы главы региона). Необходимо отметить при этом, что долговременная тенденция снижения электоральной явки наблюдается в большинстве западных демократий, и меньше всего склонны голосовать бедные, безработные, молодежь – то есть именно те, кто должен быть в наибольшей степени заинтересован в использовании политической системы для улучшения своего положения³⁵⁵.

Другой традиционной формой общественного участия являются субботники по благоустройству территории. В период с 2011 по 2014 г. в Вологодской области наблюдается рост подобного вида гражданской активности населения (с 12 до 17 %). Более популярным становится и участие в благотворительности: 10% в 2014 г. против 6–7% в 2011–2013 гг. Постепенно растёт также активность населения в отношении участия в работе по управлению многоквартирными домами (с 6% в 2011 г. до 8% в 2014 г.).

³⁵³ Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. – 2015. – №2 (64). – С.7–19.

³⁵⁴ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/5>

³⁵⁵ Крастев И. Управление недоверием. – М., 2014. – 128 с.

По оценкам, в выборах муниципального уровня чаще принимают участие жители районов области (54%), лица со средним специальным образованием (49%), население в возрасте старше 55 лет (46%) и 20%-ная группа наиболее обеспеченных (44%). Наименьшая избирательная активность зафиксирована в Вологде (28%), а наиболее значительное снижение доли участвующих в выборах в 2014 г. по сравнению с 2011 и 2013 годами – в Череповце (31% против 70–78%).

Участие в деятельности общественных организаций и профсоюзов привлекает только 3–4% населения области. Кроме того, непопулярна работа в религиозных организациях и отделениях политических партий (1% и менее). Практически сошла на нет протестная активность: участие в митингах, демонстрациях, пикетах отметил в 2014 г. 1% населения против 4% в 2011-м. При этом на фоне отсутствия выборов федерального уровня в период с 2011 по 2014 г. существенно возросла доля тех, кто не участвовал ни в одном из рассматриваемых общественных мероприятий (с 21 до 44 %).

Таблица 5.3.6. **В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в текущем/прошлом году?*** (в % от числа опрошенных)

Мероприятие	2011 г. (декабрь)	2013 г. (февраль)	2014 г. (апрель)	Изменение (+ / -) 2014 г. к	
				2013 г.	2011 г.
Выборы	68,3	64,9	41,4	-24	-27
Коллективное благоустройство, субботники	12,1	15,5	17,1	+2	+5
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	6,9	6,3	9,9	+4	+3
Работа ТСЖ, домового комитета, совета самоуправления	6,1	6,9	8,2	+1	+2
Проведение избирательной кампании	4,7	5,3	3,7	-2	-1
Деятельность общественных организаций	4,2	2,7	3,5	+1	-1
Деятельность профсоюзных организаций	2,7	3,8	3,5	0	+1
Подписание обращений в органы власти	2,7	2,4	2,6	0	0
Митинги, демонстрации, пикеты	4,1	1,5	1,4	0	-3
Деятельность политических партий	1,0	1,1	0,9	0	0
Деятельность религиозных организаций	0,9	0,6	0,9	0	0
Забастовки	1,0	0,2	0,3	0	-1
Ни в чем подобном не участвовал	20,6	29,0	43,7	+15	+23

* В зависимости от месяца опроса вопрос задавался о событиях текущего или прошедшего года.

Степень своего общественно-политического участия жители области преимущественно оценивают невысоко: как «пассивное» или «скорее пассивное», причём доля таковых в период с 2011 по 2014 г. возросла с 48 до 54 % (табл. 5.3.7).

Таблица 5.3.7. Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г. к	
				2013 г.	2011 г.
Активное и скорее активное	27,1	23,0	21,9	-1	-5
Пассивное и скорее пассивное	48,3	49,8	54,1	+4	+6
Затрудняюсь ответить	24,6	27,2	24,0	-3	-1

В свою очередь, снизился удельный вес людей с «активным и скорее активным» участием (с 27 до 22%). Однако негативная тенденция проявилась преимущественно в крупных городах, в которых показатель активного участия уменьшился значительно в большей степени, чем в среднем по области: в Череповце – с 33 до 18%, в Вологде – с 26 до 15%. В районах области доля «активных» людей несколько увеличилась (с 24 до 28%), превысив уровень крупных городов. О своей активной гражданской позиции чаще стали заявлять также жители области, относящиеся к категории 20% наиболее обеспеченных.

Что препятствует более активному выражению своей гражданской позиции и участию в жизни общества? Как оказывается, это не нехватка времени и вовсе не отсутствие способности к самоорганизации. Основные препятствия для проявления людьми общественной активности – это психологические установки: безразличие, индивидуализм, «привычка надеяться на готовое, в том числе на власть» (в 2014 г. – 23–24%; табл. 5.3.8). Существенным, но, на наш взгляд, все-таки «остаточным» (своего рода пережитком прошлого) по-прежнему является такой фактор, как боязнь преследований.

Таблица 5.3.8. Какие препятствия Вы считаете главными для проявления общественной активности и своей гражданской позиции? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г. к		
					2013 г.	2011 г.	2008 г.
Безразличие к общим делам, индивидуализм	43,5	26,2	24,1	23,5	-1	-2	-20
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	20,7	24,3	27,2	22,7	-5	-2	+2
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	24,8	19,1	22,0	21,9	0	+3	-3
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	–	15,9	19,9	19,7	0	+4	–
Недостаток знаний, некомпетентность	20,9	15,2	19,1	15,9	-3	+1	-5
Недостаток времени, чрезмерная занятость	9,9	12,3	15,5	15,0	-1	+3	+5
Отсутствие способности к организации	9,5	8,3	11,1	10,7	0	+3	+1
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	–	6,7	9,4	7,4	-2	0	–
Затрудняюсь ответить	14,9	27,3	29,7	29,9	0	+3	+15

За двадцатилетний период значительная часть людей научилась обходиться в своей жизни без поддержки государства. И не только государства, но и институтов гражданского общества. 3–5 лет назад российские ученые отмечали такое явление, как социальный атомизм. То есть ожидания и надежды населения все меньше связывались с деятельностью органов власти, люди переставали ждать помощи от государства, наблюдалась обособленность человека, «уход в себя»: «В условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешней среды и отсутствия возможности существенно влиять на возникающие ситуации в нем россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания... Ядром микромира россиян является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей»³⁵⁶; «В современном российском обществе приоритетность дела на благо общества, других людей трансформируется в приоритетность дела ради личных интересов. В условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности»³⁵⁷.

Сегодня, на стыке 2014–2015 гг., ситуация следующая: «За годы реформ в обществе сложилась значительная по своему составу социальная группа населения, способного (по самооценке) жить (существовать, выживать и т. п.) без поддержки государства. В сущности, эту группу людей можно определить как «самодостаточные россияне»³⁵⁸... На сегодняшний день эти люди – «не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по масштабу социальная группа, выражающая собой тренд на формирование активистской доминанты в российском обществе. Доля россиян, принимающих ответственность за происходящее в жизни на себя, ориентирующихся на собственные силы, уверенных в своей способности обеспечить себя и свою семью и не нужда-

³⁵⁶ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3.

³⁵⁷ Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз. Доклад на II съезде Союза социологов России. – М. : РГСУ, 2008.

³⁵⁸ Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – М., 2015. – С. 8.

ющихся для этого в поддержке со стороны государства, составляла на конец 2014 г. 44% населения. При этом с 2011 по 2014 г. этот показатель вырос на 10% – с 34 до 44 % и в настоящее время остается на этом же уровне»³⁵⁹.

Каков результат? «Российское общество в лице «самодостаточных» граждан обретает серьезную социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития. И это особенно важно в текущей общественно-политической ситуации, бросающей России новые серьезные политические, экономические и социокультурные вызовы. В условиях, когда государство вынуждено выбирать новые ориентиры развития, войти в режим экономии, что неизбежно скажется на реализации социальной политики, ранее принятых социальных программ и ослаблении поддержки государством граждан, особое значение приобретает наличие в обществе групп, готовых принимать на себя ответственность за собственную жизнь и не обременять государство зависимостью от него³⁶⁰». Не это ли эволюция общества? Не это ли итог его трансформации, хотя и (нельзя не отметить) достаточно сложной и в чем-то даже трагической?

Пожалуй, на этой позитивной ноте мы бы хотели остановиться и подвести некоторые итоги нашей оценки современного гражданского общества и его динамики за последние 20 лет. Отметим следующее.

За этот период государством было многое сделано для того, чтобы россияне могли воспользоваться таким инструментом, как институты гражданского общества. На всех уровнях органы власти отчетливо проявили понимание того, что дальше двигаться без оглядки на общественное мнение невозможно. Однако для того чтобы российские и международные исследования в унисон говорили о существовании в России развитого гражданского общества, нужна потребность в нем не только со стороны государства, но и со стороны самих людей. А вот здесь мы сталкиваемся с затруднениями, делающими российский народ не виновником, а скорее жертвой объективных обстоятельств – менталь-

³⁵⁹ Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Весь Мир, 2015. – С. 317.

³⁶⁰ Там же.

ной склонности к традиционным ценностям и социального атомизма, ставшего одним из самых негативных итогов 1990-х гг.

Армия, церковь, власть были и остаются теми институтами, которым общество доверяет больше всего. На этом фоне профсоюзы, СМИ, органы местного самоуправления выглядят, мягко говоря, неубедительно. Триада «Президент, армия, церковь», отдаленно напоминающая «православие, самодержавие, народность», составляет основу консервативного консенсуса, обеспечивает устойчивость каркаса российской государственности³⁶¹, что, по-видимому, ценится людьми больше, чем возможность личного участия в делах страны.

Многочисленные элементы гражданского общества в России существовали в позднюю советскую эпоху³⁶². Это был яркий пример авторитарного государства. В отличие от него при тоталитарном режиме, когда государство проникает в семейную личную жизнь, в сферу совести и вообще куда угодно, никакого гражданского общества нет и быть не может³⁶³. На основе результатов эмпирических исследований Р.Ш. Меняшевым было доказано, что люди, высоко оценивающие инициативность сограждан, менее склонны поддерживать масштабный государственный контроль. И наоборот, если инициативность оценивается низко, то люди поддерживают регулирование, даже если его качество неудовлетворительно. Разобщенное общество не видит альтернативы масштабному государственному регулированию, поэтому в стране настолько велика поддержка идеи «сильного государства»³⁶⁴.

С учетом специфики российской ментальности и исторического пути развития, возможно, и не должно в нашей стране быть такое развитое гражданское общество, каким все привыкли считать его в западных странах. По крайней мере, на нынешнем этапе. Важно ведь не столько количество людей, задействованных в НКО или участвующих в общественно-политической жизни, сколько

³⁶¹ Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?: информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – 2015. – С. 16.

³⁶² Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Меняшев Р.Ш. Социальный капитал и спрос на регулирование в России // Вопросы экономики. – 2014. – № 4. – С. 96.

качество этого участия, инициативность, может, и незначительных групп граждан в достижении конструктивного диалога с властью.

Как мы видим, гражданское общество существует и развивается под воздействием определенных «внутренних» и «внешних» условий, где под «внутренними» условиями мы понимаем востребованность и готовность самих россиян существовать и развиваться при развитом гражданском обществе, а под «внешними» условиями – объективные обстоятельства, реформы государственной власти, создающие определенные границы, в рамках которых функционируют конкретные институты гражданского общества.

Если «накапливание» социального недовольства без перетекания в форму конкретных активных действий можно условно назвать «внутренним» фактором, определенной характеристикой российского общества, то к одному из главных «внешних» факторов, безусловно, можно отнести положение дел в местном самоуправлении. Данная форма организации общественных отношений имеет богатую историю в нашей стране и является, пожалуй, одной из немногих среди тех, которые имеют реальные возможности влиять на жизнь людей и строить взаимоотношения с властью. Реформирование местного самоуправления в постсоветский период происходило (и происходит) постепенно, в сопровождении немалых трудностей и ограничений. Оно выступает важным субъектом организации управления на региональном уровне, важность которого неоднократно подчеркивал Президент в своих выступлениях. Успехи и неудачи, которыми сопровождается процесс развития института местного самоуправления, во многом отражают состояние всего регионального гражданского сообщества или, по крайней мере, дают нам представление о том, какие шаги предпринимает государство, чтобы найти пути взаимодействия с людьми, определить формы наиболее эффективного диалога с обществом и, в целом, обеспечить крепкий фундамент социальной поддержки проводимого курса развития.

Какую трансформацию претерпевает местное самоуправление в постсоветской России? Свою точку зрения на этот вопрос мы попытаемся выразить в следующем параграфе.

5.4. ИНСТИТУТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ИТОГИ РЕФОРМ

Система регулирования общественно-экономических отношений в любом государстве состоит из двух базовых составляющих: государственного и местного самоуправления. Причем, как показывают реалии современной жизни, значение последнего постепенно повышается, поскольку рост ответственности территорий за решение социально-экономических вопросов является общей закономерностью мирового экономического развития. Об этом, к примеру, свидетельствует опыт местного самоуправления, которое играет ключевую роль в странах Западной Европы.

Становление и эволюция местного самоуправления представляют продукт борьбы за власть и влияние в обществе, борьбы идеологий. Концептуальные начала современной организации местного самоуправления в Великобритании, Франции, Германии формировались главным образом в результате муниципальных реформ в XIX в. Однако их фундамент был заложен еще в Средние века.

Россия также имеет богатый, хотя и противоречивый опыт местного самоуправления. Оно развивалось на протяжении сотен лет, постепенно становясь всё более сложным и совершенным, приобретая современные формы.

Возрождение местного самоуправления как института власти в России после советского периода (когда оно выступало лишь инструментом централизованной командно-административной системы) связано с принятием в 1990 г. закона «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР».

Когда в начале 1990-х годов Российская Федерация выбрала путь перехода к демократическим принципам организации общества и государства, актуальность вопросов, связанных с организацией и повышением роли местного само-

управления, стала очевидной, поскольку именно местное самоуправление – одно из первичных звеньев демократического устройства общества, создающих условия для приближения власти к населению и способствующих развитию инициатив и самодеятельности граждан.

Важной вехой в развитии местного самоуправления явилось принятие Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.), присоединение России к Европейской хартии местного самоуправления (1997 г.), а также принятие в октябре 2003 г. новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что местное самоуправление в его истинном значении в стране пока только формируется. Его исторические традиции возрождаются в новых условиях, при этом преодолевается ряд проблем организационного, правового, экономического характера. Поэтому не случайно так остро, как никогда, стоит вопрос о выборе наиболее эффективных форм самоорганизации и самоуправления населения на местах. Ведь помимо того, что местное самоуправление играет значимую роль в обеспечении благосостояния населения и оказании общественных услуг, на него возлагается задача создания институтов, способствующих повышению темпов и устойчивости экономического роста, а также конкурентоспособности территорий и, следовательно, страны в целом.

Местное самоуправление – одна из фундаментальных основ конституционного строя Российской Федерации. Являясь публичной властью, наиболее приближенной к населению, местное самоуправление обеспечивает гражданам защиту интересов, которые обусловлены совместным проживанием на определённой территории и неизбежным взаимодействием.

В современной мировой практике с учетом исторических, местных, религиозных традиций, форм территориального устройства государства, его политического режима сложилось множество разнообразных моделей местного

самоуправления³⁶⁵. В настоящее время в большинстве стран мира (например, Австрия, Германия, Япония) сложились смешанные формы организации муниципального управления, объединяющие в себе черты англосаксонской и континентальной моделей³⁶⁶. Главным принципом, положенным в основу возрождения местного самоуправления в Российской Федерации в начале 1990-х годов, стал принцип разнообразия форм реализации конституционного права на местное самоуправление в соответствии с интересами граждан и местной спецификой. Это привело к колоссальному разнообразию территориальных моделей местного самоуправления. Почти половина субъектов РФ, среди которых и Вологодская область, пошли по пути превращения в муниципальные образования крупных административных единиц – районов и городов.

Возрождение института местного самоуправления в Вологодской области, как и в целом в России, проходило непросто. Причин тому много: передача на места полномочий и ответственности без предоставления необходимых ресурсов; рыночные условия хозяйствования и недостаток кадров, подготовленных для работы в новых условиях; отсутствие организационного единообразия моделей местного самоуправления; нечёткое определение компетенций муниципалитетов; несоответствие доходов бюджетов муниципальных образований расходным обязательствам; непроработанность механизмов взаимодействия с органами государственной власти и ряд других³⁶⁷.

Старт новому этапу возрождения института местного самоуправления был дан вступившим в действие с 1 января 2006 г. законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ. В рамках действующего законодательства сложилось несколько способов формирования системы местных органов власти. Наибольшее распространение полу-

³⁶⁵ Под моделью понимается система горизонтальных и вертикальных взаимосвязей между субъектами управления. Их краткая характеристика представлена в *приложении 11*.

³⁶⁶ Наумов С.Ю., Подсумкова А.А. Основы организации муниципального управления: учеб. пособ. – М.: Форум, 2009. – 352 с.

³⁶⁷ Мокрый В.С. Местное самоуправление в Российской Федерации как институт публичной власти в гражданском обществе. – Самара: Самарский науч. центр РАН, 2003. – 223 с.

чили принципиально различающиеся модели «сильный мэр – слабый совет», «сильный совет – слабый мэр», «совет – управляющий», комиссия форма, «староста – сход» (табл. 5.4.1).

Наряду с описанными выше моделями организации местных органов власти на практике имеют место комбинированные организационные формы местного самоуправления. Например, управляющий может назначаться не советом, а выборным должностным лицом (мэром) и напрямую подчиняться ему. Преимущество данной формы заключается в том, что жители имеют возможность влиять на муниципальную политику путем голосования «за» или «против» мэра, тем самым выступая за сохранение или замену администрации муниципального образования.

Таблица 5.4.1. Основные модели организации местных органов власти*

Модель	Описание модели
«Сильный мэр – слабый совет»	Мэр избирается непосредственно населением, что дает ему более широкие полномочия в отношении представительного органа муниципального образования. Мэр имеет право самостоятельно решать многие вопросы местного значения, формирует администрацию, единолично руководит ее деятельностью, организует работу совета, председательствует на его заседаниях, подписывает принимаемые советом акты. Обладает правом отлагательного вето на решение совета, но оно может быть преодолено квалифицированным большинством депутатов.
«Сильный совет – слабый мэр»	Мэр избирается из числа депутатов представительного органа местного самоуправления, поэтому его полномочия ограничены. Формирование администрации и руководство ею, освобождение сотрудников от должности производится только с согласия совета. В данной модели мэр выполняет в основном представительские и оперативно-исполнительные функции. Совет обладает большим объемом прав в сфере назначения на должности местного управления, решения хозяйственных и финансовых вопросов.
«Совет – управляющий»	Население муниципального образования избирает представительный орган, из состава которого выбирается председатель, руководящий деятельностью совета и не обладающий полномочиями по руководству местной администрацией. На контрактной основе назначается глава исполнительно-распорядительного органа (администрации) – управляющий, который наделяется большими полномочиями по формированию местной администрации и определению основных направлений ее деятельности. Данная форма наиболее распространена в странах с англосаксонской системой местного самоуправления. Ее положительными сторонами, по мнению многих исследователей, является возможность устранения коррупции и авторитарности в системе управления, ввиду того что управляющий является профессионалом в сфере муниципального управления и представляет собой политически нейтральную фигуру. Однако население не может влиять на его политику, что является, несомненно, слабостью данной формы.
Комиссионная форма	Комиссия образуется из выборных лиц, каждый из которых при этом управляет отделом местного исполнительного органа. Сформированная таким образом структура выполняет полномочия представительного органа. В данной модели должность высшего должностного лица (главы) не предусматривается. Недостатком организации может быть лоббирование комиссионерами интересов своих отделов вразрез с общими интересами населения муниципального образования.
«Староста – сход»	Данная организационная форма применяется в малых поселениях (с численностью жителей менее 100 человек), где представительный орган не формируется, а его функции выполняет сход граждан. Единственным выборным лицом здесь является староста, однако возможно создание небольшого аппарата управления, назначение или выбор казначеев.

* Источник: Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 216 с.

Структура, компетенция, число органов местного самоуправления, как правило, зависят от типа муниципального образования (сельское, городское поселение, муниципальный район, городской округ), численности жителей, исторических, национальных и иных местных традиций.

В случае создания новых муниципальных образований или их преобразования структура органов местного самоуправления может определяться как непосредственно населением (на местном референдуме, сходе граждан), так и опосредованно (представительным органом муниципального образования).

В уставах некоторых малочисленных сельских поселений в целях оптимизации затрат на содержание аппарата управления закрепляется возможность главы муниципального образования совмещать одновременно функции главы исполнительно-распорядительного органа и председателя представительного органа муниципального образования. Представительный орган местного самоуправления – это избранный непосредственно населением муниципального образования орган, представляющий его интересы и обладающий правом от его имени принимать решения, действующие на всей территории муниципального образования. Если численность жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом, составляет менее 100 человек, то представительный орган не формируется, а его функции осуществляются сходом граждан.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет два способа формирования представительного органа муниципального района. Его депутаты могут избираться населением на муниципальных выборах или назначаться из числа глав поселений и депутатов представительных органов поселений, входящих в состав муниципального района.

В муниципальных районах действует двухуровневая модель местного самоуправления.

Первый уровень. Органы местного самоуправления поселений:

- главы и представительные органы поселений избираются населением;
- главы поселений возглавляют местные администрации;
- представительные органы поселений избирают председателей из своего состава.

Второй уровень. Все поселения, за исключением городского округа, полностью входят в состав муниципального района, при этом:

- глава района избирается населением и возглавляет администрацию района;
- представительный орган района избирается населением на муниципальных выборах или назначается из числа глав поселений и депутатов представительных органов поселений, входящих в состав муниципального района;
- представительный орган района избирает председателя из своего состава.

Городской округ является одноуровневым муниципальным образованием и не содержит в своем составе других самостоятельных городских и сельских территорий (рис. 5.4.1).

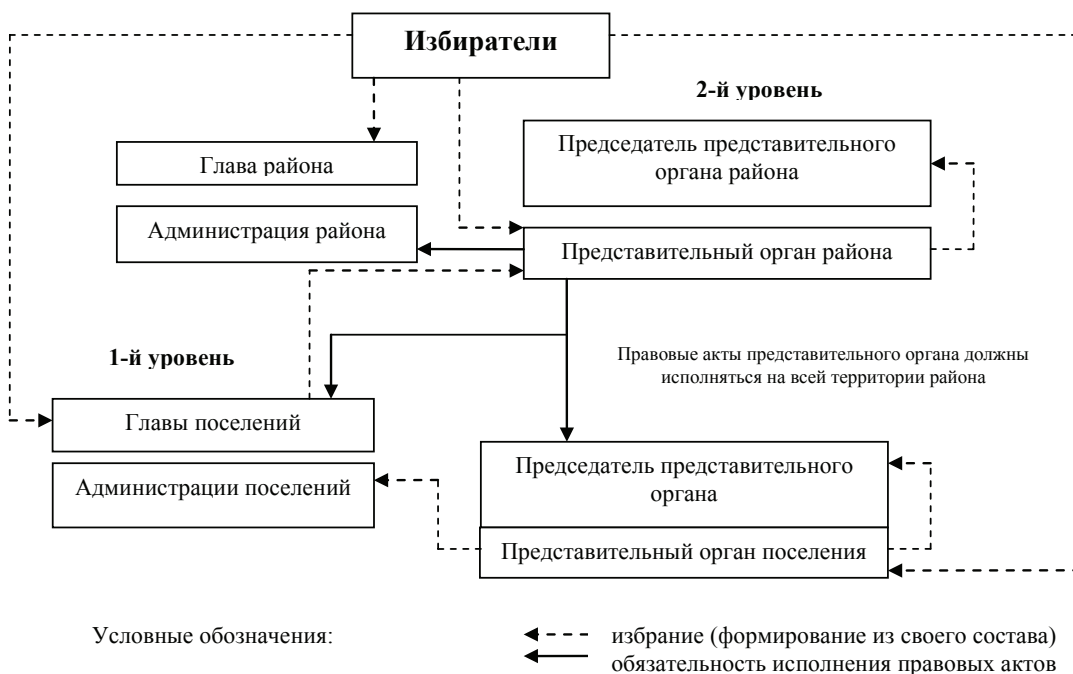

Рис. 5.4.1. Организационная структура местного самоуправления в муниципальных районах

* Источник: Ускова Т.В., Амелин Д.Е. Организация двухуровневой модели местного самоуправления // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2004. – № 27. – С. 53-56.

Данный вариант организационной структуры местного самоуправления позволяет:

- добиться большей заинтересованности глав администраций в результатах труда, чем в условиях их найма на контрактной основе;

- повысить информированность депутатов представительного органа района о положении дел на местах по сравнению с депутатами, избранными на муниципальных выборах;
- достичь большей заинтересованности депутатов представительного органа района в результатах своего труда;
- избежать затрат, связанных с организацией выборов в представительный орган района и наймом глав администраций района и поселений³⁶⁸.

Таким образом, институт местного самоуправления функционирует самостоятельно, без непосредственной подчинённости местных органов власти государственным органам власти. Это обеспечивает возможность участия всего населения муниципального образования в процессе выработки и принятия решений по наиболее важным вопросам местного значения, а также выборность органов местного самоуправления на демократической основе, их регулярную сменяемость, отчётность перед населением и ответственность в рамках своей компетенции; гарантии социальной защиты населения³⁶⁹.

Современный этап реформирования местного самоуправления предусматривает введение на всей территории РФ двухуровневой модели его организации. Федеральный закон №131-ФЗ разграничивает вопросы местного значения, относящиеся к компетенции каждой из категорий муниципальных образований; определяет принципы и механизмы формирования структур органов местного самоуправления и разделения компетенции между ними; разграничивает полномочия и ресурсы. При этом основными элементами административно-территориального устройства являются городские и сельские поселения, городские округа, муниципальные районы. Главенствующее значение имеет поселенческий принцип организации муниципальных образований. Что касается муниципального района, то его главное предназначение – решение вопросов

³⁶⁸ Ускова, Т.В. Амелин Д.Е. Организация двухуровневой модели местного самоуправления // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2004. – № 27. – С. 53-56.

³⁶⁹ Местное самоуправление в сельском районе: тенденции, проблемы, перспективы / В.А. Ильин, В.И. Чирков, Т.В. Ускова, К.А. Гулин, Д.П. Жаравин, И.Н. Дементьева. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – 196 с.

местного значения межпоселенческого характера, а также реализация отдельных государственных полномочий, передаваемых в соответствии с указанным законом. Разделение же полномочий предполагает их полноту и достаточность для осуществления на территории значительной части воспроизводственных процессов³⁷⁰.

По мнению ряда экспертов, положительными сторонами данного закона являются³⁷¹:

1. Введение поселенческого принципа территориальной организации местного самоуправления, которое тесно связано с местом проживания людей. Главная цель местного самоуправления – непосредственное обеспечение жизнедеятельности местного населения. Приближение органов власти к населению позволяет принимать оптимальные управленческие решения в кратчайшие сроки с учётом местных особенностей и тем самым эффективно влиять на социально-экономическую ситуацию в каждом муниципалитете.

2. Формирование двух списков вопросов местного значения – для поселений и для муниципального района.

3. Существенное сокращение числа вопросов местного значения, которые при некоторой корректировке действительно способны отразить сущность и назначение местного самоуправления.

4. Чёткое формулирование механизма передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий.

5. Расширение возможностей органов местного самоуправления в наиболее полном и всестороннем удовлетворении нужд населения. Законом устанавливается наличие бюджета у каждого муниципального образования, что содействует

³⁷⁰ Лапин, В.А. Любовный В.Я. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство России. – М. : Дело, 2005. – 240 с.; О реформировании системы управления Вологодской области в свете реализации нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, А.А. Кольев, С.Н. Дубов. – Вологда, 2004. – 210 с.; Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. – М., 2003.

³⁷¹ Бухвальд Е. Местное самоуправление: этап обновления и укрепления // Экономист. – 2004. – № 4. – С. 66-75.; Квадрициус Н.В., Ходачек А.М. Реформа местного самоуправления – опыт реализации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2004. – № 4. – С. 41-46.

укреплению экономической самостоятельности территорий, активизации их хозяйственной деятельности, развитию общественной инфраструктуры, увеличению экономического потенциала, выявлению и использованию резервов финансовых ресурсов.

6. «Оздоровление» муниципальных финансов, предусматривающее конкретные меры, в частности сокращение «нефинансируемых федеральных мандатов».

7. Создание условий для активизации реального участия граждан в управлении муниципальными образованиями, что позволит повысить общественную и экономическую инициативность населения, вовлекая его в процесс социально-экономического развития территории как значительный духовный и интеллектуальный потенциал. Для этого законом предусматривается большое количество форм прямого волеизъявления при осуществлении местного самоуправления.

С расширением объёма делегирования государственных полномочий объектом местного самоуправления стало обеспечение таких стратегически важных и социально значимых функций, как организация здравоохранения, образования, реализация социальной политики, проведение культурных мероприятий, развитие сельского хозяйства, организация функционирования ЖКХ. Однако на пути развития и эффективного функционирования местной власти еще достаточно много препятствий.

Одним из главных является изначально слабая законодательная проработанность сущности местного самоуправления, концептуальных, теоретических, правовых и социокультурных основ его организационно-экономической реализации.

Например, при разработке 131-ФЗ из внимания было упущено, что практическая деятельность российского местного самоуправления имеет двойственную природу: самостоятельность в чисто местных делах при одновременном осуществлении определенных государственных функций на местном

уровне³⁷². В связи с этим некоторыми учеными предлагается официально утвердить (фактически действующую) систему органов местного самоуправления, которая представляет: 1) административную структуру государственной власти на местах, проводящую в жизнь решения вышестоящих уровней управления, выполняющую контрольно-методические функции, обеспечивающую общую управляемость территорией и 2) самоуправляющуюся структуру, принимающую собственные, независимые от центрального управления решения в тех рамках, которые определены общенациональным законодательством. Обособление же друг от друга государственной власти и местного самоуправления приводит к неразрешимым противоречиям в части распределения ответственности и, кроме того, открывает простор для бюрократизма.

В то же время с интеграцией административного управления и самоуправления связывают успешное решение ряда социальных проблем, так как материальная база местного управления (бюджет) будет соответственно иметь два основных источника финансирования – «извне», из федеральных и региональных средств, и собственные доходы. Предполагается, что роль и значимость самоуправления в решении местных вопросов постепенно начнет усиливаться. Много вопросов вызывает структура местного самоуправления (с принятием 131-ФЗ наиболее распространенным типом структуры муниципалитетов является система двух уровней: поселенческого и районного), а также выбор в качестве территориальной основы местного самоуправления существующей системы административно-территориального деления.

³⁷² В современной теории и практике муниципального управления наблюдаются два основных прямо противоположных подхода. В основе одного лежит отделение местного самоуправления от государства, при этом исключается какое-либо влияние государства (кроме правового) на организацию местного самоуправления. Другой состоит в «огосударствлении» местного самоуправления, его жесткой привязке к государственной структуре и рассмотрении его как продолжения государственной власти на местах. Исторический опыт развития местного самоуправления в России свидетельствует о том, что оно, с одной стороны, всегда было тесно связано с государством, государственным управлением, выступало как его продолжение на местном уровне, с другой – обладало значительными полномочиями, осуществлявшимися самостоятельно и зачастую независимо от государственных структур. В советское время местное самоуправление функционировало в рамках единой, иерархичной сверху донизу системы советов, выступая, по сути, в качестве низового звена государственной власти. Затем, в период либеральных преобразований 90-х годов XX века, которые основывались на идеях тотального разгосударствления и минимизации роли государства в управлении общественными процессами на всех уровнях, родилась, по выражению Т.Я. Хабриевой, революционная для России конституционная формула, гласящая, что местное самоуправление не входит в систему государственной власти и занимается только вопросами местного значения. Однако в итоге произошло «смешение» институтов государственного и местного самоуправления и сформировался двойственный характер муниципальной деятельности.

Нерешённость этих вопросов, незавершённость и противоречивость правовой основы местного самоуправления (пробелы в правовом регулировании, отсутствие необходимых основополагающих законов и вместе с тем множественность подзаконных нормативных правовых актов на федеральном, региональном и местном уровнях) зачастую порождают правовую неопределённость и неразбериху в осуществлении местного самоуправления.

Не менее важной проблемой, особенно для вновь созданных поселений, стала низкая ресурсная обеспеченность в первую очередь финансовыми средствами, квалифицированными кадрами, имущественной и материальной базой. Обеспечение муниципальных образований финансовыми ресурсами в объеме, достаточном для решения местных вопросов, выдвигалось в качестве одной из приоритетных целей реформирования местного самоуправления. Основными направлениями реализации этой цели стали: формирование муниципального уровня бюджетной системы, повышение самостоятельности региональных и местных расходов, более чёткое разграничение расходных обязательств и налоговых полномочий, отказ от использования при оплате труда работников бюджетной сферы Единой тарифной сетки и т.д. Однако, как показала практика, достичь существенных изменений не удалось, более того, в результате введения двухуровневой системы местного самоуправления проблема обеспеченности муниципалитетов собственными финансово-экономическими средствами ещё более обострилась. Это обусловлено рядом причин, наиболее существенны среди них следующие.

Во-первых, выбор англосаксонской модели в качестве исходной для местного самоуправления. Известно, что основой функционирования этого института является наличие в стране граждан-собственников, налоги с имущества которых и формируют большую часть местных бюджетов. Но в условиях российской действительности, когда более 60% населения относится к категории бедных и малообеспеченных, реализация такой модели привела к крайней слабости или отсутствию собственной налогооблагаемой базы муниципальных образований.

Во-вторых, наделение конкретной территории статусом муниципального образования не было увязано с её социально-экономическим потенциалом, определяющим возможности обеспечения её самостоятельного (согласно конституционному требованию) функционирования и развития. То есть при формировании организационной структуры местного самоуправления главным стал принцип «транспортной доступности», а не «экономической самостоятельности», как это принято в развитых странах.

В-третьих, негативное влияние на состояние местных бюджетов оказала и реформа налогово-бюджетной сферы, одной из задач которой было снижение нагрузки на экономику. Но произошло это, по мнению экспертов, весьма односторонне: были уменьшены или вообще ликвидированы в основном те налоги, из которых формируются доходы региональных и местных бюджетов (такие, как, например, налог с продаж).

Недостаточная имущественная и материально-техническая база муниципальных образований – ещё одно препятствие для эффективного функционирования органов местного самоуправления. Отсутствие или дефицит муниципальной собственности отражается прежде всего на состоянии местного бюджета, так как приводит к недополучению доходов и увеличению его расходной части.

Данная проблема в будущем может ещё более усугубиться, потому что, в соответствии с существующим законодательством, то имущество, которое не подпадает под целевые функции муниципалитетов, либо подлежит приватизации, либо должно переходить в собственность субъектов Российской Федерации. Однако, поскольку функции муниципалитетов постоянно расширяются, продолжение «сброса» имущества может оставить их без собственности, необходимой для реализации их функций. По мнению С.Д. Валентя, необходимо прекратить процесс межмуниципального разделения имущества. Поселения должны быть только ответственными пользователями по отношению к объектам муниципального имущества, с правом присвоения арендных платежей, но без права отчуждения этой собственности в той или иной форме. Это поможет

остановить тенденцию утраты экономически и социально значимых объектов муниципальной собственности, создав устойчивые финансовые источники и бюджетные механизмы её функционирования.

Фактором, затрудняющим эффективное функционирование местного самоуправления, является низкий кадровый потенциал, который играет ключевую роль в обеспечении экономического роста. Академик А.Г. Аганбегян связывает это «...с возросшей сложностью объекта управления, изменчивостью внешних условий, скоростью инноваций, обширностью информации, процессами интеграции и т.д.».

Следующий ограничивающий фактор – слабость информационного обеспечения, что проявляется в первую очередь в отсутствии полномасштабной системы муниципальной статистики, формируемой на единой методологической основе. Органы государственной статистики не обеспечивают потребности муниципальных образований, прежде всего поселений, в информации, необходимой конкретному муниципалитету для принятия решений. В то же время задачи развития территорий не могут быть до конца реализованы в полной мере без серьёзного анализа ситуации, сложившейся как в целом по региону, так и в отдельных муниципальных образованиях.

Развитию института местного самоуправления препятствует также низкая эффективность взаимодействия со «стратегическими субъектами» развития российских территорий, обусловленная в основном несовпадением интересов. В число стратегических субъектов входят администрации регионов и муниципальных образований, федеральные министерства и ведомства, естественные монополии, бизнес-сообщество (инвесторы, промышленные предприятия и малый бизнес), население и др.

Что касается населения, то большинство россиян не связывают решение своих проблем с местной администрацией, равнодушно относятся к предложениям властей, не желают принимать участие в самоуправлении. Несмотря на то, что Федеральный закон № 131 задал мощный импульс развитию потенциала прямой демократии, все же он используется не в полную меру. Все попытки сформировать процедуры участия граждан в выявлении приоритетных проблем

местного сообщества, обсуждении вариантов их решения и внедрения в повседневную практику неизменно наталкиваются на отсутствие механизмов общественного участия, дефицит информации на местном уровне, незнание населением своих прав и возможностей, общее недоверие к государству в лице его многочисленных чиновников.

В Вологодском регионе принятый в сентябре 1994 г. Законодательным Собранием закон «О местном самоуправлении в Вологодской области» закрепил так называемую районную модель местного самоуправления. Были сформированы двадцать восемь муниципальных образований, из них два – в городах Вологде и Череповце и двадцать шесть – в районах. Однако десятилетний опыт возрождения института местного самоуправления выявил ряд проблем, которые требовали корректировки политики в отношении этого института власти, формирования муниципальных образований не только на уровне районов, но и поселений.

С 2006 года, согласно 131-ФЗ, Вологодская область приступила к созданию двухуровневой модели местного самоуправления. Было создано 372 муниципальных образования, из них: 2 городских округа, 26 районных муниципальных образований, 344 городских и сельских поселения. В новых муниципальных образованиях проведены выборы глав и депутатов, сформированы легитимные органы власти поселений. Принят ряд областных законов о передаче органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий в различных сферах деятельности.

Однако, как показала практика, институт местного самоуправления не смог реализовать заложенный в нём потенциал. Исследования, проводимые ИСЭРТ РАН по оценке эффективности функционирования в Вологодской области института местного самоуправления³⁷³, свидетельствуют о том, что за период 2006–2013 гг. существенно сократилась доля глав муниципалитетов, положи-

³⁷³ Анкетный опрос глав муниципальных образований (муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений) Вологодской области по исследованию условий, итогов реформирования и проблем функционирования местного самоуправления в регионе проводится в мониторинговом режиме с 2007 г. На вопросы анкеты (30–40 вопросов) ежегодно отвечают 190–210 глав муниципальных образований из 283–372 (в 2008–2013 гг. в Вологодской области проходил процесс объединения сельских поселений, в результате общее количество муниципальных образований сократилось на 89), что позволяет обеспечить ошибку выборки 4–5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2014 года по итогам 2013 года.

тельно оценивающих результаты изменений, прошедших в рамках реформирования местного самоуправления: с 57 до 42% – глав муниципальных районов, с 78 до 46% – городских поселений и с 64 до 46% – сельских (табл. 5.4.2).

Таблица 5.4.2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете результаты изменений, проводимых в рамках реформы местного самоуправления применительно к Вашему муниципальному образованию?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.
Положительно	57,1	42,1	77,8	45,5	63,5	46,2
Ситуация не изменилась	42,9	21,1	0,0	36,4	21,2	33,8
Отрицательно	0,0	36,8	22,2	18,2	15,3	20,0

Источники: База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 2007–2014 гг.; Результаты опроса за предыдущие годы опубликованы, например, в работах: Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 196 с.; Ворошилов Н.В. Институт местного самоуправления сегодня (по материалам опроса глав муниципальных образований Вологодской области) // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 49-62.

Такая ситуация во многом обусловлена сохраняющимися проблемами в социально-экономическом развитии территорий. В особенно тяжёлом положении оказались сельские поселения области, более чем в половине которых остро стоит вопрос формирования собственной экономической базы (как «очень плохое» положение дел в этой сфере оценил 61% глав администраций), развития дорожно-транспортной инфраструктуры (44%), трудоустройства населения (55%) (табл. 5.4.3). Потенциальную угрозу функционированию сельских поселений создает неблагоприятная демографическая ситуация (так считают почти 64% руководителей сельских поселений): в результате сокращения численности населения происходит деградация сложившейся системы расселения, потеря контроля над землями, разрушение инфраструктуры и т.д.

Таблица 5.4.3. Оценка состояния муниципального образования по нижеследующим параметрам по итогам 2013 г. (в % от числа ответивших)

Параметр	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	хорошее	удовлетворительное	плохое и очень плохое	хорошее	удовлетворительное	плохое и очень плохое	хорошее	удовлетворительное	плохое и очень плохое
Доступность и качество услуг сферы образования	73,7	26,3	0,0	41,7	58,3	0,0	34,9	60,4	4,7
Доступность и качество услуг сферы здравоохранения	15,8	63,2	21,1	0,0	50,0	50,0	24,7	52,0	23,3
Трудоустройство	15,8	78,9	5,3	8,3	33,3	58,3	4,7	40,5	54,7
Материальное благосостояние населения	10,5	84,2	5,3	0,0	58,3	41,7	4,0	60,7	35,3

Окончание таблицы 5.4.3

Обеспеченность населения жильем	21,1	63,2	15,8	8,3	33,3	58,3	11,8	54,2	34,0
Жилищно-коммунальное обслуживание	10,5	78,9	10,5	8,3	75,0	16,7	9,0	69,0	22,1
Отдых и культура	61,1	38,9	0,0	45,5	36,4	18,2	25,0	68,2	6,8
Обеспечение общественной безопасности	52,6	36,8	10,5	16,7	75,0	8,3	20,5	74,0	5,5
Экология (воздух, вода и др.)	84,2	5,3	10,5	41,7	41,7	16,7	57,8	35,4	6,8
Экономическое развитие	15,8	63,2	21,1	8,3	33,3	58,3	5,4	34,0	60,5
Демографическая ситуация	5,3	73,7	21,1	8,3	33,3	58,3	4,1	32,0	63,9
Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры	0,0	63,2	36,8	9,1	18,2	72,7	8,7	47,7	43,6
Диверсифицированность экономики	5,3	63,2	31,6	0,0	45,5	54,5	1,7	43,3	55,0
Обеспеченность населения транспортными услугами	22,2	50,0	27,8	41,7	41,7	16,7	13,9	54,2	31,9
Обеспеченность населения услугами связи (Интернет, мобильная связь)	26,3	68,4	5,3	50,0	50,0	0,0	33,3	39,5	27,2

Основной идеей, заложенной в ФЗ №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», является повышение самостоятельности муниципальных образований в принятии управленческих решений по организации всей жизнедеятельности на данной территории. Однако в действительности складывается обратная ситуация: возможности по решению имеющихся проблем и управлению развитием муниципального образования сокращаются. На это в 2013 г. указали 26% глав муниципальных районов, 25% – глав городских (что в 1,5 раза выше, чем в 2006 г.) и 12% – сельских поселений (табл. 5.4.4).

Табл. 5.4.4. Оценка изменения возможностей для управления социально-экономическим развитием муниципального образования (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.
Да, возможностей для управления развитием стало больше	25	31,6	58,3	25,0	45,2	17,3
Ничего принципиально не изменилось	62,5	42,1	25	50,0	41,3	70,7
Нет, возможностей для управления развитием стало меньше	12,5	26,3	16,7	25,0	8,7	12,0

В связи с созданием поселенческого уровня местного самоуправления возникла необходимость разделения экономической базы между поселениями и

районами. Анализ районных бюджетов показывает, что произошедшие в результате реформирования местного самоуправления изменения в доходных источниках значительно ухудшили бюджетную ситуацию в районном звене. Снижение нормативов отчислений от налогов и сборов в районные бюджеты привело в 2006 году к существенному снижению их собственных доходов³⁷⁴. Так, если в 2005 году в семи муниципальных районах доля собственных доходов в общем объеме средств достигала 50% и более, то в 2006 г. ни один из районов области не смог самостоятельно сформировать свой бюджет даже наполовину.

Оценивая свои возможности в решении проблем в различных сферах функционирования муниципального образования, главы отмечают, что меньше всего они могут повлиять на решение проблемы безработицы и трудоустройства населения (58% руководителей городских и 68% сельских поселений), обеспечения населения жильем (75 и 62 %), формирования и развития экономической базы в муниципальном образовании (36% и 63 %), привлечения туристов (75 и 59 % соответственно), проблем в жилищно-коммунальном хозяйстве (в своих ответах на это указали 50% глав городских и 53% – сельских поселений, 32% глав районов).

Отсутствие у органов местного самоуправления возможности эффективно решать вопросы социально-экономического развития муниципальных образований объясняется нерешённостью ряда проблем. Наиболее значимыми среди них, по мнению руководителей администраций, являются:

- несовершенство законодательства, касающегося вопросов функционирования и развития местного самоуправления;
- недостаточность финансовых ресурсов (дефицит собственных доходных источников, недостаточность финансовой поддержки со стороны государства);
- низкая эффективность взаимодействия с органами государственной власти («бюрократические проволочки», отсутствие согласованности программ-

³⁷⁴ Например, уменьшение в Вологодском районе норматива отчислений от уплаты налога на доходы физических лиц (одного из наиболее значимых) с 84 до 29,9 % привело к сокращению объема поступлений в бюджет более чем в 2,2 раза.

ных документов, направленных на развитие территории, противоречивость системы разграничения полномочий и др.);

– отсутствие полной и достоверной информации о социально-экономическом развитии муниципалитета и его налогового потенциала;

– пассивность местного населения и отсутствие механизмов учёта балансов интереса бизнеса, власти и населения в процессе развития территории.

В большинстве муниципальных образований остро стоит проблема недостаточной обеспеченности финансовыми ресурсами. В особенно тяжелой ситуации оказались сельские поселения, 78% глав которых (как и глав районов) в 2013 г. оценили обеспеченность собственными доходами как крайне низкую и низкую (табл. 5.4.5). Вместе с тем нельзя не отметить появление за 2006–2013 гг. среди руководителей администраций городских поселений тех, кто отмечает высокую наполняемость бюджетов за счет собственных доходов (18%).

Таблица 5.4.5. Распределение ответов руководителей администраций на вопрос: «Оцените, пожалуйста, обеспеченность Вашего муниципального образования собственными доходами и доходами всего» (в % от числа ответивших)

Муниципальные образования	Обеспеченность доходами в целом				Обеспеченность собственными доходами			
	крайне низкая (0-30%)	низкая (31-60%)	средняя (61-90%)	высокая (более 90%)	крайне низкая (0-30%)	низкая (31-60%)	средняя (61-90%)	высокая (более 90%)
2006 г.								
Муниципальные районы	40,0	40,0	0,0	20,0	85,8	14,2	0,0	0,0
Городские поселения	40,0	40,0	0,0	20,0	63,7	27,3	9,0	0,0
Сельские поселения	40,1	23,4	31,7	4,8	87,2	7,8	4,0	1,0
2013 г.								
Муниципальные районы	0,0	52,9	47,1	0,0	11,1	66,7	22,2	0,0
Городские поселения	9,1	45,5	36,4	9,1	27,3	27,3	27,3	18,2
Сельские поселения	23,4	32,8	40,9	2,9	49,3	28,6	19,3	2,9

На протяжении всего послереформенного периода большинство местных бюджетов формируются в основном за счет предоставляемых дотаций и субвенций и субсидий из вышестоящих бюджетов, однако даже с учетом финансовой помощи ресурсная обеспеченность местного самоуправления (доходами в целом) остается по-прежнему недостаточной (56% руководителей городских администраций, 55% – сельских и 53% – муниципальных районов выбрали в

2013 г. варианты ответа «низкая» и «крайне низкая» обеспеченность). А с учётом сокращения объёма перечислений со стороны государства в период финансово-экономического кризиса проблема наполнения бюджетов обострилась ещё больше.

В российской практике муниципального управления этот вопрос решается преимущественно путем межмуниципального раздела имущества. Вологодская область не стала исключением. В регионе с 2009 г. проводились работы по разграничению имущества как на уровне «район – область» («область – район»), так и на уровне «район – поселение» («поселение – район»). Однако, как показывают опросы глав, в основном произошла передача имущества, непосредственно связанного с решением вопросов местного значения и реализации переданных полномочий. За последние четыре года доля глав, оценивающих обеспеченность таким имуществом как среднюю, выросла с 0 до 40 % в городских и с 12,3 до 29,9 % в сельских поселениях (табл. 5.4.6).

Таблица 5.4.6. Распределение ответов руководителей администраций на вопрос: «Оцените, пожалуйста, обеспеченность Вашего муниципального образования имуществом» (в % от числа ответивших)

Муниципальные образования	Обеспеченность имуществом			
	крайне низкая (0-30%)	низкая (31-60%)	средняя (61-90%)	высокая (более 90%)
2009 год				
Имущество для решения вопросов местного значения и реализации переданных полномочий				
Муниципальные районы	3,8	53,8	42,3	0,0
Городские поселения	45,5	54,5	0,0	0,0
Сельские поселения	48,4	38,7	12,3	0,6
Имущество коммерческое				
Муниципальные районы	15,4	69,2	15,4	0,0
Городские поселения	100,0	0,0	0,0	0,0
Сельские поселения	70,8	26,0	3,2	0,0
2013 год				
Имущество для решения вопросов местного значения и реализации переданных полномочий				
Муниципальные районы	5,6	44,4	44,4	5,6
Городские поселения	10,0	50,0	40,0	0,0
Сельские поселения	26,8	43,3	29,9	0,0
Имущество коммерческое				
Муниципальные районы	16,7	55,6	27,8	0,0
Городские поселения	63,6	27,3	9,1	0,0
Сельские поселения	55,2	35,2	8,8	0,8

При этом имущество для решения вопросов местного значения и реализации переданных полномочий зачастую имеет большой моральный и физический износ и не может быть использовано для пополнения доходной части

бюджетов муниципальных образований. В частности, это объекты социальной инфраструктуры. У муниципальных образований не хватает средств на их содержание. А учитывая их специфику, которая выражается в том, что, во-первых, значительная часть социальных объектов призвана обеспечивать социальные гарантии обществу, во-вторых, цены на продукты и услуги, предоставляемые объектами социальной инфраструктуры, недостаточны даже для поддержания их жизнеспособности, – говорить о каких-либо доходах от использования этих объектов не приходится.

С переходом к двухуровневой системе организации местного самоуправления в каждом муниципальном образовании должен быть сформирован собственный профессиональный персонал для управления развитием и ключевыми сферами жизнеобеспечения. И хотя в 2013 г. по сравнению с 2006 годом ситуация существенно улучшилась, но до сих пор не во всех муниципальных образованиях эта проблема полностью решена. Почти четверть и более глав районов и городских поселений оценили обеспеченность местной администрации кадрами как крайне низкую и низкую (табл. 5.4.7).

Таблица 5.4.7. Распределение ответов руководителей администраций на вопрос: «Оцените, пожалуйста, обеспеченность Вашего муниципального образования кадрами» (в % от числа ответивших)

Муниципальные образования	Обеспеченность кадрами			
	крайне низкая (0-30%)	Низкая (31-60%)	средняя (61-90%)	высокая (более 90%)
2006 год				
Муниципальные районы	20,0	20,0	40,0	20,0
Городские поселения	20,0	0,0	80,0	0,0
Сельские поселения	27,4	12,9	42,0	17,7
2013 год				
Муниципальные районы	0,0	36,8	52,6	10,5
Городские поселения	9,1	18,2	45,5	27,3
Сельские поселения	4,8	13,6	59,9	21,8

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что пока, по мнению большинства глав, уровень профессионализма и компетентности муниципальных служащих можно оценить только как удовлетворительный (в 2013 г. – 47% руководителей муниципальных районов, 50% – городских поселений и 52% – сельских) (табл. 5.4.8).

Таблица 5.4.8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень квалификации муниципальных служащих Вашего муниципального образования?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.
Достаточный	25,0	42,1	41,7	33,3	17,8	41,1
Удовлетворительный	75,0	47,4	58,3	50,0	69,1	52,3
Недостаточный	0,0	10,5	0,0	16,7	13,1	6,6

Кроме кадрового дефицита и отсутствия необходимой квалификации у муниципальных служащих, главами местного самоуправления признается и недостаточный уровень собственных знаний. Так, на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень своей квалификации?» – в 2013 году только 42% глав городских поселений и 27% – сельских ответили, что он достаточен для управления муниципальным образованием (табл. 5.4.9).

Таблица 5.4.9. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень своей квалификации?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.
Достаточный	50,0	77,8	33,3	41,7	20,8	27,3
Удовлетворительный	50,0	22,2	66,7	25,0	61,4	58,7
Недостаточный	0,0	0,0	0,0	33,3	18,8	14,0

По признанию глав, им не хватает знаний в первую очередь для решения юридических вопросов, а также в области информационных технологий, экономики, земельного и имущественного управления и управления муниципальным образованием в целом.

Наибольшее влияние на жизнедеятельность муниципалитета, по мнению глав, оказывают региональные (78% глав муниципальных районов, 75% – городских и 78% – сельских поселений) и федеральные (67; 50 и 52% соответственно; табл. 5.4.10) власти.

Таблица 5.4.10. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего муниципального образования?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные районы		Городские поселения		Сельские поселения	
	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.
От органов государственной власти региона	62,5	77,8	58,3	75,0	44,9	78,1
От федеральных органов власти	50,0	66,7	58,3	50,0	42,1	51,7
От самих жителей	25,0	27,8	50,0	41,7	54,2	59,6
От органов местного самоуправления	50,0	50,0	16,7	66,7	16,8	55,0
От главы муниципального образования	12,5	55,6	0,0	33,3	8,4	42,4
От частного бизнеса	12,5	16,7	16,7	41,7	12,1	19,2

За восемь лет (с 2006 г.) увеличилось количество руководителей местных администраций, считающих, что развитие их муниципалитетов в наибольшей степени зависит от региональных органов власти (в 1,3 раза среди глав городских поселений, в 1,7 и 1,2 раза – сельских поселений и муниципальных районов соответственно). Роль органов местного самоуправления постепенно повышается. Количество отмечающих это руководителей администраций выросло с 17 до 67 % в городских и с 17 до 55 % в сельских поселениях.

Однако пока эффективность взаимодействия между регионом и входящими в его состав муниципальными образованиями остается недостаточной. Отчасти это можно объяснить тем, что ещё в соответствии с Конституцией 1993 года местное самоуправление было выведено из состава государственных органов власти и до настоящего времени и у федеральных, и у региональных властей отсутствует чёткое представление о месте и роли органов местного самоуправления в развитии территории.

По оценкам глав, среди основных причин низкой эффективности взаимодействия всех органов публичной власти можно выделить: финансовую зависимость муниципальных органов (на это указали 89% руководителей муниципальных районов, 40% – городских администраций и 64% – сельских), отсутствие у органов государственной власти информации о реальной ситуации в муниципалитетах (56, 60 и 64 % соответственно), отсутствие дифференциальной политики по отношению к территориям с разным уровнем социально-экономического развития (39, 40 и 32 %), противоречивость системы разграничения полномочий (62, 70 и 26 %) и бюрократические препятствия взаимодействию (табл. 5.4.11).

Таблица 5.4.11. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, в первую очередь препятствует эффективному взаимодействию между органами государственной власти и местного самоуправления Вологодской области?», в 2013 г. (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Муниципальные образования		
	муниципальные районы	городские поселения	сельские поселения
Отсутствие у органов государственной власти информации о реальной ситуации в муниципалитетах	55,6	60,0	64,2
Финансовая зависимость самоуправления от органов государственной и прежде всего региональной власти	88,9	40,0	63,5
Отсутствие дифференциальной региональной политики по отношению к территориям с разным уровнем социально-экономического развития	38,9	40,0	32,4

Окончание таблицы 5.4.11

Вариант ответа	Муниципальные образования		
	муниципальные районы	городские поселения	сельские поселения
Ориентация органов государственной власти на взаимодействие с районными администрациями	16,7	40,0	29,1
Противоречивость системы разграничения полномочий	61,1	70,0	25,7
Бюрократические проволочки и препоны со стороны региональных органов власти	33,3	20,0	20,9
Гипертрофированный государственный контроль за деятельностью органов местного самоуправления	27,8	30,0	17,6
Существующие разногласия между муниципальными и региональными властями, нежелание последних согласовывать свои и муниципальные интересы	11,1	10,0	14,2
Отсутствие заинтересованности у органов региональной власти в самостоятельном развитии муниципальных образований	22,2	40,0	13,5
Несвоевременное получение информации об изменениях в нормативно-правовых документах	0,0	0,0	10,8
Недостаток технических средств связи	5,6	0,0	6,8

Об ориентации органов государственной власти на взаимодействие в основном лишь с районами высказались 40 и 29 % ответивших глав городских и сельских поселений. Такая позиция приводит к невозможности своевременно реагировать на нужды поселений, искажает реальную ситуацию, ограничивает равенство прав муниципальных образований. Отчасти это объясняется значительным количеством муниципальных образований. В подобной ситуации региональным органам приходится взаимодействовать с большим числом местных администраций и представительных органов. В связи с этим наблюдается качественное усложнение функций управления социально-экономическим развитием территорий на субрегиональном уровне.

Кроме того, руководители администраций отмечают чрезмерное административное регулирование деятельности органов местного самоуправления («гипертрофированный» государственный контроль) – 28% глав муниципальных районов, 30% – городских и 18% – сельских поселений. Отвечая на вопрос об эффективности взаимодействия с региональными и федеральными органами власти, большинство руководителей местных администраций дают низкие и удовлетворительные оценки (табл. 5.4.12).

Таблица 5.4.12. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, изменилась ли результативность взаимодействия с перечисленными ниже институтами в 2013 г. по сравнению с 2012 г.?» (в % от числа ответивших)

Институт	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	Эффективность взаимодействия			Эффективность взаимодействия			Эффективность взаимодействия		
	низкая	удовлетворительная	высокая	низкая	удовлетворительная	высокая	низкая	удовлетворительная	высокая
Законодательное Собрание Вологодской области	0,0	66,7	33,3	50,0	50,0	0,0	27,1	67,1	5,7
Департамент государственной службы и кадровой политики	0,0	76,5	23,5	25,0	50,0	25,0	15,9	77,5	6,5
Департамент внутренней политики Правительства области	0,0	61,1	38,9	25,0	50,0	25,0	19,0	69,3	11,7
Департамент финансов	5,3	63,2	31,6	25,0	50,0	25,0	15,7	70,7	13,6
Департамент экономического развития	18,8	62,5	18,8	58,3	41,7	0,0	42,5	54,3	3,1
Государственно-правовой департамент Правительства области	0,0	72,2	27,8	0,0	75,0	25,0	8,0	63,8	28,3
Департамент имущественных отношений	6,3	62,5	31,3	16,7	58,3	25,0	26,2	69,2	4,6
Департамент строительства и жилищно-коммунального хозяйства	6,3	50,0	43,8	25,0	50,0	25,0	32,1	61,1	6,9
Департамент сельского хозяйства и продовольственных ресурсов	0,0	57,1	42,9	50,0	50,0	0,0	49,6	49,6	0,8
Департамент лесного комплекса	33,3	55,6	11,1	50,0	50,0	0,0	55,4	43,1	1,5
Департамент дорожного хозяйства и транспорта	33,3	44,4	22,2	50,0	41,7	8,3	37,8	60,0	2,2
Департамент социальной защиты населения	0,0	47,1	52,9	30,0	40,0	30,0	18,8	74,4	6,8
Департамент здравоохранения	11,8	76,5	11,8	60,0	40,0	0,0	44,7	53,0	2,3
Департамент образования	0,0	64,7	35,3	60,0	10,0	30,0	35,6	62,9	1,5
Департамент труда и занятости населения	0,0	66,7	33,3	50,0	30,0	20,0	39,8	60,2	0,0
Региональная энергетическая комиссия	13,3	60,0	26,7	0,0	70,0	30,0	18,9	69,7	11,4
Управление Федерального казначейства	11,8	70,6	17,6	0,0	50,0	50,0	4,3	76,8	18,8
Управление Федеральной налоговой службы	23,5	64,7	11,8	36,4	45,5	18,2	24,3	65,7	10,0
Главное управление МЧС по Вологодской области	5,6	72,2	22,2	9,1	72,7	18,2	17,0	71,1	11,9
Управление Роспотребнадзора по Вологодской области	18,8	68,8	12,5	10,0	60,0	30,0	16,5	74,1	9,4
Общественная палата Вологодской области	16,7	77,8	5,6	60,0	30,0	10,0	61,4	37,0	1,6
Корпорация развития Вологодской области	27,8	66,7	5,6	30,0	70,0	0,0	57,7	40,7	1,6
Куратор Вашего муниципального района из числа руководителей органов исполнительной власти области	10,5	47,4	42,1	20,0	30,0	50,0	21,6	59,5	19,0
Органы местного самоуправления поселений	0,0	56,3	43,8	0,0	50,0	50,0	0,8	59,4	39,8
Органы местного самоуправления районов	13,3	66,7	20,0	10,0	60,0	30,0	7,3	64,2	28,5

Окончание таблицы 5.4.12

	Муниципальные образования								
	муниципальные районы			городские поселения			сельские поселения		
	Эффективность взаимодействия			Эффективность взаимодействия			Эффективность взаимодействия		
	низкая	удовлетворительная	высокая	низкая	удовлетворительная	высокая	низкая	удовлетворительная	высокая
Инвестиционный уполномоченный района	0,0	68,8	31,3	37,5	50,0	12,5	56,1	39,8	4,1
Совет муниципальных образований Вологодской области	11,1	61,1	27,8	22,2	66,7	11,1	22,1	64,7	13,2
Местный бизнес	21,1	73,7	5,3	10,0	60,0	30,0	25,4	60,7	13,9
Средние профессиональные (специальные) учебные заведения	12,5	81,3	6,3	37,5	50,0	12,5	50,9	46,2	2,8
Общественные объединения граждан	11,8	82,4	5,9	9,1	63,6	27,3	36,4	51,7	11,9
Молодежные объединения граждан (Молодежный парламент и др.)	16,7	61,1	22,2	30,0	60,0	10,0	41,9	53,8	4,3

Как показывают опросы, главы местных администраций большое значение придают потенциалу жителей, который, по их мнению, выступает не только условием повышения уровня жизни, но и главным качественным критерием прогрессивного социально-экономического развития муниципального образования, поскольку предполагает личную инициативу граждан, чувство их ответственности за дела местного сообщества. Поэтому одной из главных задач местного самоуправления является активизация участия различных социальных групп в управлении муниципальным образованием.

Определенные успехи в решении этой задачи есть. Так, 35% глав муниципальных районов, 36% – городских и 25% – сельских поселений отмечают увеличение интереса граждан к преобразованиям, происходящим в муниципальных образованиях. Но в целом, по мнению большей части руководителей местных администраций, на протяжении 2006–2013 гг. активного участия в осуществлении местного самоуправления среди населения не наблюдается (преобладают варианты ответа «активность населения осталась без изменений») (табл. 5.4.13).

Таблица 5.4.13. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, изменилась социальная активность населения за предыдущий год?» (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.	2006 г.	2013 г.
Активность населения повысилась	25,0	35,3	33,3	36,4	25,5	24,7
Активность населения осталась без изменений	75,0	64,7	66,7	54,5	68,8	64,7
Активность населения понизилась	0,0	0,0	0,0	9,1	5,7	10,7

Подводя итоги изучения функционирования института местного самоуправления в пореформенный период, мы приходим к заключению о том, что, несмотря на несомненные успехи, не удалось разрешить ряд весьма серьезных проблем (недостаточность ресурсной базы, инертность местных жителей и др.). До сих пор органы местного самоуправления не смогли активно приступить к выполнению возложенных на них функций, и это отодвигает реализацию заявленных в ФЗ-131 целей на более поздние сроки. По оценкам подавляющего большинства глав муниципальных образований (83% – муниципальных районов, 80% – городских поселений и 88% – сельских) для достижения этих целей потребуется более трех лет.

Следует также отметить, что институт местного самоуправления находится в постоянном процессе реформирования. В Федеральный закон №131 за 10 лет было внесено более 100 изменений, которые приводили к закреплению новых вопросов местного значения, уточнению и изменению элементов системы муниципального управления и др.

Президентом РФ В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию в декабре 2013 г. была обозначена необходимость решения вопросов по укреплению финансово-экономических основ муниципальных образований, урегулированию системы разграничения полномочий и повышению роли и значимости института местного самоуправления. В итоге без значительного общественного обсуждения Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ внесены важные изменения в 131-ФЗ, которые предусматривают следующее:

1. Введение двух новых видов муниципальных образований: городской округ с внутригородским делением и внутригородской район.

2. В соответствии с законами субъектов РФ прямые выборы главы муниципального образования могут быть заменены выборами главы представительным органом из своего состава или выборный глава муниципального образования возглавляет представительный орган муниципального образования. До принятия 136-ФЗ порядок формирования (избрания) органов местного самоуправления определялся на местном уровне (уставами муниципальных образо-

ваний), а в настоящее время – законами субъектов РФ, которые вынуждены действовать в соответствии с федеральными нормами, ослабляя таким образом формально ни от кого не зависящее (по Конституции РФ) местное самоуправление.

3. С 1 января 2015 г. сокращено количество вопросов местного значения сельских поселений до 13, а в городских поселениях их остаётся 39. Законами субъекта РФ и принятыми в соответствии с ними Уставом муниципального района и уставами сельских поселений за сельскими поселениями могут закрепляться также вопросы местного значения городских поселений.

4. В поселениях половина конкурсной комиссии по назначению главы местного самоуправления по контракту («сити-менеджер») назначается представительным органом, половина – главой муниципального района (ранее в предыдущей версии закона – полностью представительным органом). В остальных типах муниципальных образований: половина – представительным органом (ранее – две трети), половина – высшим должностным лицом субъекта РФ (ранее – треть законодательным органом субъекта РФ).

В Вологодской области в соответствии с Законом Вологодской области от 13 ноября 2014 г. № 3474-ОЗ «О закреплении за сельскими поселениями области вопросов местного значения городских поселений» на уровне сельских поселений дополнительно к 13-ти (по 131-ФЗ) будут также решаться следующие вопросы местного значения:

1) создание условий для массового отдыха жителей поселения и организация обустройства мест массового отдыха населения, включая обеспечение свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговым полосам;

2) организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора;

3) организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения;

4) обеспечение выполнения работ, необходимых для создания искусственных земельных участков для нужд поселения, проведение открытого аукциона

на право заключить договор о создании искусственного земельного участка в соответствии с федеральным законом;

5) организация в границах поселения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации (до 1 января 2016 г.);

6) дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения и обеспечение безопасности дорожного движения на них, включая создание и обеспечение функционирования парковок (парковочных мест), осуществление муниципального контроля за сохранностью автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации (до 1 января 2016 г.).

Что касается порядка формирования органов местного самоуправления, то в соответствии с Законом Вологодской области от 10 декабря 2014 г. № 3529-ОЗ «О некоторых вопросах организации и деятельности органов местного самоуправления на территории Вологодской области» глава муниципального образования в городских округах (Вологда и Череповец), муниципальных районах области, городских поселениях будет избираться представительным органом соответствующего муниципального образования из своего состава и исполнять полномочия его председателя с правом решающего голоса. Главы же местных администраций будут назначаться представительным органом муниципального образования по контракту, заключаемому по результатам конкурса на замещение указанной должности, проводимого конкурсной комиссией. Таким образом, предполагается разделить полномочия и ответственность главы муниципального образования и главы местной администрации («сити-менеджера»). Главы сельских поселений будут избираться на муниципальных выборах, входить в состав представительного органа муниципального образо-

вания с правом решающего голоса и исполнять полномочия его председателя и полномочия главы местной администрации.

Представительные органы муниципального района в соответствии с этим законом формируются из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава в соответствии с равной независимо от численности населения поселения нормой представительства поселений. Установлены 5-летние сроки полномочий представительного органа и главы муниципального образования.

Первым главой муниципального образования, избранным по новой системе формирования органов местного самоуправления, стал Юрий Бушковский, который 27 апреля 2015 г. на заседании Совета городского поселения города Красавино был избран главой из числа депутатов Совета.

Первым главой муниципального района в Вологодской области, избранным по новой системе формирования местной власти, стала Нина Истомина, которую избрали 25 июня 2015 г. главой Нюксенского района (до этого она работала в должности главы Нюксенского муниципального образования – сельского поселения). За её кандидатуру проголосовали 14 из 15 присутствовавших на заседании депутатов Представительного Собрания.

Вместе с тем, на наш взгляд, ускоренный переход к назначению глав местных администраций в районах, городских округах и городских поселениях по контракту недостаточно обоснован и не приведёт к достижению целей реформирования местного самоуправления. Анализ опыта функционирования системы «сити-менеджеров» в Вологодской области в некоторых муниципалитетах позволяет утверждать, что она не показала своей эффективности или преимуществ перед непосредственным избранием населением главы муниципального образования, который возглавляет местную администрацию. Так, в Великоустюгском районе и в г. Великий Устюг в 2011–2015 гг. возникали проблемы как с избранием главы муниципального образования, так и назначением главы администрации («сити-менеджера»). Возникали трудности и в разделении между ними полномочий и конкретной ответственности за развитие города и района.

Кроме того, Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ в 131-ФЗ практически без широкого обсуждения были внесены очередные изменения, согласно которым глава муниципального образования может теперь избираться представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавлять местную администрацию (решение о том, какую модель формирования органов местного самоуправления выбрать с 2014 г., принимается региональными властями – законом субъекта РФ). То есть в данном случае «сити-менеджер» является и главой муниципального образования, а население вообще никак не участвует напрямую в формировании исполнительной власти на местах.

И как отмечает политолог Александр Кынев³⁷⁵, реформа МСУ <136-ФЗ от 27 мая 2014 г.> дала региональным властям право, не спрашивая согласия муниципалитетов, решать, какую модель в том или ином муниципалитете вводить и какие полномочия кому оставлять. Этим правом многие губернаторы как раз и воспользовались для отмены прямых выборов мэров. Не вызывает сомнений, что после окончательного принятия данного законопроекта по регионам прокатится новая волна насильственных изменений уставов муниципалитетов и превращения отобранных губернаторскими конкурсными комиссиями сити-менеджеров в единоличных местных руководителей. Получается, что большую часть 1990-х и в начале 2000-х глава муниципального образования в большинстве случаев избирался населением, затем – или населением или депутатами, потом – все чаще депутатами, теперь же глава в большинстве случаев будет избираться ... губернатором. Такое вот, вроде местное, но теперь уже как бы не совсем самоуправление».

На наш взгляд, решение о выборе того или иного способа формирования органов местного самоуправления должно приниматься при широком обсуждении с участием населения муниципалитетов, а не навязываться сверху органами государственной власти. И наиболее оптимальной с этой точки зрения является

³⁷⁵ Кынев А. Реформа втихую: как Дума добивает местное самоуправление [Эл. рес.] // Местное самоуправление. – 2015. – № 1 (294). – С. 1–3. – Реж. дост.: <http://emsu.ru/lg/pdf/msu-1501.zip>.

модель, когда население избирает главу муниципального образования и он возглавляет местную администрацию.

Таким образом, внесённые в 2014–2015 гг. в Федеральный закон 131-ФЗ изменения в очередной раз не направлены на улучшение финансово-экономических условий существования муниципалитетов и разграничение (урегулирование) полномочий между уровнями власти. По нашему мнению, необходимо повышение эффективности государственного управления в части развития территорий. Ключевыми мерами здесь могут быть принятие стратегии пространственного развития страны, схемы размещения и развития производительных сил (в том числе в субъектах РФ), концепции региональной политики, концепции развития института местного самоуправления; наличие территориального аспекта во всех стратегических документах; реализация комплексного подхода к развитию муниципальных образований; осуществление мероприятий по чёткому разграничению полномочий и ответственности между всеми уровнями власти, подкреплённых необходимым объёмом средств на их исполнение.

Исследования ИСЭРТ РАН убедительно доказывают, что в создании условий для эффективного функционирования института местного самоуправления и всего муниципального уровня власти особую роль должны играть формирование финансово-экономических основ и их тесное взаимодействие. Важным направлением активизации развития локальных территорий является укрепление межмуниципального сотрудничества, ориентированного на эффективное использование имеющихся ресурсов и потенциала муниципалитетов.

Передача на муниципальный уровень полномочий по обеспечению жизнедеятельности населения, оказанию общественных услуг, формированию экономической базы территории сопровождается многочисленными проблемами локальных территорий: незавершённостью процесса разграничения полномочий между уровнями власти; слабой обеспеченностью муниципальных образований собственными финансовыми и имущественными ресурсами; низким кадровым

потенциалом; неэффективным сотрудничеством с органами государственной власти; пассивностью местного населения в решении вопросов местного значения и др.

Однако очевидно и другое: сам факт появления Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г.), целью которого являлось укрепление института местного самоуправления, обеспечение его организационной и финансовой независимости, свидетельствует о понимании высшими органами государственной власти объективной необходимости усиления его роли в обеспечении устойчивого развития территорий.

Подводя итоги последней главы, которую мы решили посвятить тенденциям и факторам развития гражданского общества, хотелось бы отметить, что в результате 20-летней трансформации в российском социуме сложился ряд объективных обстоятельств, препятствующих его внутренней готовности к проявлению гражданских инициатив. Это недоверие власти, начало которому было положено еще в 1990-х гг. и которое поддерживается высоким уровнем социально-экономической дифференциации, ощущение невозможности влиять на положение дел в стране, социальный атомизм. Важно отметить, что эти причины не только заставляют людей замыкаться в своих интересах и потребностях на микроуровне, но и актуализируют проблему социальной напряженности, которая пока что не отражается на готовности участвовать в акциях протеста, но не ослабевает на латентном уровне. Консолидирующие общество события последних лет (в первую очередь, «крымская весна», а также концептуальные выступления Президента РФ В.В. Путина на международных и внутрироссийских форумах) способствовали росту общественной активности и укреплению гражданского самосознания. Однако нерешенность внутренних социально-экономических проблем, усугубившихся под влиянием международных санкций, пока не позволяет этим позитивным изменениям принять характер тенденции.

Органы власти, понимая, что без диалога с социумом невозможно дальнейшее развитие, принимают меры по «реанимации» гражданского общества в России (в частности, совершенствуется законодательство в области функционирования местного самоуправления и оценки эффективности органов государственной власти, активно поддерживается деятельность Общероссийского народного фронта, регулярно проходят встречи Президента РФ с представителями гражданского общества и т.д.), но этот процесс все еще сталкивается со значительными трудностями в практической реализации.

Ключевым вопросом остается не только то, смогут ли различные слои населения консолидироваться для достижения общих целей, но и то, каким характером будут эти цели обладать; насколько конструктивными они будут. С другой стороны, многое зависит от способности власти эффективно решать ключевые проблемы социума – социально-экономическое неравенство, реализация потребности в социальной справедливости и повышении качества жизни.

В конечном итоге, от того, насколько общество и власть смогут выработать пути конструктивного взаимодействия, будет зависеть как национальная безопасность России, так и ее конкурентоспособность на международной политической арене в ближайшие десятилетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследований, проводимых Институтом социологии РАН и Институтом социально-экономического развития территорий РАН, позволяют наглядно убедиться в том, что российское общество за 20-летний период своей трансформации приобрело качественно новые характеристики; в нем актуализировались качественно новые проблемы и факторы развития, определяющие сегодня конкурентоспособность страны на мировом уровне.

Что будет с российским обществом в ближайшем будущем, предсказать крайне сложно – слишком много факторов, внутренних и внешних, исторических и экономических, субъективных и объективных, определяют сегодня то, что случится с социумом в ближайшие годы. Сегодня можно лишь рассуждать о некоторых потенциалах, которые накоплены и лишь в самых общих чертах задают вектор развития, определяя специфику исторического пути.

В ходе своих рассуждений мы затрагивали вопросы трансформации общественного здоровья, демографической ситуации, психологического состояния, культурно-ценностных мировоззрений, трудового потенциала, уровня и качества жизни, социальной стратификации, гражданского общества и многие другие. Выделяли в них специфические, приобретенные за 20 лет черты, акцентировали внимание на кажущихся нам важными положительных и отрицательных моментах.

Каждая глава монографии начиналась с вопросов, которые, по нашему мнению, представляют особый интерес для науки, власти и общества, и заканчивалась кратким резюме, нашим взглядом на то, что происходит сегодня с российским социумом по каждому рассматриваемому тематическому направлению.

В заключении книги мы бы хотели, не вдаваясь в подробности, расставить некоторые реперные точки, чтобы подытожить итоги наших исследований:

1. 20-летний период трансформации российского общества проходил под воздействием трех одновременно действующих групп факторов: исто-

рически сложившихся ментальных особенностей, естественного процесса эволюции общественных отношений и научно-технического прогресса (то, что является общечеловеческой тенденцией) и, наконец, – специфической только для России чередой исторических событий, оказавших мощное влияние на все слои населения. Пожалуй, эти факторы можно было бы уподобить «врожденным» (первый и второй) и «приобретенным» (третий) особенностям человеческого организма, и, поскольку «врожденных особенностей», как показывают результаты исследований, в российском обществе все-таки больше, очевидно, что «унаследованные» в 1990-х – 2000-х гг. черты рано или поздно должны уступить свое место тем традиционным ориентирам, которые сегодня носят образное название – «русский мир».

2. В результате одновременного воздействия трех перечисленных групп факторов российское общество стало более сложным. Его проблемы нельзя оценить по одним лишь статистическим показателям:

- ✓ проблема уровня жизни уступает место актуальности вопросов, связанных с качеством жизни;
- ✓ при росте уровня доходов обостряется проблема неравенства их распределения;
- ✓ снижение общей смертности сопровождается неослабевающей остротой смертности от внешних причин (особенно от самоубийств), которые в большей степени связаны с социальными отношениями;
- ✓ на фоне роста общего уровня рождаемости наблюдается кризис института брака, ослабление в обществе установки на многодетность;
- ✓ при немногочисленных акциях протеста стабильным остается уровень социальной напряженности, зафиксировать которую можно только по данным социологических опросов и т.д.

Во всех рассматриваемых нами аспектах социума отчетливо проявляется один и тот же признак – существование позитивных и негативных явлений и процессов на латентном уровне. И не просто существование, а

приоритетное развитие: все, что происходит сегодня с российским обществом, видно прежде всего на субъективном уровне, на уровне ценностей, настроений, тревог, надежд и ожиданий. Это сложнее и для научного познания, и для принятия управленческих решений. Однако в первую очередь это является доказательством эволюции, а не деградации российского социума, несмотря на то, что для последней стихийно и целенаправленно были «созданы» все условия.

3. Именно в связи с тем, что нынешний российский социум стал качественно более сложным, чем 20 лет назад (а ведь он и без того был непростым, если учесть особенности российского менталитета и многонациональную структуру населения), ключевым инструментом его познания становится социологическая наука. Отечественная социология за всю историю своего развития накопила значительный багаж фундаментальных знаний, опыта организации социологического образования, проведения прикладных исследований. В ней существует много проблем, однако, несмотря на это, сегодня перед социологией стоит задача максимального приближения к процессу принятия управленческих решений, максимального использования своего потенциала. «Мы привыкли к довольно мягкой формуле «социологическое сопровождение» разных мероприятий, подготовки проектов... но этого недостаточно, надо более глубоко и серьезно смотреть на пути взаимодействия. Речь идет не о сопровождении, а о реальном, содержательном включении. И не тогда, когда надо разбираться с ошибками управленческих решений, а желательно на более ранних стадиях, когда это решение только вызревает... Речь идет о «социологическом соучастии», по крайней мере, мы на этом термине в последнее время настаиваем, и в дальнейшем его надо будет даже усилить»³⁷⁶.

4. В современном российском обществе существует множество, казалось бы, противоречий, которые на самом деле и составляют его уникальную сущность:

³⁷⁶ Горшков М.К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика: публичная лекция, г. Вологда, 20.06.2014.

– мы видим, что в нем велика поддержка традиционных ценностей, но при этом и велика доля «самодостаточных» россиян, ориентирующихся в своей жизни не на государство, а преимущественно на собственные силы;

– в обществе сохраняется устойчивый уровень протестных настроений и социальной напряженности, однако при этом высока поддержка деятельности главы государства, задающего курс общественного развития;

– мы видим, что нарастание социального атомизма, замкнутости на материальной составляющей жизни на протяжении последних 20 лет не стали препятствием для стремительной консолидации всех слоев общества в тот момент, когда этого потребовали объективные условия международной обстановки (2013 – 2014 г.);

– наконец, мы видим, что даже нерешенность затянувшихся внутренних социально-экономических проблем, которые формируют в общественном сознании потребность в социальной справедливости, не мешает сегодня россиянам гордиться своей страной и никак не влияет на ежегодное увеличение доли людей, которые положительно характеризуют свое настроение.

Российское общество очень во многом противоречиво и непонятно. Весьма сложно предугадать в нем то, что в следующий момент вызовет максимальный общественный резонанс, а завтра станет ключевым этапом развития – будут это внешние условия или внутренние факторы, экономические события или перипетии в мире политики. Пожалуй, с уверенностью можно говорить лишь о том, что *ключевым фактором, который будет определять будущее России, является степень эффективности взаимодействия и взаимопонимания между властью и обществом. Причем немаловажную роль в этом процессе должна играть социологическая наука, аккумулирующая знание об обществе, настроениях и потребностях населения.*

В целом таким нам представляется виденье современного российского общества и функций ключевых субъектов его развития.

В заключение хотелось бы еще раз обратиться к читателям монографии и акцентировать внимание на том, что, несмотря на существование территори-

альной специфики, в целом мы отмечаем схожесть фиксируемых ИС РАН и ИСЭРТ РАН трендов трансформационных процессов, происходящих в российском обществе. И это ставит перед всей отечественной наукой новые перспективы и новые задачи, связанные с продолжением и углублением анализа качественных изменений российского социума, совершенствованием методологического аппарата социологических исследований, с поиском новых форм взаимодействия научных институтов и органов власти на региональном и федеральном уровнях, со встраиванием социологического знания в систему государственного управления.

Мы искренне надеемся, что наш опыт послужит примером для проведения подобных исследований на регулярной основе, в регионах и федеральных округах России, а результаты таких исследований найдут широкое применение в научной теории и управленческой практике всех субъектов, заинтересованных в прогрессивном развитии страны.

Литература

1. Абдухманов, Х.А. Использование трудового потенциала в экономике России : ретроспектива и современность [Текст] / Х.А. Абдухманов // Вестник ИГЭУ. – 2011. – Вып. 2.
2. Аврамова, Е.М. Средний класс эпохи Путина [Текст] / Е.М. Аврамова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 28–36.
3. Авторы «Перелома» комментируют валдайскую речь Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/society-131007122213>
4. Акопов, П.Э. Валдай после Мюнхена [Электронный ресурс] / П.Э. Акопов // Взгляд : газета. – 2013. – 20 сент. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>
5. Аникин, В.А. Бедность в России на фоне других стран [Текст] / В.А. Аникин, Н.Е. Тихонова // Мир России. – 2014. – Т. 23. – № 4. – С. 59–95.
6. Аристотель. Политика [Текст] / Аристотель. – М., 1997. – С. 148–151.
7. Атлас демографического развития России [Текст] / под ред. Г.В. Осипова и С.В. Рязанцева. – М. : Экономическое образование, 2009. – 220 с.
8. Аузан, А.А. Общественный договор и гражданское общество [Электронный ресурс] / А.А. Аузан. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>
9. Базалишвили, М. В правительстве РФ не понимают, чем заняты 45% трудоспособного населения страны [Электронный ресурс] / М. Базалишвили. – Режим доступа: <http://www.dp.ru/1027m1/> (дата обращения: 09.06.2015).
10. Балацкий, Е.В. Экономические детерминанты психологического состояния общества [Текст] / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова // Мониторинг ВЦИОМ. – 2008. – № 2. – С. 18–25.
11. Баранова, Г.В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс] / Г.В. Баранова. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-napryazhennost-osobennosti-metodologii-i-metodiki-ee-analiza-i-prognozirovaniya-#ixzz2OvDlGJsi>
12. Баранова, Г.В. Методология и методика измерения социальной напряженности [Текст] / Г.В. Баранова, В.А. Фролов // СОЦИС. – 2012. – № 3.
13. Бараш, Р.Э. Гражданское общество как пространство свободы [Электронный ресурс] / Р.Э. Бараш. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Barash_g_o.pdf.
14. Барциц, И.Н. Конституционная демократия – это свободные выборы плюс интернетизация всей страны [Текст] / И.Н. Барциц // Социологические исследования. – 2013. – № 9. – С. 116.
15. Бедность и бедные в современной России [Текст] / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М. : Весь мир, 2014.

16. Белехова, Г.В. Уровень жизни в оценках населения [Текст] / Г.В. Белехова, А.И. Россошанский // Проблемы развития территории. – 2015. – № 5 (79). – С. 77–96.
17. Белёвский, О.А. Современный социальный конфликт как угроза национальной безопасности [Электронный ресурс] / О.А. Белёвский // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/01/5517>
18. Беляева, Л.А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах [Текст] / Л.А. Беляева // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 25–28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2007. – С. 38.
19. Беляева, Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство [Электронный ресурс] / Л.А. Беляева. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/3_97_2010_Belyaeva.pdf (дата обращения: 4.04.2015.)
20. Бобков, В. Пенсии выросли, а «голод» остался [Электронный ресурс] / В. Бобков. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/money/article/59726> (дата обращения: 03.02.2014).
21. Большинство россиян готово не есть западные продукты ради величия России [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 2015. – 28 янв. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2015/01/28/bolshinstvo-rossiyan-gotovo-ne-est-zapadnye-produkty-radi-velichiya-rossii.html>.
22. Буланова, М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ [Текст] / М.А. Буланова // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 3. – С. 205–212.
23. Бурдьё, П. Начала. Cheses dites [Текст] / П. Бурдьё; пер. с фр. А.А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994.
24. Бурдьё, П. Социология социального пространства [Текст] / П. Бурдьё; пер. с фр., отв. ред., пер. Н.А. Шматко. – М. : Ин-т социологии РАН; СПб. : Алетейя, 2007.
25. Бухвальд, Е. Местное самоуправление: этап обновления и укрепления [Текст] / Е. Бухвальд // Экономист. – 2004. – № 4. – С. 66–75.
26. Бызов, Л.Г. Политические цвета новорусского протеста / Л.Г. Бызов // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – Янв.–февр. – № 1 (107). – С. 28.
27. Вишневский, А.Г. Демографический кризис в России [Текст] / А.Г. Вишневский // *Russie.Nei.Visions.* – IFRI, 2009. – № 40. – С. 5.
28. Волчкова, Л.Т. Стратегии социологического исследования бедности [Текст] / Л.Т. Волчкова, В.Н. Минина // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 49–56.

29. Ворошилов, Н.В. Институт местного самоуправления сегодня (по материалам опроса глав муниципальных образований Вологодской области) [Текст] // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1. – С. 49–62.
30. Все больше россиян положительно относятся к Сталину [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2015. – 30 марта. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/31/vse-bolshe-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-stalinu-levada-tsentr>
31. Всероссийская перепись населения 2002 [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12>.
32. Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
33. В сознании россиян Крым отстывает под натиском кризиса [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2015. – 30 янв. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizis-protiv-kryma>
34. Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 году [Электронный ресурс] // Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 10.10.2014).
35. Выборы 14 сентября показали сплоченность общества вокруг власти [Официальный сайт Фонда развития гражданского общества]. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/article/11096>
36. Выступление на открытии Гражданского форума 21 ноября 2001 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21408>
37. Выступление Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>
38. Выступление Президента России на расширенном заседании Правительства 13 сентября 2004 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/polit/81339>
39. Гавров, С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества [Текст] / С.Н. Гавров. – М. : МГУКИ, 2002. – 146 с.
40. Голенкова, З.Т. Гражданское общество в России // Социс. – 1997. – № 3. – С. 25–36.
41. Голод, С.И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние [Текст] / С.И. Голод // Социологические исследования. – 2008. – № 12. – С. 82–90.

42. Горшков, М.К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика [Текст] : публичная лекция, г. Вологда, ИСЭРТ РАН, 20 июня 2014 года / М.К. Горшков. – Вологда, 2014.
43. Горшков, М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост [Текст] / М.К. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – № 3 (33) – С. 46.
44. Горшков, М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 20–31.
45. Горшков, М.К. Российская социология в постсоветской России: состояние и проблемы развития [Текст] / М.К. Горшков // Общество и социология в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, 13–15 ноября 2014 г. : в 3 т. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 1. – С. 10–17.
46. Горшков, М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия [Текст] / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся : ежегодник – 2010. – Вып. 9. – М. : Новый Хронограф, 2010. – С. 6.
47. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики / М.К. Горшков – М. : Новый Хронограф, 2011. – С. 275.
48. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – № 12.
49. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения [Текст] / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М. : Ин-т социологии РАН, 2013. – 54 с.
50. Горшков, М.К. Социальные неравенства как вызов современной России [Текст] / М.К. Горшков // Вестник института социологии. – 2010. – № 1. – С. 24.
51. Горшков, М.К. Социокультурные факторы консолидации российского общества [Электронный ресурс] / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М. : Ин-т социологии РАН, 2013. – 54 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html (дата обращения: 05.06.2015).
52. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества [Электронный ресурс]. – М. : Ин-т социологии РАН, 2013. – 54 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html (05.06.2015).
53. Горшков, М.К. Толстеет слой. Россияне учатся самодостаточности [Электронный ресурс] / М.К. Горшков // Поиск: газета. – 2014. – 26 дек. – № 52 (2014). – Режим доступа: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/12826/>
54. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М. : ИС РАН, 2006.

55. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России : в 2 т. [Текст] / С.С. Сулакшин, С.В. Максимов, И.Р. Ахметзянова и др. – М. : Научный эксперт, 2008. – Т. 1.
56. Гранина, Н. На дне [Электронный ресурс] / Н. Гранина. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1438560> (дата обращения: 01.10.2014).
57. Груздева М.А. Региональные особенности социокультурного развития [Текст] / М.А. Груздева // Проблемы региональной экономики. – 2014. – № 28. – С. 3–14.
58. Гладунов, О. Предлагаемые С. Глазьевым меры [Электронный ресурс] / О. Гладунов. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1439574/> (дата обращения: 03.10.2014).
59. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием [Текст] / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4. – С. 22–41.
60. Гужавина, Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе [Текст] // Проблемы развития территории. – 2012. – № 6. – С. 115–112.
61. Гулин, К.А. Основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области [Текст] / К.А. Гулин, И.Н. Дементьева // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 64–71.
62. Гулин, К.А. Трудовой потенциал региона [Текст] / К.А. Гулин, А.А. Шабунова, Е.А. Чекмарева ; под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009.
63. Гуриев, С. Ratio economica: Первая среди неравных [Электронный ресурс] / С. Гуриев, О. Цывинский // Ведомости. – 2012. – 6 нояб. – Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_32696.htm (дата обращения: 12.09.2014).
64. Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения : сб. материалов изданий Совета Федерации [Текст] / под. ред. С.Л. Краснорядцева. – М., 2009 и др.
65. Данилова, С.С. Одинокое материнство в общественном мнении [Текст] / С.С. Данилова // Социологические исследования. – 2009. – № 5. – С. 138–141.
66. Данные международного проекта «Европейское социальное исследование» 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.europeansocialsurvey.org.
67. Данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
68. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) [Электронный ресурс]: аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудни-

честве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберга в Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf

69. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров [Текст] / под ред. М.К. Горшков, Р. Крумм, В.В. Петухов. – М. : Весь Мир, 2011. – С. 104.

70. Дементьева, И.Н. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала [Текст] / И.Н. Дементьева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 6 (118). – С. 39–51.

71. Демографический ежегодник России за 2012 г. [Электронный ресурс] : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

72. Демографический ежегодник России за 2013 г. [Электронный ресурс] : стат. сб. / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

73. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития : аналит. докл. [Текст]. – М. : Либеральная миссия: фонд, 2014.

74. Добыть мамонта: интервью старшего научного сотрудника Института социологии РАН Юлии Лежниной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2015/03/08/love/>

75. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/5>

76. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/documents/1151/>

77. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/6752>

78. Дубин, Б. Координата будущего в общественном мнении [Текст] / Б. Дубин // Вестник общественного мнения. – 2010. – № 2 (104). – С. 7–12.

79. Дугин, А. Эхо «мюнхенской речи». Президент Путин вступил на путь геополитической революции [Электронный ресурс] / А. Дугин. – Режим доступа: <http://okoplanet.su/politik/politikrus/230532-aleksandr-dugin-eho-myunhenskoj-rechi-prezident-putin-vstupil-na-put-geopoliticheskoy-revolyucii.html>

80. Дэвис, К. Некоторые принципы стратификации [Текст] / К. Дэвис, У. Мур // Социальная стратификация / отв. ред. С.А. Белановский. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 160–177.

81. Ефимова, М.Р. Инвестиционный потенциал населения России: основные аспекты статистического изучения [Текст] / М.Р. Ефимова // Вопросы статистики. – 2011. – № 1. – С. 21–30.

82. Железная середина. Почему наш средний класс никак не может озолотиться или забронзоветь [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2014. – 30 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/30/klass.html>
83. Жеребин, В.М. Уровень жизни населения: основные категории, характеристики и методы оценки [Текст] : моногр. / В.М. Жеребин, А.Н. Романов. – М. : Юнити-дана, 2002. – 592 с.
84. Жуков, В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз [Текст] / В.И. Жуков: доклад на II съезде Союза социологов России. – М. : РГСУ, 2008.
85. Жуков, В.И. Социология в современной России [Текст] / В.И. Жуков : доклад на Учредительном съезде Союза социологов России // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 8–13.
86. Жулдызбаев, Н.Е. Региональные особенности управления социальными процессами в современных условиях Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Н.Е. Жулдызбаев // Вестник КазГУ. Серия экономическая. – Алматы, 1999. – № 1. – Режим доступа: <http://lib.kazsu.kz/libr/vestnik/ECONOM%5CYEAR99%5CN1%5C12.HTM>
87. Заславская, Т.И. Вперегонки со временем [Текст] / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 12.
88. Захаров, С.В. Демографические проблемы в контексте модернизации российского общества [Электронный ресурс] / С.В. Захаров : доклад на круглом столе «Экспертиза», 2013 г. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2013/11/05/1281471083/Zaharov_GorbachevFond_Paper.pdf
89. Захаров, С.В. Расширяющиеся границы брака [Электронный ресурс] / С.В. Захаров // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения: 25.09.2014).
90. Захаров, С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход [Текст] / С.В. Захаров // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: <http://demoscope.hse.ru/zaharov> (дата обращения: 25.09.2014).
91. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация [Текст] / Н.В. Зубаревич. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 34.
92. Зубаревич, Н.В. Социальное развитие регионов России: что показывают индикаторы Программы развития ООН [Текст] / Н.В. Зубаревич // Региональная социология в России : сб. материалов социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин; Институт социологии РАН. – М. : Эклибрис-Пресс, 2007. – С. 49–60.

93. Зуйков, А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития [Текст] / А.В. Зуйков // Конституционный вестник. – 2008. – № 1 (19). – С. 171.
94. Ивантер, В. Денег не жалеть [Электронный ресурс] / В. Ивантер // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/01/17/investicii.html> (дата обращения: 09.02.2015).
95. Ильин, В.А., Морев, М.В. Новый этап российской истории: тенденции, особенности, перспективы [Текст] / В.А. Ильин, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2 (38). – С. 42–71.
96. Ильин, В.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 35–42.
97. Ильин, В.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 18–35.
98. Индексы социального самочувствия [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/
99. Инфляционная нагрузка для групп населения в различном уровне доходов [Текст] / А.И. Россошанский // Проблемы развития территории. – 2015. – № 4 (78). – С. 172–182.
100. Исаев, А.В. Закон распределения богатства [Текст] / А.В. Исаев. – СПб. : ЛИСС, 1998. – С. 8–10.
101. Какова будет численность русских в ближайшие 10–20 лет? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=22&idArt=1765
102. Калабеков, И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах [Текст] / И.Г. Калабеков. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : РУСАКИ, 2010. – 2014. – С. 696.
103. Калачикова, О.Н. Репродуктивное здоровье и сексуальная активность населения (на материалах социологического исследования в Вологодской области) [Электронный ресурс] / О.Н. Калачикова // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 9. – Режим доступа: <http://psychology.snauka.ru/2015/09/5790> (дата обращения: 11.09.2015).
104. Калачикова, О.Н. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы [Текст] : моногр. / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.

105. Калина, Ф.В. Социология законодательства и правотворческий процесс [Электронный ресурс] / Ф.В. Калина, Г.Ю. Курскова // Юриспруденция. – 2003. – № 1. – Режим доступа: http://pravorggu.ru/2004_2/15kalina-kurskova-sotsiologiya_zakonodatelstva_13.shtml
106. Качество жизни – 2014 [Текст] : данные социологического опроса / ИСЭРТ РАН. – Вологда, 2014.
107. Качество населения [Текст] / под ред. Н.М. Римашевской, В.Г. Копниной. – М. : ИСЭПН, 1993. – 185 с.
108. Квадрициус, Н.В. Реформа местного самоуправления – опыт реализации [Текст] / Н.В. Квадрициус, А.М. Ходачек // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2004. – № 4. – С. 41–46.
109. Кинсбургский, А.В. Социальная напряжённость и региональные конфликты [Текст] / А.В. Кинсбургский, М.Н. Топалов // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М. : Новый Хронограф, 2015. – С. 289–328.
110. Клименко, А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы [Текст] / А.В. Клименко // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 1. – С. 8–51.
111. Коврыжко, В.В. Модернизационный вектор посткризисного развития российской экономики [Текст] / В.В. Коврыжко : дис. ... канд. экон. наук. – Ростов н/Д, 2010. – 207 с.
112. Ковынева, Л.В. Формирование территориального бренда в регионах России [Текст] / Л.В. Ковынева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 5. – С. 61–67.
113. Кожина, Т.П. Проблемы развития гражданского общества (на материале социологических опросов в Вологодской области) [Текст] // Общество и социология в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, 2015 : в 3 т. Вологда : ИСЭРТ РАН. – Т. 3. – С. 206–213.
114. Константиновский, Д.Л. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие [Текст] / Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко. – М. : ЦСПиМ, 2014. – 548 с.
115. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>
116. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Текст] : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. – С. 8.

117. Короленко, А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода [Текст] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 40 (4). – С. 192–210.
118. Короленко, А.В. Об исследовании современного демографического кризиса в России [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 10 (20). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1453/full>
119. Короленко, А.В. Основные черты современного демографического кризиса в России и пути его преодоления [Текст] // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 79–94.
120. Костюк, Р. Франсуа Олланд взял на себя обязательства перед Францией [Электронный ресурс] / Р. Костюк. – Режим доступа: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/02/09/12723.html> (дата обращения: 24.04.2014).
121. Красильникова, М. Интегральные показатели социального самочувствия [Текст] / М. Красильникова // Вестник общественного мнения. – 2011. – № 1 (107). – С. 109–116.
122. Крастев, И. Управление недоверием [Текст] / И. Крастев. – М., 2014. – 128 с.
123. Кривенюк, А. Вологодская область остается последним бастионом исчезающей культуры русского севера [Текст] / А. Кривенюк // Совершенно секретно. – 2014. – № 28(323).
124. Кругман, П. Кредо либерала [Текст] / П. Кругман; пер. с англ. – М. : Европа, 2009.
125. Кузнецова, Е. Средний класс: западные концепции [Текст] / Е. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 19–28.
126. Кузнецов, В.В. Местное самоуправление в системе государственного управления [Текст] / В.В. Кузнецов, В.В. Ваховский. – Ульяновск, 2009.
127. Кузьмина, К.А. Трансформация моделей семьи и потребностей в социальной защите в условиях социально-демографических и социально-экономических перемен [Текст] / К.А. Кузьмина // Журнал исследований социальной политики. – 2008. – Т. 6. – № 2. – С. 201–216.
128. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу [Текст] / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Моск. шк. полит. исследований, 2002. – С. 79.
129. Кынев, А. Реформа втихую: как Дума добывает местное самоуправление [Электронный ресурс] / А. Кынев // Местное самоуправление. – 2015. – № 1 (294). – С. 1–3. – Режим доступа: <http://emsu.ru/lg/pdf/msu-1501.zip>.
130. Лапин, В.А. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство России [Текст] / В.А. Лапин, В.Я. Любовный. – М. : Дело, 2005. – 240 с.

131. Лапин, Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России [Текст] / Н.И. Лапин. – М. : Эдиториал УРСС, 2003.
132. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3–12.
133. Лапин, Н.И. Социоэкономическая и социокультурная модернизация регионов России [Текст] / Н.И. Лапин // Социс. – 2015. – № 1. – С. 5–10.
134. Ласточкина, М.А. Мониторинг социокультурного развития региона как компонента повышения эффективности социального управления [Текст] / М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 99–112.
135. Ласточкина, М.А. Социокультурная стратификация современного российского общества [Электронный ресурс] / М.А. Ласточкина // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/05/6756> (дата обращения: 16.10.2015).
136. Ласточкина, М.А. Устойчивая разновекторность модернизации Северо-Западного федерального округа [Текст] / М.А. Ласточкина, А.А. Шабунова // Социс. – 2015. – № 2. – С. 49–55.
137. Латов, Ю.В. Теневая экономика : учебное пособие [Текст] / Ю.В. Латов, С.Н. Ковалев; под ред. В.Я. Кикотя, Г.М. Казиахмедова. – М. : Норма, 2006. – 321 с.
138. Левашов, В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения) [Текст] / В.К. Левашов. – М. : ИСПИ РАН, 2006. – С. 52.
139. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы [Текст] / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М. : Либроком, 2012.
140. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Муниципальная Россия: Социально-экономическая ситуация, право, статистика [Текст] / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов : в 5 т., 12 кн. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 648 с.
141. Маркин, В.В. Региональная идентификация и социальное моделирование российских регионов: проблема социологической интерпретации [Текст] / В.В. Маркин // Региональная социология в России : сборник материалов социологических исследований. – М., 2007. – С. 9.
142. Маркин, В.В. Социологический мониторинг оценки эффективности деятельности органов регионального управления [Текст] / В.В. Маркин // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития : материалы Всероссийской

научно-практической конференции и XII-XIII Дридзеvских чтений, 21–22 ноября 2013 г. / отв. ред. А.В. Тихонов. – М. : Институт социологии РАН, 2014. – С. 48–55 и др.

143. Маркин, В.В. Формирование российской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма: региональный аспект [Текст] / В.В. Маркин // Власть – 2014. – № 6. – С. 125–126.

144. Маркс, К. Соч. 2-е изд. [Текст] / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1967. – Т. 23.

145. Маслова, И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования [Текст] / И.С. Маслова. – М., 1987. – 32 с.

146. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» [Официальный сайт Российского общества социологов]. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part3.pdf>

147. Махмудов, Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ [Информационный портал] / Р. Махмудов. – Режим доступа: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина-кри/>

148. Меняшев, Р.Ш. Социальный капитал и спрос на регулирование в России [Текст] / Р.Ш. Меняшев // Вопросы экономики. – 2014. – № 4. – С. 96.

149. Местное самоуправление в сельском районе: тенденции, проблемы, перспективы [Текст] / В.А. Ильин, В.И. Чирков, Т.В. Ускова, К.А. Гулин, Д.П. Жаравин, И.Н. Дементьева. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005.

150. Миграция, А.М. Народ и лидер нашли друг друга [Электронный ресурс] / А.М. Миграция // Известия. – 2013. – 12 июня. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/551898>

151. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы : сб. ст. и материалов [Текст] / под ред. В.Л. Иноземцевой. – Вып. 2. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 272 с.

152. Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З.Т. Голленкова. – М. : Ин-т социологии РАН, 2008. – С. 66.

153. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст] : моногр. / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012.

154. Мокрый, В.С. Местное самоуправление в Российской Федерации как институт публичной власти в гражданском обществе [Текст] / В.С. Мокрый. – Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2003. – 223 с.

155. Морев, М.В. Актуальность социологического знания на современном этапе развития российского общества [Текст] / М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4 (34). – С. 179–185.

156. Морев, М.В., Каминский, В.С. О государственном управлении на современном этапе развития российского общества [Текст] / М.В. Морев, В.С. Каминский // Социологические исследования. – 2015. – №10. – С. 39–48.

157. Морев, М.В. Опыт социологических исследований в изучении социального здоровья [Текст] // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, г. Вологда, 13–15 ноября 2014 года : в 3 т. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 2. – С. 226–235.

158. Мэгдорф, Ф. Идеология: пространство борьбы [Текст] / Ф. Мэгдорф // Левое измерение. По страницам интернет-журнала «Социалист». – М. : Ключ-С, 2013. – С. 38–39.

159. Население России 2009 [Текст]: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишнеvский // Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. – М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 59.

160. Наумов, С.Ю. Основы организации муниципального управления [Текст] : учеб. пособие / С.Ю. Наумов, А.А. Подсумкова. – М. : Форум, 2009. – 352 с.

161. Некоммерческие организации в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/info/671635>

162. Новиков, В. Почему министр должен получать как машинист асфальтоукладчика? [Текст] / В. Новиков // Невское время. – 2013. – 21 нояб.

163. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ [Текст] : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. – М., 2003.

164. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 [Информационно-правовой портал «Гарант»]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170942/#ixzz3YDD9ERG3>

165. Обследование населения по проблемам занятости [Текст] / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2014. – С. 291.

166. Овчарова, Л.Н. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления [Текст] / Л.Н. Овчарова, Д.О. Попова // Мир России. – 2013. – № 3. – С. 3–34.

167. Овчарова, Л.Н. Модель выживания перестала быть массовой [Электронный ресурс] / Л.Н. Овчарова. – Режим доступа: <http://conf.hse.ru/2014/ovcharova> (дата обращения: 20.03.2015).

168. О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – 24 нояб.

169. О реализации мер по государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Информационные материалы о VI Всероссийской конференции Минэкономразвития России «Межсекторное взаимодействие в социальной сфере», прошедшей 9–10 декабря 2013 г. – Режим доступа: <http://www.grany-center.org/razvitie-so-nko/gospod-sonko>

170. О реформировании системы управления Вологодской области в свете реализации нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] : отчет о НИР ; ИСЭР РАН / исполн. Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, А.А. Кольев, С.Н. Дубов. – Вологда, 2004. – 210 с.

171. Осипов, Г.В. Возрождение социологии в России : докл. на Юбилейной науч. сессии РАН 26 марта 2008 г. [Официальный сайт Института социологии Российской академии наук] / Г.В. Осипов. – Режим доступа: http://www.isras.ru/?page_id=699

172. Осипов, Г.В. Выступление на IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» 2 февраля 2012 г. [Электронный ресурс] / Пресс-релиз IV Всероссийского социологического конгресса. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1665

173. Осипов, Г.В. О роли научного знания в управлении современной социальной реальностью [Текст] / Г.В. Осипов // Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году : докл. – М. : ИСПИ РАН, 2014. – Т. 1. – С. 6–11.

174. Осипов, Г.В. Социальные трансформации России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия [Текст] / Г.В. Осипов, В.А. Ядов, М.К. Горшков; под ред. Г.В. Осипова, М.К. Горшкова. – М. : Вече, 2010 и др.

175. Осипов, Г.В. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения) [Текст] / Г.В. Осипов, В.Н. Кузнецов. – М. : Вече, 2005. – 568 с.

176. Осипов, Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! [Текст] / Г.В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М. : ИСПИ РАН, 2013. – С. 17.

177. Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России [Текст] : сб. материалов изданий Совета Федерации / под ред. В.В. Маркина, С.Л. Краснорядцева. – М., 2008.

178. Отрох, В.Е. Теоретико-методологический анализ внутригородской мобильности в условиях трансформации российского общества [Текст] : дис. ... канд. социол. наук / В.Е. Отрох. – Саратов, 2004. – 126 с.

179. От стандарта выживания к ответственному выбору [Текст] / Л. Овчарова, А. Пишняк, Д. Попова, Е. Шепелева // Pro et Contra. – 2013. – № 6 (61). – С. 6–34.
180. Официальный сайт Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова. – Режим доступа: http://okuvshinnikov.ru/proekty/komanda_gubernatora
181. Папа, О.М. Сожительство как альтернатива браку [Электронный ресурс] / О.М. Папа // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 2 (10). – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/papa.pdf> (дата обращения: 5.10.2014).
182. Пирогов, И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения [Текст] : автореф. дис. ... канд. социолог. наук / И.В. Пирогов. – М., 2002.
183. Плюснин, Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999 год [Текст] / Ю.М. Плюснин. – Новосибирск : ЦСА, 1999.
184. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем [Электронный ресурс]. – М. : Левада-Центр, 2014. – С. 37. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/books/potensial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem>
185. Почему россияне не помогают убирать снег [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2013. – 26 марта. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/News/10425801/holodNyj_mart_13go#ixzz2OdB3ObFw13
186. Практическая демография [Текст] / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М. : Центр социального прогнозирования, 2005. – С. 66.
187. Протестный потенциал [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/
188. Проценко, А. Средний класс и «дети бюджета» [Текст] / А. Проценко // Труд. – 2014. – 27 мая.
189. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики области за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-oblast.ru>
190. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики области за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologda-oblast.ru>
191. Путин, В.В. Речь на совещании о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года [Официальный сайт Президента РФ] / В.В. Путин – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/18039>
192. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Известия. – 2012. – 16 янв. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/511884>

193. Пути России: социокультурные трансформации [Текст]. – М. : Ин-т философии РАН, 2000.

194. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2007. – 495 с.

195. Региональная идентификация и социальное моделирование российских регионов: проблема социологической интерпретации [Текст] // Региональная социология в России : сб. материалов социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин / Ин-т социологии РАН. – М. : Экслибрис-Пресс, 2007.

196. Региональная социология: диалог науки и практики [Текст] // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. – СПб. : Алетейя, 2010.

197. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов [Текст] // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 7. – М. : Ин-т социологии РАН, 2008.

198. Региональное гражданское общество: динамика развития [Текст]. – Вологда, 2015. – 170 с.

199. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М.: Academia, 2009.

200. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002 [Текст] : стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 863 с.

201. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. [Текст] / Росстат. – М., 2014. – 900 с.

202. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций-получателей поддержки Правительства Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/reestry/299801/>

203. Резолюции IV Всероссийского социологического конгресса [Официальный сайт Российского общества социологов]. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/>

204. Ресурсы российского добровольческого движения: Аналитический доклад по результатам исследований Фонда «Общественное мнение» 2012–2013 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija> 18

205. Римашевская, Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век [Текст] / Н.М. Римашевская // Проблемы прогнозирования. – М., 2001. – Вып. 3. – С. 36.

206. Римашевская, Н.М. О методологии определения качественного состояния населения [Текст] / Н.М. Римашевская // Демография и социология. – Вып. 6. – М., 1993. – С. 7–21.

207. Римащевская, Н.М. Русский крест [Электронный ресурс] / Н.М. Римащевская // Природа. – 1999. – № 6. – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/06_99/RUSSDEMO.HTM
208. Российская идентичность в Москве и регионах. – М. : ИС РАН, 2009.
209. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа [Текст]. – М. : Наука, 2005.
210. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. – М. : ИС РАН, 2015. – С. 8.
211. Российское общество и вызовы времени : кн. 2 / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М. : Весь мир, 2015. – С. 317.
212. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) [Текст]. – М. : Новый Хронограф, 2011.
213. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? : информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования [Текст]. – М. : ИС РАН, 2015. – С. 22.
214. Российский статистический ежегодник [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2014.
215. Россинская, Г.М. Потребительское поведение домохозяйства в условиях трансформации российского общества [Текст] / Г.М. Россинская // Вестник УГАТУ. – 2009. – № 3 (32). – С. 22–36.
216. Россия в цифрах [Текст] : крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 95.
217. Россошанский, А.И. К вопросу о региональной дифференциации качества жизни населения [Текст] / А.И. Россошанский // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 88–99.
218. Рукавишников, В.О. Пик напряженности под знаком белого коня [Текст] / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. – 1990. – № 10.
219. Рыбаковский, Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? [Текст] / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 55.
220. Рыбаковский, Л.Л. Русский народ в этнической структуре населения [Текст] / Л.Л. Рыбаковский // Наука. Культура. Общество. – 2008. – № 3. – С. 22.
221. Садыков, Р.А. Социальное положение и профессионализация врачей альтернативной медицины: аналитические перспективы [Текст] / Р.А. Садыков : сб. ст. аспирантов – 2011 / Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики, ф-т экономики; науч. ред. К.А. Букин. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 80–96.

222. Самушкин, А.И. Социальная напряжённость как общественно-политическое явление [Текст] / А.И. Самушкин // Проблема социальной напряжённости : материалы междунар. науч.-практ. конф., Пенза–Ереван–Прага, 5–6 июня 2010 года. – Пенза, 2010. – С. 10–13.
223. Сасаки, М. Сравнительный анализ доверия в различных странах [Текст] / М. Сасаки, В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина, В.В. Воронов // Социологические исследования. – 2013. – № 3. – С. 60–67.
224. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России: общий курс : учеб. [Текст] / В.К. Сенчагов.; под ред. В.К. Сенчагова. – 2-е изд. – М. : Дело, 2005. – 896 с.
225. Сильвестров, С.Н. Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества : доклад на круглом столе 8 июня 2011 г. [Электронный ресурс] / С.Н. Сильвестров. – Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
226. Симонян, Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемиические заметки) [Текст] / Р.Х. Симонян // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 139.
227. Синельников, А.Б. Семья и брак на Европейском фоне [Электронный ресурс] / А.Б. Синельников // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 4. – С. 53–76. – Режим доступа: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4\(98\)_5_Sinelnikov.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4(98)_5_Sinelnikov.pdf) (дата обращения: 28.09.2014.)
228. Современное российское общество. Социальные механизмы трансформации [Текст]. – М. : Дело, 2004.
229. Соловьева, Т.С. Социально-демографические характеристики социальной мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа / Т.С. Соловьева [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2015/04/10272> (дата обращения: 23.10.2015).
230. Соловьева, Т.С. Социальная мобильность: опыт измерения и возможности управления [Текст] / Т.С. Соловьева // Вестник Жезказганского университета им. О.А. Байконурова. – 2015. – № 1 (29). – С. 357–362.
231. Соловьева, Т.С. Социальное самочувствие среднего класса в региональном социуме [Электронный ресурс] / Т.С. Соловьева // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/34642> (дата обращения: 03.06.2014).
232. Соловьева, Т.С. Социальная стратификация населения СЗФО на основе схемы EGP / Т.С. Соловьева [Текст] // Молодые ученые – экономике: сб. работ молодежной научной школы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – Вып. 14. – 335 с.

233. Соловьева, Т.С. Социально-экономические условия региона как фактор социальной мобильности и стратификации [Электронный ресурс] / Т.С. Соловьева // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2014. – № 4 (40). Номер статьи: 4010. – Режим доступа: <http://eee-region.ru/article/4010/> (дата обращения: 23.10.2015).
234. Соловьева, Т.С. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства [Текст] / Т.С. Соловьева, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4 (34). – С. 113–129.
235. Соловьева, Т.С. Экономическая дифференциация населения и модернизация территорий [Текст] / Т.С. Соловьева // Вестник НГУЭУ. – 2015. – № 1. – С. 28–39.
236. Сорокин, П.А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации [Текст] / П.А. Сорокин // Социология : хрестоматия для вузов / сост. А.И. Кравченко. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – С. 647.
237. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин. – М. : Изд-во полит. лит., 1992. – С. 219.
238. Социальное положение и уровень жизни населения России [Текст] / Росстат. – М., 2012. – С. 51.
239. Социальное положение и уровень жизни населения России [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 327 с.
240. Социально ориентированные некоммерческие организации в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/publish/prezent/infograf/nko_rus.pdf
241. Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atlas.socpol.ru/portraits/len.shtml>
242. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России [Текст]. – М. : ИС РАН, 2003.
243. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение [Текст] / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М. : Новый Хронограф, 2010. – С. 118–120.
244. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников [Текст] : монография. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 216 с.
245. Сочивкина, О.А. Инновационная модель развития современного гражданского общества и государства [Электронный ресурс] / О.А. Сочивкина // Политическое образование: информационно-аналитический журнал. – Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/node/110992>

246. Социальные факторы консолидации российского общества. Социологическое измерение [Текст]. – М. : Новый Хронограф, 2010.
247. Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем [Текст] : аналит. докл. НИУ ВШЭ / под ред. Л.И. Якобсона, И.В. Мерсияновой. – М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. – 64 с.
248. Средний класс в современной России: 10 лет спустя [Текст] / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М. : Ин-т социологии РАН, 2014. – 221 с.
249. Средний класс стран БРИКС: проблемы в настоящем и будущем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de> (дата обращения: 24.04.2014).
250. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
251. Стенограмма выступления В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2013. – 19 сент. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>
252. Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>
253. Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 16 апреля 2015 г. [Официальный сайт Президента РФ]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>
254. Степанов, А. Россия и мир вступают в новую эпоху, в которой от нашей страны будет зависеть многое [Электронный ресурс] / А. Степанов // Русская народная линия : информационно-аналитическая служба. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina
255. Стратегия развития отрасли культуры в Вологодской области до 2020 года [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
256. Субетто, А.И. Капиталократия и глобальный империализм [Текст] / А.И. Субетто. – СПб. : Петрополис, 2009. – 417 с.
257. Сулакшин, С.С. Государство: на пороге грядущего [Текст] / С.С. Сулакшин // Фуртuroлогическая модель государства (мысленный эксперимент) : материалы круглого стола. – М. : Научный эксперт, 2013. – С. 23.
258. Сулакшин, С.С. На пороге нравственного государства [Текст] / С.С. Сулакшин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – № 4. – Т. 4. – С. 100.

259. Тадтаев, Д.М. Теневая экономика как системная угроза экономической безопасности региона [Текст] / Д.М. Тадтаев // Российское предпринимательство. – 2013. – № 6 (228). – С. 138–142.
260. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologdastat.ru/bgd/srochinf/Isswww.exe/Stg/d0314/i030010r.htm>
261. Тихонова, Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность [Текст] / Н.Е. Тихонова. – М. : Новый Хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. – С. 6.
262. Тихонова, Н.Е. Средний класс: теория и реальность [Текст] / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева. – М. : Альфа-М, 2009. – С. 8.
263. Тихонова, Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике [Текст] / Н.Е. Тихонова. – М. : Росспэн, 1999. – 320 с.
264. Толстеев С.И. Россияне учатся самодостаточности [Электронный ресурс] // Поиск. – 2014. – № 52. – Режим доступа: <http://www.poisknews.ru/theme/publications/12826/>
265. Тощенко, Ж.Т. Время Акме – социологическим исследованиям 40 лет [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социс. – 2014. – № 7 (363). – С. 3–7.
266. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социс. 2015. – № 6 (374). – С. 7.
267. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 30.
268. Тощенко, Ж.Т. Социология. Общий курс [Текст] / Ж.Т. Тощенко. – М. : Прометей, Юрайт, 2001. – С. 45.
269. Третьяков, В.Т. Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества: доклад на круглом столе, 8 июня 2011 г. [Электронный ресурс] / В.Т. Третьяков. – Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
270. Труд и занятость в России [Текст] / Росстат. – М., 2013.
271. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие [Текст] / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004.– 107 с.
272. Уровень жизни и социальная реальность: мониторинг перемен [Текст] : моногр. / А.А. Шабунова, М.В. Морев, А.И. Россошанский, Г.В. Белехова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 122 с.
273. Уровень жизни и социальное самочувствие [Текст] : препринт / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.В. Морев, А.И. Россошанский, Г.В. Белехова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 56 с.

274. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах [Текст] : докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г.В. Андрушак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. кол. Е.Г. Ясин. – М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2011. – 86 с.
275. Ускова, Т.В. Организация двухуровневой модели местного самоуправления [Текст] / Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2004. – № 27. – С. 53–56.
276. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12139493/>
277. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
278. Филина, О. Богатый выбор бедных [Электронный ресурс] / О. Филина. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2608667> (дата обращения: 23.04.2015).
279. Форум «Государство и гражданское общество» [Сайт Президента России]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47480>
280. Чекмарева, Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы [Текст] / Е.А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2 (14). – С. 165–172.
281. Ченцов, А.В. Сбережение народа – важнейшая функция Российского государства [Текст] / А.В. Ченцов // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 2 (06). – С. 176–177.
282. Через призму социальных идентификаций [Текст] // Россия реформирующаяся : ежегодник, 2004 / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М. : ИС РАН, 2005.
283. Чугуенко, В.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения [Текст] / В.М. Чугуенко, Е.М. Бобкова // Социологические исследования. – 2013. – № 1.
284. Чупров, И.М. По родным просторам [Текст] / И.М. Чупров. – М. : Физкультура и спорт, 1974.
285. Шабаев, П.Ю. Культурное пространство русского Севера [Текст] / П.Ю. Шабаев // Антропология социальных перемен / отв. ред.: Э.Б. Гучинова, Г.А. Комарова. – М., 2011. – С. 36–42.
286. Шаповалов, В.Ф. Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России [Текст] / В.Ф. Шаповалов // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 163–172.

287. Шабунова, А.А. Благополучие населения: тенденции и перспективы [Текст] : моногр. / А.А. Шабунова, А.И. Россошанский, Г.В. Белехова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014.
288. Шабунова, А.А. Доверие и общественное развитие в России [Текст] / А.А. Шабунова, Т.А. Гужавина, Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2 (64).
289. Шабунова, А.А. Незарегистрированные союзы – привычное новое [Текст] / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1 (37). – С. 183–191. – (Социальные науки).
290. Шабунова, А.А. Общее и частное социальной стабильности региона (на примере Вологодской области) [Электронный ресурс] / А.А. Шабунова, И.Н. Дементьева, В.К. Егоров // Вопросы безопасности. – 2015. – № 1. – С. 110–158. – DOI: 10.7256/2409-7543.2015.1.15401. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_15401.html
291. Шабунова, А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности [Текст] / А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 10.
292. Шабунова, А.А. Представления вологжан о счастье [Текст] / А.А. Шабунова, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 137–150.
293. Шабунова, А.А. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак [Текст] / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Социологический альманах. – 2015. – Вып. 6. – С. 151–165.
294. Шабунова, А.А. Социальная структура и мобильность в российском обществе [Текст] : монография / А.А. Шабунова, Т.С. Соловьева, М.А. Ласточкина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 191 с.
295. Шабунова, А.А. Трудовой потенциал региона : учеб. пособие [Текст] / А.А. Шабунова, Е.А. Чекмарева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010. – 107 с.
296. Шабунова, А.А. Уровень жизни населения как индикатор модернизационных процессов [Текст] / А.А. Шабунова, А.И. Россошанский // В мире научных открытий. – 2013. – № 12.1(48). – С. 127–150.
297. Швецов, А.Н., Лексин В.Н. Реформы и регионы [Текст] / А.Н. Швецов, В.Н. Лексин. – М. : ЛЕНАНД, 2012.
298. Шеина, В. Из сожителей – в супруги: юристы предлагают приравнять 2-летние отношения к браку [Текст] / В. Шеина // Радиовести. – Режим доступа: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/166511

299. Шкаратан, О.И. Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов [Текст] / О.И. Шкаратан // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 1. – С. 5–24.

300. Шпаковская, Л.Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса [Электронный ресурс] / Л.Л. Шпаковская. – Режим доступа: http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/11/2012_1_shpakovskaya.pdf (дата обращения: 05.10.2014).

301. Шпаковская, Л.Л. Гражданский брак в России: свобода и отношения [Электронный ресурс] / Л.Л. Шпаковская // *Демоскоп Weekly*. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit02.php> (дата обращения: 20.09.2014).

302. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития [Текст] / Й.А. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982.

303. Юрлов, Ф.Н. Социальные издержки глобализации [Текст] / Ф.Н. Юрлов // *Социологические исследования*. – 2001. – № 7. – С. 8.

304. Ядов, В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : курс лекций для студентов магистратуры по социологии. 2-е изд., испр. и доп. [Электронный ресурс] / В.А. Ядов. – СПб. : Интерсоцис, 2009. – 138 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1330&id=1393¶m=http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sovremennaya_teoriet_sociol_2009_Yadov.pdf

305. Яценко, И.Н. Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города [Электронный ресурс] : дис. ... канд. социол. наук / И.Н. Яценко. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/191625.html>

306. Erikson, R. Intergenerational class mobility in three Western European societies: England, France and Sweden [Текст] / R. Erikson, J.H. Goldthorpe, L. Portocarero // *British Journal of Sociology*. – 1979. – № 30. – P. 415–451.

307. European mortality database (MDB) [Electronic resource]. – Available at: <http://data.euro.who.int/hfamdb/>

308. Foster, J. A class of decomposable poverty measures [Текст] / J. Foster, J. Greer, E. Thorbecke // *Econometrica*. – May, 1984. – Vol. 52. – No. 3. – P. 761–766.

309. Il'in, V.A. The problems of development of a region under the conditions of the global crisis (Using the Vologda Region as an example) – / V.A. Il'in // *Studies on Russian Economic Development*. – 2010. – Vol. 21. – No. 1. – P. 56–63.

310. Keynes, J.M. The general theory of employment, interest and money [Text] / J.M. Keynes. – London : Macmillan, 1973. – 903 p.

311. Kristol, I. Income Inequality Without Class Conflict [Текст] / I. Kristol // Wall Street Journal. – 1997. – December 18. – P.A22.
312. Matysiak, A. Is Poland really ‘immune’ to spread of cohabitation? [Текст] / A. Matysiak // Demographic research. – 2009. – Vol. 21. – № 8. – P. 215–234.
313. Obama Pledges Push to Lift Economy for Middle Class [Электронный ресурс] // The New York Times. – 2013. – 13 February. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2013/02/13/us/politics/obama-delivers-state-of-the-union-address.html> (дата обращения: 25.04.2014).
314. Pensions at a Glance 2013: Retirement-Income Systems in OECD and G20 Countries [Electronic resource] // OECD. – URL: <http://www.oecd.org/pensions/pensionsataglance.htm> (Accessed: 27.03.2015).
315. OECD Social and Welfare Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/oecd-social-and-welfare-statistics_socwel-data-en
316. State of civil society 2013: Creating an enabling environment // CIVICUS, World Alliance for Citizen Participation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socs.civicus.org/wp-content/uploads/2013/04/2013StateofCivilSocietyReport_full.pdf
317. The World Bank. World DataBank [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Уровень одобрения деятельности федеральных и региональных органов власти
(в % от числа опрошенных)

Органы власти	1998	2000	2002	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Изменение +/- 2014 к...	
																	1998	2008
Правительство РФ	17,7	44,1	42,1	43,2	52,1	58,9	51	48,8	45,1	39,7	42,8	48,3	47,3	47,5	51,8	52,5	+5	-11
Совет Федерации	13,3	28	28,1	35,2	41,8	46,3	41,4	39,2	35,8	33,6	35,8	40,3	39	38,9	40,3	41,3	+5	-6
Государственная Дума РФ	13,4	24,4	25,9	32,3	39,1	42,7	39,1	35,9	34,5	32,8	33,8	36,3	35,5	36,1	37,5	38,4	+4	-6
Законодательное Собрание Вологодской области	16,2	30,6	27,0	34,7	39,3	40,5	35,5	34,7	31,7	31,2	34,4	34,3	32,1	32	32,1	35,0	0	-6
Главы местных администраций	25,2	45,9	33,6	41,4	41,1	44,1	42,3	41,6	41,7	36,9	39,8	39,3	38,2	35,9	38,5	40,6	-2	-5

Динамика ИПН и его частных индексов

Индекс	Год																	Изм-е 2014 г. к 2000 г., +/-
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Индекс текущего личного материального положения	41,9	41,4	84,5	85,4	86,5	89,5	90,1	93,7	98,1	101,1	96,2	62,1	72,9	81,8	89,3	87,0	83,0	-2
Индекс ожиданий изменения личного материального положения	65,2	66,9	92,5	92,3	93,3	96,6	94,6	94,9	99,6	103,6	97,5	80,9	86,2	90,6	90,4	91,1	87,5	-5
Индекс ожиданий развития экономики страны в ближайший год	47,8	58,3	106,1	105,0	105,9	106,8	114,5	120,5	117,9	124,4	112,6	71,8	94,3	96,5	95,0	93,1	86,8	-19
Индекс ожиданий развития экономики в ближайшие пять лет	67,1	73,5	94,7	89,7	91,9	98,0	96,8	97,0	98,6	105,1	99,3	81,7	92,0	90,2	89,6	86,9	86,5	-8
Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	60,8	46,0	67,9	73,7	82,6	88,0	93,3	97,1	97,9	95,5	97,2	73,9	85,9	89,1	93,3	93,3	94,3	+26
Индекс потребительских настроений (ИПН)	56,6	57,2	89,1	89,2	92,0	95,8	97,9	100,6	102,4	105,9	100,6	74,1	86,3	89,6	91,5	90,3	87,6	-2

Методика построения Индекса общественных настроений региона (ИОНР)

Для сравнительного анализа изменения общественных настроений населения, проживающего в районах Вологодской области, используется система частных и общих индексов.

Уровни обобщения данных осуществляются в три шага.

Первый шаг

Нами предложены четыре частных индекса, каждый из которых включает по три вопроса анкеты. Таким образом, мы включаем в рассмотрение 12 вопросов-индикаторов, каждый из которых характеризует ключевые стороны общественного мнения о политической и экономической ситуации в районах Вологодской области. Вопросы отобраны с учетом их важности для оценки качества и результативности управленческих решений органов государственной власти (первые два индекса), а также для измерения уровня социального напряжения в обществе и социально-материального самоощущения населения (вторые два индекса), что имеет несомненную важность при принятии новых решений, разработке и корректировке социальной политики.

Индекс эффективности региональной власти (сокращенно – Индекс эффективности) включает вопросы, отражающие оценку населением общей ситуации в своём районе и деятельность главы исполнительной власти:

- Как бы Вы оценили социально-экономическую ситуацию в Вашем регионе?
- Как бы Вы оценили социально-политическую ситуацию в регионе?
- Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность губернатора региона?

Индекс лояльности к политике федеральной власти (сокращенно – Индекс лояльности) позволяет выявить оценку относительно работы органов федеральной власти в масштабах страны:

- Как бы Вы оценили социально-экономическую ситуацию в России?
- Как бы Вы оценили социально-политическую ситуацию в России?
- Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?

Индекс социально-политических настроений населения региона (сокращенно – Индекс стабильности) характеризует уровень протестных настроений и социальное самочувствие граждан:

- Как Вы считаете, могут ли состояться в Вашем городе (районе) массовые выступления?
- Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?

- Как Вы считаете, какое из приведенных высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?

Индекс социально-экономического положения населения региона (сокращенно – Индекс благополучия) отражает самооценку населением региона уровня своего (и своей семьи) материального благосостояния:

- Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?
- Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?
- К какой категории Вы себя отнесёте?

Величина индекса рассчитывается в пунктах. По каждому вопросу рассчитывается свой индекс: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных³⁷⁷, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой. Каждый из четырех частных индексов рассчитывается как средний из суммы трех индексов по каждому из вопросов.

Второй шаг

Далее четыре указанных частных индекса нами попарно объединены в два: Индекс эффективности региональной власти с Индексом лояльности к политике федерального центра – в **Индекс отношения к властям**, а Индекс социально-политических настроений населения региона с Индексом социально-экономического положения населения региона – в **Индекс социального самочувствия**. Данные индексы – среднее арифметическое составляющих их индексов.

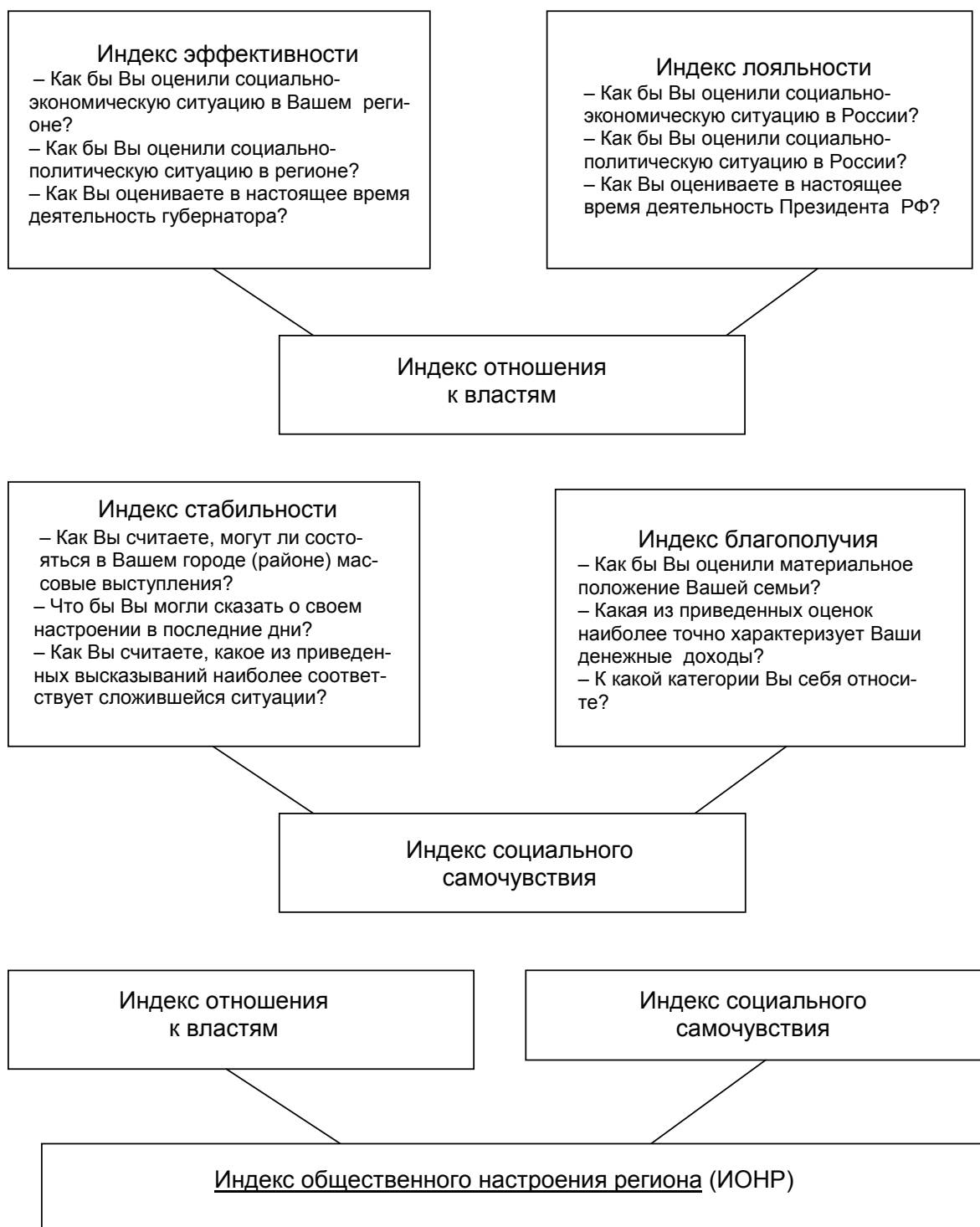
На основании этих двух индексов, так же как и по частным индексам, выстраивается ранжирование районов.

Третий шаг

На третьем этапе обобщения нами производится сложение Индекса отношения к власти с Индексом социального самочувствия. Их среднее значение определяет величину интегрального индекса – **Индекса общественного настроения региона (ИОНР)**. На основании данного индекса определяется конечный рейтинг района относительно других субъектов Вологодской области.

³⁷⁷ За исключением вопроса: «Как Вы считаете, могут ли состояться в Вашем городе (районе) массовые выступления..?» Здесь, наоборот, из отрицательных ответов вычитаются положительные.

Схема Индекса общественных настроений региона (ИОНР)

Методика проведения исследования ценностных установок населения

В бланк интервью включен блок из 14 вопросов, позволяющих получить информацию о поддержке респондентами 14 базовых ценностей – 7 терминальных и 7 инструментальных (жизнь человека, семья, общительность, порядок, независимость, благополучие, работа, свобода, традиция, инициативность, нравственность, жертвенность, властность, своевольность).

Социокультурная модель этих ценностей представлена в таблице. Данные о степени согласия/несогласия респондентов с этими суждениями получены с помощью 11-балльной шкалы: баллы 1–3 означают «совершенно не согласен», 9–11 – «полностью согласен»; 4–8 – ту или иную степень неопределенности, частичного согласия/несогласия.

Социокультурная модель базовых ценностей

(в косых скобках представлены виды потребностей: *вит* – витальные, *инт* – интеракционные, *соц* – социализационные, *см* – смысложизненные)

	Традиционные	Общечеловеческие	Либеральные
Терминальные	Традиция / <i>см</i> / Семья / <i>вит, см</i> /	Порядок / <i>инт</i> / Благополучие / <i>вит</i> / Работа / <i>вит, см</i> /	Жизнь индивида / <i>вит, см</i> / Свобода / <i>инт, см</i> /
Инструментальные	Жертвенность / <i>вит, см</i> / Своевольность / <i>см</i> /	Общительность / <i>инт</i> / Нравственность / <i>инт, соц, см</i> / Властность / <i>инт</i> /	Независимость / <i>соц</i> / Инициативность / <i>соц</i> /

Ценностная структура населения представляется в виде четырёх слоев (интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал, конфликтогенная периферия³⁷⁸). Интегрирующее ядро включает в себя основополагающие ценности населения. К слою интегрирующего резерва относятся ценности второго порядка. В оппонирующем дифференциале находятся ценности, в которых многие люди отказываются признавать собственные ориентиры. Конфликтогенная периферия включает ценности, которые отрицаются большинством населения.

³⁷⁸ Лапин Е.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России. – Курск : КГУ, 2007.

Методика измерения и оценки качества трудового потенциала

Апробированная методика измерения качества трудового потенциала базируется на социологических опросах, которые с 1996 г. проводит в Вологодской области Институт социально-экономического развития территорий РАН в мониторинговом режиме.

В результате обработки баз данных мониторинга компоненты трудового потенциала получают числовую оценку в виде индексов от нуля до единицы, которые рассчитываются как отношение фактического числа баллов по шкале к максимально возможному³⁷⁹.

Для оценки базовых качеств используются шкалы Лайкерта³⁸⁰. Опросник состоит из блоков утверждений большей частью с пятибалльными рейтинговыми шкалами оценивания (по степени согласия респондента с предложенными ему утверждениями). Каждому из качеств соответствует свой блок вопросов.

Шкала Лайкерта построена таким образом, что даже при минимальном значении признака все же имеется остаточное свойство – $X_{ост}$. Индекс качества по этой шкале рассчитывается следующим образом:

$$J_i = \frac{\sum x_i}{\sum \max}$$

Иными словами, частный индекс по шкале есть отношение фактического числа баллов к максимально возможному (*рисунок*).

Шкала измерения частного свойства (интегрального качества)

Для измерения *физического здоровья* используются три различные процедуры: оценка тяжести и частоты заболеваемости; оценка влияния здоровья на результативность выполнения жизненных функций; самооценка респондентами своего здоровья.

³⁷⁹ Подробнее см.: Качество трудового потенциала населения Вологодской области / В.А. Ильин, Н.А. Смирнова, Я.Б. Тимофеева. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. – 76 с.; Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. – 107 с.; Гулин К.А., Шабунова А.А., Чекмарева Е.А. Трудовой потенциал региона / под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009. – 84 с.; Трудовой потенциал региона: заключ. отчет о НИР / Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева. – Вологда, 2009. – 117 с. Номер госрегистрации 02201051756.

³⁸⁰ Шкалы Лайкерта – разновидность опросников установок (аттитудов). Названы по имени автора – Р. Лайкерта, предложившего их в 1932 г. Шкалы Лайкерта состоят из набора утверждений с пяти- или семибалльными рейтинговыми шкалами оценивания, которыми устанавливается степень согласия испытуемого с данным утверждением.

Индекс здоровья рассчитывается по формуле:

$$J_{заб} = \frac{\sum xi}{\sum max}$$

Максимальный балл свидетельствует о максимально возможном здоровье человека и по данной шкале равен 15. Минимальный балл – 5. Таким образом, $X_{ост.}$ равен 0,33 (таблица).

Оценка качественных показателей трудового потенциала (по шкале Лайкерта)

Свойство	Шкала	Максимальный балл	Минимальный балл	Минимальный индекс
Физическое здоровье	1	15	5	0,33
	2	15	5	0,33
	3	5	1	0,2
Психическое здоровье	1	114	38	0,33
Когнитивный потенциал	1	60	12	0,2
	2	50	10	0,2
Творческий потенциал	1	4	1	0,25
	2	50	10	0,2
Коммуникабельность	1	48	16	0,33
Культурный уровень	1	51	17	0,33
Нравственный уровень	1	44	11	0,25
	2	63	21	0,33
Потребность в достижении	1	21	7	0,33

Для оценки состояния здоровья по функциональному признаку также была применена шкала Лайкерта:

$$J_{функ} = \frac{\sum xi}{\sum max}$$

Для самооценки здоровья использовалась пятичленная порядковая шкала. Индекс по этой шкале рассчитывался так же, как и по двум предыдущим, с той только разницей, что вместо суммы баллов использовался балл по шкале:

$$J_{сам} = \frac{Xi}{Xmax}$$

Общий индекс здоровья по трем блокам рассчитывался как среднее арифметическое трех частных индексов:

$$J_{зд} = \frac{J_{заб} + J_{функ} + J_{сам}}{3}$$

Минимальный индекс здоровья равен:

$$J_{зд} = (0,33+0,33+0,2)/3 = 0,28.$$

Для измерения *психического здоровья* (показателем психического здоровья является психическая устойчивость – способность психики человека воспринимать внешние стрессовые воздействия без существенных деформаций) использовалась шкала Лайкерта. Минимальный индекс психического здоровья $J_{пз} = 19:57 = 0,33$.

Когнитивный потенциал (эрудиция), т.е. сумма знаний об окружающем мире, измеряется с помощью двух шкал. Одна из них характеризует деятельность респондента, направленную на постоянное пополнение знаний во всех областях жизни общества. Максимально возможный балл эрудиции по этой шкале равен 60, минимальный – 12. Вторая шкала дополняет первую и характеризует отношение респондента к знаниям. Она представляет собой десять суждений о знаниях, пять из которых носят положительный характер и пять – отрицательный. Максимально положительное отношение к знаниям дает 50 баллов, максимально отрицательное – 10. Минимальный индекс – 0,2.

Индекс когнитивного потенциала – это среднее арифметическое индексов по каждой из двух шкал:

$$J_{ко} = \frac{J_{э} + J_{оз}}{2},$$

где: $J_{ко}$ – индекс когнитивного потенциала;

$J_{э}$ – индекс эрудиции;

$J_{оз}$ – индекс отношения к знаниям.

Минимальное значение индекса когнитивного потенциала равно 0,2.

Оценка *творческого потенциала* респондента проводится также с помощью двух шкал, одна из которых характеризует респондента с точки зрения творческой деятельности как в профессиональной сфере, так и в быту. Минимальный индекс творчества $J_{тв}$ равен 0,25. Вторая шкала характеризует отношение респондента к творчеству. Использована шкала Лайкерта, представляющая собой десять суждений. Максимально положительное отношение к творчеству дает 50 баллов, максимально отрицательное – 10. Минимальный индекс отношения к творчеству $J_{от}$ равен 0,2. Общий индекс творческого потенциала $J_{кр}$ – среднее арифметическое индексов по двум шкалам. Минимальный индекс креативности – 0,225.

Коммуникабельность выявляется с помощью теста, измеряющего состояние и поведение респондента в различных ситуациях, связанных с контактами с другими людьми в обществе, в коллективах. Всего представлено 16 ситуаций, восемь из которых характеризуют коммуникабельность с положительной стороны, другие восемь – с отрицательной. Максимально возможный балл по этой шкале – 48, минимально возможный – 16. Минимальный индекс коммуникабельности $J_{ком}$ равен 0,33.

В шкале, позволяющей оценить *культурный уровень* индивида, перечислены различные свойства, характеризующие его поведение в обществе с качественной стороны. Оценка каждого свойства проводится по трехчленной шкале. Максимально возможный балл по этой шкале – 51, минимально возможный – 17. Минимально возможный $J_{культ}$ равен 0,33.

Нравственный уровень выявляется и измеряется с помощью двух шкал. Одна из них характеризует нравственное чувство респондента, измеряемое его отношением к нарушению общепринятых норм. Максимально возможный балл по этой шкале – 44, минимально возможный – 11. Минимальный индекс нравственности $J_{нрч}$ по этой шкале равен 0,25. Вторая шкала характеризует систему нравственных ценностей респондента. Максимально возможный балл по этой шкале – 63, минимально возможный – 21. Минимальный индекс, характеризующий респондента с точки зрения нравственности по системе ценностей, равен 0,33. Общий индекс нравственности $J_{нр}$ рассчитывается как среднее арифметическое индексов нравственного чувства и нравственных ценностей.

Потребность в достижении, или *социальные притязания*, – социально-психологическое свойство индивида, характеризующее его с точки зрения стремления к повышению своего социального статуса и являющееся содержанием социальной активности. Потребность в достижении выявляется с помощью оценки респондентами жизненных планов – той их части, которая связана со стремлением к повышению социального статуса. Максимально возможный балл по шкале равен 21, минимально возможный – 7. Минимальный индекс $J_{пд}$ равен 0,3.

В исследовании применено исчисление среднего геометрического, с помощью которого производится исчисление индексов последующих уровней.

Индекс психофизиологического потенциала $J_{пп}$ рассчитывается как среднее геометрическое индексов физического и психического здоровья:

$$J_{пп} = \text{SQRT}(J_{зд} \times J_{пз}).$$

Индекс интеллектуального потенциала $J_{ип}$ рассчитывается как среднее геометрическое индексов когнитивного и креативного потенциалов:

$$J_{ип} = \text{SQRT}(J_{кр} \times J_{кп}).$$

Индекс коммуникативного потенциала $J_{кп}$ рассчитывается как среднее геометрическое индексов коммуникабельности и культурного уровня:

$$J_{кп} = \text{SQRT}(J_{ком} \times J_{культ}).$$

Индекс социальной активности $J_{са}$ рассчитывается как среднее геометрическое индексов нравственности и потребности в достижении:

$$J_{ca} = \text{SQRT}(J_{np} \times J_{нд}).$$

Индекс энергетического потенциала $J_{эп}$ рассчитывается как среднее геометрическое индексов психофизиологического и интеллектуального потенциалов:

$$J_{эп} = \text{SQRT}(J_{пп} \times J_{ип}).$$

Индекс социально-психологического потенциала $J_{сп}$ рассчитывается как среднее геометрическое индексов коммуникативного потенциала и социальной активности:

$$J_{сп} = \text{SQRT}(J_{кп} \times J_{ca}).$$

Интегральный индекс качества (четвертый уровень) рассчитывается как среднее геометрическое индексов энергетического и социально-психологического потенциалов:

$$J_{к} = \text{SQRT}(J_{эп} \times J_{сп}).$$

Интегральный индекс индивидуального качества, как и частные индексы, не может приобретать нулевого или отрицательного значения. Максимальное (теоретически возможное) значение его равно единице.

Методика исследования социокультурной стратификации

Для исследования социокультурной стратификации населения наиболее информативным является социологический анализ, с помощью которого можно достаточно полно выделить существующие в современном обществе страты. Информационной базой для исследования послужили данные социологического опроса населения регионов Северо-Западного федерального округа (2013 г.). Набор показателей для изучения социокультурной стратификации населения выбирался на основе анализа перечня переменных, используемых вышеупомянутыми авторами, а также с учетом культурной составляющей. Всего было отобрано 18 переменных (табл. 1). Таким образом, отобранная система переменных достаточно представительна и отражает не только доход, образование и наличие властных функций респондентов, но и культурный потенциал индивида.

Таблица 1. Перечень вопросов (переменных), используемых для социокультурной стратификации населения

Переменная	Вопрос	Вариант ответа
x_1	<i>Какое образование Вы имеете?</i>	Неполное среднее Среднее, в т.ч. ПТУ со средним образованием Среднее специальное (техникум и др.) Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза) Высшее
x_2	<i>Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует Ваше материальное положение?</i>	Денег не хватает на повседневные затраты На повседневные затраты уходит вся зарплата На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи Практически ни в чем себе не отказываю
x_3	<i>К какому социальному слою Вы себя относите?</i>	Верхний слой Слой выше среднего Средний слой Слой ниже среднего Нижний слой
x_4	<i>Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?</i>	Нет, не имею. Да, менее 5 человек Да, 5–10 человек Да, 11–50 человек Да, 51–100 человек. Да, более 100 человек
<i>Согласны Вы или не согласны со следующими суждениями? (оценка по 11-балльной шкале)</i>		
x_5	<i>В любых условиях красота делает человека лучше и чище</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_6	<i>Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_7	<i>Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_8	<i>Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен

Окончание таблицы 1

x_9	<i>Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{10}	<i>Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{11}	<i>В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{12}	<i>Люди и государство должны больше всего заботиться о детях</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{13}	<i>Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{14}	<i>Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{15}	<i>Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{16}	<i>Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{17}	<i>Самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен
x_{18}	<i>Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям</i>	1 – совершенно не согласен; 11 – полностью согласен

Выделение страт производилось на основе кластерного анализа с предварительным факторным анализом и расчетом наиболее информативных связей. Факторный анализ (проведенный с помощью программы SPSS 15.0) показал, что группа переменных «ценности–суждения» (см. табл. 1, переменные x_5 – x_{18}) разбивается на две компоненты. В первую (F_1) вошли все переменные, за исключением двух: «Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека» (x_7) и «Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других» (x_{14}). Эти два показателя образовали вторую компоненту (F_2). Построение структуры взаимосвязей показателей на основе расчета информативностей проводилось в пакете

прикладных программ СИАРД (система интегрированного анализа региональных данных)³⁸¹.

Степени зависимости определялись с помощью расчета информаций по Шеннону.

Информативность определялась:

$$I(X_i, X_j) = H(X_i) - H(X_i | X_j) - \text{количество выборочной информации о показателе}$$

X_i , заключенное в показателе X_j , где:

$$H(X_i) = -\sum_{k=1}^l P_i(x_{i,k}) \cdot \log(P_i(x_{i,k})) - \text{выборочная энтропия признака } X_i,$$

$$H(X_i | X_j) = -\sum_{k=1}^l P_i(x_{i,k}) \cdot \sum_{l=1}^l P_{i,j}(x_{i,k} | x_{i,l}) \cdot \log(P_{i,j}(x_{i,k} | x_{i,l})) - \text{условная выборочная эн-}$$

тропия признака X_i относительно признака X_j .

В качестве порога информативности было установлено значение $R = 0,2$. При этом сначала были найдены показатели, которые с одним показателем-аргументом имеют $I(X_i, X_j) > R$, затем для каждого такого i выбирался j_m с наибольшей информацией, то есть:

$$I(X_i, X_{j_m}) \geq I(X_i, X_j), m \neq j.$$

После исключения ранее отобранных переменных из рассмотрения множества показателей-функций мы нашли те, для которых существуют ровно два показателя-аргумента, сравнивая информации $I(X_i, (X_j, X_k)) > R$. Для каждого такого i выбрана пара индексов (j_m, k_s) , которая дает наибольшую информацию, то есть:

$$I(X_i, (X_{j_m}, X_{k_s})) \geq I(X_i, (X_j, X_k)), m \neq j, s \neq k,$$

далее сформировали еще один набор – пары смежных наиболее информативных показателей.

Среди оставшегося набора индикаторов были найдены аналогично предыдущему показателю, имеющие три смежных наиболее информативных показателя.

В итоге для каждой переменной, выступающей в определенный момент в качестве показателя-функции, удалось выделить набор, содержащий от 1-го до 3-х показателей-аргументов (табл. 2).

Таблица 2. Матрица максимальных информаций

	x_1	x_2	x_3	x_4	F_1	F_2
x_1						
x_2						
x_3	0,208	0,208			0,208	
x_4						
F_1	0,205		0,205			0,205
F_2						

³⁸¹ Офман Ю.П., Черемных Е.Н. Система интегрированного анализа региональных данных // Математическое и компьютерное моделирование социально-экономических процессов : сб. ст. / под ред. Ю.Н. Гаврильца. – М. : ЦЭМИ РАН, 1997. – С. 69–84.

Источник: рассчитано в СИАРД; связи менее 0,2 в таблице не показаны.

Структуры взаимосвязей показателей представлены в виде графа на рисунке.

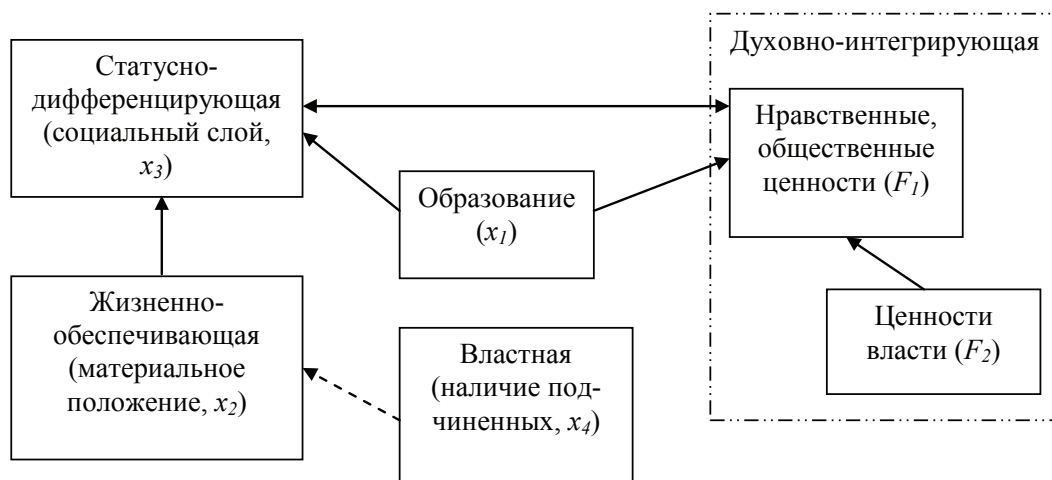

Схема взаимофункционирования социокультурных составляющих

Примечание. Построено на основе расчета коэффициентов информативности. Связь (стрелка), показанная пунктиром, является слабой (менее установленного порога информативности $R = 0,2$).

Это информативная структура, построенная на основе расчета информации. Вершинами графа являются исследуемые показатели и показатели, наиболее информативные для них, исходя из критерия установленного уровня значимости. Энтропия переменных изменяется от 1,416 до 2,289.

С целью разделения респондентов на слои (типы), имеющие схожие характеристики и не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого, был применен кластерный анализ (метод К-средних). Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество выделенных кластеров – пять. Во-первых, это обеспечивает достаточную дифференциацию массива и различие кластеров по характеристикам попавших в них респондентов; во-вторых, сохраняет наполняемость кластеров: в самом меньшем из них получилось 10% опрошенных. Дальнейшее увеличение числа кластеров привело бы к необоснованному сокращению их объема. По характеристикам респондентов в выделенных кластерах можно заключить, что мы имеем дело с социокультурными стратами, различающимися между собой иерархическим местом в социальной системе, пространственной локализацией, субъективными характеристиками, мировосприятием, ценностными установками, интересами.

**Социальное настроение населения Вологодской области в группах,
выделенных по динамике потребления (в % от числа опрошенных)**

	Характеристика потребления	Год										Изм-е 2014 г. к 1999 г., +/-	
		1999	2000	2004	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013		2014
Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)	<i>Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние</i>												
	Больше, чем прежде	55,9	59,0	72,3	69,4	80,1	53,3	50,7	47,5	71,8	66,0	70,6	14,7
	В том же объеме, что и прежде	26,0	41,5	61,3	58,7	74,7	58,0	69,1	64,6	73,3	79,0	75,2	45,7
	Меньше, чем прежде	21,5	31,7	40,8	45,4	46,8	23,0	40,9	38,3	41,1	43,0	40,8	39,9
	<i>Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску</i>												
	Больше, чем прежде	41,2	29,5	21,5	28,2	17,9	38,5	46,4	36,4	27,6	32,7	23,7	-17,5
	В том же объеме, что и прежде	68,0	50,7	33,0	36,7	18,9	35,1	29,9	24,6	23,5	18,7	19,3	-48,7
Меньше, чем прежде	69,0	59,2	54,7	52,4	42,4	70,5	57,4	49,6	52,0	52,6	47,8	-21,2	
Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)	<i>Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние</i>												
	Больше, чем прежде	47,4	67,0	72,6	75,7	82,4	49,3	48,4	54,3	59,3	64,5	68,1	20,7
	В том же объеме, что и прежде	28,9	43,4	62,0	57,3	78,1	64,4	72,0	70,1	78,5	82,0	78,8	49,9
	Меньше, чем прежде	19,3	27,5	44,3	47,2	49,3	26,3	45,3	42,1	43,6	48,4	44,9	25,6
	<i>Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску</i>												
	Больше, чем прежде	44,7	24,0	20,7	21,6	15,2	45,2	48,4	34,6	37,8	32,6	25,7	-19,0
	В том же объеме, что и прежде	63,0	48,9	32,3	38,8	17,3	28,1	26,9	18,5	18,4	16,5	16,7	-46,3
Меньше, чем прежде	73,9	63,0	51,3	49,7	41,3	67,8	53,1	45,2	51,2	47,3	44,3	-29,6	
Примечание. Вариант ответа «затрудняюсь ответить» не представлен.													
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1999–2014.													

**Запас терпения населения Вологодской области в группах,
выделенных по динамике потребления (в % от числа опрошенных)**

	Характеристика потребления	Год											Изм-е 2014 г. к 1999 г., +/-
		1999	2000	2004	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)	<i>Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть</i>												
	Больше, чем прежде	52,9	69,7	87,7	80,0	86,8	80,5	75,0	63,6	76,9	80,8	87,0	34,1
	В том же объеме, что и прежде	37,1	62,6	79,9	68,9	92,1	78,6	78,2	75,7	84,1	85,2	87,0	49,9
	Меньше, чем прежде	31,5	43,5	64,1	63,7	61,0	59,0	58,4	57,8	55,9	53,6	64,7	33,2
	<i>Терпеть наше бедственное положение уже невозможно</i>												
	Больше, чем прежде	44,1	19,7	6,9	15,3	6,0	14,8	20,7	26,3	17,3	16,7	11,3	-32,8
	В том же объеме, что и прежде	55,8	28,7	12,1	22,4	3,0	12,9	13,2	12,7	10,4	7,7	6,8	-49
Меньше, чем прежде	60,6	48,5	30,2	25,2	27,3	36,3	31,6	30,3	37,5	36,1	26,5	-34,1	
Потребление продовольственных товаров (приобретали ...)	<i>Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть</i>												
	Больше, чем прежде	63,2	73,0	89,6	82,4	90,4	78,1	73,1	67,9	74,8	78,3	84,7	21,5
	В том же объеме, что и прежде	41,0	65,8	80,3	69,4	93,3	82,8	83,3	77,2	87,1	88,4	88,8	47,8
	Меньше, чем прежде	26,9	44,5	68,3	64,7	68,7	58,5	60,7	63,2	59,6	60,6	69,2	42,3
	<i>Терпеть наше бедственное положение уже невозможно</i>												
	Больше, чем прежде	34,2	15,0	3,0	5,4	4,8	16,4	20,4	27,2	20,7	18,8	13,9	-20,3%
	В том же объеме, что и прежде	51,9	26,2	13,0	23,2	2,6	10,1	9,6	10,7	7,6	6,2	6,5	-45,4
Меньше, чем прежде	65,5	46,5	24,6	24,2	19,4	33,8	28,6	26,3	33,9	29,4	20,5	-45	
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1999–2014.													

Динамика ИПН и его частных индексов в разрезе доходных групп населения Вологодской области, пунктов

Индекс	Год												Изм-е 2014 г. к 2000 г., +/-					
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009		2010	2011	2012	2013	2014
<i>20% наименее обеспеченных</i>																		
Индекс текущего личного материального положения	20,4	30,6	63,9	64,2	64,5	66,4	71	79,2	81,6	79,3	82,7	53,1	53,4	65,5	77,8	72,4	71,4	7,5
Индекс ожиданий изменения личного материального положения	57,6	60,4	77,9	79,2	74,3	80,6	81,6	88,9	81,6	79,3	82,7	53,1	53,4	77	80,9	78,5	73,9	-4
Индекс ожиданий развития экономики страны в ближайший год	39,6	47,2	88,9	96,6	92,4	97,6	105,9	116,9	111,5	107,1	110,4	69,3	79,9	78,6	77,3	68,5	64,3	-24,6
Индекс ожиданий развития экономики в ближайшие пять лет	62,8	69,7	86,8	82,2	80,3	88	89,4	92,6	89	91,9	91,3	78,8	83,2	82,9	80,1	73,5	73,2	-13,6
Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	39,2	41,8	55,7	63,9	67,6	69	74,2	83	81,2	75,4	81,9	65,3	70,1	70,1	71,8	63,3	66,1	10,4
Индекс потребительских настроений (ИПН)	43,9	49,9	74,6	77,2	75,8	80,3	84,4	92,1	90,8	88,2	90,4	67,8	71,6	74,8	77,6	71,2	69,8	-4,8
<i>60% среднеобеспеченных</i>																		
Индекс текущего личного материального положения	37,6	37,9	82,7	82,9	83,3	87,1	89,8	92,9	98,2	99,6	93,6	59,2	72,9	80,8	86,8	85,5	80,5	-2,2
Индекс ожиданий изменения личного материального положения	59,8	64,1	90,8	89,9	91	96,1	93,8	92,6	98,2	99,6	93,6	59,2	72,9	89,4	88,3	90,4	86,6	-4,2
Индекс ожиданий развития экономики страны в ближайший год	42,6	57	107,3	103,2	104	106	113,4	121,5	118,7	126,1	111,6	71,4	93,9	96,4	95,8	96,3	87,6	-19,7
Индекс ожиданий развития экономики в ближайшие пять лет	64,9	73	94,4	87,6	90,4	97,8	96,4	97,4	99,3	105,1	98,6	79,2	91,6	89,7	89,2	87,9	86,7	-7,7

Индекс	Год														Изм-е 2014 г. к 2000 г., +/-			
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011		2012	2013	2014
Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	56,3	42,3	64	68,2	79,1	84	90,4	94,3	95,6	94,3	95	70,6	83,3	88,5	91,2	93,8	93,7	29,7
Индекс потребительских настроений (ИПН)	52,2	54,9	87,8	86,4	89,6	94,2	96,8	99,7	101,9	105,5	98,8	72,0	85,3	89,0	90,3	90,8	87,0	-0,8
<i>20% наиболее обеспеченных</i>																		
Индекс текущего личного материального положения	70,9	63,8	108,2	111,9	111,6	113,7	115,1	115,7	114,8	124	114,4	72,6	90,8	99,1	107,1	108,9	104,2	-4
Индекс ожиданий изменения личного материального положения	81,7	82	109,5	109,9	113,2	111,9	114,2	111,7	114,8	124	114,4	72,6	90,8	106,3	104,3	106,2	104,4	-5,1
Индекс ожиданий развития экономики страны в ближайший год	61,4	75,1	118,7	120,1	119,5	120,9	128,4	124,3	124,5	141,5	117,8	74,1	107,4	113,4	108,4	108,9	105,5	-13,2
Индекс ожиданий развития экономики в ближайшие пять лет	73,3	79,1	101,8	101,5	102,2	108	106,2	102,1	105,7	118,9	108,5	88,4	99,6	97,9	98,4	96,9	98,2	-3,6
Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	86,5	60,3	88,1	98	101,3	111,3	118,5	121,3	120,8	117,1	116,2	88,7	108	110	119,5	123,8	125,4	37,3
Индекс потребительских настроений (ИПН)	74,8	72,1	105,3	108,3	109,6	113,2	116,5	115,0	115,9	124,7	113,9	83,0	101,6	105,3	107,5	108,9	107,5	2,2

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ИСЭРТ РАН, 1998–2014.

**Результаты выборов в регионах РФ, где избирались губернаторы
14 сентября 2014 г. (по данным ВЦИК)**

№ п/п	Субъект РФ	Явка избирателей, %	Победитель по итогам выборов	Результат, в %	На посту губернатора с ...
1.	Самарская обл.	61,58	Меркушкин Н.	92	1995
2.	Волгоградская обл.	36,38	Бочаров А.	90	2014
3.	Калмыкия	64,64	Орлов А.	89	2010
4.	Орловская обл.	62,65	Потомский В.	89	2014
5.	Тюменская обл.	57,35	Якушев В.	89	2005
6.	Нижегородская обл.	54,49	Шанцев В.	87	2005
7.	Челябинская обл.	42,51	Дубровский Б.	86	2014
8.	Курганская обл.	39,77	Кокорин А.	85	2014
9.	Удмуртия	43,09	Соловьев А.	85	2014
10.	Воронежская обл.	57,21	Гордеев А.	84	2009
11.	Ставропольский край	47,88	Владимиров В.	84	2013
12.	Ненецкий АО	42,87	Кошин И.	82	2014
13.	Башкортостан	74,89	Хамитов Р.	82	2010
14.	Липецкая обл.	47,57	Королев О.	81	1998
15.	Оренбургская обл.	44,15	Берг Ю.	80	2010
16.	Ивановская обл.	36,85	Коньков П.	80	2013
17.	Коми	59,05	Гайзер В.	79	2010
18.	Псковская обл.	37,91	Турчак А.	78	2009
19.	Приморский край	40,20	Миклушевский В.	77	2012
20.	Астраханская обл.	40,40	Жилкин А.	75	2004
21.	Санкт-Петербург	39,08	Полтавченко Г.	75	2011
22.	Алтайский край	34,38	Карлин А.	73	2005
23.	Кировская обл.	36,25	Белых Н.	70	2008
24.	Курская обл.	38,97	Михайлов А.	67	2000
25.	Мурманская обл.	31,02	Ковтун М.	65	2012
26.	Новосибирская обл.	30,73	Городецкий В.	65	2014
27.	Красноярский край	31,26	Толоконский В.	63	2014
28.	Вологодская обл.	29,72	Кувшинников О.	62,9	2011
29.	Якутия	52,75	Борисов Е.	59	2010
30.	Алтай	54,23	Бердников А.	51	2005

Характеристика основных моделей местного самоуправления

Модель	Страны-представители	Отличительные признаки
Англосаксонская	Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и другие страны	<ol style="list-style-type: none"> 1. Децентрализация системы управления. 2. Многоуровневость модели местного управления, при этом каждый уровень обладает высокой автономией. 3. Чёткое распределение компетенции органов каждого уровня. 4. Выборность целого ряда должностных лиц. 5. Фискальная автономия муниципалитетов (финансовое обеспечение муниципалитетов опирается на собственные доходы местных бюджетов). 6. Контроль над деятельностью местных органов власти с помощью косвенных методов (судебные органы, финансовые инструменты). 7. Позитивный принцип правового регулирования (в соответствии с которым «разрешено лишь то, что прямо предписано»).
Континентальная	Страны континентальной Европы (Франция, Италия, Польша, Болгария, Турция и др.), Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокая степень централизации системы управления. 2. Многоуровневость системы местного самоуправления, при которой нижестоящий уровень власти подчиняется вышестоящему. 3. Отсутствие чёткого распределения компетенций органов каждого уровня. 4. Сочетание выборности и назначаемости местных органов власти. 5. Прямой контроль над деятельностью местных органов власти (контролирующие органы). 6. Негативный принцип правового регулирования («разрешено всё то, что не запрещено»).
Советская	СССР, Китай, КНДР, Куба	<ol style="list-style-type: none"> 1. Наличие жёсткой иерархии в системе управления. 2. Высший орган на местах представляют советы, обладающие широким набором полномочий и являющиеся, по сути, органами государственной власти, избираемыми населением. 3. Исполнительная власть принадлежит исполнительным комитетам – структурам, формируемым из состава советов и имеющим двойное подчинение (вышестоящему органу управления и местному Совету).
Иберийская	Бразилия, Аргентина, Мексика, Португалия, Колумбия, Никарагуа и др.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проникновение государства в сферу полномочий органов местного самоуправления. 2. Непосредственно населением избирается местный законодательный орган – совет (хунта и т.п.) и главное должностное лицо – исполнительный орган (алькальд, мэр, префект). 3. Главное должностное лицо выполняет функции исполнительного органа совета и утверждается центральной властью в качестве её представителя на местах.
Источник: Кузнецов В.В., Ваховский В.В. Местное самоуправление в системе государственного управления. – Ульяновск, 2009.		

Научное издание

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(ИТОГИ 20-ЛЕТНИХ ИЗМЕРЕНИЙ)**

**Под научным руководством
академика РАН, доктора философских наук М.К. Горшкова,
доктора экономических наук, профессора В.А. Ильина**

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Технический редактор	Т.В. Попова
Корректор	И.А. Головина

Подписано в печать 14.12.2015.
Формат 70×108/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 39,0. Тираж 500 экз. Заказ № 331.

Институт социально-экономического развития
территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-325-5

9 785932 993255